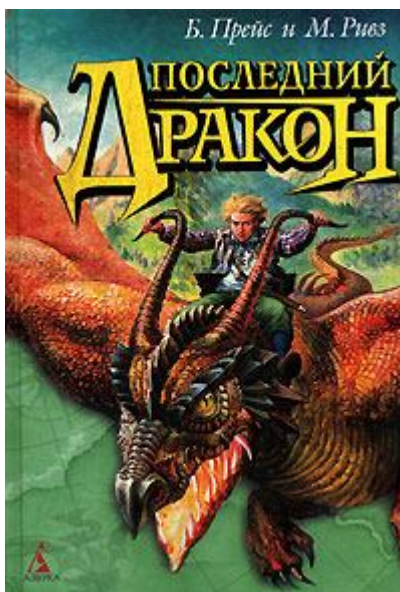

Байрон Прейс Майкл Ривз Последний дракон

& ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>

«Б. Прейс и М. Ривз "Последний дракон"»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-352-02148-4

Аннотация

Впервые на русском языке новая фэнтезийная сага Байрона Прейса и Майкла Ривза о противостоянии двух соседних королевств, начало которому положила древняя, почти забытая людьми сила.

Когда-то давным-давно им не было тесно на одной земле — мудрым драконам и беспокойным людям. Шли века, и однажды люди решили, что драконы должны потесниться. Человеческое коварство сделало свое дело, и на земле умерла даже память о повелителях неба.

И когда при очень странных обстоятельствах в Фандоре погибают дети, людям понятно только одно — ужасная смерть обрушилась на них с неба. Мирных земледельцев охватывает ярость — такое могли совершить только жители соседней Симбалии: лишь они летают на воздушных кораблях, и, конечно, эти колдуны способны на любое злодеяние. Война неизбежна, и остановить ее сможет лишь тот, кто отыщет последнего дракона.

Байрон Прейс, Майкл Ривз «Последний дракон»

ГЛАВА 1

Мальчик стоял на краю обрыва, прикрывая ладонью глаза от яркого солнечного света, и смотрел на залив Баломар. Было около полудня. Мальчик устал. Начав подъем в предзакатных сумерках, он всю дорогу осторожно придерживал Крыло, пробираясь среди кустов по северному склону горы. Но при всей его осторожности кожаный парус и деревянная рама поцарапались о колючие ветки и острые камни.

Последняя часть пути была самой крутой, и Крыло в порывах морского ветра билось и прыгало в его руках, как норовистый конь.

И все же он не сдавался. Сегодня он собирался летать, и ничто не смогло бы его остановить.

Мальчик уселся на огромный камень, аккуратно устроив Крыло позади. Он ел гладкокожие персики из отцовского сада и смотрел на пенящиеся облака, позволяя ветру высушивать струйки сока на его щеках.

Его звали Йоган, он был сыном фермера, еще совсем мальчишкой, но сильным и гибким. Ветер играл с его волосами, раскидывая щекочущие прядки по лицу. Йоган поежился то ли от легкой прохлады фандорской весны, то ли от восторга, вызванного собственной дерзостью. Йондалран, его отец, разозлится. Глупо так рисковать ради удовольствия. Такое мог выкинуть разве что симбалиец.

Но Йоган видел однажды, как Эмсель летел в облаках, парил свободно в утреннем небе, как сказочный дракон, и он знал, что полет — это больше, чем просто удовольствие, он стоит того, чтобы рискнуть.

Достать Крыло было легко. Гигантское дерево, составляющее часть жилища Эмсея, построенного у подножия плато Зеленого Луга, доросло до самого края обрыва, и Йогану нужно было просто шагнуть с обрыва на ветки, спуститься до той, где хранилось Крыло, и уйти тем же путем. Йоган сознавал, что воровство — последнее дело. Только один раз он позволит себе это, и больше никогда. Он извинится перед Эмселем, когда вернет Крыло.

Мальчик отдохнул, персики были съедены, и лучшего времени для полета ждать не стоило. Он подтащил Крыло к краю обрыва. Ястреб проплыл на неподвижных крыльях далеко вниз, почти прижавшись к скале. «Подожди меня, ястреб, — подумал Йоган, — я еще покажу тебе, как летать».

Стоя на краю, он осторожно направил Крыло по ветру. Когда кожа захлопала и натянулась в восходящем потоке воздуха, он схватился за рулевую ось под рамой и просунул ноги в петли, как когда-то показывал ему Эмсель. Далеко внизу был океан. Впервые Йоган почувствовал наполняющий его холодный страх. Что если летать на самом деле совсем не так просто, как кажется? Но было уже поздно. Вес рамы потянул его вперед, и ему оставалось только оттолкнуться ногами и превратить падение в неуклюжий прыжок. Морской воздух хлестнул его по щекам, и он закричал от ужаса. Он падал! Изобретение Эмсея его подвело, и Йоган молился только о том, чтобы не умереть. Плотнo зажмурив глаза, он отчаянно дергался туда-сюда, и лишь после того, как прошла целая вечность, мальчик почувствовал, как кожаный парус поймал ветер. Он больше не падал, он поднимался. Йоган открыл глаза: облако крикливых чаек взорвалось вокруг него, протестуя против вторжения. Он летел!

Опираясь на смеющийся ветер, Йоган экспериментировал с весом своего тела, овладевая правилами полета. Он учился легко. Мальчик летел над заливом, завороченный красотой. В свои восемь лет он не много видел в жизни: разве что пахоту, жатву, посадку и сбор урожая. А это было что-то совершенно новое, и это было прекрасно! Воздух клубился в легких и вырывался изо рта с возгласом восторга, пока он нырял и кружился.

Когда прошел первый восторг, Йоган начал изучать пейзаж, раскинувшийся внизу. Он парил в устойчивом восходящем потоке прямо над отвесными скалами. Залив Баломар отделял его страну Фандору от едва различимой лиловой полосы берега на востоке. За туманами, вдалеке, лежала Симбалия — страна загадочных и не вызывающих доверия всадников ветра.

В те редкие часы, которые выпадали для игры, Йоган любил приходить на обрыв с друзьями — Долеем и Марлом, сидеть часами, уставившись на восток, в надежде увидеть медленные, величественные воздушные корабли Симбалии. Всем было известно, что симы — колдуны и что у них даже маленькие дети могут одним взглядом иссушить кукурузный стебель. И хотя Йоган и друзья знали, что не стоит им восхищаться искусством колдовства,

они все равно приходили, надеясь рассмотреть, хоть краем глаза увидеть в облаках паруса далеких воздушных кораблей. Никто из фандорцев никогда не видел ветряного корабля вблизи. Ни один из этих кораблей никогда не пересекал залив Баломар, никогда — до прошлой недели. Йоган помнил, с какими расширенными глазами гонцы рассказывали о корабле, который вдруг ни с того ни с сего обрушился с неба, и паруса его хлопали, как плащ Старой Ведьмы Зимы, и как он рухнул на чердак высокого городского дома в Гордейне. Пылающие угли хлынули из маленькой лодочки под парусом, и пожар охватил с полдюжины домов. Всадника в корабле не нашли и падение его списали на симбалийскую волшбу.

Йоган плыл на головокружительной высоте, описывая широкую дугу над водой. Симвы, говорят, волшебники. Иначе как бы они заставили лодку летать? «Однако, — думал Йоган, — вот он я, лечу так же легко, как любой сим, а я не волшебник». Йоган видел, как Эмсель построил Крыло, сам, без волшбы. А что если символы строят свои ветряные корабли так же, как Эмсель построил Крыло?

Многие, да и его отец в том числе, опасались, что симбалийские колдуны снова нападут. Но что если они не колдуны, а люди, как Эмсель и сам Йоган? Вполне возможно, их и не стоило бояться. Возможно, Эмсель был прав, когда сказал, что не стоит бояться неизвестного только потому, что о нем ничего не известно.

Наполненный радостью полета, Йоган был уверен, что сможет убедить отца, да и всех остальных, что Эмсель провидец. Мечты уносили Йогана выше, чем Крыло, на котором он летел, и в них его друг Эмсель, этот странный и застенчивый человек, учил фандорцев чудесным вещам. А он, Йоган, стал бы его учеником, поверенным всех захватывающих тайн и невероятных изобретений, которые наполняли лесной дом Эмселя.

Мальчик летел сквозь яркий день, и не было дня в его жизни счастливее. Он летел и мечтал, и, погруженный в грезы, не видел надвигающегося ужаса, не замечал его до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Кошмарное нечто и звук, сопровождавший его, свалились на Йогана одновременно. Устремившись к земле, к белой пене прибоя в двухстах футах внизу, он увидел вдруг свою собственную маленькую тень, погружающуюся в огромную, крылатую, как летучая мышь, черноту. Затем он услышал оглушительный визг, и ураган, поднятый гигантскими крыльями, ударил его. У Йогана едва хватило времени осознать, как вот так легко рушится его жизнь. Разорванная кожа Крыла и сломанная рама падали, и он падал вместе с ними, крича и пытаясь схватиться за издевающийся ветер. Падая, он успел увидеть дракона с разинутой пастью, заслоняющего собой мир. Боль была милосердно короткой.

Парень опаздывал. День склонялся к вечеру, а Йоган так и не пришел, чтобы помочь ему вспахать северное поле. Ужин из пресных лепешек и рыбы успел остыть на столе. Йоган опаздывал, как это бывало и раньше, и Йондалран, его отец, был зол.

Йондалран, седой, словно припорошенный пылью, фандорский фермер, у которого

было два небольших поля, дом и сарай, работал от зари до зари, ухаживая за скотом и возделывая землю. Летом он ежедневно отвозил свой урожай на телеге на рынок в Тамберли, в миле от фермы. Он был старейшиной деревни, одним из трех, кто от случая к случаю заседал в совете, ежели случалась в маленькой общине беда.

Йондалран редко улыбался, да и редко у него бывали на то причины. Лицо его было так же изборождено морщинами и такое же коричневое, как поля вокруг дома, а волосы и борода отросли почти до пояса. Йондалран ходил с прочным дубовым посохом, и так мозолисты и грубы были его руки, что порой было трудно различить грань между плотью дерева и плотью человеческой. Старый фермер никогда не отчаивался. И все же бывало, что он врезался плугом в каменистую почву, сжимая рукоять его, как меч в битве, или молотил собранное зерно так, словно в руках его была плеть. Йондалран был фермером тридцать лет и двадцать — отцом. Он думал о своем первом сыне — Дэйон было его имя. Думал о сыне, который ушел из дома четыре года назад, и хмурился, качая головой. Могло ли случиться, что Йоган пойдет бродяжничать, как его брат? Почему мальчишка никак не возьмет в толк, что всегда есть работа, которую нужно делать? Жизнь тяжела, но так и должно быть. Люди не были рождены, чтобы жить как симбалийцы — богатые, праздные, надушенные симбалийцы.

Йондалран медленно взбирался по извивающейся в скалах тропе. Он воспитал Йогана как смог, с тем же вниманием и настойчивой заботой, с какими ухаживал бы за урожаем проса или ячменя. Быть может, мальчику отцовское внимание не всегда было заметно, но Йондалран всегда заботился о сыне. Когда Йоган был ребенком, ему этого хватало, Йондалрану казалось, что этого должно было бы хватить любому ребенку. Очевидно, Дэйону было нужно нечто большее, и теперь, похоже, Йогану тоже...

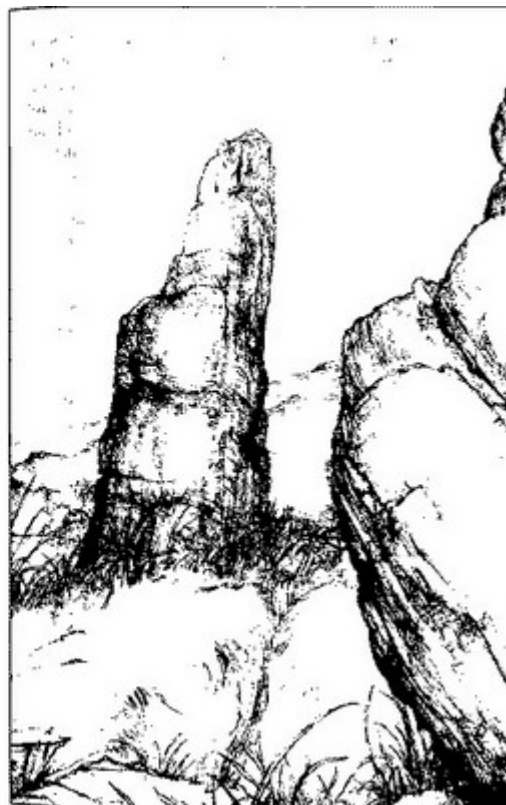
Старик встряхнул головой. Это не его вина. Йоган не должен играть, когда есть работа. Он решительно перехватил в руке посох, который взял с собой в скалы не только для опоры в пути. Он взял с собой посох, потому что мальчишке нужно было преподнести урок. Как и у брата, его мысли были вечно в игре. Пора было повзрослеть.

Йондалран знал, что выходки сына были связаны с этим безумцем Эмселем, сумасбродом, дураком, который вечно забивал голову парнишке опасными идеями. Старик помнил, как Йоган как-то сказал, что все вокруг живое: скалы, воздух, плетень и

глинобитная стена Йондалранова амбара — все. Так говорил Эмсель. Единственная разница была в количестве «сознания», так Эмсель это называл. Йоган тогда старательно обходил комья грязи в борозде, боясь убить их. Йондалран мрачно покачал головой. Эмсель был, несомненно, опасен. Отшельник, должно быть, был симбалийцем. Йондалран был почему-то уверен, что Эмсель как-то связан с симбалийским нападением на Гордейн.

Старик наконец-то взобрался на самый верхний уступ тропы и стоял теперь над пропастью, перед глазами его лежало море. У него выступили слезы от совершенной голубизны воды и размаха скалистых пиков. Железистая земля, обвитая коричневыми и красными поясками, смешивалась далеко внизу с белым песком, Йондалран смотрел, как волны сбрасывали с себя водоросли, разбиваясь о скалы, слушал резкие крики чаек. Он глубоко вдохнул, словно с неохотой позволяя себе глотнуть соленого воздуха. Когда он сам был мальчишкой, сколько счастливых часов он провел, исследуя пещеры и расселины этих скал. Почему-то сознание того, что они все еще были здесь, неизменные со времен его детства, принесло ему странное чувство покоя.

Йондалран долго стоял неподвижно, созерцая красоту скал и чувствуя себя виноватым в том, что он ею наслаждается. Затем он вдруг вспомнил жену, как она говорила ему много лет назад про Дэйона. «Не дело для пары маленьких ног все время бегать по одной дорожке — от дома к амбару и обратно, — говорила она. — Им надо научиться взбираться на холмы и бегать по пене прибоя». Йондалран смотрел на море. Жена давно умерла, а Дэйон ушел из дома. Йоган делал все, что от него требовалось, хоть порой и позднее, чем надо бы. Но Йондалран помнил, как сам в детстве проводил дни, наблюдая за рыбаками, крючьями подтягивающими полные сети вверх по стенам скал, слушая разинув рот их легенды о гигантских морских червях и драконах.

Старик стоял на вершине, погруженный в размышления, потерянный в воспоминаниях детства. Затем он вспомнил, зачем сюда пришел, и нахмурился, пытаясь снова вызвать исчезнувший было гнев. Он попытался разжечь его в себе, подумав об Эмселе, но даже это не заставило его разозлиться на Йогана. Его сын был хорошим мальчиком. «Пожалуй, — подумал Йондалран, — на этот раз спина мальчишки не так уж будет гореть. Может быть, не будет гореть вовсе». Он не хотел потерять еще одного сына...

В этот самый момент старик увидел обломки на берегу, ласково омываемые волнами, и

неподвижное тело в знакомой одежде.

Затем были скалы и боль. Йондалран спускался, соскальзывая с крутых осыпей, дважды падал, задыхаясь от ужаса. Потом, когда он скорчился в стоне, обняв переломанное тело Йогана, старик поднял глаза и подумал вскользь о том, как же он смог осилить невозможный спуск. Но в глубине его сердца не было места мыслям об этом, не было места ничему, кроме страшного, невыразимого горя.

Старик долго оставался на берегу, не замечая, как течет время, пока не взошла луна и прилив не лизнул его ноги. Тогда он вытянул тело мальчика на берег. Сломанные ноги Йогана запутались в кожаных сыромятных ремнях, и лишь тогда Йондалран обратил внимание на обломки.

Они могли принадлежать только Эмселю, отшельнику; чтобы понять это, не нужно было даже видеть отчетливое клеймо в виде руны на кожаном парусе. Йондалран слышал рассказы о том, что отшельник летает на Крыле. Значит, и его сын летал, как маленькая неопытная пичужка, соблазнившись безумными рассказами Эмсея.

Йондалран осмотрелся. Обломки были разбросаны по всему берегу, как будто что-то заставило Крыло развалиться на части прямо в воздухе. К тому же тяжелый кожаный парус, так же как и одежда Йогана, был изорван, исполосован в клочья.

Йондалран снова поднял глаза, стараясь понять, кто или что изувечило его сына. Старик смотрел вдаль, туда, где за водной преградой лежал берег Симбалии, и на фоне прибывающей луны он увидел силуэт воздушного корабля, медленно движущегося на восток.

Старик уставился на него, дрожа. Он поднял посох, и отполированное дерево отразило лунный свет холодным яростным блеском.

— Мой сын мертв, — прошептал он, а затем выкрикнул: — Мертв! Я еще увижу, как сгорят ваши леса! Я увижу, как кровь потечет по вашим рекам и зальет море! Колдуны или нет, страшитесь моего прихода! Мой сын мертв, и я за него отомщу!

ГЛАВА 2

Подходило время ужина в Тамберли, и в вечернем воздухе приятно разливались ароматы готовящейся еды и свежесдобитого хлеба. Собаки расселись под распахнутыми окнами, облизываясь и поскуливая в ожидании объедков. По узким улочкам вдоль беленых известью домов еще шагали несколько торговцев и точильщиков ножей, громко зазывая покупателей. Из таверны раздавался звон кружек с элем — там разъезжие пропивали щедрое жалованье.

На маленькой городской площади гонец, только что поставивший лошадь к поилке, вывешивал на стене городского дома объявление о распродаже зерна и скота в Кейп Бейдже. Усталые женщины в засаленных передниках загоняли разыгравшихся детей по домам ужинать. Улицы освещали светильники, свисающие с проржавевших скоб в стенах домов. День клонился к вечеру в счастливом покое, и все же в самом сердце этого часа постепенно исчезали все звуки. Колеса тележки разносчика перестали скрипеть, перекатываясь по булыжникам мостовой; уличные музыканты оборвали мелодию; радостные возгласы детей резко, словно споткнувшись обо что-то, замерли. Медленно и тяжело на главную городскую площадь Тамберли вышел старейшина Йондалран, взгляд его, впившийся в одну точку, был каменным, в морщинах вокруг глаз блестели слезы, а на руках он нес изломанное тело своего сына Йогана.

Люди на улице смотрели на него в безмолвном ужасе. Йондалран ступил в круг желтого света от светильника, остановился и выкрикнул:

— Правосудия требую! Мой сын убит!

Голос его разнесся по всему городу, наполнив улицы болезненным эхом. Распахнулись окна и открылись ставни, горожане выглядывали наружу. Йондалран снова зашагал вниз по улице, через каждые несколько шагов повторяя свой призыв. За ним, впереди него и вдоль улиц начал разрастаться шепот — сначала расспросов, а затем сочувствия. Молодой человек, захваченный этой сценой, залез на крутую крышу и шел там, сопровождая старого фермера криком: «Да свершится правосудие!» К нему быстро присоединилось еще несколько человек, и то, что было возгласом одного человека, к тому времени, как они достигли дома главы старейшин, стало лозунгом целой процессии.

Йондалран ни на кого не обращал внимания. Он шел и шел, упрямо шагая как будто во сне, останавливаясь только, чтобы вновь прокричать те же слова. Горожане расступались, освобождая дорогу ему и тем, кто шел с ним. Йондалран остановился около дома Пеннела, главы старейшин. Толпа, что шла за ним, остановилась и замерла в ожидании. Если когда-нибудь и случалось всему городу задержать дыхание, то только тогда в Тамберли.

— Пеннел! — воскликнул Йондалран. — Я требую правосудия! Мой сын убит!

Какое-то время было тихо. Потом ставень кухонного окна открылся, выглянула женщина с седыми волосами, завязанными в пучок. Ее глаза расширились, и она исчезла, тихо прикрыв ставень. Снова наступила тишина, в которой затем раздались шаги внутри дома, дверь, висящая на железных петлях, распахнулась, и на порог вышел Пеннел.

Глава старейшин был маленьким, худощавым человеком с большими близорукими глазами. Он прилег отдохнуть перед ужином — его одежда была смята, и волосы растрепаны. Он шагнул, зевая, с порога, убирая с глаз прядки волос, и столкнулся лицом к лицу со стариком, которого давно знал, и увидел, что тот держал на руках сына... нет, мертвое тело сына.

Толпа ждала.

— Приведи Эгрона. Поговорим, — просто сказал Йондалран.

Затем он повернулся к запряженной в телегу лошади, стоящей неподалеку. Осторожно он положил тело Йогана на солому, забрался на козлы и подобрал вожжи. Хозяин телеги, стоящий в толпе, попытался было протестовать, но Пеннел жестом приказал ему помолчать. Йондалран тронул вожжи, и лошадь пошла, громко цокая копытами по булыжникам.

Никто не пошевелился, пока он не повернул за угол и не стихло эхо. Затем, словно вырвавшись из-под заклятия, горожане разбились на группки, объединенные возбужденной беседой. Пеннел с силой сжал ладони на деревянной решетке забора перед собой. Он

глубоко вздохнул и посмотрел на человека, чью телегу взял Йондалран.

— Найди Эгрона, — сказал он ему. — Скажи, чтобы ждал меня на ферме у Йондалрана.

Пеннел смотрел, как тот человек бегом припустил по улице, исполненный сознания важности приказа главы старейшин. Затем он опустил глаза и посмотрел на свои руки. Они дрожали.

Пеннел не знал, как могло случиться такое, что в Тамберли произошло убийство, и страшился узнать это.

Эгрон был тоже не велик ростом и худощав, их с Пеннелом можно было принять за братьев. Их характеры были тоже схожи: оба были неразговорчивы, если говорили, то негромко и по делу; оба придерживались консервативных взглядов. Каждый из них считал другого излишне сдержанным и необщительным. В одном они, однако, сходились — в безоговорочной симпатии к сварливому, упрямому старику, который дополнял их троицу городских старейшин. Когда Эгрон узнал о горе Йондалрана, он тотчас же оседлал лошадь и выехал из города по пыльной дороге, которая вела, извиваясь среди Толденарских холмов, на юг, к ферме Йондалрана.

В хлеву жалобно мычали недоенные коровы. Пеннел и Эгрон поспешно поднялись по каменным ступенькам в дом. Старого фермера они нашли без сознания на полу, на овечьей шкуре рядом с его любимым креслом. В спальне на постели, запятнанной темной кровью, лежал Йоган.

Пеннел взглянул на Эгрона.

— Нужно позаботиться о мальчике.

Эгрон кивнул, и вместе они перенесли кожаную кушетку из чердачной комнаты Йогана вниз. К вечеру похолодало. Эгрон развел огонь в очаге и поставил поближе к огню грелку для постели Йондалрана. Пока дом наполнялся теплом, они уложили мертвого мальчика на кушетку и устроили его тело, насколько смогли, в спокойной позе. Это потребовало немалого мужества, так как смерть изуродовала паренька почти до неузнаваемости.

В спальне старейшины поменяли одеяло и, с трудом подняв крупного старика, уложили его в постель.

Измученные, они быстро закончили с делами снаружи, а затем вернулись к очагу, где сели бок о бок. В ту ночь двое старейшин смотрели, как поленья превращаются в красноватые угольки, и почти не разговаривали, разве что о том, как холодно, или еще о чем-то совсем не важном. Они не говорили ни о Йондалране, ни о его сыне, ни о будущем.

На юго-востоке от Тамберли лежали Уорканенские холмы, пустынная возвышенность, где не было ничего, кроме темного песка и редкой травы с островками из зарослей чертополоха. Здесь и там были разбросаны груды камней, как раз подходящей высоты для того, чтобы укрыть любое воображаемое чудовище.

Исключенные ветром деревья стояли вразброс, только подчеркивая общую пустоту. В их ветвях, изредка устраиваясь на отдых, пели об одиночестве жаворонки и чибисы.

Сейчас, однако, не пела ни одна птица, потому как на холмы спустилась ночь. Почти полная луна висела, едва не касаясь западного горизонта, и холодные порывы ветра кружили по земле песок и листья. Уорканенский тракт, проложенная телегами колея, бежал через холмы, изгибаясь вокруг невысоких склонов и кустарниковых рощиц. По дороге шла одинокая путница — девочка, закутанная в темно-зеленый плащ. Она шла быстро, часто оборачиваясь, чтобы бросить обеспокоенный взгляд на уходящую за горизонт луну.

Высоко в небе тихая тень летела на фоне звезд.

Девушка была молода, совсем еще подросток. Звали ее Аналинна. Она была пастушкой и спешила сейчас на свидание с парнем из Кейп Бейджа, подмастерьем кузнеца по имени Тобен, которого встретила, когда отец послал ее отнести в город шерсть. Аналинну пленили его карие глаза и ласковые речи, и они сговорились встретиться на перекрестке и оттуда

отправиться в заброшенную перегонщиками скота хижину.

В небе над девушкой невидимая тень росла, черным облаком приближаясь к цели.

Дорога повернула за последнюю каменную россыпь, и Аналинна увидела впереди перекресток. Тобена не было. Она помедлила, не зная, что делать, затем медленно подошла к указателю, который стоял, немного накренившись, укрепленный у основания камнями. Две серые потрескавшиеся доски, похожие на костлявые пальцы, показывали направление. Левая — на Кейп Бейдж, туда, где крепко спал, умотавшись за день, Тобен. Второй палец вытянулся в сторону Лестницы Лета, места совета городских старейшин. Но сейчас было слишком темно для того, чтобы прочесть, что на каком было написано.

Пока девушка стояла в нерешительности, откуда-то сверху налетел порыв ветра, подняв облако пыли. Аналинна, едва сдержав чих, подняла глаза вверх. Она не увидела ничего, только уловила едва слышный звук, чем-то напоминавший ей кузнечные мехи, которыми Тобен раздувал горн в кузнице, только этот звук был сильнее.

Девушка обернулась пару раз, осматривая небо и землю. Луна ушла, и высокие облака закрывали звезды. Становилось все темнее, слишком темно даже для того, чтобы разглядеть дорогу. Внезапный страх такой силы, что она не могла бежать, овладел Аналинной. Она стояла на перекрестке, не дыша, слушала, ждала.

Звук кузнечных мехов послышался снова, теперь гораздо громче. Секундой позже ветер, сильный, как выдох самого Осеннего Старика, сбил ее с ног и распластал по земле. Указатель на перекрестке покачнулся, пыль и песок забились Аналинне в глаза. Она, пошатываясь, поднялась на ноги и бросилась бежать.

Девушка бежала в слепом ужасе, не разбирая дороги. Нечто невидимое и огромное пролетело над ней в темноте. Его присутствие наполнило холмы дыханием страха. Аналинна, слишком напуганная, чтобы кричать, бежала до тех пор, пока не упала, споткнувшись о гнилое бревно.

Она снова услышала этот звук, на этот раз еще ближе. Теперь он был больше похож на хлопанье сильных крыльев, только Аналинна не знала ни одной такой огромной летучей твари. Она попыталась закричать, позвать отца в безумной надежде, что он как-нибудь да услышит ее, придет и спасет. Но еще до того, как успела произнести его имя, она задохнулась от напора ветра, и нечто оторвало ее от земли.

Хлопанье крыльев медленно стихло вдали, на возвышенности снова воцарилась тишина. Как умирающая птица, лоскут зеленого плаща спланировал на ветру и упал в самой середине перекрестка.

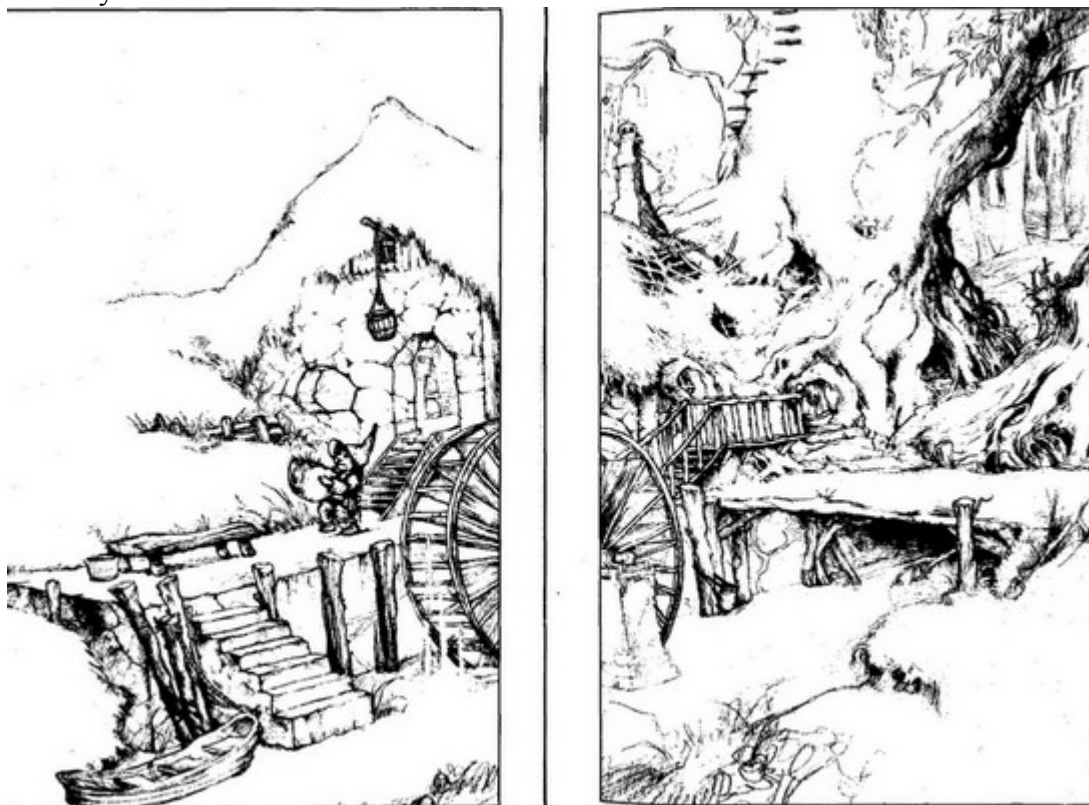
ГЛАВА 3

Свежее весеннее утро наполнило радостным щебетанием птиц Спинделейнский лес, раскинувшийся в низине под уступом высокого плато. В глубине леса, там, где деревья разрослись ввысь так, что дотягивались верхушками до самого края плато, стоял большой старый дом. Стены его были сложены из камня и дерева, а тростниковая кровля потрепана ветром. Задняя стена дома была встроена прямо в полый ствол одного из самых больших в лесу деревьев. Мимо дома текла речушка, вращающая колесо водяной мельницы с успокаивающим мерным плеском.

Эмсель вышел из дома с корзиной в руках, чтобы закопать на перегной мусор в саду. Он сел на разошедшую от времени старенькую скамейку и глубоко вздохнул, глядя, как облачко пара застывает в морозном утреннем воздухе. Он любил немного посидеть утром на скамейке у дома, слушая, как поворачивается в воде колесо и как поют птицы.

Эмсель был крепким жилистым человеком маленького роста, с копной седых волос под мягкой шляпой, одним из тех людей, чей возраст трудно определить, — ему можно было дать от тридцати до пятидесяти. Он был одет в коричневые брюки и свободную зеленую куртку с множеством карманов. В карманах чего только не лежало: записная книжка из пергамента в кожаном переплете, самим Эмселем изобретенное перо с запасом чернил,

магнит, маленький молоточек для откалывания интересных образцов породы, сачок для ловли насекомых и очки, тоже им самим сконструированные. Эмсель считал, что нужно быть готовым ко всему.

Он жил один в этом старом доме, в стороне от города и прочих соседей, и был уверен, что в его жизни есть все, что нужно. Для человека его склада, с неумной тягой к знаниям о природе и многочисленным исследованиям, такая жизнь казалась самой что ни на есть подходящей. Эмсель был хорошо приспособлен к такой жизни, хотя некоторые его привычки могли бы показаться несколько эксцентричными — например, для стирки он привязывал белье к лопастям водяной мельницы и разговаривал сам с собой вслух.

Именно этим он теперь и занимался. Он потер висок костяшками пальцев и задумчиво осмотрелся.

— Так, ну и что у нас сегодня намечено?

Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, затем вздохнул, сдаваясь, и вытащил записную книжку из одного из карманов.

— Ага, — сказал он, посмотрев на мелко исписанную страничку.

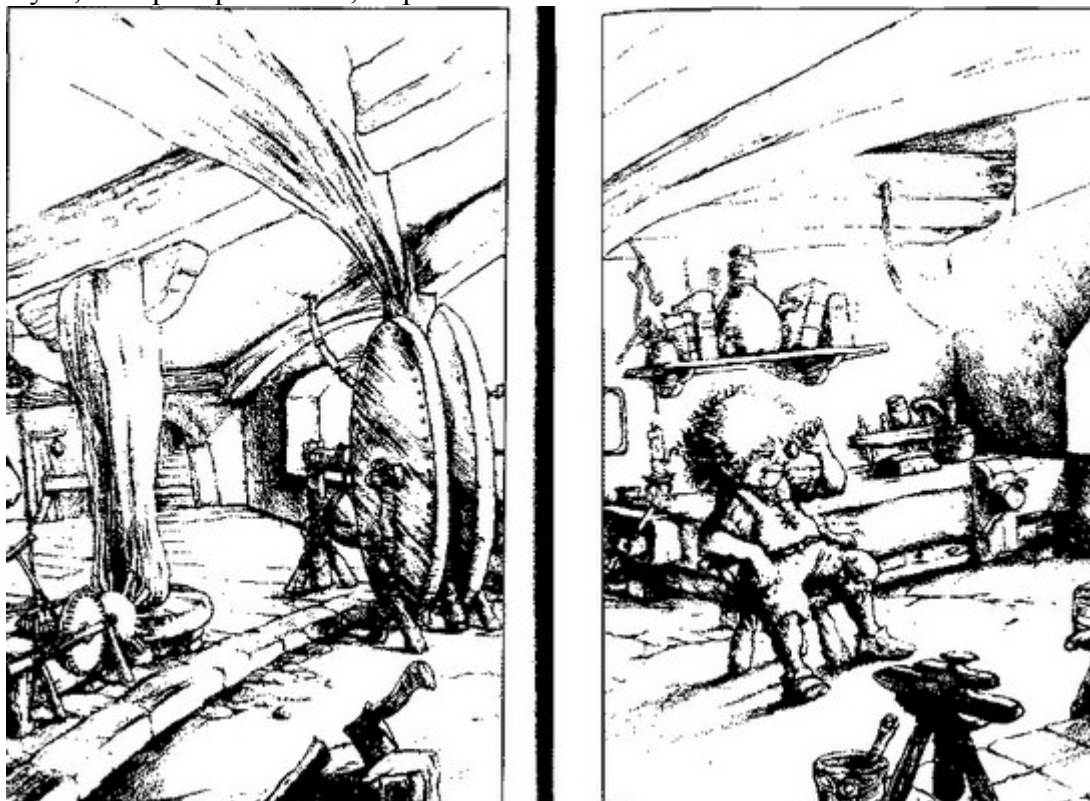
Затем он встал и направился к полянке, где у него была разбита опытная делянка. Там росли редкие и необычные растения. Эмсель остановился около одного и стал его пристально разглядывать. Это был куст, покрытый выпуклыми узловатыми черными стручками. Эмсель аккуратно оторвал один из них от основания, от чего стручок вдруг взорвался, распространив вокруг сильный, но довольно приятный цитрусовый запах, напомнивший Эмселю о цветках гладкокожих персиков. Приятно удивленный, Эмсель понюхал стручок еще раз, а затем сорвал еще несколько таких же и пошел обратно в дом.

В мастерской Эмсель внимательно осмотрел стручок, затем вытащил из кармана записную книжку и сделал запись. Мастерская была просторной и хорошо освещенной, с низким балочным потолком. Несколько полок вмещали самые разнообразные предметы: книги, свитки, пергамент для письма и рисования, большую коллекцию костей, глиняные банки с сухими травами и жидкостями. Еще там стоял огромный рабочий стол с множеством инструментов. Другие инструменты, от садового инвентаря до астролябии, стояли в углах или были привешены к потолочным балкам. Свитки и незаконченные работы были разбросаны по всей комнате — Эмсель не был силен в поддержании порядка.

Он положил стручки в карман, чтобы подумать о них позже, и занялся проверкой кипящих жидкостей в перегонных кубах и выверением пропорций различных компонентов.

Обычно Эмсель мог провести так весь день, но сегодня работа в лаборатории не спорилась. Он ощущал некое смутное беспокойство, его дом, обычно такой уютный и безопасный, казался ему тюрьмой. Он выглянул из окна, посмотрел на верхние ветки дерева, чуть раскачивающиеся на ветру, и немедленно принял решение. Сегодняшний день он проведет на улице. Он, пожалуй, разрешит себе развлечься и даже назовет это работой: он возьмет свое последнее изобретение, Крыло, на Верхний перевал и проведет день, исследуя тайны полета.

Приняв решение, Эмсель вышел из дома и направился к полному стволу дерева, где были устроены ступеньки, ведущие в заросли веток. Он быстро добрался до большого и широкого сука, который рос ввысь, вырываясь из листвы в чистое небо.

Там он хранил свои самые громоздкие изобретения. Крепкий сук тянулся над плоской вершиной плато, так что можно было шагнуть с дерева прямо на траву. Эмсель часто это проделывал, забираясь на вершину плато, — ночью для того, чтобы посчитать кратеры на Луне, разглядывая ее через трубу с линзами, днем — чтобы покататься на велосипеде по плоским камням, покрывающим плато. Эмсель с гордостью обвел взглядом эти и другие свои хитроумные приспособления и вдруг взволнованно заморгал. Чего-то не хватало. Он мысленно пересчитал свои конструкции и понял, что нет Крыла. Он даже вытащил записную книжку, чтобы проверить, не устроил ли он его куда-нибудь еще, совершенно об этом забыв.

Никаких записей об изменении места хранения не было. Эмсель поднял густые брови:

— Кажется, меня ограбили.

— Где мой сын?!

Голос старика разбудил Эгрона и Пеннела, дремавших у остывшего очага. На какую-то секунду они растерялись. До того как они успели встать на ноги, Йондалран уже стоял у кровати, уставившись на тело сына.

Он резко, быстро для своей комплекции обернулся, пронзив старейшин взглядом.

— Что произошло? — прорычал он. — Я хотел говорить с вами, я хотел рассказать...

— Ты потерял сознание, Йондалран, — участливо сказал Эгрон. — Нет причин этого

стыдиться.

Старик огляделся, словно в поисках чего-то, на чем можно было бы выместить злость.

— Расскажи нам сейчас, — предложил Пеннел.

— Клянусь богами, я расскажу! — прокричал Йондалран. — Я расскажу городу, всей стране расскажу! Симбалийцы убили моего сына!

— Что?! — хором выдохнули старейшины.

Йондалран говорил с такой страстью, что им приходилось удерживать его от того, чтобы он не сокрушил мебель. Вероломный колдун Эмсель, которого он давно подозревал в сотрудничестве с симами, соблазнил его сына тем, что тот с помощью волшебства мог летать. Он это сделал, зная, что Йоган станет легкой добычей для симбалийского корабля. Хотели ли они похитить мальчика или убить, Йондалран не знал, но, что бы там ни было, закончилось это трагедией.

— Это объявление войны! — Йондалран, с красным, как кирпич, лицом, со всей силы всадил кулак в стол. — Симбалийцы играют с нами! Мы должны им показать, что они не смеют убивать наших детей! Мы должны их атаковать!

Старейшины, потрясенные мощью его речи, молчали. Они знали, что старик бывал грозен и легко впадал в ярость, но все-таки не до такой степени. Его горе, похоже, превратилось в ярость, которая поможет ему выжить, станет опорой его разрушенной жизни.

— Мы должны созвать совет! — заключил Йондалран. — Симы и этот убийца Эмсель должны быть наказаны.

Они пытались его успокоить, но он не слушал.

— Вы мне не верите! А как насчет нападения на Гордейн на прошлой неделе?

— То, что ты говоришь, конечно, возможно, — сказал Пеннел, — но у нас нет никаких доказательств того, что симы хотят нам зла. Мы должны провести расследование...

— Доказательства, говоришь? Вот доказательство! — прервал его старик, показывая на тело Йогана. — Скоро будут и другие, можешь быть уверен! — Он повернулся к двери.

— Вернемся в город. Я должен вывесить объявление о похоронах.

Они выехали втроем, молча, две лошади шли позади телеги фермера. Утро было яркое и радостное, словно весна и не подозревала о беде. Старик, погруженный в раздумья, смотрел на дорогу впереди. Он никогда не был мстительным, несмотря на то, что его знали как сварливого и всегда готового пошуметь. Его негодование и обида оставались внутри, терзая и мучая его. Больше всего он возмущался симами. Как и большинство фандорцев, Йондалран мало знал о жизненном укладе и обычаях симбалийцев. Так же, как все, он верил, что все симбалийцы ведьмы и колдуны. Он с негодованием слушал рассказы об их роскошной жизни и неохотно признавал, что Симбалия никогда открыто не вредила Фандоре. Скучная торговля, которую Фандора вела с южными землями, ограничивалась зерном и шерстью и делам Симбалии, которая торговала драгоценными камнями, продуктами ремесел и редкими пряностями, никак не мешала. Симбалия никогда не предпринимала агрессивных действий против Фандоры, никогда, до прошлой недели, когда воздушный корабль пересек залив Баломар и атаковал Гордейн. Начавшийся пожар уничтожил полгорода, включая склады с зерном. Это было большой бедой, но для Йондалрана ничто не могло сравниться с потерей сына.

Старик был уверен, что симбалийцы обуреваемы чувством выдуманного, умышленно выставляемого напоказ превосходства. Воздушные корабли и магия давали им возможность ощущать себя неуязвимыми. Ну что ж, они скоро узнают, что и против них найдется средство.

В Тамберли все были подавлены, напряженно ожидая решения, которое коснется всех. Это напряжение, как скоро выяснили старейшины, было вызвано не только событиями вчерашнего вечера. У дома Пеннела, там, где вчера стоял Йондалран, ждал пастух, старый и седой, с лицом, изборожденным морщинами. В руке он сжимал клочок зеленого плаща.

Он не двигался, но начал говорить, как только телега остановилась рядом с ним. Он не

смотрел на старейшин, говорил как будто сам себе:

— Она ушла гулять вчера вечером, ушла гулять, когда я уже спал, и она не вернулась, не пришла домой. Как только рассвело, я пошел искать, я ее искал. Я далеко не ушел. Это, — он посмотрел на обрывок, крепко зажатый в кулаке, — это я нашел на перекрестке в холмах. Неподалеку оттуда я нашел ее... Она... — он замер, его лицо исказилось гримасой боли, — она упала... с высоты...

Он закрыл глаза. Его плечи тряслись.

Пеннел прыгнул с телеги и увел рыдающего пастуха в дом. Йондалран посмотрел на Эгрона. Тот медленно вздохнул:

— Ты пророчил еще доказательства. Похоже, ты был прав.

Йондалран кивнул.

— Я объявлю о смерти сына, — сказал он, — а потом повидаяюсь с Эмселем.

Эмсель был одним из тех любознательных людей, которые всегда готовы задать вопрос и видят тайны там, где остальные не видят ничего загадочного, а также, как все люди с пытливым умом, был чужд большинству из тех, кто жил рядом. Фандорцы, для которых смысл жизни заключался в работе на земле, Эмселя, с его непонятными опытами и странным образом жизни, не любили и не очень ему доверяли.

Эмсель об этом знал, но убеждал себя, что ему это безразлично. Несмотря на недоверие, ему никогда не причиняли вреда. Он иногда готовил лекарственные мази и отвары для окрестных фермеров, и они терпели его. С другой стороны, бывало, что болезни и неудачи списывали на его колдовство, но глава старейшин города Тамберли был справедливым и разумным человеком и никогда не принимал скоропалительных решений.

Но вот кто-то, кажется, осмелился бросить вызов «колдуну» в его собственной норе. Эмсель расстроился и разозлился. Он вложил немало сил в постройку Крыла, а теперь его украли, и он не имел понятия, где искать пропажу.

Он сидел, раздумывая над этим довольно долго, потом встал и начал спускаться. Он был на полпути вниз, когда услышал шорох в подлеске и глухие удары, как будто кто-то из всех сил стучал в его дверь. А затем раздался голос, выкрикивающий его имя.

— Я здесь, наверху! — крикнул Эмсель.

Редко к нему заходили гости, и он понятия не имел, кто это мог быть. Листья зашуршали, и фермер Йондалран, один из старейшин Тамберли, ступил со ступенек ствола на ветку. Эмсель уставился на него в изумлении. С осунувшимся лицом и безумными глазами, Йондалран выглядел как в горячке. Не проронив ни слова, он бросился на Эмселя, словно намереваясь вцепиться ему в горло. Эмсель бросил быстрый взгляд через плечо, прыгнул с ветки вниз на двенадцать футов и приземлился с привычной легкостью на другой сук. Сбитому с толку фермеру оставалось только в ярости на него смотреть.

— Предатель! Вонючий сим!

— Ты о чем?!

Йондалран не стал отвечать, он неуклюже сполз к ветке Эмселя и снова попытался на него наброситься. Эмсель отпрыгнул и приземлился на тонкой ветке, которая, сработав как пружина, подбросила его вверх. Эмсель пролетел мимо старика, схватился за ветку и уселся на суку прямо над головой фермера.

— Йондалран, в чем дело?

— Ты знаешь, в чем дело! — закричал Йондалран, — и ты заплатишься за свое в этом участие!

Задышавшись, он замахнулся на Эмселя посохом.

Разговаривать с безумцем было бессмысленно, поэтому Эмсель прыгнул вниз, схватился за посох и вырвал его из рук старика. Затем он толкнул Йондалрана к стволу дерева, туда, где две ветки образовывали вилку, и, воткнув дубовый посох между ними, запер фермера так, что тот не мог двигаться.

— А теперь расскажи мне, что произошло.

Йондалран попытался бороться, но его собственный добротный посох держал его крепко. Тогда он попробовал лягнуть Эмсея, но тот увернулся. Наконец старик заговорил.

— Ты знаешь... что ты сделал, — голос Йондалрана срывался на хрип, — ты обманом заманил Йогана в свои колдовские дела... и он за это поплатился... жизнью!

Эмсель побледнел.

— Йоган, — сказал он едва слышно, — Йоган взял Крыло.

Это было так логично. Дураком он был, что сразу не понял. Мальчик всегда был заморожен Крылом и давно уговаривал Эмсея дать ему полетать.

— Вы, симы, — убийцы детей. В открытую вы нападать боитесь!

— Йондалран, что ты...

— Даже не пытайся отрицать, что ты симбалиец, Эмсель! Тебя сюда заслали, чтобы вредить нам своим колдовством! — Йондалран плюнул в него, и Эмсель едва успел отдернуть голову. — Симбалийский воздушный корабль атаковал Гордейн, сжег полгорода дотла! Другой убил девочку Аналинну! А еще один сбросил моего сына с неба, куда ты его послал!

Эмсель потряс головой, пытаясь сообразить, что к чему. Говорить с Йондалраном было нельзя — он бредил. Эмсель, не теряя бдительности, наблюдал за пойманным в ловушку стариком, в то время как мысли его были о мальчике, о его едва ли не единственном друге.

— Йондалран, — начал он, — я ведь не знал, что Йоган...

— Все ты знал! Ты вбил ему в голову свои безумные идеи! Ты подбивал его нарушать законы природы, и поэтому он погиб! Я клянусь, отшельник, я тебе за это отомщу, и всей Симбалии тоже!

Старик изо всех сил налег на держащий его в плену посох, его лицо побагровело, но посох сломался надвое. Эмсель быстро отпрыгнул, но Йондалран больше не лез в драку.

— Здесь мне с тобой не тягаться, — сказал старик, — ты слишком хорошо знаешь эти деревья, но расплата придет, Эмсель, и никакая твоя волшебба тебя не спасет!

Он развернулся и начал спускаться по ступенькам в стволе дерева. Эмсель смотрел ему вслед.

Звук шагов фермера уже затих вдалеке, а Эмсель все стоял без движения. Старик не был безумен. Йоган погиб. Мальчика, к которому он привязался как к родному сыну, этого мальчика больше не было. И это только его вина, Эмсея.

Он сел на ветку, закрыл лицо руками и заплакал.

ГЛАВА 4

Йондалран вернулся в Тамберли. Он ехал верхом по круто извивающимся улицам, не глядя по сторонам, не обращая внимания ни на шепот за спиной, ни на откровенно любопытные взгляды горожан. Напряжение дрожало в воздухе, как натянутая тетива лука. Недавно вывешенное объявление сообщало о скором собрании Верховного совета старейшин, первого за долгое время, на Лестнице Лета. Гонцы уже разъехались по городам и деревушкам Фандоры, даже в такую глушь, как Делькеран на западной границе. Йондалран помедлил у стены, молча разглядывая еще новенький, шуршащий листок бумаги, дрожащий на ветру рядом с его собственным объявлением о похоронах сына. Затем он направился к дому каменщика, чтобы заказать надгробный камень.

Днем он похоронил Йогана. Солнце, равнодушное к его горю, ярко сияло в безоблачном небе. День был ярким и прохладным, как раз таким, с горечью подумал старик, какие всегда любил Йоган. В такие дни свежий ветерок разжигает яркий румянец на детских щеках. В такие дни Йоган обычно торопился покончить с отцовскими поручениями, чтобы убежать играть в камешки с друзьями из деревушки в Толденарских холмах, неподалеку от фермы. Йондалран решил похоронить сына там, где он любил играть, на вершине холма.

В Фандоре принято было хоронить умерших быстро и в одиночку и лишь затем принимать соболезнования. Йондалран разбил мерзлую землю мотыгой и лопатой расширил

могилу, затем бережно опустил в нее маленькое, закутанное в холст тело. Он еще долго стоял, глядя под ноги, умом понимая, что нужно засыпать могилу, но не чувствуя в себе сил навсегда спрятать от ребенка небо и солнце. Как большинство фандорцев, фермер был верующим человеком, и теперь он молился о том, чтобы Йоган смог насладиться вечной весной. Он закончил молитву и все еще стоял без движения. Слишком тяжело было бросить первый ком земли.

— Мм... мессир Йондалран...

Старик повернулся и увидел двух маленьких мальчиков, стоящих неподалеку на каменном гребешке, который тянулся, как позвоночник неведомого зверя, вдоль холма. Йондалран узнал их — это были друзья Йогана. Он даже вспомнил их имена — Марл и Долей, хотя не смог бы сказать, кто из них кто. Дети стояли, потерянные и одинокие, в лучах яркого солнца, их короткие курточки и штанишки были грязны, а по щекам расплывались ручейки слез.

Прерывать похороны было не просто неприлично, такого не бывало. И все же, как ни чтит Йондалран традиции, он не смог бы прогнать мальчишек. Он просто стоял и смотрел на них, не зная, что сказать.

Мальчик поменьше ростом держал в руках игрушку. Он протянул ее старику.

— Йоган дал мне поиграть, — сказал он, — это его любимая, но он дал мне... Я подумал, он, может, захочет взять ее с собой...

Йондалран медленно протянул свою мозолистую ладонь, и мальчик вложил в нее игрушку. И тотчас же, как будто освободившись от мучительного долга, они оба развернулись и ушли, почти бегом убежали вниз по холму.

Старик посмотрел на игрушку. Это была деревянная лошадка с тележкой, искусно выстроганная ножом так, что колеса у тележки вертелись, а лошадку можно было выпрягать. Ладонь Йондалрана судорожно сжалась, едва не сломав хрупкую вещь. Он вдруг вспомнил, кто сделал эту игрушку и подарил Йогану. Эмсель, снова Эмсель. Старик с ненавистью сжал игрушку в дрожащей руке. Она была поганая, сделанная симбалийцем, тем самым, который послал Йогана на смерть. Дважды Йондалран замахивался игрушкой над головой, чтобы швырнуть ее на землю и растоптать, и дважды останавливался, вспомнив, что это любимая игрушка Йогана.

В конце концов он повернулся, с трудом нагнулся над могилкой и положил игрушку на застывшее тело. Отвернувшись в сторону, он начал забрасывать могилу землей. Он быстро засыпал тело сына, остановился, чтобы отдышаться, и только потом продолжил, уже медленнее и спокойнее. Когда яма была полностью засыпана, он воткнул в холмик временный знак, который прослужит до тех пор, пока не будет готов камень. Не бросив больше ни одного взгляда на холмик, он собрал свои инструменты и спустился с холма.

Новость распространялась медленно по степям и холмам Фандоры. Купец, везущий повозку с сушеными фруктами, упомянул о трагедии в Тамберли в разговоре с крестьянами в одной деревушке. Гонец добежал до города Сильвана и свалился в лихорадке — в пути, наступив на колючку, он не стал тратить время на лечение раны.

Впервые за десять лет собирался Верховный совет старейшин.

Рассказы гуртовщиков и стражников породили слухи, которые уже начали разрастаться, завязываясь в сложные хитросплетения в беседах на рыночных площадях и в тавернах. Говорили, что воздушные корабли Симбалии вторглись в Фандору на севере и теперь продвигаются на юг и на запад. Еще были слухи, что симбалийские колдуны бродят в округе в личинах волков и медведей. Старейшинам стоило больших трудов сдерживать панику, в то время как слухи, один страшнее другого, распространялись на юг и запад страны.

В Боргене ситуация достигла точки кипения. Старухи высовывались из окон под островерхими крышами, подкармливая друг друга перечислением и подробным, как будто они сами все видели, описанием многочисленных трагедий. Некоторые дошли до того, что

стали откладывать в подполах и кладовках запасы вяленого и соленого мяса, сыра и хлеба.

Теннел, сапожник, только что закончил замену кожаной обертки на наконечнике трости матушки Михау, когда мальчишка заглянул в дверь мастерской и сказал, что собирается совет старейшин. Теннел до этого слушал теорию матушки Михау, заключающуюся в том, что все происходящее — не более чем заговор корыстолюбивых рыбаков со скалистого побережья, затеянный лишь для того, чтобы поднять цену на рыбу. Сапожник вежливо покивал, проводил пожилую женщину до двери, затем запер мастерскую и заспешил вниз по улице, на ходу стирая с ладоней масло, которое он использовал для смягчения кож.

Двадцативосьмилетний сапожник был одним из самых молодых старейшин Фандоры, и его назначение на эту должность не прошло без споров. Теннел прекрасно чувствовал подозрительное к нему отношение, когда присутствовал на заседаниях. Ответственность этой должности сначала пугала его, но он справился со своим страхом и старался делать все, что было в его силах, для любимого города. Он действительно любил свой город, и когда позволяло время, любил прогуляться по улицам, рассматривая гербы на дверях городских домов, впитывая шум рыночной площади и вдыхая аромат фруктовых садов.

Именно за эту страстную любовь к городу Теннела избрали старейшиной, несмотря на его возраст. Немногие понимали жизнь города лучше его и немногие так хотели городу послужить.

Торопливо шагая по переулку за Двором Колодцев, Теннел размышлял о том, что за беда стряслась, что понадобилось созывать специальный совет. Нетрудно было догадаться, что это как-то связано со слухами о войне с Симбалией. Когда он повернул за угол и оказался перед домом главы старейшин, он увидел, как Эксель, третий старейшина, входит в дом, и бегом нагнал его.

Таленд, глава старейшин, был глубоким стариком — ему было за семьдесят, — с ногой, изувеченной на охоте задолго до того, как Теннел появился на свет. Эксель, который тоже был намного старше Теннела, нахмурился, когда молодой человек сел рядом, слегка задыхаясь от бега. Экселю принадлежало несколько мастерских в городе, и он очень хотел присоединить к ним и мастерскую Теннела, которую молодой человек неуклонно отказывался продавать — мастерская принадлежала еще его отцу и приносила неплохой доход. Немудрено, что их встречи проходили несколько напряженно.

Таленд, казалось, не замечал разлада. Как глава старейшин он выбрал этих двоих, заручившись поддержкой горожан, и чувствовал, что принял правильное решение. Он полагал, что свойственные молодости взгляды Теннела хорошо сочетаются со взглядами двух стариков.

Голосом, на удивление сильным для его возраста, Таленд начал зачитывать декларацию, которую принес гонец. Старейшины города Тамберли требовали созыва Верховного совета городов Фандоры для обсуждения и принятия решения по поводу недавних нападений симбалийских воздушных кораблей.

Теннел слушал, не шелохнувшись. Верховный совет! Последний раз совет собирался, когда ему было семнадцать, и тогда речь шла о том, как лучше помочь трем городам, ставшим жертвами наводнения. Если решено было назначить встречу сейчас, значит, возможность войны была весьма серьезна.

Таленд покосился на него и Экселя.

— Кто-то из нас должен ехать.

— Ты действительно думаешь, что война возможна? — спросил Теннел, с облегчением заметив, что подавить дрожь в голосе ему все-таки удалось.

В Фандоре, с тех пор как около двухсот лет назад ее заселили, не бывало никаких войн, даже мелких междоусобных стычек. Ни одна из других стран также не выражала желания завоевывать эти бесплодные степи, каменистые холмы и болотистые низины. Фандорцы не стремились к вооруженным конфликтам друг с другом — заработать на жизнь было и так достаточно трудно. Теннел вообще не совсем понимал, что такое война. К тому же ему

было трудно представить себе, как разобщенная Фандора сможет вести войну.

— Это не нам решать, — ответил Таленд, — наша задача решить, кто из нас будет представлять Борген на совете. Себя я в расчет не беру, я старый и хромой, если и доеду, то толку от меня будет мало. Так что едет один из вас.

— Эксель должен ехать, — немедленно выпалил Тенньел.

Ему казалось, что это было настолько очевидно, что не о чем было и говорить. Эксель был старше, а потому мудрее, и такая ответственность была ему по плечу. В интересах города было послать лучшего, поэтому ехать должен был Эксель. Тенньел убеждал себя, что сам будет вполне счастлив остаться в любимом городе, хотя, по правде говоря, это было не совсем так. Конечно, он хотел бы поучаствовать в совете, внести свой вклад в принятие решения, которое могло стать самым важным в истории Фандоры. И все же он хотел, чтобы было так, как лучше для города, поэтому он отдал свой голос за Экселя.

Он ожидал, что Эксель сам вызовется ехать, а Таленд это решение одобрит. Эксель фальшивой скромностью не славился. Но, к его изумлению, Эксель коротко произнес:

— Тенньел поедет.

Молодому человеку показалось, что он ослышался. Он уставился на Экселя. Тот просто не мог такое сказать. Но его изумление перешло всякие границы, когда Таленд кивнул и подвел итог:

— Я согласен. Тенньел, ты будешь представлять Борген на Верховном совете.

— Я? Но... — Тенньел открыл рот, но не смог проронить ни слова.

Таленд усмехнулся, и тень улыбки мелькнула даже на губах угрюмого Экселя.

— Да, ты, сапожник, — повторил Таленд. — Мы все знаем, что это мог бы быть только ты. У тебя есть сила и преданность, как раз то, что требуется в Верховном совете. Путь будет долгим, и дело это трудное, — он посерьезнел, — там будет достаточно старых мудрецов, чтобы высказать свою точку зрения. Пусть молодость тоже присутствует, ведь это вам, молодым, идти воевать.

— Да и твоя привязанность к городу всем известна, — добавил Эксель. — Ты не примешь плохого решения.

Тенньел посмотрел на старшего товарища с благодарностью, смешанной с удивлением. Эксель только фыркнул в ответ, как обычно угрюмо, словно для того, чтобы кожевник не думал, что его так уж расхвалили.

Вечером того же дня Тенньел сложил самое необходимое в небольшую сумку и выехал из города. Седло своему коню Неддену он сделал сам, и это было лучшее седло из всех, что ему приходилось делать. Кожевник был горд. Он размышлял о том, что ему предстоит распространить свою любовь и привязанность на всю страну целиком.

Тенньел не знал почти ничего про Симбалию, но разве могла привязанность симбалийцев к своей земле сравниться с любовью фандорцев? Однако он понимал, что война — это больше, чем вопрос преданности или энтузиазма. Он знал, что в Фандоре войну представляют себе очень просто: огромные толпы мужчин несутся друг на друга с противоположных сторон поля и, столкнувшись, рубятся мечами направо и налево, а через несколько минут, когда кто-то одерживает верх, побежденные хмуро стоят в сторонке, пока победители делят добычу, обычно драгоценности, шелка, а иногда и принцесс.

В этом, конечно, не было ничего плохого, но он сомневался в том, что это будет так просто. Во-первых, симы умели колдовать, а колдовство сильнее оружия. Надо бы придумать, что противопоставить их волшебю. Если дело дойдет до голосования, он не отдаст свой голос «за», если не будет точно уверен, что есть оружие против симбалийского колдовства. Он был уверен, что он сам и его соотечественники справятся с любой обычной армией — из людей, а не колдунов, захоти они напасть. Но в любом случае это будет захватывающее приключение.

В пути Тенньел вспомнил отрывок старой песни, которую слышал от путешественника-южанина, и начал напевать те слова, что помнил, заменив имя древнего героя на свое. Звучало очень даже неплохо.

Лэгоу из Джелриха был и плотником, и колесным мастером и неплохо зарабатывал. Он построил немало магазинов и домов в городе, включая свой собственный — прекрасное двухэтажное строение с мансардой, кладовыми и винным погребом, которому многие завидовали. Его жену, с которой они прожили двадцать семь лет, звали Дина, и Лэгоу не переставал нахваливать себя за отличный выбор — Дина подходила ему, как перчатка к руке. Она уже родила ему двух сыновей и дочь. Одного они потеряли, он сгорел в лихорадке так давно, что печаль уже прошла. Теперь второй сын постигал основы отцовского ремесла, а к дочери сватались весьма многообещающие молодые люди. Жизнь улыбалась плотнику, он гордился собой, семьей и пятнадцатилетней службой в должности старейшины. Ему казалось, что он заработал право на мирную старость, и мысль о том, что его выбрали представлять город на Верховном совете, его совсем не радовала.

— Ерунда все это, — ворчал он, наблюдая, как Дина собирает его вещи. — Дергают старика из-за какой-то ерунды. Я им все скажу. Еще как скажу.

— Ты не так уж стар. Сорок восемь лет — это не старость.

— Да уж и не молодость!

— Тебя выбрали. Твое мнение ценят.

— Если уж так ценят, пусть придут и спросят. Почему я должен тащить свои старые кости до Лестницы Лета только для того, чтобы вернуть в чувство этого безумного Йондалрана?!

— Тебя послушать, так он совсем уж выживший из ума старик!

Лэгоу фыркнул.

— Я видел его на Верховном совете, когда мы собирались, чтобы обсудить наводнение. Он и тогда был вспыльчив, и что-то мне кажется, что он не изменился. С годами он наверняка не остыл, уж это точно.

— А ты нет? — спросила она, протягивая сумки и натягивая шапку ему на самые уши. Затем уже другим тоном она добавила: — Будь с ним добрее и попридержи язык. Я слышала на прошлой неделе о его горе.

Лэгоу вздохнул.

— Я знаю, Дина. Я знаю, что ему больно. Но только своей болью он сейчас бережит старые раны. Из этого выйдет только большее горе. Боюсь, что мой долг ему об этом сказать.

Жена тоже вздохнула:

— Тогда приготовься потратиться на кусок сырого мяса, чтобы приложить к синякам, если то, что я слышала о Йондалране, правда.

Он спустился по ступенькам и вышел из дома. Сын ждал его у крыльца, держа за поводья лошадь, запряженную в их лучшую коляску. Плотник забросил сумки в повозку, крепко сжал руку сына, а затем повернулся и поцеловал Дину поцелуем, длившимся достаточно долго, чтобы удивить их обоих.

— Ну и что смешного? — спросил он сына, заметив наконец его широкую улыбку. — Слушай, малый, я хочу, чтобы к моему приезду была закончена и отполирована прялка для вдовы Анессы. И не просиживай штаны почем зря, когда с этим закончишь — займись делом!

Жена и сын засмеялись, Лэгоу тоже улыбнулся и помахал им рукой. Потом он взялся за вожжи и тронулся в путь, а они еще махали ему вслед. Но как только дом исчез из виду, улыбка тотчас же покинула лицо плотника и колесных дел мастера. Эти разговоры о войне его беспокоили. Он тревожился не о себе, хотя горько было сознавать, что он будет лишен спокойствия и комфорта, заслуженных годами тяжелого труда, — он волновался за сына. Для молодых война была куда серьезнее и страшнее, чем для стариков. Сам Лэгоу на войне никогда не был, но дед рассказывал ему о Южных Сражениях, после которых основатели Фандоры пришли из-за гор, чтобы поселиться в степях. Лэгоу был рад, что ему не довелось сражаться самому, и хотел бы, чтобы эта участь миновала и сына.

Отвесные скалы Фандоры вздымались на уровень шестидесяти — девяноста футов над морем, а их глубину под водой никто никогда не измерял. Эта часть океана была опасна — подводные пещеры и гроты были причиной неожиданных течений и водоворотов, которые могли разбить рыбацкие лодки о скалы. И все же рыбу здесь ловили регулярно. На самом деле население Кейп Бейджа жило рыбной ловлей. Ведь только здесь, в глубоких водах, водились огромные рыбы, чья высушенная кожа становилась прочной и притом на удивление мягкой. Здесь же водились стаи мелкой, безвкусной рыбешки, которую в Фандоре готовили с особыми специями и ели едва ли не каждый день.

Рыбачили в основном с помощью лебедок и багров, опуская с их помощью в воду огромный невод прямо с вершук скал. Все эти приспособления из веревок и сетей были сложны, но получавшийся сачок был одновременно и достаточно прочным, чтобы сопротивляться течениям, и гибким для того, чтобы ловить рыбу.

Тэмарк был рыбаком в Кейп Бейдже с двадцати двух лет. Отец его тоже рыбачил, а его дед изобрел эти самые сети. Тэмарк был крупным мужчиной, с лысой головой, которая блестела, словно намазанная рыбьим жиром, и задиристо торчащим вперед пучком бороды. Нос его был сломан давным-давно, когда рычаг, поднимавший сеть, выскользнул из рук. Его крупные ладони были покрыты шрамами от веревок и затвердели до гладкого блеска от работы с лебедкой. Он был сильным, потому что немало силы нужно, чтобы до сорока раз в день вытаскивать на скалы сети, полные сверкающей, бьющейся рыбы.

Рыбак стоял в одной из «корзин» — плетеных платформ с поручнями, которые нависали над обрывами, и смотрел вдаль, туда, где линия горизонта тонула в тумане над морем. Денек на побережье выдался серым и унылым. Позади Тэмарк услышал странный глухой звук, словно завывание волка в холмах. Он обернулся. Промозглый туман проник под его куртку из рыбьей кожи, в то время как далеко внизу сильная волна разбилась о скалы, и вода, промчавшись через каменные впадины и тоннели, вырвалась на свободу с паром и стонущим звуком. Тэмарк почти и не заметил — эти звуки были такой же частью его жизни, как запах рыбы.

День был плохим для улова — туман, казалось, погружал рыбу в такое же отчаяние, что и рыбаков. Сети опустили двадцать раз, а рыбой наполнили едва ли три телеги. Тэмарк смотрел, нахмурившись, на вязкие, вялые волны, за которыми не было видно горизонта. Три телеги рыбы... Когда они разделят сегодняшний заработок, его доли вряд ли хватит на приличный обед. Жизнь рыбака порой была трудна. Иногда в такие неудачные дни, как сегодня, Тэмарк жалел, что вернулся в Фандору, к ремеслу отца, что оставил путешествия. Он хотел повидать мир, когда был мальчишкой, и потому записался в ученики купца. Караван, небогатый — четыре лошади и несколько телег, груженных тканями, но ему это казалось состоянием, шел в Бундуру, одну из дальних восточных земель. Несколько недель они пробыли там, и Тэмарк был восхищен чудесами Дагемон-Кен, столицы. На главной площади вода била фонтанами из каменных труб, улицы были вымощены обтесанной плиткой, а не грубыми булыжниками, а здания были огромны — до трех этажей и больше десяти комнат в каждом. Вдоль улиц, под арками, раскинулись таверны и магазины, а вокруг гуляли павлины. Внушительная стена окружала город, и на страже у ворот стояли с копьями в руках солдаты в кирасах из чеканной меди. А женщины! Какие там были женщины! Он безумно влюбился в девушку с оленьими глазами, дочку торговца скотом, но вскоре понял, что любовь его безответна. Его терпели как игрушку, как шута. Мужичьи повадки были смешны, ими можно было развлечь друзей. Поняв это, Тэмарк уехал домой и поклялся, что никогда больше не покинет родной город.

Он вздохнул. Это было давно, но его до сих пор иногда просили рассказать о путешествиях и о чудесах, но воспоминания уже давно не приносили той радости, что раньше. Теперь он был фандорским рыбаком, не более того, и рыбаком он собирался оставаться до конца. Да, кроме этого, он был старейшиной в Кейп Бейдже, но обязанности, связанные с этой должностью, он не всегда воспринимал всерьез, хотя и прилежно исполнял. Разрешение споров о том, какая курица из чьего курятника или кому принадлежат яблоки,

упавшие за забором, вряд ли требовали его знаний о чужих землях или опыта путешественника. Тэмарк снова вздохнул. Он хотел бы сделать что-то значительное для себя и для города, принести людям пользу, как сделал его дед, который изобрел невод.

Подошло время тянуть улов, и Тэмарк вышел из «корзины», чтобы занять свое место за лебедкой. Человек двадцать рыбаков подошли к своим постам у лебедок. Тэмарк подождал, пока они займут свои места, их мозолистые ладони лягут на вытертые деревянные рукояти.

— Молитесь о хорошем улове! — выкрикнул он и скомандовал: — Тянем!

Усилию, с которым они тянули за изогнутые рукояти рычага, противостояла тяжесть улова, которую они обычно преодолевали медленно, но верно. Но даже полные сети рыбы не требовали обычно таких усилий. Рычаг провернулся едва ли наполовину и остановился, как будто наткнувшись на невидимую, но прочную стену. Тэмарк посмотрел на своих товарищей, которые выглядели такими же удивленными, как он сам. Улов, должно быть, был невероятно большим.

— Еще раз! Тянем!

По сигналу старейшины рыбаки снова налегли на рычаги, лебедки натянулись, а деревянные опоры тревожно затрещали. Что бы они ни поймали, если обращаться с неводом неосторожно, вся конструкция могла рухнуть в море.

Тэмарк осмотрел дрожащие от напряжения веревки. Такого он никогда еще не видел. Оставалось только надеяться, что они выдержат. Он не мог послать ныряльщика вниз, в водовороты, чтобы распутать сеть, а о том, чтобы обрезать веревки, не могло быть и речи. Месяц уйдет на то, чтобы сплести новый невод.

— Тянем! — скомандовал он снова. — Тянем изо всех сил! Поворачиваем рычаги и поднимаем!

Рыбаки налегли на лебедку изо всех сил. Мышцы на их плечах вздулись буграми, Тэмарк почувствовал, как пот бежит по спине. Скрип лебедок и тяжелое дыхание рыбаков наполнили воздух. Серое небо, казалось, давило сверху, туман поднимался, щупальцами расплываясь по побережью. Тэмарк прислушался к отдаленному реву волн, разбивающихся о скалы внизу, как будто этот звук мог помочь разгадать тайну их груза.

Теперь рыбаков окружал плотный туман, и почему-то Тэмарку пришло в голову, что то, что они вытягивали, не стоило видеть. Свинцовая тяжесть того, что попало в их сети, была невиданна, как и упрямое сопротивление, нежелание этого предмета покидать темные глубины моря. Рыбак заставил себя несколько раз очень медленно вздохнуть, чтобы успокоиться и не дать страху завладеть собой. Но он не отдал приказа резать веревки. Невод был слишком дорог, чтобы потерять его из-за глупого детского страха. Он сжал зубы и продолжал крутить рычаг.

Рыбаки почувствовали, как сеть с грузом вырвалась из воды, но никто не мог покинуть своего поста у лебедки, чтобы взглянуть на добычу. Веревки ползли, поскрипывая в желобах, наматывались на барабаны медленно, как во сне.

— Еще немного! — выдохнул Тэмарк. Его слова повторили остальные.

Судя по длине веревки на барабане, невод должен был вот-вот показаться над обрывом. Тэмарк уже хотел покончить с этим, дать отдых уставшим мышцам, но и страшился того, что они увидят.

Сеть поднялась.

На какое-то время все скрыл туман. Затем изменчивый морской ветер подул в сторону, и рыбаки замерли перед открывшейся им картиной.

Их сети поймали белый, до последней косточки отмытый морем скелет чудовища. Тэмарк никогда не видел ничего подобного. Скелет был гигантским, больше пятидесяти футов в длину, с головой больше лошадиной. Длинный, изогнутый позвоночник позволял судить о гнущейся, подобно змее, шее, а размер ребер предполагал, что тело должно было быть не меньше десяти футов в обхвате. Ни крошки плоти не осталось на скелете — в море есть кому за этим проследить. И все же кости не рассыпались, потому что связки и сухожилия большей частью сохранились, затвердев, как канаты. У черепа не хватало нижней

челюсти, но огромные изогнутые клыки, свисающие с верхней, не оставляли сомнений в том, что это был хищник. Два оставшихся зуба были толще и длиннее руки Тэмарка. Вода стекала ручьями, до ужаса похожими на слезы, из черной пустой глазницы.

Рыбаки стояли молча, без движения. В тишине был слышен только скрип натянутых веревок. Затем сзади раздался знакомый свист воздуха, выходящего из расщелины в скале. Один из рыбаков закричал.

Как будто этот звук был последней каплей, одна из веревок, держащих невод, не выдержала и лопнула с резким хлопком. Это неожиданное движение было единственным, чего не хватало конструкции для того, чтобы рухнуть. Одна за другой веревки начали лопаться с оглушительным треском, похожим на хруст ломающихся костей. Рыбаки едва успели отскочить от освободившегося от веса механизма. Деревянные рычаги хлестали вниз и вверх, как кнуты, и, когда последняя веревка порвалась, Тэмарку показалось, что белый череп кивнул ему с пугающей значительностью. Затем скелет и остатки изорванного невода рухнули вниз. Несколько рыбаков подбежали к краю обрыва, чтобы увидеть, как кости чудовища исчезли в клубящемся тумане, и услышать отдаленный глухой всплеск. Тэмарк не двинулся с места. Перед его мысленным взором все еще стоял взгляд монстра, который по неведомой рыбаку причине выделил его из всех.

Рыбаки долго молчали, потрясенные произошедшим, а затем до слуха Тэмарка донеслись отдельные голоса.

— Что это было?

— Никогда такого не видел!

Высокий, дрожащий голос старика Кенана, того, что занимался починкой сетей, раздался над общим гулом.

— Я вам скажу, что вы поймали, — сказал он. — Это останки морского червя, змея морского, мы их называли крушителями кораблей. Они могли обернуться вокруг рыбацкой лодки и разбить ее в щепки. Я издали видел одного, он погружался и всплывал, нырял в воде, что твоя иглолка в ткани. Это уж лет сорок тому назад было, а я не забыл.

Снова раздался гул голосов. То, что произошло с ними, на глазах превращалось в легенду. Тэмарк повернулся и на негнувшихся ногах пошел прочь. Рыбаки потянулись за ним, кто по домам, а кто в таверны Кейп Бейджа. Теперь, пока не починят невод, ловли не будет.

Старейшина Тэмарк тяжело дышал, словно пытаясь этим усилием прогнать страх. Он не был удовлетворен своей судьбой, хотя она была лучшей, чем у многих в Фандоре. Что ж, подумал он сожалением, возможно, всему пришел конец. Некая тень неясно вырисовывалась в его будущем, и он не стремился узнать, что это такое.

В своей комнате, позади деревенской пекарни, он нашел короткую записку, сообщавшую о встрече старейшин в Тамберли. Тэмарк всегда хотел сделать что-нибудь важное для общины, внести вклад, равный тому, что внес много лет назад его дед. Может быть, его время пришло? Происшествие на скалах и записка показались ему связанными. Это не могло быть простым совпадением.

Он сел на кровать и положил лист пергамента на табуретку перед собой. Писать он научился в путешествиях, но ему редко приходилось этим заниматься, поэтому он долго писал своим людям о том, что делать в его отсутствие.

В конце концов он поднялся, взял несколько монеток из ящичка стола и позвонил в звонок у окна, сделанный для того, чтобы старейшина всегда мог призвать гонца.

Мальчик убежал с письмом, а Тэмарк все еще не мог справиться с неудобным чувством не то страха, не то некой неуверенности. Мечты о делах, достойных предков, никуда не делись, но на совет он ехать не хотел.

ГЛАВА 5

Тамберли был наполнен обычным городским шумом: криками детей, играющих на улицах, сердитыми окриками их родителей, перепалкой торговцев и пересудами фермеров.

Пожалуй, никто из фандорцев еще не испытывал возбуждения, подобного тому, что царило сейчас на рыночной площади. Горячо обсуждая последние события, горожане нет-нет да поднимали головы к небу, словно опасаясь внезапного появления симбалийского корабля.

Разговоры шли о симбалийцах и о пугающей близости войны с ними.

— Я слышала, они просто дьяволы, — говорила госпожа Сарнесс сестре. — Говорят, они могут превратиться во что угодно в мгновение ока, хоть в пчел и пауков, пробраться в дом и задушить нас в собственных постелях!

Она так это описала, что ее сестра убежала домой с криком ужаса и до вечера уничтожала насекомых в доме.

— Магия, конечно, — со знанием дела рассказывал пекарь мяснику. — Все, что нужно, — это клочок твоих волос или заусенец, и ты так запляшешь под их дудку — в страшном сне не приснится!

— Да если они ко мне подойдут, я у них не то что клочок волос отрежу! — обещал мясник, пробуя мозолистым пальцем остроту лезвия ножа.

— Не верь всем сказкам, что тебе рассказывают, — увещевал Эгрон жену, — симбалийцы тоже люди, и их война тоже вряд ли порадует.

— Меня беспокоят не те, кто войны боится, — сказала жена, — они-то как раз разумны. Вот те, кто хочет воевать, — они пугают меня.

Дети играли в войну на улицах города, сражаясь на мечях, сделанных из стеблей чертополоха, превращая силой воображения тележки и корзины в воздушные корабли. Много таких сражений было выиграно во дворах, и множество симбалийских колдунов там бесславно погибло.

— Ты правда пойдешь на войну? — выпрашивала девушка своего парня, сидя рядом с ним на высоком холме, с которого открывался вид на город. — Ты будешь носить форму и меч, как в легендах, что рассказывают трубадуры?

— А то! — важно кивал он. — А ты будешь ждать, когда я вернусь с орденами?

Она скорчила кислую гримасу:

— А долго тебя не будет? Долго-долго? Год?

— Ну нет! Да мы выпорем этих симбалийцев и к концу недели дома будем с такими сокровищами, что тебе и не снились!

Прошла неделя с тех пор, как Йондалран созвал старейшин окрестных городов. Было принято, что город, создавший совет, принимал у себя тех, кто откликнулся и приехал. И вот холодным весенним вечером Тамберли приветствовал двадцать старейшин Фандоры.

Напряжение последней недели улетучилось само собой перед торжественностью случая. Пир, достойный королей, был организован на городской площади, и буквально все население участвовало в подготовке. Знамена свисали с высоких строений. Дети с восторгом смотрели, как гонцы развешивали фонарики над улицами. Сапожники заработали кучу денег на горожанах, готовых заплатить вдвое за то, чтобы их обувь выглядела прилично случаю. Танцоры — нарядные юноши и девушки с раскрашенными лицами — развлекали гостей пантомимами и танцами.

Приехавшие издалека старейшины усилия хозяев оценили. Лэгоу из Джелриха с удовольствием поглощал палтуса, которого ему давно уж не приходилось есть. Рыба, как ему сказали, была подарком от Кейп Бейджа к собранию старейшин. Лэгоу этот жест старейшины Тэмарка из Кейп Бейджа оценил высоко. Заметив рыбаков, сидящих под алым знаменем, он поспешил выразить Тэмарку свое почтение и благодарность за щедрый дар и поразился произошедшей со старейшиной из Кейп Бейджа перемене. Рыбак говорил коротко и угрюмо, отпуская циничные замечания насчет излишнего веселья собрания. Сначала Лэгоу был готов списать настроение рыбака на выпитое вино, но стоило ему упомянуть Йондалрана, как Тэмарк посерьезнел.

— По мне, так не стоит проводить знак равенства между смертью и справедливостью. Скажи мне, Лэгоу, есть ли хоть какая-нибудь причина бросать нашу молодежь в битву с

волшебниками? Если Йондалран считает симов виновными в наших бедах, почему он не пошлет к ним глашатая, как мы поступаем в случае спора с южанами?

Лэгоу кивнул:

— Я понимаю, Тэмарк, да только Симбалия — не южане. Ни один фандорец там никогда не был, и нашим людям нужны действительно веские причины, чтобы туда отправиться. Многим кажется очевидным, что симы виновны. Йондалран думает, что, послав глашатая, мы потеряем преимущество неожиданности.

— Неожиданности? Когда мы даже правды о них не знаем? — Тэмарк поднял кубок с элем и провел пальцем вдоль ободка, там, где выступала белая пена. — Неожиданность сама по себе ничего нам не даст. Крошечная рыбка может напугать акулу, появившись неожиданно, да вот акула ее все равно съест. Неожиданность без знаний — это вот... — рыбак взял пальцами облачко пены с поверхности эля и подул, — ничто.

Самый молодой старейшина, Теннел из Боргена, приговаривал вторую индюшачью ножку, когда почувствовал, как тяжелая ладонь легла на его плечо. Он поднял голову и, к своему удивлению, увидел Йондалрана. Молодой человек быстро вытер жирную ладонь и протянул руку фермеру.

— Рад познакомиться с вами, сэр! — сказал он. — Ведь вы тот самый человек, который отбил атаку симбалийского корабля, пытаясь спасти сына?

Старик уставился на него, а потом сердито фыркнул.

— Вот, значит, как рождаются легенды, — ворчливо произнес он. Посмотрев на смущенного молодого человека долгим оценивающим взглядом, он добавил: — Ты слишком молод, чтобы носить пояс старейшины.

— Мне двадцать восемь, — попытался защититься Теннел.

Йондалран покачал головой с копной седых волос.

— Поразительно. Я бы как-нибудь к вам в гости съездил. У вас в кузницах, наверное, управляют младенцы, а фермеры пашут в пеленках.

До того как Теннел успел возразить, он продолжил:

— А что до твоего вопроса, так я тебе расскажу, как все было на самом деле.

Затем он рассказал свою историю, кратко и сухо, и все же к концу рассказа молодой человек услышал дрожь в голосе старика. Ему было жаль старого фермера, но еще больше он возмутился тем, что злонамеренный Эмсель все еще спокойно жил в своем доме на дереве.

— Почему же горожане не пошли туда с факелами и кольями и не привели его к суду? — спросил он. — Я думаю, нам нужно пойти прямо сейчас...

— Такие вещи должно делать по закону! — резко сказал старик. Затем, почувствовав укол совести от того, что говорит не всю правду, он добавил: — Я именно так, как ты говоришь, и пытался поступить, но я был ослеплен гневом. Мы не безответственные нарушители законов, как симы. Мы все будем поступать как положено.

— Как скажешь, — согласился Теннел, но в глубине души он стремился встретиться лицом к лицу с этим самым Эмселем.

Эмсель решил выбраться из Спинделейнского леса в тот вечер, решив пожить немного в большой сухой пещере, которую он давно уже обустроил как перевалочный пункт для дальних путешествий. Ему пришло в голову, что история о том, что случилось с Йоганом, может разрастись в жуткую небылицу, и тогда кто-нибудь непременно решит, что настало время действия. Ему нужно было о многом подумать, и он предпочитал размышлять в спокойной обстановке.

Эмселю до сих пор с трудом верилось, что Йоган мертв. Он помнил первую встречу с мальчиком — на опушке леса, около ручейка, который протекал мимо его лесного дома. Йоган играл с черепахой, вертел ее так и эдак, положив на спину.

— Ты собираешься ее есть? — спросил Эмсель мальчика, который молча покачал головой, глядя на отшельника с удивлением и испугом.

— Тогда тебе хорошо бы знать, — продолжал Эмсель дружелюбно, — что, если ты

оставишь ее лежать на солнце кверху брюхом, она умрет. Убивать для того, чтобы есть, — простительно, но убивать ради развлечения — нет.

К удивлению изобретателя, мальчик кивнул, сказал, что ему понятно, перевернул черепаху и опустил ее обратно в воду. Эта встреча стала началом их дружбы. Эмсель обнаружил, что мальчик умен, ему нравится учиться и у него есть чувство юмора. Узнав парнишку поближе, отшельник сообразил, что следует быть поосторожнее в словах, потому что Йоган был одним из тех редких людей, которые задумываются о том, что им говорят, и даже следуют советам. Хорошо давать советы с высоты своего опыта, прекрасно осознавая, что на них не обратят внимания, но с Йоганом следовало быть осмотрительнее.

Очевидно, он был недостаточно осторожен. Это была его вина, это он, не задумываясь о последствиях, пробудил в фермерском сыне интерес к необычному, к тому, что далеко выходило за рамки привычной мальчику жизни. Возможно, не стоило так много рассказывать Йогану, но Эмсель не представлял себе, о чем положено говорить ребенку, а о чем нет. Он вообще плохо ладил с людьми. И теперь мальчик, доверившийся ему, погиб.

Эмсель сложил кое-какие вещи в небольшую сумку и отправился в путь. Он взобрался на плато Гринмеду и начал подъем в Толденарские холмы. Тропинка поднималась вверх так круто, что ему пришлось в какой-то момент даже остановиться, чтобы перевести дыхание. Изображать горного козла среди утесов и расщелин было уже не так легко, как раньше. Он угрюмо подумал о том, что старость была бы не так ужасна, если б с годами он становился еще чуть-чуть мудрее.

Уже собираясь продолжить путь, он услышал приглушенные голоса неподалеку и шорох гравия на тропинке. Холодный страх сжал его сердце. Встретить опасность лицом к лицу? Бежать и надеяться, что его спасет знание холмов? Не успев принять решения, Эмсель услышал шаги за изгибом скалы и выскочил навстречу предполагаемой опасности, чувствуя, как сердце отчаянно бьется в груди.

Трое детей стояли рядышком на тропинке, два мальчика и девочка. Он их узнал, они встречались раньше — это были друзья Йогана. Мальчик долго пытался подбить их на то, чтобы вместе посетить жилище безумного отшельника, и они в конце концов пришли, поначалу дрожа от страха. Бояться они скоро перестали, особенно после того, как Эмсель угостил их сладостями и сидром и показал свои изобретения. Они обещали прийти еще, но так и не собрались, что отшельника, откровенно говоря, порадовало. Если б он целыми днями принимал гостей, у него не осталось бы времени на исследования и опыты.

Эмсель кивнул им, понимая, что не в состоянии вспомнить ни одного имени, и поинтересовался:

— Что вы здесь делаете?

— Мы играли в камешки на дальнем холме, — сказал плотно сбитый мальчик с темными волосами, — и увидели тебя.

Он говорил сердито, и Эмсель с горечью подумал о том, что теперь никакие сладости и никакой сидр не помогут ему завоевать их доверие.

— Давай, спроси его, — сказала девочка, — ты сказал, что согласишься.

Темноволосый мальчик отвернулся от Эмселя и покачал головой.

— О чем ты хотел меня спросить? — попытался подбодрить его Эмсель. — О Йогане?

Мальчик по-прежнему отводил глаза.

— Это был несчастный случай. Я не хотел, чтобы это случилось, — сказал Эмсель.

— Но случилось же. И он теперь мертв. А ты, ты что будешь делать? — спросила девочка.

— Я не знаю, — откровенно ответил Эмсель. — Я действительно не знаю. Думаю, я должен... поговорить с людьми.

— С какими людьми? — настаивала девочка.

— Я еще не знаю. Но у меня есть такое чувство, что это случилось потому, что люди, я сам, Йоган, его отец, слишком мало разговаривали друг с другом.

— Ты идешь на совет? — спросил худенький мальчик с беспомощно свисающей

искривленной рукой, до сих пор хранивший молчание.

— Какой совет? — спросил Эмсель. Городские старейшины к этому времени уже точно встречались.

— На Лестнице, — сказала девочка, — все идут. Это большой совет, самый большой.

Эмсель заморгал в изумлении. Созвали Верховный совет! Последний раз такой совет созывали давным-давно, насколько он помнил, тогда речь шла о помощи жертвам наводнения на реке Вайан. В свитках, посвященных истории Фандоры, было записано всего пять случаев, когда созывали Верховный совет.

Вряд ли совет созывали из-за него. Тогда что? Конечно, возможно, что созыв совета не имеет к лесному отшельнику никакого отношения. Хотя сомнительно, Эмсель слишком хорошо помнил обвинения Йондалрана и его угрозы отомстить симбалийцам за то, что они, по его разумению, сделали. Эмсель вдруг с чудовищной ясностью осознал, что знает, зачем собрался совет.

— Когда будет совет? — Он услышал свой голос, задающий этот вопрос, как будто издалека, и так же отдаленно прозвучал ответ девочки:

— Через три дня, на рассвете. Ты придешь?

Он задумчиво провел ладонью по волосам.

— Ну, даже и не знаю. Вряд ли меня там тепло встретят. Знаете что, дети, холодает. Идите-ка по домам.

Трое детей повернулись и убежали в сторону города. Эмсель проводил их взглядом, а потом посмотрел на холмы, где ждала старейшин Лестница Лета.

— Да уж, вряд ли мне обрадуются, — пробормотал он себе под нос, — но есть у меня такое чувство, что пойти я должен.

Было темно, слишком темно для утра, затянутое мрачными черными тучами небо предвещало дождь. Разъезжий сидел в таверне спиной к двери. Было слишком рано, чтобы пить, но на донышке его стакана плескались уже последние капли красного вина.

Было слишком темно для утра, слишком рано, чтобы пить, и он был слишком умен для того, чтобы быть простым разъезжим, однако утро уже наступило, он пил и он по-прежнему состоял на службе в разъезде. Через окно таверны он смотрел, как горожане сбиваются в группки. Скоро начнется Верховный совет, и все отправляются туда. Люди несли с собой одеяла и кожаные покрывала для защиты от дождя. В ожидании решения старейшин они, без сомнения, раскинут лагерь на спиральных ступенях Верхнего перевала.

Разъезжий усмехнулся. Фандорцы хорошие люди, справедливые. Сам он был южанином и жертвой гораздо менее благородной системы. Он бежал в Фандору, потеряв свое дело и левый глаз из-за шайки воров. Не в состоянии выплатить долги, он отправился на север и в конце концов нашел работу в Фандоре. Разъезд был подходящим занятием для чужака. Разъезжие разыскивали по дорогам беглецов, покинувших дом детей, уставших от суровой крестьянской жизни, и мелких воришек, чьими жертвами время от времени становились фермеры и купцы.

Разъезжий хоть и был одним из немногих иностранцев, постоянно проживающих в Фандоре, тем не менее ощущал уважение и симпатию местных жителей к себе. Его южный опыт был бесценен в новой работе, а высокий рост и широкие плечи значительно облегчали разговоры с клиентами. Он жил одиноко, заработок откладывал, а в свободное время исследовал окрестности.

В Фандоре было не более тридцати поселений, разбросанных на почти квадратном участке земли примерно в пятьдесят миль вдоль северного и пятьдесят вдоль восточного побережья выступающего в море мыса. Разъезжий посетил почти половину из них и нашел, что во многом похожие, фандорские города управлялись практически независимо, за исключением случаев, когда собирался Верховный совет. Частные фермы и хутора приписывались к ближайшему городу или деревне, а возникающие между поселениями споры решались сообща старейшинами. Это была простая система, особенно в сравнении с

достаточно запутанной системой государственного управления, принятой на юге, но до сих пор она работала без сбоев.

Разъезжий встал и направился к выходу. На площади он увидел группу танцоров — молодых людей и девушек, одетых в черное, в белых вязаных шапочках. Он как раз смотрел их представление, когда больной глаз снова воспалился.

Этот месяц выдался тяжелым для разъезжего. Его наняли найти пропавшего сына купца из далекого города Делькарена, но он уже дважды упускал парнишку. Теперь южанин был уверен, что мальчик в Тамберли, но морозный воздух фандорской весны не пошел на пользу его больному глазу, и он потерял много времени, пока сидел в темной комнате и возился с примочками.

Последние несколько дней вокруг только и разговоров было, что о войне. Речи старика Йондалрана взбудоражили город. Двое детей погибли, воздушный корабль разбился. Южанин еще никогда не видел фандорцев такими разгневанными. Разъезжий кое-что знал о симбалийцах и понимал, что фандорским крестьянам не справиться ни с их воздушными кораблями, ни с их военной стратегией. Но эти крестьяне его приютили, и, если они проголосуют за войну, он сделает все, чтобы им помочь. И все же в глубине души он надеялся, что разум возобладает.

Эмсель шагал по направлению к Лестнице Лета. Дорога, которую он выбрал, была куда короче, чем та, по которой шли остальные, но и куда опасней. Ему приходилось перепрыгивать с камня на камень, перебираясь через расщелины до семидесяти футов глубиной, и пробираться, прижавшись к скале, по узким уступам. Когда он был моложе, такое удавалось легче, но все же он и теперь продвигался достаточно быстро.

Отшельник беспокоился, ведь со встречи с детьми прошло уже три дня, и многое могло произойти за это время в Тамберли. Он всегда старался держаться подальше от горожан, но на расстоянии трудно было быть в курсе событий.

Он спрыгнул с выступа, приземлился на край узкого каньона, который разделял холм параллельно Лестнице, и начал спускаться вдоль него, одной ногой на одном краю, другой на другом. В конце пути его ждала пещерка, выступ которой нависал над частью вырезанного самой природой каменного амфитеатра, называемого Лестницей Лета. Эмсель устроился в пещерке, достал тетрадку и перо и приготовился ждать.

Многие горожане последовали за старейшинами к Лестнице Лета. Такое событие, как совет, случалось редко, да и предмет обсуждения касался всех без исключения. Никто, однако, кроме старейшин, не допускался на ступени природного амфитеатра, где проходило собрание. Йондалран поднялся последним. Перед тем как ступить на запретную для других территорию, он обернулся к людям, следовавшим за ним.

— Помните, что вам нельзя и шагу ступить на Лестницу, — напомнил он. — Оставайтесь здесь и ждите нашего решения.

— Может, мы хоть послушаем? — предположил один из мужчин. — Мы не будем прерывать совет!

— Вы не можете слушать, мы будем действовать по закону, — твердо ответил старик и пошел вслед за остальными старейшинами.

Старейшины Фандоры не выглядели знатными гражданами. Многие сжимали в руках посохи и кирки, с помощью которых они шли горными тропами. Большинство было одето в простую крестьянскую одежду.

В соответствии с правилами проведения совета старейшины заранее избрали из своих рядов председателя. В этот раз им оказался Пеннел. Его место было на небольшом каменном возвышении в центре амфитеатра. Он стоял там и смотрел на собрание, освещенное факелами. Он видел напряженные, суровые лица. Пеннел знал, кто должен согласно традиции говорить первым, и поэтому он назвал имя старейшины, по чьему призыву собрался совет.

— Я вызываю Йондалрана, старейшину города Тамберли!

Отец погибшего мальчика вышел в центр амфитеатра. Он говорил страстно и яростно. Любовь к родине была так сильна в нем, что его речь зажгла сердца даже тех старейшин, которые приехали издалека и ничего не знали о симбалийцах.

— Произошли убийства, — сказал Йондалран, — мы живем в осаде, мы боимся за свои жизни и жизни наших детей. Мы с тревогой всматриваемся в небо, опасаясь коварных нападений, мы не выходим из домов с наступлением темноты! Мы сражались за эту землю и мы работали в поте лица, чтобы выжить на ней, мы слишком много пережили, чтобы нас могли испугать те, кто завидует нашему благосостоянию. Это предвещает нападение! Колдуны жаждут крови! Я взываю к правосудию! Я призываю к войне!

Йондалран вернулся на свое место. Старейшины молчали. Никто не осмеливался оспорить право отца взывать к отмщению за сына. И все же оставались вопросы и сомнения.

Пеннел вызвал старейшину Гордейна, который рассказал о падении симбалийского корабля на город и о последовавшем пожаре. Затем на возвышение вышел Лэгоу, колесных дел мастер. Слова Тэмарка на пиру и свои собственные соображения заставили его высказаться вслух.

— Давайте начнем с того, зачем симбалийцам вообще на нас нападать, — обратился он к собранию. — Если они наслаждаются своей изнеженной жизнью, зачем им наша земля?

Лэгоу говорил не хуже фермера из Тамберли, его слова тоже западали глубоко в сердца слушающих. Он не хотел усугублять горе Йондалрана, но еще больше не хотел ввязывать свою страну в войну.

— Они завидуют нашей независимости, нашим процветающим фермам и богатым уловам! — выкрикнул Йондалран. — Насколько мы знаем, они вынуждены покупать продукты у южан.

— Мне почему-то кажется, — заметил Лэгоу, — что волшебникам не составит большого труда найти пропитание!

— Да они знать ничего не знают о земле, — послышался голос молодого старейшины из Боргена, — и возделывать ее не умеют!

Его поддержали. Кто-то сказал, что симбалийцы жадны по природе — они завидуют богатым фандорским урожаям и здоровым детям.

— Все знают, что им нужны жертвы для их колдовских опытов. Своих детей они использовать не будут, им нужны наши!

Когда гул протестов затих, Лэгоу вернулся на свое место. Его не переубедили, но он понимал, что шансов отговорить Совет от войны нет. Слишком многие готовы были сражаться. Упрямство старейшин пугало колесника, однако противостоять им открыто он не был готов. Так можно совсем потерять влияние в совете. Лучше уж он постарается слегка охладить их пыл, когда дело дойдет до конкретных действий. В любом случае он проголосует против вторжения.

Тэмарк из Кейп Бейджа посмотрел на Лэгоу с уважением. Выдвинутые обвинения действительно были беспочвенны, построены на слухах и откровенной лжи. Фандорцы рвались в бой, слабо представляя себе, что за битва им предстоит. Он путешествовал и много слышал о симбалийцах. Их репутации было бы достаточно, чтобы заставить любого отказаться от мысли сражаться с ними. Волшебники были опытны в нападении и имели толковую стратегию защиты. Тэмарк сожалел о смерти детей, но ответ фандорцев должен был быть другим. Рыбак встал, чтобы бросить вызов старейшинам.

— Мы собрались, чтобы обсудить, стоит ли нам идти войной на Симбалию. Я говорю, что нет. Мы не должны воевать.

Его голос эхом отразился от стен амфитеатра.

— Дурак! — закричали из задних рядов. — Предатель! Детей убили!

Рыбак упрямо стоял, сжав лацканы куртки. Его голос наполнился жалостью, когда он снова заговорил:

— Я тоже сочувствую Йондалрану. Но доказательств того, что в его гибели повинен воздушный корабль, нет. Я не слышал ни одного доказательства, которое связывало бы смерть Йогана с симбалийцами.

— Крыло, на котором он летел, было истерзано. Я сам видел, — сказал Эгрон из Тамберли.

— Да не слушайте вы его! — закричал старейшина из Делькарена. — Он просто глупый рыбак! Я за голосование!

— Нет! — Лицо Тэмарка побагровело, и он изо всей силы ударил кулаком по ладони. — Нет, вы меня выслушаете! Я путешествовал, я видел больше, чем вы все вместе взятые когда-нибудь увидите! Армия колдунов разобьет нас начисто! Несмотря ни на что, мы не должны на них нападать. Твой сын погиб, Йондалран, но мы не знаем наверняка, был ли он убит.

— Лжец! Его убили! — Старый фермер выскочил к возвышению в центре.

— А как насчет дочки пастуха? — спросил кто-то. — Там не было никаких утесов, откуда она могла бы упасть. И никаких безумных отшельников, чтобы заманить ее в небо. Это мог быть только воздушный корабль!

— Вы все слышали о том, как симбалийцы атаковали Гордейн, — продолжал кричать Йондалран. — Счастье, что дождь пошел, так бы весь город сгорел!

— Я боюсь за наших детей, — добавил старейшина Гордейна, — мы должны защищаться.

Раздались крики поддержки. Эмсель, скорчившийся в укромном уголке, пробормотал:

— Совсем плохо... Если так пойдет, они проголосуют за войну...

Отшельник встал. Он не мог позволить им решить идти на войну, не сказав своего слова. Он должен был убедить их, что симы не имеют к смерти Йогана никакого отношения. Это целиком и полностью его вина.

Председательствующему Пеннелу с трудом удалось уговорить раскричавшихся старейшин.

— Есть ли еще кто-нибудь, желающий высказаться? — спросил он.

Эмсель глубоко вдохнул, выступил из-за своего укрытия и оказался на виду у всего собрания.

— Я хочу сказать. — Собственный голос показался ему едва слышным.

В ответ он услышал гневные крики. Его узнали. Йондалран снова вскочил.

— Шпион! — выкрикнул он.

— Я хочу обратиться к совету, — начал Эмсель, — у меня есть право говорить...

— У тебя нет никаких прав, убийца! — вскочил еще один старейшина.

— Ты шпионил! Прятался в скалах, подслушивал нас!

— Подождите! — Эмселю тоже пришлось повысить голос. — Я не...

Эмсель хотел объяснить, но его не слушали, к тому же Йондалран кричал гораздо громче.

— Он шпион! Взять его!

Несколько старейшин помоложе, включая Тенньела, бросились вверх по ступеням гигантской лестницы. Эмсель в панике развернулся и бросился бежать. Он вскарабкался неуклюже на груды осыпавшихся камней и исчез из виду преследователей.

Пеннел не без труда снова навел порядок и снова спросил, есть ли еще желающие высказаться. Таковых не нашлось.

— Тогда, — сказал он твердо, — мы будем голосовать.

Эмсель не останавливался, он бежал и бежал до тех пор, пока не достиг вершины горы.

Там, наверху, он прислушался. Сверху было видно горожан, собравшихся вокруг амфитеатра, терпеливо ждущих мужчин и женщин. Затем он услышал первое короткое «да», отраженное эхом и разнесшееся по горам, а за ним второе, и третье, и еще. Он считал голоса. Немногие из старейшин воздержались.

Вскоре старейшины покинули подаренный им природой зал заседаний. Тучи понемногу поднимались, но воздух стал еще тяжелее. Эмсель вздохнул. Не было никаких сомнений, никаких. Они проголосовали за войну, и снова он виноват. Если б он не побежал... Но что он мог сделать? Разгоряченные старейшины не стали бы слушать. Да и что можно было сказать? Ведь он сам не знал, что именно послужило причиной гибели мальчика.

Эмсель опустил голову и прошептал:

— Эх, Йоган, если так пойдет, ты станешь только первым из многих...

Он поднял взгляд к затянутому облаками небу.

— Кто-то должен что-то сделать! Боюсь, что придется мне...

ГЛАВА 6

Гонцы разнесли весть о решении Верховного совета. Впервые за свою двухсотлетнюю историю Фандора намеревалась начать войну.

На главной площади Тамберли старейшин обступили горожане.

— Мы соберем армию, — говорил Йондалран, — мы выжжем дотла их леса и сожжем корабли! Симы больше не причинят нам вреда. Они будут наказаны за то, что принесли нам смерть.

Собравшаяся кучка народа ответила ему едва слышным гулом. Бьющий через край энтузиазм, который был виден везде еще несколько часов назад, иссяк.

Тэмарк наблюдал, стоя около кузницы. Получив то, чего так хотели, люди начали испытывать сомнения.

Когда Йондалран закончил речь, к нему подошли Тенньел, Эгрон и Лэгоу, который заговорил первым.

— Я подчинюсь решению совета и я полностью признаю твоё назначение командующим армией.

— Признаешь, только не поддерживаешь, Лэгоу.

— Это уже не имеет значения. Мы по-прежнему соседи, и я остаюсь фандорцем. Ты уже подумал, как ты будешь собирать и чем вооружишь свою армию?

— Мы сделаем оружие, — уверенно ответил Йондалран, — любой человек умеет драться. Нашим самым главным оружием будет то, что мы правы и знаем об этом.

Лэгоу опустил глаза, словно рассматривая свои тяжелые сапоги, покрытые дорожной пылью.

— Понадобится больше, чем сознание собственной правоты, чтобы разбить симбалийцев.

— Если ты боишься присоединиться к нам, Лэгоу, в твоём городе найдутся другие, которые почтут за честь занять твоё место.

Лэгоу быстро вскинул голову:

— Не оскорбляй меня, Йондалран! Тебе ещё понадобится наша помощь в безумии, которое ты затеял!

Йондалран с угрожающим видом шагнул к нему.

— Безумие, говоришь? Значит, безумие — отцу искать правосудия за убитого сына?

— Нет, — резко ответил Лэгоу, — но тебе стоит хорошо подумать перед тем, как посылать чужих сыновей на смерть!

Йондалран размахнулся, но Лэгоу успел пригнуться и избежать тяжелого удара крестьянского кулака, однако старик успел вцепиться в него мертвой хваткой.

— Прекратите! — закричал Эгрон. — Вы старейшины! Вас дети увидят!

Он попытался растащить противников, но Йондалран его оттолкнул и снова набросился на Лэгоу. Колесных дел мастер подставил фермеру подножку, и они рухнули вдвоем в грязь, покрывшую площадь после дождя.

Теннел схватил ведро, стоявшее у колодца, и ударил им фермера по голове. Йондалран глотнул воздух, откатился в сторону и замер.

Кожевник ахнул:

— Что я наделал!

Он быстро опустил ведро в колодец, достал воды и выплеснул ее в лицо потерявшему сознание фермеру. Пока он этим занимался, Лэгоу поднялся на ноги, коротко переговорил с Эгроном и удалился.

Когда Йондалран пришел в себя, Лэгоу уже не было видно.

— Трус, — первым делом сказал старик, открыв глаза.

— Нет, — ответил Эгрон, — он патриот. Он пошел отправить гонца с вестью о решении совета в свой город. Ты должен быть готов к тому, что не все согласятся с этим решением. Никому из фандорцев ещё не приходилось бывать в Симбалии. Многие опасаются, и недаром, идти воевать с волшебниками.

— Да уж, — добавил Теннел, — слишком многие.

— Нам нужно придумать, как от них защититься. Нам нужна своя магия, — продолжал Эгрон, — что-то вроде очень сильного заклятия, которое укроет нас от всей симбалийской волшбы.

— Ни за что! — Йондалран ударил кулаком по кирпичной кладке колодца. — Мы не будем искать правосудия, прикрываясь колдовскими ухищрениями!

— Одумайся, Йондалран, — убеждал Эгрон, — это война, и они будут использовать против нас все, что у них есть. Если у нас будет защита, это вовсе не значит, что мы ею непременно воспользуемся, но она должна быть на всякий случай.

— Но где же мы возьмем такую защиту? — спросил старейшина, который подошел, заслышав спор.

— Я кое-что слышал, — неохотно признался Теннел. — В Алаканских топях, говорят, живет ведьма...

— Нет! — снова закричал Йондалран. — Мы не станем связываться с ее злыми чарами!

— А что ужасного в этой ведьме?

— Она когда-то давно жила в Тамберли, — рассказал Эгрон. — Тогда разразилась лихорадка, и ее признали виновной в распространении болезни — она прививала болезнь крысам.

— И она ещё пыталась доказать, что на самом деле хотела остановить мор! Чем-то там особенным этих крыс кормила! Да с тем же успехом можно пытаться тушить пожар маслом!

Клетки перевернуло ветром, крысы вырвались и разбежались, и несколько человек умерло от их укусов. Мы не будем иметь с ней дела!

Старик с яростью посмотрел на остальных.

— Я слышал, — сказал Теннел, — она совершила немало и добрых дел. Например, она вывела особый сорт пшеницы, и это она указала тебе, где вырыть этот самый колодец!

— Это правда, — согласился Эгрон, — этот колодец никогда не высыхал, даже в засуху, что была три года назад.

В конце концов пришлось собрать остальных старейшин и проголосовать для того, чтобы убедить упрямого Йондалрана. Решили, что, несмотря на опасения старого фермера, рискнуть все же стоило.

Эмсель разглядывал старинную карту Симбалии, купленную как-то по случаю у купца-южанина. В отчаянии он задумал пересечь залив, найти симбалийцев и обратиться к ним за помощью. Если они умели строить воздушные корабли, рассуждал он, они должны быть разумными людьми, а если они разумные люди, волшебники или нет, они не захотят войны. План был безумный, но выбора не было. Он не знал, что еще он мог бы сделать.

— Колдун! Сдавайся!

Дверь лесного домика поддалась крепкому удару ноги, и трое старейшин, тех самых, которые погнались за ним на Лестнице, ворвались в комнату.

— Мы пришли за тобой! Мы отвезем тебя в Тамберли, где тебя будут судить как убийцу и шпиона!

— Прошу прощения, но я уезжаю.

Сказав это, Эмсель повернулся и побежал. Трое мужчин бросились за ним, но один зацепился за ножку стула и опрокинул свечу, горевшую под перегонным кубом. Свеча упала в миску с маслом, которое тотчас же вспыхнуло. Огонь перекинулся на стопку свитков, лежащих рядом с коллекцией костей.

Трое старейшин едва успели выбраться из полыхающего дома. В суматохе Эмсель выскочил из окна. Он быстро вскарабкался по старому дереву позади дома и по широкой ветке выбрался на плато. Там он спрятался за пригорком и смотрел, как поднимается дым. Его дом и все его вещи, все, что он так долго, с таким трудом собирал и делал своими руками, вещи, которые, может, и не имели никакой ценности сами по себе, но были бесценны для него, — все горело. Эмсель смотрел, и слезы катились по его щекам. Когда дым слегка поулегся, он развернулся и тронулся в путь. Все, что у него осталось, лежало у него в карманах — очки, тетрадка, стручки, которые он собирался тщательно исследовать, и нож. Карту Симбалии он потерял.

Отшельник шел в утренних сумерках к морю, вздрагивая при малейшем звуке. В каждой тени ему чудились фигуры преследователей. Он устал, проголодался и со злостью думал о том, почему он вообще пытается спасти этих людей, которые хотели посадить его в тюрьму и сожгли его дом. Он никогда никому не причинял вреда, он вообще старался избегать людей, и вот как его отблагодарили. Ну и пусть пожинают плоды своей глупости, пусть! Им будет хорошим уроком, если симы окажутся настоящими волшебниками и если каждого из этих глупых фандорцев превратят в камень!

Если б он был умнее, он бы постарался добраться до южных земель и устроиться там. Но он шагал к морю. Ему казалось, что он видит прямо перед собой белокурого смеющегося мальчика, парящего в небе на Крыле из кожи и дерева. А еще ему казалось, что он видит, как мальчик падает, как восторг в его глазах сменяется ужасом...

Эмсель закрыл глаза и потер веки пальцами. Затем он встряхнул головой и пошел дальше.

Он не знал, как и почему погибла дочь пастуха, но он знал, как умер Йоган, и также знал, что мальчик заслуживал лучшего памятника себе, чем развязанная из-за него война. Отшельник добрался до залива к вечеру. Несколько недель назад он подготовил к плаванию небольшую лодку и оставил ее в пещере на берегу с запасом еды. К его глубокому

облегчению, лодка была на месте. Он не откладывая спустил ее на воду и начал грести, а затем, отойдя от берега, расправил маленький парус. Ветер не был попутным, поэтому приходилось часто и осторожно менять галс.

Эмселю было неуютно. До этого он еще никогда не выходил в открытое море, но у него получился, успокаивал он себя. Он сделает это ради Йогана.

ГЛАВА 7

Первые лучи утреннего солнца устремились к земле сквозь облака, укрывавшие Симбалию больше недели. Волнистые попугайчики, ары и другие птицы взмыли в воздух, приветствуя солнце радостным щебетаньем и блеском радужного оперения, будто радуга разбилась на тысячу цветных кусочков над куполом леса. Птицы возбужденно носились, празднуя конец дождей, но вдруг все исчезли. В один миг все бесконечное небо оказалось предоставлено одной птице — ястребу, который распростер огромные неподвижные крылья и летел быстро и высоко по направлению к просвету в море зелени.

Ястреб спланировал ниже и устремился сквозь просветы в переплетении ветвей, все еще мокрых после дождя. Рыжие мартышки испуганно заверещали и прижались к стволам деревьев, а белки попрятались в дупла и завороченно выглядывали оттуда.

Ястреб не обращал на них внимания. Он летел через тенистый лес туда, откуда пробивался тускло зеленый свет Надлесья. Он летел между гигантскими деревьями, над густо разросшимся мокрым подлеском. Затем он пролетел над невысокой каменной стеной, за которой трава была подстрижена, а подлесок сменился ухоженными цветочными клумбами.

Здесь и там мелькали искусно подстриженные кусты в форме зверей и птиц. Ястреб пролетел над своим собственным портретом из живой зелени, крылья которого раскинулись на все пять футов. Там же были зеленые львы, медведи и лошади, а еще гигантские козлы, тянущие райанские кибитки. Деревья, стволы которых были украшены замысловатой живой мозаикой, выстроились вдоль тропинок.

Ястреб летел дальше. Первые строения, которые он увидел внизу, были маленькими,

старыми и убогими хижинами. Порой жилище было устроено прямо в широком стволе старого дерева, что выдавала грубо приделанная дверь.

Ястреб видел людей внизу, мужчин и женщин в потрепанной одежде. Некоторые из них были рудокопами, это было видно по черным отметинам на одежде и руках — грязь въелась черной полосой под ногти и запеклась на сапогах. Они сидели на скамейках и завалинках у домов. Другие были плотниками, торговцами, каменщиками. Они смотрели, как ястреб летит в вышине, одни улыбались, как будто увидев хороший знак, другие хмурились и отводили глаза.

Ястреб летел. Строения становились все лучше и изящнее, по-прежнему оставаясь едиными с окружающей природой. Еще больше появилось деревьев с дверьми, окошками и даже балкончиками. Некоторые дома самой разнообразной архитектуры были выстроены вокруг стволов деревьев, другие стояли сами по себе. Там были особняки с островерхими крышами и мансардами, величественные здания из мрамора и маленькие домики, окруженные восхитительными садами. Крыши были покрыты черепицей, дранкой, а иногда и кованой медью.

Ястреб видел все больше людей, идущих по мощенным плиткой дорогам, переходящих ручейки по крутым деревянным мостам. Мужчины были одеты в разноцветные туники, украшенные складками и искусной вышивкой. Женщины носили шелковые, развевающиеся на ветру платья. И эти люди по-разному реагировали на появление ястреба в небе, кто улыбался, а кто не скрывал досады.

Ястреб почти не сворачивал с пути, разве только чтобы обогнуть препятствие вроде решетки, покрытой источающими аромат цветами, или высокой арки. Он летел и летел до тех пор, пока похожее на парк пространство не стало еще шире и сквозь туманную зеленую массу не проступили золотые и алые лучи спрятавшегося за лесом солнца. Затем ястреб оказался над широкой поляной, где росло дерево, которое можно было бы назвать отцом всех деревьев, — оно было около пятидесяти футов в диаметре, а его верхушка была истерзана следами молний. В других краях самые малые ветки этого гиганта могли бы прославиться как легендарно большие деревья. Ступени у основания благородного гиганта вели к входу во дворец. На различных уровнях ствола были вырезаны террасы, балконы и окна. Ястреб подлетел к крошечному узкому окошку высоко над землей и исчез в нем.

Две тени двигались в темноте. Первый человек был молод, второй стар, но тусклое освещение на лестнице скрадывало разницу в годах.

— Ясвтр, — сказал старик, — ты слишком быстро шагаешь, мне, старому, за тобой не угнаться!

Молодой человек улыбнулся:

— Ты не старше сейчас, чем был король Эмбалон, когда он учил тебя править Симбалией.

Старик покачал головой:

— Я не отец, Ясвтр.

— Говорят, ты можешь с ним сравниться, король Эфрайон.

— Ерунда.

— Этого не отрицают даже те, кого так возмущает мое присутствие во дворце.

— Ну да, а еще говорят, что я выживший из ума старик, который уже сам не понимает, что делает.

Молодой человек рассмеялся:

— Может, они и правы!

Седовласый человек в бежевом платье начал было смеяться вместе с ним, но смех сорвался в кашель:

— Может, и правы! Как тебе удалось меня сюда затащить? Я должен был бросить тебя в одиночку исследовать эти потайные проходы!

Молодой человек протянул старику руку, чтобы помочь спуститься по лестнице.

— Мне не стоило тебя сюда приводить, но вряд ли найдется кто-нибудь еще, кто знает эти коридоры лучше тебя!

— Это правда. У нас так долго был мир, что Семья потеряла интерес к потайным коридорам и лестницам. Я об этом, признаться, не жалею.

— Я тоже, король Эфрайон. Только вот тяжело жить в доме, у которого полно от тебя секретов.

— Боюсь, ты находишь, что дворец слишком похож на тебя самого, — сказал старик.

На это замечание его молодой спутник ничего не ответил. Они продолжали спускаться вдвоем к едва видневшемуся внизу свету.

Молодой человек по имени Ясведр был высок ростом и хорошо сложен, его глаза, черные, как беззвездное небо, ярко блестели на бледном лице. Сын горняка, он в свои тридцать шесть лет повидал и нищету, и достаток. У него была гордая осанка, прямые плечи и высоко поднятая голова — осанка героя. Немногие знали о том, что за обликом человека из легенды, которым он стал, скрывалась скромная натура. О нем рассказывали истории: о его храбрости, о его далеких путешествиях в неведомые земли, куда большинство устремлялось лишь в детских мечтах. У него был глубокий голос, вселявший уверенность в тех, кто шел за ним, и пугавший тех, кто ему противостоял. В число последних входила и королевская семья, ведь Ясведр был простолудином, недавно избранным королем Симбалии.

Седовласому старику с тихим голосом было восемьдесят. Причиной неуверенной походки был подорвавший его силы удар. Но старые глаза по-прежнему сверкали недюжинным умом и участием, что помогло ему завоевать любовь страны. Король Эфрайон был первым королем Симбалии, избравшим своим наследником человека, не принадлежавшего к королевскому кругу.

Старый король с любовью посмотрел на молодого человека. Он помнил, как увидел его в первый раз, как поразили его эти черные, как ночь, глаза, помнил чувство, которое он тогда испытал. В этом человеке старик видел будущее Симбалии. Ясведр, с его страстной любовью к жизни и к людям, с его честностью и чувством справедливости, мог вывести страну из замкнутого круга государственных забот: купцы, нищета райан, смута на северных границах и пустая напыщенность королевской семьи. Ясведр мог привести страну в эру еще более прекрасную, чем сорок лет правления Эфрайона.

Старый король надеялся, что недовольство, вызванное избранием Ясведра, уляжется и наступит светлый период общей радости. Единственным членом семьи, поддержавшим решение короля о передаче короны Ясведру, была его сестра, леди Грейдон. Эфрайон надеялся на поддержку народа, и он ее получил, даже в дворцовом окружении нашлись его сторонники. И все же вокруг молодого короля плелось слишком много интриг.

Эфрайон заметил окно внизу, там, где кончалась крутая узкая лестница. Он улыбнулся, и Ясведр ответил ему улыбкой. Старику нравилась улыбка молодого короля. Людям стоит почаще ее видеть, может, это кого-нибудь убедит в правильности принятого старым королем решения.

Когда они достигли окна у основания лестницы, в тишине раздался птичий крик, и ястреб, ворвавшись снаружи в узкий проем окна, приземлился на плечо Ясведра. Молодой король напрягся, но не подал виду, что ему тяжело.

Эфрайон изогнул бровь:

— Он снова тебя нашел.

Ясведр не ответил. Он вынул кусочек сушеного мяса из кисета, который носил с собой, положил на ладонь и протянул угощение птице. Ястреб с серьезным видом склевал мясо и огляделся вокруг настороженными, немигающими глазами.

— Мы ходим по кругу, король Эфрайон.

Король схватил молодого человека за руку.

— Ты смеешься надо мной, Ясведр?

Король улыбнулся.

— Ястреб и я, это мы ходим по кругу. Мы следуем пути, который приводит нас туда, откуда мы начали.

Эфрайон кивнул. Значило ли это, что Ясведр когда-нибудь покинет дворец и вернется в шахты, он не знал. Иногда молодой человек казался ему совершенно несносным. Эфрайон шагнул вперед и почувствовал под ногами ровную площадку. Ясведр, следовавший за ним, уперся в стену.

— Здесь? — спросил он.

— Да. Нащупай деревянный брус. Там должна быть глубокая насечка Мелифон, архитектор, продумал все запоры так, что только тот, кто знает секрет, сможет открыть. Когда найдешь насечку, попробуй сдвинуть брус влево.

Ясведр провел рукой по двери, нащупал тонкую горизонтальную линию и потянул брус влево. За частью стены, которая отодвинулась в сторону, была ярко освещенная комната.

— Король Ясведр!

Оба короля, молодой и старый, шагнули в открывшийся проем. Перед ними застыли в изумлении генерал Вора, военный министр Симбалии, полный, но чрезвычайно энергичный человек в военной форме, и Керия из кибиток Ша, райанка и министр внутренних дел, советник Ясвэдра.

Покой, в который попали монархи, был невелик, но красив и даже величествен. В северной стене было огромное окно, открывавшее вид на лес, где свободно бродили животные. Прямо перед окном в обрамлении штор стоял на небольшом возвышении трон. Ясведр подошел к окну, вытянул руку и с усилием выбросил тяжелую птицу в воздух. Затем он повернулся к своим министрам, кивнул им и занял свое место на троне.

Король взглянул на Керию, и в его глазах блеснул огонь. Молодая женщина загадочно улыбнулась в ответ. Ее голубые глаза, не такие пронзительные, как у короля, но тоже пронизательные, отражая темный взгляд молодого монарха, превращали его в свет. Многие боялись ее, чужую, загадочную женщину. Король ее любил.

— Сэр, — сказала она, откидывая капюшон красного плаща с вьющихся у висков черных волос, — разве не является обязанностью твоих министров уведомлять тебя о том, когда правила и предписания входят в противоречие с интересами подданных?

— Несомненно, — сказал Ясвтр, от которого не ускользнуло нахмуренное выражение лица Вору, — но, возможно, стоит рассказать об этом мне, Керия, до того, как обсуждать с остальными министрами?

— Тебя не было. Мы с генералом просто репетировали наше выступление, чтобы изложить наши соображения перед тобой в самой лаконичной форме.

— В лаконичной форме! — расхохотался военный министр. — Это она говорит! Да если она когда-нибудь выскажется кратко, так только если солнце в тот день взойдет и сядет за один час!

Женщина прикусила нижнюю губу, а затем продолжила:

— Король Ясвтр, я только хотела сказать, что нашим войскам нет никакой необходимости оставаться в затопленных Валианских равнинах, тогда как они могут спокойно вернуться домой. Заставляя их там оставаться, мы напрасно мучаем людей. У нас не война.

— Армия — это армия! — немедленно возразил генерал Вора. — Во время учений необходимо выполнить все маневры, которые ведут к победе в сражении. Иначе они будут не готовы к трудностям настоящей войны. Сейчас самое подходящее время для учений! Именно сейчас, когда половину армии Ясвтр отослал на юг для охраны каравана барона Толчина. Оставшиеся тоже пусть испытают на себе трудности войска на марше, хотя бы в условиях учений.

Керия протестующие подняла руки:

— Генерал, они и так отлично обучены! Вы бы лучше подумали о том, что у них на уме!

— На уме? У солдат? Ясвтр, мне надоела эта райанка, сующая свой нос туда, где она ничего не понимает! Она невыносима!

— Невыносима? У вас манеры фандорского фермера, Вора! Я невыносима? Я требую...

Ее прервал старый король:

— Вы спорите попусту, леди Керия. Наши шахты затопил паводок, вот о чем надо подумать и решить, как обеспечить безопасность горняков. Это гораздо важнее, чем вопрос об умственном развитии подчиненных генерала Вору.

— Невыносима! — пробормотал Вора, уходя.

Ясвтр тяжело вздохнул.

— Керия, тебе нужно научиться держать свои мысли при себе.

— Но если я думаю правильно, разве я должна молчать?

— Не должна, — сказал Эфрайон, — но следует обдумывать слова. Конечно, в нашей армии женщины тоже служат, и все же генерал Вора слишком горд для того, чтобы принимать советы от молодой девушки. Если хочешь повлиять на него, действуй окольными путями.

Ясвтр, почувствовав, что атмосфера снова накаляется, прервал спор. Спокойным голосом он заговорил о планах на день:

— Министр Эллоу расскажет нам о том, как прошло закрытие шахты в Синдриле. Затем мы отправимся в путь. Все ли готово для церемонии назначения принца Кайерта?

— Да, — ответила Керия, — церемония пройдет на возвышении Верона. Королевскую семью известили, и они собираются присутствовать.

— Отлично. Может быть, красивая церемония слегка ободрит принцессу Эвирайю.

— Вряд ли, — усмехнулся Эфрайон.

Генерал Вора, явно восстановив хорошее настроение, вернулся с горстью орехов в руке.

— Если б Эвирайя могла, — сказал он, прожевав орех, — она бы сама проводила

церемонию. Не секрет, что она хочет заполучить Рубин. Да и родители ее были бы рады, если бы она его получила.

— Генерал Гиброн и леди Эссель были бы счастливы, если б Рубин получил любой член Семьи, — добавила Керия.

— Хватит об этом! — сказал Ясведр, вставая с трона. — Генерал Гиброн и его жена все равно останутся при своем мнении. Мы скоро их увидим, и вам всем стоит быть с ними по приветливее.

— Это нелегко, — сказал Вора.

— Держите концы! — выкрикнул Кайерт. Он бежал через док по направлению к деревьям. Вокруг царил настоящий хаос — люди пытались ухватить молотящие по воздуху якорные канаты сорвавшегося корабля. Кайерт бежал, хотя порывы ветра, сбивающие с ног, нещадно трепали его черные волосы и широкие рукава парадной формы.

На гигантских взлетных площадках быстро свертывали паруса других кораблей. Шторм начался неожиданно, и им еще повезло, что сорвался только один корабль. Да и этого бы не произошло, если бы этот глупый дворцовый червь не настаивал на своем присутствии на борту.

Если бы кормовой якорь был поднят, он не зацепился бы за дерево на краю леса, и корабль унесло бы в сторону залива, как тот, который исчез несколько недель назад. Теперь он висел с натянутыми парусами, как детский змей, готовый улететь в любой момент.

Кайерт, принц Симбалии, подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку дерева, подтянулся и начал карабкаться вверх. Листья хлестали его по лицу, кора обдирала руки, он чувствовал, как дерево вздрагивает под напором бьющегося корабля. Он уже видел небольшую лодку под огромными, хлопающими на ветру парусами.

Якорь зацепился за ветки на высоте около пятидесяти футов над землей. Тален, брат Кайерта, вместе с другими удерживал канаты внизу. Кайерт добрался до тех веток, которые держали якорь, примерился и прыгнул, повиснув на якорном канате. Он висел высоко над землей, дожидаясь, пока канат перестанет раскачиваться. Канат прогнулся под его весом, на какую-то секунду Кайерт испугался, что якорь сорвется. Но он держался. Принц быстро взобрался вверх.

Когда он наконец схватился за деревянный поручень и забрался на борт, его руки дрожали. Корпус корабля был круто наклонен. Огонь в топке, хорошо закрепленной и закрытой специальными щитами от ветра, жарко полыхал, и природный газ, вырабатываемый при сгорании драгоценных камней из синдрильской шахты, наполнял полости в парусах горячим воздухом.

Этот тип, мелкий дворцовый чиновник, который настоял на том, чтобы подняться на борт для инспекции запасов, теперь лежал, распростертый на корме, дрожа от страха, и расширенными глазами смотрел на принца.

— Я... я не знаю, что случилось, — начал он бормотать, когда Кайерт соскользнул по наклонившейся палубе к рубке, — я, наверное, случайно потянул рычаг зажигания.... Топка начала гореть... камни, они загорелись!

Кайерт взобрался на крышу рубки, туда, где была закреплена топка.

— Невозможно раскрыть клапан так, чтобы настолько промочить камни! Что еще ты сделал?! Говори!

— Я увидел, что они загорелись, и я... — начал бормотать чиновник, крошечный человечек, чья дворцовая ливрея была выпачкана в грязи, и все шнурки и пояс были набекрень, — и я... я попытался погасить огонь!

Кайерт огляделся. В углу валялся пустой бочонок для воды.

— Идиот! — закричал принц. — Синдрильский уголь водой разжигают, а не гасят!

Ничего удивительного, что корабль взвился, как ужаленный пчелой конь. Чудо, что корпус застрял под таким углом, что почти весь газ уходил мимо парусов, иначе никакой канат бы не выдержал. Корабль взмыл бы вверх, а потом паруса, не выдержав напора газа,

взорвались бы. Дорогостоящий корабль был бы разрушен, не говоря уж о том, что чиновнику пришел бы конец.

Принц разворошил полыхающие угли кочергой. Выставленные на открытый воздух, они быстро погасли. Затем он взобрался вверх по снастям и подтянул веревки, открывающие клапаны в парусах. Надувшиеся полости, на которые были разделены полотнища парусов, начали постепенно сморщиваться. Кайерт спустился на палубу, обрезал якорный канат и оттолкнул корабль от дерева длинным шестом. Снизу Тален и остальные потянули за веревки, и корабль медленно опустился на причал.

Маленький чиновник спустился на землю, пробормотал что-то о том, что инспекция проведена, и исчез из виду. Всадники ветра проводили его смехом и презрительными взглядами.

Кайерт тоже покинул палубу, ощущая, как всегда, щемящую грусть от возвращения на землю. Вся радость его жизни была там, в облаках. Парить беспрепятственно над верхушками деревьев и над холмами — вот было счастье. Он посмотрел вслед чиновнику, которому неслыханно повезло, что он остался жив, и к тому же выпала редкая возможность испытать то, чего были лишены все, кроме всадников ветра, — полет, хотя бы и длившийся мгновение.

Тален догнал брата, когда тот шел по примятой траве взлетного поля к казармам. Встречавшиеся по пути всадники приветствовали принца и поздравляли его со спасением корабля.

— Кто приказал провести эту проверку? — спросил Кайерт, когда рядом никого не было.

— Почетный король Эфрайон, — ответил брат. — Возможно, слухи о его несостоятельности не так уж преувеличены. А может быть, идея провести инспекцию воздушного флота принадлежит Ясветру? Боюсь даже подумать, как Северный флот переживет эту проверку!

Братья вошли в казарму — здание под купольной кровлей, разделенное на четыре отсека, каждый из которых был освещен круглым решетчатым окном. В комнате стоял бочонок с вином, хотя всадникам на дежурстве пить было запрещено.

— Я не доверяю королю Ясветру, — сказал Кайерт, зачерпывая вино ковшиком, — но я ценю его за то, что он позволяет Эфрайону сохранять активность. Такому человеку, как Эфрайон, нужно доверить что-то из важных государственных дел, иначе он просто завянет.

Тален тоже налил себе вина из бочонка.

— Меня удивляет, что ты называешь Ясветра королем, — сказал он, устранившись на скамейке. — Я понимаю, что Эфрайон почти что усыновил его, когда королева Юна умерла, так и не оставив ему детей. Но выбрать королем рудокопа без капли королевской крови кажется мне жестом отчаяния бездетного монарха.

— Отчаяния? Возможно, — сказал Кайерт, — однако даже я соглашусь, что Ясветр на троне более уместен, чем, скажем, моя жена. Только это сомнительная похвала. Ясветр, несмотря на весь свой опыт, по-прежнему чужак в нашем кругу, и он назначает случайных людей на важные посты. Кажется, он собирается наполнить дворец простолюдинами и бродягами. Подумать страшно! И он уже преуспел в этом.

— Ага, — добродушно добавил Тален, — вот где собака зарыта!

— Вовсе нет, — поспешил разубедить его брат. — Я ничего не имею против райан как народа, но они ничего не знают о тонкостях управления страной. И потому считаю, что назначение одним из советников леди Керии было со стороны Ясветра большой ошибкой.

— Ходят слухи, что она для него больше, чем советник.

— Я слышал. Если это так, то она уж точно находится как раз в том положении, чтобы ее шепотом высказанные предложения становились законами. Не мне тебе говорить, что это за предложения!

— Знаю, — со вздохом сказал брат, опуская на стол пустую чашку.

— Да уж! Я же давно этого боялся. Если Ясветр ее послушает, у нас будут всадницы

ветра! Это немыслимо! У женщины никогда не хватит ни сил, ни ловкости, чтобы управлять воздушным кораблем.

Брат протянул руку, словно пытаясь удержать принца от монолога на давно знакомую тему.

— И все же, — сказал он, — тебе стоит поосторожнее высказывать свои взгляды. Всем хорошо известно, что Эвирайя стремится заполучить Рубин.

— Я не о ней беспокоюсь. Я боюсь за Симбалию. Мне кажется, что назначение этого горняка, несмотря на все его благие намерения, ошибка. Я знаю, многие мое мнение разделяют. Новому королю не до конца доверяют, а может, и никогда не будут доверять. Если случится настоящая беда, от него отвернутся.

Кайерт поправил воротник мундира.

— Эта угроза — вечная беда монархов, — сказал брат, стряхивая пыль со шляпы принца.

— Это так. Но монархи приходят и уходят, а королевская семья Симбалии остается неизменной. Вот что волнует меня, брат: останется ли все как есть.

ГЛАВА 8

Путешествие через залив обернулось кошмаром. Эмсель очень пожалел, что никогда не придавал большого значения упражнениям с парусом и веслами. Он надеялся, что переправа займет не более дня, даже с учетом неблагоприятного ветра, и взял совсем немного провизии из пещеры, в которой была укрыта лодка. Он слишком мало знал о заливе.

Сначала он плыл через относительно спокойные воды, но потом, когда достиг середины, он понял, что там встречаются и схлестываются друг с другом волны двух морей. Только тогда он понял, какое безумие затеял. Волны, подталкиваемые ветром и двумя противоборствующими течениями, сталкивались и ударялись друг о друга. Его затащило в водоворот до того, как он успел осознать опасность, и спасло только то, что лодочка была почти невесомой. Маленькое суденышко швыряло во все стороны, и вскоре Эмселю стало так плохо, что он уже ничего не мог делать, только держался из последних сил за борта.

Лодку долго кружило в водовороте, но затем сильное течение вырвало ее из самого опасного места в центре залива и понесло на север. Волны стали спокойнее, но течение, с которым у Эмселя не было сил бороться, продолжало быстро сносить лодочку фандорца на много севернее того места, где он намеревался пристать.

Остаток дня и долгую ночь Эмсель провел, беспомощно следуя за течением. В конце второй ночи в море он понял, что не сможет пристать и на северной оконечности Симбалии — сильный ветер гнал волны против их обычного, к берегу, направления. В сумерках Эмсель увидел нескольких людей на берегу и замахал руками, но они не ответили.

Северо-западный ветер крепчал. Эмсель с ужасом осознал, что его уносит в Северное море, известное в легендах как море Драконов. Только глубокой ночью ветер слегка поутих, и волны перестали швырять его лодку. В наступившей тишине Эмсель забылся беспокойным сном. Когда он проснулся утром, небо было затянуто, солнца не видно, и он не мог определить свое местонахождение. Да это и не имело значения, потому что наступил полный штиль, и парус неподвижно повис на мачте.

Эмсель сделал несколько глотков воды и съел кусочек сыра. Его сводила с ума мысль о том, что, пока он беспомощно болтался по волнам, его соотечественники готовились к самоубийственной войне. Но он твердо решил не думать об этом, чтобы понапрасну не тратить силы.

Его размышления были прерваны звуком, который сначала показался ему ревом волн, разбивающихся о скалы, но потом Эмсель осознал, что звук: раздается над ним. Эмсель поднял голову. На долю секунды ему показалось, что он увидел в облаках странное ритмичное движение, как будто взмахи крыльев гигантской птицы, но какая птица, летящая так высоко, что ее не было видно, могла быть такого размера?

Эмсель прислушался, но звук уже исчез. Он потер глаза и снова посмотрел в небо. Облака были неподвижны. Эмсель встряхнул головой.

— Уже галлюцинации — плохо дело.

Облака скрывали солнце почти до полудня. Когда путешественник смог определить, где находится, но оказалось, что жара на море невыносима. У Эмселя кружилась голова от солнечных лучей, которые бросали яркие блики, отражаясь от блестящей, как стекло, ровной поверхности спокойного моря. Он снова проголодался и хотел пить, но скудный запас пищи и воды нужно было беречь. Может пройти еще несколько дней, пока он доберется до берега.

В лодке было одно весло. Эмсель взял его и принялся грести медленно и тяжело на юго-восток.

Дурманный жаркий полдень наполнил Надлесье золотисто-зеленым светом солнца, проникающего сквозь навес листвы. На аллее Купцов выстроились рядами палатки торговцев, в которых можно было купить сушеные фрукты и другие продукты с юга. Некоторые лотки могли похвастаться свежими овощами, фруктами, птицей и рыбой, но это было редкостью и стоило недешево. Большинство товаров доставлялось повозками с северных территорий или караванами с юга, а путь был долгим.

Здесь же можно было найти всевозможные произведения ремесленников: рулоны гобеленов и узорчатой шелковой ткани, тонкую, как паутина, вуаль, ограненные драгоценные камни и резные изделия из дерева. В честь праздника аллея по всей длине была украшена разноцветными фонариками, в которых горели различные масла и смолы, бросая вокруг цветные блики и ароматами отпугивая насекомых.

Люди собирались, ожидая начала процессии. Райанские артисты жонглировали ярко раскрашенными сосудами из высушенных тыкв и играли на мандолинах и флейтах, чтобы заработать несколько туков — украшенных драгоценными камнями симбалийских монет. Горняки устало сидели под деревьями, солдаты и горожане бродили вдоль прилавков. Скульптор судорожно заканчивал свою работу на стволе дерева — портрет Ланота, всадника ветра, который десять лет назад остановил лавину, направив на нее свой корабль, и тем спас от разрушения шахту. В воздухе плыли ароматы свежее выпеченных пирожков и звуки музыки, слышались смех и разговоры.

Двое молодых горняков, мужчина и женщина, сидели за столиком таверны на открытом воздухе. Мужчина, чьи ноги в заляпанных грязью сапогах лежали, к вящему неудовольствию трактирщика, на скамейке напротив, сказал своей спутнице:

— Это несправедливо. Ясветр был таким же рудокопом, как мы с тобой, а теперь он король Симбалии.

— Думаешь, королем нужно было сделать тебя? — спросила она.

— Этого я не говорил. Я думал, что раз рудокоп на троне, в шахтах должен быть порядок, а все как было, так и есть. Нижние ярусы затоплены, а в синдрильских пещерах вечно сырость. Каждый раз, ударяя киркой, мы рискуем поджечь весь раскоп.

— Погода не слушается королей, — ответила женщина, — а сваи и распорки в основном заменили, сейчас копают сливные каналы. Ясветр делает все, что в его силах.

— Он был рудокопом, — настаивал мужчина.

— Тебе не угодить! Может, захочешь спускаться в шахту в шелках да с усыпанной драгоценностями киркой? — поинтересовалась женщина едким тоном.

Мужчина нахмурился и отвернулся от нее.

Около прилавка две женщины, продавщица и покупательница, тоже живо обсуждали короля и его окружение.

— Впервые министром внутренних дел стала женщина, и я не уверена, что это мне по душе, — сказала покупательница, рассматривая фрукты. — Кое-что стоит оставить мужчинам, некоторые посты. Ладно если б просто женщина, но райанка...

— Да уж, не лучшим образом выглядит, — сказала продавщица и добавила, многозначительно посмотрев на то, как ее собеседница ощупывает дыни: — По крайней

мере, решение было принято.

Двое детей играли в тени фонтана. Один мальчик лет двенадцати повязал шарф вокруг шеи на манер воротника плаща, а в руке держал деревянную фигурку ястреба с распростертыми крыльями.

— Я король Ясвентр, — кричал он, — и мой орел видит все зло, что вы творите.

— У него не орел, — поправил его второй мальчик, — а ястреб.

— Да орел это!

— Да? Так почему же его зовут не Орвентр?

Против такой логики мальчику нечего было возразить.

— Как он хочет, так и зовут, — сказал он наконец, — главное, что он рудокоп, как мой отец.

Время начала церемонии приближалось, и людей вокруг становилось все больше. Мнения о короле и его советниках разнились, но все сходились в одном — этот день должен запомниться. Они сами не знали, насколько были правы.

Звуки веселья слабо доносились до одинокого путника в глубине лесов к северу от места проведения торжества. Он двигался быстро и бесшумно, привычно избегая наступать на сухие ветки и редко выходя на открытое пространство. То, что он хорошо знал лес, его одежда коричневато-зеленых тонов и лук, с колчаном стрел на спине — все выдавало в нем охотника-северянина. Его звали Виллен, и он был красивым человеком с длинными светлыми волосами и высоким лбом. Обычно Виллен был весел и улыбчив, но сегодня его губы, всегда готовые растянуться в улыбке, сжались в тонкую линию. Ни наладившаяся погода, ни красота леса не радовали его. Его рука нет-нет да сжимала маленький мешочек, привязанный к поясу.

Охотник прислушивался к отдаленным голосам. Пусть смеются и радуются, пока могут. Когда он расскажет, им будет уже не до смеха. Королевская семья всегда презирала охотников с севера, но только не тогда, когда им требовалась пища. Что же, охотники никогда не жаловались. Им не было дела до воздушных кораблей и пышных дворцов, они сами могли позаботиться о себе. Но то, что произошло накануне, было выше всяческих раздоров. Теперь жители Северного Предела должны потребовать то, что причитается им по праву как гражданам Симбалии.

Леди Грейдон рассказала ему о церемонии, хотя сама не собиралась присутствовать. Виллен решил пойти. Лучшего времени рассказать королю Ясвентру о случившемся было бы не придумать.

Он волновался, мысленно снова и снова повторяя свою речь. Он был в Надлесье однажды, ребенком, и мало что запомнил, кроме дворцов из дерева и мрамора, разукрашенных драгоценными камнями, людей, одетых в красивые, сверкающие одежды, и огромных деревьев-замков. Это было красиво, но он не хотел бы там жить. Его домом был север — крутые, покрытые лесом холмы и долины, разрезанные стремительными холодными реками, запах сосен и завывания ветра в полях. Любая, самая маленькая хижина на севере была для него дороже роскоши дворцов Надлесья. Он не позволит безнаказанно нападать на его дом.

Рука Виллена снова протянулась к мешочку на поясе, в этот раз он открыл его и достал несколько осколков ярких ракушек. Он держал их нежно на ладони, рассматривая до тех пор, пока слезы не навернулись на глаза. Эти осколки были зажаты в пальцах маленькой Кии, когда его сын нашел ее разбитое тело на берегу. Ее искали больше двух недель, обшарили все окрестности, но ничего не нашли. Только случайно сын Виллена, исследуя дальнюю часть берега, наткнулся на то, что осталось от девочки. Она, скорее всего, собирала ракушки на песчаном пляже, когда фандорские варвары напали на нее. Рядом с ее телом была целая россыпь ракушек.

Конечно, это были фандорцы. Кто еще мог напасть на нее? В бесплодных землях около холодного моря не водилось никаких хищников. Ни у южан, ни у бундурцев не было

никаких причин атаковать мирных жителей, ведь Симбалия жила в мире с соседями. А фандорскую лодку видели прошлой ночью далеко в открытом море.

Виллен снова посмотрел на осколки ракушек в своей ладони. Фандорцы были, без сомнения, варварами, это всегда было известно. Но теперь стало очевидно, что они были еще и убийцами. Киа была не его дочерью, но он знал ее и любил. Точно так же мог бы погибнуть его сын.

Нельзя было допустить, чтобы фандорцы остались безнаказанными. Он попросит помощи у Надлесья. Несмотря на вечные раздоры с Северным Пределом, они помогут.

Оказавшись перед низкой каменной стеной на границе Надлесья, охотник перемахнул через нее одним прыжком и поспешил по тропинке вперед. Звуки веселья были уже близко.

Процессия начала свое шествие с широких ступеней огромного дерева-дворца по просторной аллее, известной как Королевский Путь. Горожане, выстроившиеся вдоль улиц, с радостью приветствовали королевскую семью и присоединялись к процессии, так что вскоре почти весь город участвовал в параде.

Впереди шли Ясветр и Эфрайон, рядом с ними — Вора и Керия. Девушка оглянулась через плечо на растянувшуюся процессию и рассмеялась.

— Боюсь, будет трудно поддерживать порядок!

— Только послушай их, Ясветр, — сказал старый король, повысив голос так, чтобы перекричать музыку и песни, — и еще говорят, что народ тебя не любит!

— Конечно, король Эфрайон, — сказал Ясветр, а затем повернулся к генералу и добавил: — В первый солнечный день после недели дождя я бы присоединился к параду, даже если б во главе его шел дракон!

Вслед за ними, не соблюдая особого порядка, шли остальные члены королевской семьи, леди Эссель и ее муж — почетный генерал Гиброн — впереди других. Эссель, младшая сестра Эфрайона и мать принцессы Эвирайи, одетая в роскошное платье из блестящей парчи с золотым кружевом, была по-прежнему красива, несмотря на возраст. Она прошептала мужу:

— Посмотри только, как Ясветр и Керия болтают и пересмеиваются. Я уверена, они не только государственные дела обсуждают. Разве не мило?

— Позорище — вот подходящее слово! — фыркнул высокий генерал, несмотря на седину в волосах, державшийся прямо и считавший, что он здоровее и крепче молодых солдат, годившихся ему в сыновья.

— Налицо все признаки упадка государственной власти, — продолжал он. — Король и его советник — оба простолюдины, да и к тому же почти что любовники. Мой преемник — толстый выскочка, пародия на военного, имеющий очень далекое родство с Семей, а предыдущий монарх, тот и вовсе впал в старческое слабоумие. Театр да и только, на юг ездить не надо.

— Не смей так говорить о моем брате, — подчеркнуто холодно заявила леди Эссель. Гиброн покосился на нее, собираясь что-то еще сказать, но потом решил, что, пожалуй, не стоит.

Прямо за ними шел главный герой торжества — принц Кайерт, чувствующий себя неловко в наскоро вычищенной парадной форме, еще хранившей следы утреннего происшествия с кораблем — серебряная тесемка на правом плече была заляпана смолой, а один из карманов оторван. Однако величественный вид принца исключал всякое обсуждение его внешнего вида. Даже друзья смолчали.

Рядом с Кайертом шла высокая молодая женщина, чья замысловатая прическа из зачесанных наверх волос делала ее даже выше принца. Ее волосы цвета закатного солнца были увиты нитками жемчуга и украшены шпильками из сверкающих драгоценных камней. У нее была белая, почти прозрачная кожа, а глаза отливали лесной зеленью. Губы, искривленные в чуть недовольной гримаске, придавали ей вид вздорного подростка, очаровавший многих симбалийских мужчин, а ногти, едва ли не длиннее пальцев, были раскрашены разными цветами. Она смотрела прямо перед собой, изредка улыбаясь и кивая людям, выкрикивавшим ее имя или имя ее супруга. Это была Эвирайя, принцесса Симбалии и жена Кайерта.

Принцесса чуть замедлила шаг, чтобы поравняться с идущим позади молодым человеком в форме дворцового чиновника.

— Улыбайтесь, миледи, — сказал он тихо, с ноткой цинизма в голосе, — сегодня праздник. Ваш супруг будет утвержден в титуле главы всадников ветра. Разве вы не счастливы?

— Конечно, я счастлива, Мезор, — сказала она, с ослепительной улыбкой помахав рукой приветствовавшим процессию горожанам, — жаль только, что проводит церемонию король рудокопов...

Кайерт оглянулся, бросил быстрый взгляд на жену и ее советника, но ничего не сказал. Эвирайя беззвучно втянула ртом воздух.

— Он нас слышал?

— Не думаю. Просто вам не стоит исчезать из виду. Вы же знаете, как принц Кайерт уважает формальности. Вы должны идти рядом. Вы хотели меня о чем-то спросить?

Она вздохнула.

— Нет. На самом деле нет. Я просто хотела пожаловаться на то, как мне не нравится идти за этими. — Последние слова она буквально прошипела, бросив полный неприязни взгляд на Ясветра и Керию.

— И все же вы должны идти за ними, по крайней мере сейчас.

— Тонко, Мезор. — Она уже не улыбалась. — Боюсь, что я действую не столь изящно. Ты, наверное, слышал, что обо мне говорят в народе?

— Народ вечно болтает, — осторожно заметил Мезор.

— Последняя присказка если кто-нибудь одержим идеей обладания каким-либо предметом, про него говорят, что он хочет это «как Эвирайя Рубин». Неужели это настолько очевидно, Мезор?

— Разве не должно быть очевидным стремление законного наследника получить то, что принадлежит ему по праву? — возразил Мезор. — Но, возможно, было бы лучше не высказывать своих желаний открыто. Рано или поздно рудокоп и цыганка покажут, что не в состоянии управлять государством. В конце концов, в них нет ни капли королевской крови. Ваш день придет, принцесса Эвирайя, я в этом уверен.

— Да, — кивнула принцесса, — но можно и помочь.

— Я всегда действую только в ваших интересах, миледи. А теперь возвращайтесь к мужу. Сейчас не время множить слухи.

Эвирайя кивнула и ускорила шаг, догоняя принца. Мезор смотрел ей вслед с улыбкой. Позади него шли барон Толчин, глава гильдии купцов, и баронесса Алора, казначей Симбалии. Барон и баронесса были небольшого роста, кругленькие и похожие друг на друга, как многие после долгого супружества пары. Даже одеты они были в едином стиле — в платья из шелка и, несмотря на жару, накидки из меха горноста. Единственным существенным отличием была белая развевающаяся борода барона. Супруги шли скорее прогулочным шагом, чем парадным, переговариваясь певучим говором симбалийских купцов.

— Караван, должно быть, уже на границе, — сказал Толчин, — не знаю уж, с чего бы вдруг Ясветр решил послать войска его сопровождать, но я рад, что он это сделал.

— На этот раз разбойники-горцы хорошо подумают перед тем, как на нас напасть, — согласилась Алора. — Это радует. Наши потери постоянно приводили к неблагоприятному перевесу в торговле в пользу купцов с юга.

Толчин покивал.

— Это полезное соглашение, — сказал он, — нашей стране без торговли не выжить. Пора уж было Ясветру нам помочь. Я был очень обеспокоен после того, как мы с ним поспорили по поводу охоты на редких северных птиц. Теперь я, пожалуй, настроен дать молодому человеку шанс, даже если только из уважения к кузену Эфрайону. Так, Алора?

Жена не ответила. Она заметила в толпе знакомое лицо — банкира, о чьих не совсем законных сделках она давно хотела разузнать.

Процессия шла через парк, наполненный звуками музыки, танцами и песнями. Горожане, не присоединившиеся к параду, наводнили дорожки и тропинки, кричали и размахивали руками, горячо приветствуя короля и его свиту. Если о Ясветре мнения разделялись, то принца Кайерта безоговорочно любили. Слух о спасении корабля уже разошелся, прибавившись к другим легендам о храбрости принца, и он был истинным героем дня, это ему под ноги бросали цветы.

Кроме шумно приветствующих горожан за процессией наблюдал лучник, устроившийся на дереве неподалеку от места, где должна была совершиться церемония. Уже

скоро. Еще немного, и обожающие короля подданные увидят, каков он в деле. Виллен боялся того, что должен сделать, но старался вытеснить из сердца страх. Он пришел, чтобы донести до короля послание жителей севера, и даже если слова его будут слишком просты для столичных жителей, смысл их от этого не изменится.

Тем временем не все участники парада наслаждались прогулкой.

— Я с самого начала говорил, что не стоит выбирать королем того, кто так любит погулять пешком, — ворчал генерал Вора. — Я не проходил таких расстояний с тех пор, как был солдатом в действующей армии, лет так тридцать назад!

— Что же ты будешь делать в моем возрасте? — поддразнил его Эфрайон. — Придется нанять кого-нибудь с тележкой, чтобы тебя возить!

— А как же, генерал, — поспешила поддеть его Керия, — пример, который вы должны показывать солдатам?

— Я и показываю, — ничуть не смутившись, ответил Вора. — Пусть видят, что я хорошо ем, и стремятся продвигаться по служебной лестнице к роскошной жизни, как это сделал я!

Услышав это, Ясвтр неожиданно громко расхохотался. Керия удивленно на него посмотрела. В последнее время она редко слышала его смех.

Ясвтр был загадкой для нее, как и она для него. И все же у них было много общего и много того, что им еще предстояло узнать друг о друге и о себе. Только времени никогда не хватало.

Когда они впервые встретились и она полюбила его, он был черноглазым жизнерадостным горняком. Теперь он стал королем Симбалии, первым королем из народа. Он любил ее ничуть не меньше, но теперь чаще бывал серьезным и молчаливым, слишком озабоченным государственными делами.

Райанка с горечью думала о том, что Ясвтр, хоть и был чужаком во дворце, все же почти привык к Семье. Она — нет. Во дворце она была совсем чужая. Ясвтр, он хотя бы родился в Надлесье, а она пришла с равнин, из кибиток кочевников-райан. Она была другая. У нее были способности райанки, способности непонятные, а потому вызывающие недоверие и страх у окружающих ее людей. В Надлесье не было слов, чтобы эти способности назвать, но тем не менее люди о них знали. Керия сознавала, что ей не только завидуют, но еще и боятся. Это ее беспокоило. Такое отношение редко встречалось среди ее народа. Райане доверяли друг другу, потому что никто больше не доверял им. Причины для такого отношения были: нередко райане находили пропитание, обманывая и воруя. Семья Керии жила честно, и иногда ей хотелось отделиться от райанских воров, но как она могла? Она достигла поста министра внутренних дел, несмотря на то, что была райанкой, и собиралась этот пост удержать. Ни королевская семья, ни разбойники с Валианских равнин не смогут изгнать ее из Надлесья.

Молодая женщина снова взглянула на Ясвтра. У них впереди было много времени, и они могли многое изменить. Друг для друга их кровь была достаточно королевской. Подумав так, Керия рассмеялась. Надо же, какие слова лезут ей в голову, так только во дворце разговаривают!

Маленькая девочка, услышав ее смех, подбежала ближе.

— Можно я пойду рядом? — поборов стеснение, спросила она.

Керия оглянулась на короля. Он улыбнулся и, не замедляя шага, наклонился. Подхватив девочку на руки, усадил ее себе на плечо.

— Пойти, вот еще! Зачем идти, когда можно ехать?

Он так и нес ее какое-то время, а потом опустил на землю, и счастливая девчушка убежала. Однако это было большой ошибкой. Другие дети все прекрасно видели, и вскоре Ясвтр оказался окружен толпой желающих прокатиться на плечах короля. Ясвтр посмотрел на Керию с таким комичным выражением безнадёжности на лице, что райанка не могла не присоединиться к хохоту толпы. Так и шли дальше — король подхватывал на ходу одного ребенка за другим, нес на плечах несколько шагов и опускал на землю. Он был

сильным человеком, но до возвышения Берона было еще около мили пути, в основном в гору, и Керия снова рассмеялась, когда увидела облегчение в глазах короля при виде лесной поляны.

— Пусть это послужит тебе уроком, — прошептала она, — королю не стоит иметь любимчиков.

Ясвегт грустно улыбнулся.

Процессия подошла к возвышению Берона — гигантскому пню, никак не меньше ста футов в радиусе, с перилами по краю. Ступени вели наверх, туда, где перед невысокой сценой полукругом стояли кресла, вырезанные из последних побегов огромного дерева. Вся поверхность пня была покрыта лаком, под слоем которого сверкали в лучах солнца, пробивающихся через густую листву, драгоценные камни.

Толпа зрителей медленно заполнила поляну. Музыканты продолжали играть, а дети — бегать вокруг с криками и визгом, бросая друг в друга мячами или смотря, как тянутся вслед за ними воздушные змеи в форме кораблей. Всадники ветра, выглядевшие торжественно в темной парадной форме, стояли невозмутимой группой несколько обособленно от остальных с таким видом, словно то, о чем они переговаривались, не могло быть доступно простым смертным.

Король Ясвегт и принц Кайерт поднялись на сцену, и возбужденный гул толпы сменился тишиной. Бледное лицо принца резко выделялось на фоне глубокой синевы его мундира. Он не смотрел на людей, устремив взгляд в небо из смущения и чувства неловкости.

Ясвегт поднялся на возвышение. Он медленно обернулся, глядя на собравшийся народ. Керия восхищенно смотрела на него, отметив, как он величествен в простой одежде без украшений. Раздались приветственные возгласы и аплодисменты. Никто еще не знал, что главным действующим лицом скоро станет не король, а тот, кто спрятался в густой листве дерева, нависающего над сценой.

Ясвегт начал говорить, тщательно подбирая слова. В присутствии королевской семьи ему хотелось показать, что за время правления его ораторское искусство существенно улучшилось.

— Мы собрались здесь, чтобы воздать почести Кайерту, принцу Симбалии, — начал король. — В течение пяти лет, с тех пор как не стало его отца Эйлата, принц возглавлял всадников ветра, защитников Симбалии. Братья ветра патрулируют наши берега и границы, они доставляют жизненно важные сообщения по всей стране, так же как и в дальние страны. Без них мы бы остались без средств связи. Они также следят за нашими драгоценными лесами, предупреждая нас о пожарах, наводнениях и других стихийных бедствиях.

Не все члены Семьи чувствовали себя обязанными хранить молчание во время выступления короля.

— Взгляни-ка на Кайерта, — прошептала баронесса Алора мужу, — у него потрясающее самообладание, но он все равно краснеет. Бедный мальчик, его смущает такое внимание!

Барона это, однако, не позабавило.

— Я бы не стал принимать ярость за смущение. Ты слышала, что Ясвегт сказал? Он расписал всадников как гонцов и зрителей за лесами! Я не удивлен, что Кайерт вне себя. Я тоже, будь я главой всадников ветра, на его месте разозлился бы.

С бароном полностью согласился почетный генерал Гиброн.

— Зачем Ясвегт так настойчиво подчеркивает эти достоинства всадников, умаляя при этом их стратегическое, военное предназначение?

Король Эфрайон, стоящий прямо перед ними, обернулся и пояснил:

— Мы больше века не сражались. Всадники ветра больше не воины. Мы должны этому радоваться, Гиброн. А Ясвегт всего лишь хочет напомнить всем о том, что роль всадников в жизни страны в мирное время по-прежнему огромна.

Барон и генерал Гиброн кивнули, но не похоже было, что они согласились. Леди

Эссель, которая внимательно прислушивалась к словам брата, повернулась к дочери.

— Ты с Ясветром, конечно, нередко споришь, но, согласишься, он хорошо говорит о Кайерте.

— Он всего лишь втирается в наш круг, как будто умение говорить льстивые речи сделает из рудокопа короля! — прошептала Эвирайя на ухо матери.

— Втирается в наш круг? Ты последнее время все повторяешь за Мезором! — нахмурилась леди Эссель. Принцесса ее уже не слушала, она снова сосредоточилась на том, что происходило на возвышении.

— Награждая принца Кайерта и высоко оценивая его заслуги, — продолжал тем временем Ясветр, — мы отдаем дань уважения постоянным усилиям отважных всадников ветра по поддержанию мира и спокойствия в Симбалии.

Керия, стоящая в первом ряду зрителей, посмотрела по сторонам. Казалось бы, не было никаких причин вглядываться в темную глубину листвы, окружающую платформу, никаких, кроме смутного чувства тревоги, исходящего, как ей казалось, от деревьев. Она помедлила, раздумывая, стоит ли рассказать о своих опасениях, а через минуту было уже поздно. Голос, чуть дрогнувший, но сильный и звонкий, выкрикнул:

— Нет мира и спокойствия в Симбалии!

Все взгляды тотчас устремились к дереву слева от сцены. Человек в коричнево-зеленой одежде сидел на высоком суку, нависающем над возвышением платформы. До того как кто-либо успел пошевелинуться, он швырнул в сторону Ясветра нечто похожее на два серых шара. Король и принц Кайерт инстинктивно отпрыгнули в сторону, когда первый шар, оказавшийся камнем, ударился о лакированную поверхность платформы и покатился, оставляя глубокую царапину. Толпа ахнула. К камню был привязан бечевкой кожаный мешок.

Еще до того, как камень ударился о платформу, несколько стрел, выпущенных стражей, полетели в сторону дерева. Виллен, однако, успел укрыться за стволом.

И одновременно поняв, что предчувствие ее не подвело, Керия метнулась вверх по ступеням, чтобы заслонить любимого от катящегося по деревянной поверхности камня. Если б она только подумала, если б она подождала секунду и успела увидеть, что нечто, привязанное к камню, не было оружием, она бы осталась на месте. Но она не стала ждать.

Она сразу сама поняла, что натворила, чтобы осознать это, ей не нужно было слышать общий вздох изумленного народа и начавшуюся тотчас же волну шепота. Теперь то, что раньше было только слухом, — то, что она не только советник королю, подтвердилось. Ни Эфрайон, ни генерал не бросились на защиту короля с такой готовностью, даже стража только сейчас начала стрелять. Ясветр посмотрел ей в глаза, и она увидела в них понимание, а он прочел в ее взгляде сожаление и беспокойство.

Гиброн повернулся с ухмылкой к барону Толчину:

— Я же говорил! Они любовники!

Толчин смотрел на драму, разворачивающуюся у всех на глазах на возвышении.

— Да, — пробормотал он, — ты был прав, хотя жаль это признавать.

Пальцы Эвирайи сомкнулись на плече Мезора, и он почувствовал, как ее длинные ногти впиваются в тело через плотную ткань туники.

— Мезор... — прошептала она.

— Я вижу, миледи, — спокойно ответил он, — это наш... ваш шанс.

Стражники положили новые стрелы на тетивы луков, но король жестом остановил их.

— Отставить! Это не нападение!

Он повернулся к генералу, который, тяжело дыша, поднялся на возвышение, подобрал мешок, открыл его, повозившись с завязками большими непослушными пальцами, вытащил мятый сверток ткани и, не разворачивая, протянул королю, заметив, что на пальцах остались крупинки засохшей крови.

Ясветр быстро развернул и осмотрел измятый сверток. Это было детское платье, изорванное в клочья и покрытое засохшими пятнами крови так, что невозможно было

разобрать, какого оно было цвета. Над поляной повисла тишина, слышался только отдаленный шепоток вдали, там, где люди, стоящие слишком далеко, чтобы разглядеть содержимое мешка, расспрашивали о нем стоящих ближе.

Ясвтр всматривался в листву дерева.

— Покажись! — выкрикнул он. — Тебя никто не тронет.

Виллен снова шагнул на ветку, на этот раз показавшись целиком. То, что он охотник с севера, теперь было очевидно, и по поляне прокатился шепоток.

— Северянин, — пробормотал Гиброн, обращаясь к Эссель, — можно было догадаться. Только они на такое способны.

Виллен крепко держался обеими руками за ветки и надеялся, что никто не заметит, как дрожат его колени. Ему стоило больших усилий бросить камень ровно на столько, на сколько требовалось. Голос его, однако, не задрожал, когда он заговорил.

— Ты знаешь нас, король Ясвтр, — сказал Виллен. — Короли, что были до тебя, знали нас. Мы никогда еще не просили о помощи, но сейчас мы просим. Мы требуем мести! Наш ребенок был убит — это война!

Толпа отреагировала недоверчивым гулом и замерла в ожидании ответа короля.

— Не говори мне о войне. Кто убийцы?

— Фандорцы, — громко, так, чтобы слышали все, объявил Виллен, — они добрались до наших берегов и убили ребенка!

В глубине толпы раздались редкие смешки, но этого было достаточно для того, чтобы разозлить охотника.

— Слушайте! — закричал он. — Я говорю правду! Мы видели утром фандорскую рыбацкую лодку в море, а несколько часов спустя мы нашли девочку на берегу, убитую, причем так, как только у варваров поднимется рука!

Раздались крики недоверия.

— Ты тоже не веришь мне, как твой народ, король Ясвтр? Ты ведь сам из народа! В отличие от королевской семьи, ты знаешь разницу между правдой и ложью! Я говорю правду. Если решишь над этим посмеяться, фандорцы могут стать не единственными врагами Симбалии!

Это заявление было настолько близко к измене, что генерал и Эфрайон, стоящие рядом, переглянулись.

— Я-то надеялся, он один такой, — сказал генерал, — но, заявляя подобное, он показывает, что это все очень серьезно.

Эфрайон печально покачал головой.

— Снова начинается, — сказал он, — старая вражда между Северным Пределом и Надлесьем.

— Мы знаем, что фандорские фермеры и рыбаки всегда нам завидовали, — сказал барон Толчин жене, — но не могли же они дойти до такого?

— Глупости, — ответила Алора, — как им могло прийти в голову напасть на нас и еще надеяться на победу?

Виллен больше не обращал внимания на толпу.

— Пойми меня, Ясвтр, — говорил он, — мы, охотники севера, требуем мести фандорцам! Через три дня я вернусь за ответом. Если правосудие не свершится, поставок с севера больше не будет!

Услышав это, барон Толчин сжал кулаки:

— Они не посмеют!

— Думаю, посмеют, — сказала его жена.

— Мы слышали твои условия, — громко сказал Ясвтр. — Почему бы тебе не остаться, чтобы дожидаться нашего решения?

— Вы нас снова недооцениваете, — ответил Виллен, — мы не оставим заложника. Если я не вернусь к своему спутнику до темноты, он отправится домой, и мы разорвем связи с вами.

— Мы рассмотрим твои требования и сообщим о своем решении, — сказал Ясветр. Затем он повернулся к стражникам, которые стояли с луками наизготове: — Пусть он уходит свободно.

Виллен кивнул и беззвучно исчез в листве. Было по-прежнему тихо. Ясветр все еще держал в руках мятую окровавленную тряпку, которая была когда-то детским платьем. Затем он положил кусок материи на край платформы, подошел к Кайерту и тихим голосом с ним заговорил.

Толпа внезапно загудела. Керия слышала обрывки разговоров.

— Они там, на севере, всегда были не в себе...

— Зачем фандорцам такое делать?

Ясветр поднял руку. Когда стало тихо, он заговорил:

— Ввиду обстоятельств, принц Кайерт согласился на сокращение церемонии. Он назначается верховным командующим всадников ветра.

Кайерт молча взял в руки изумрудную подвеску. Затем король и принц покинули возвышение. Кайерт поднялся по веревочной лестнице на борт корабля, зависшего над поляной, а Ясветр присоединился к генералу и Эфрайону. Толпа быстро разошлась, чтобы разнести весть о произошедшем по всему Надлесью. Керия шла за Ясветром, она смотрела на лес, к которому они приближались, темный и враждебный, совсем не такой, какой они покинули несколько часов назад.

Принцесса Эвирайя все еще стояла перед возвышением, Мезор ждал рядом. Эвирайя сложила пальцы и постучала длинными ногтями одной руки о другую, как она всегда делала, задумавшись. Затем подняла голову и посмотрела на Мезора.

— Задержи его, — сказала Эвирайя.

Ее верный слуга кивнул и исчез в лесу.

ГЛАВА 9

Совет избрал четырех старейшин: Йондалрана, Тенньела, Лэгоу и Тэмарка, чтобы те отправились к ведьме, жившей в половине дня пути от Тамберли, в самом сердце Алаканских топей.

Рассвет застал их уже в пути, но Йондалран нещадно подгонял спутников, не давая времени ни отдохнуть, ни поесть, так что даже прихваченную из дому сушеную рыбу и кукурузу пришлось есть, не покидая седла.

Четверо всадников мчались на юг через пустынные равнины, кое-где покрытые чахлым леском, пока не достигли реки Опайн, где они повернули на юго-восток. Ехать теперь приходилось под гору. Они миновали несколько маленьких озер, в которые впадала река и ее притоки. Когда солнце было в зените, они все еще продолжали путь, хотя кони уже едва переставляли ноги от усталости.

— Отдых! — взмолился Лэгоу, — не то у коня сердце из груди выскочит!

— В топах, — коротко крикнул Йондалран, не желая вступать в разговоры с человеком, который открыто ему противостоял. — Мы оставим коней отдыхать и пастись на краю топи, а дальше пойдем пешком.

Усилившийся ветер поднимал тучи пыли с каменистой земли, местами покрытой скользким мхом. Дом ведьмы был уже близко. Всадники должны были успеть добраться до места к концу дня, но все же стоило поторопиться, чтобы не бродить по болоту в темноте.

Когда Лэгоу увидел вдали лабиринт деревьев и кустарника, он спешил, подвел коня к близлежащему ручью и дал ему напиться.

— Удивляюсь только, почему они не пали! — пробормотал он, не глядя на упрямого фермера.

— У них будет вся ночь, чтобы отдохнуть, — ответил старик, подводя своего коня к воде.

— Здесь волки в округе, Йондалран, — сказал Тэмарк, спешиваясь. — Возможно,

одному из нас стоит остаться с лошадьми.

— Волки охотятся в горах, они боятся зыбучих песков в топях. Здесь кони будут в безопасности, к тому же здесь есть трава.

Рыбак не очень-то поверил Йондалрану, но смолчал.

Теннел задумчиво смотрел на трех пожилых, уважаемых людей. Он никак не ожидал, что им будет так тяжело поладить. Молодому старейшине не раз самому приходилось улаживать споры и мирить людей, но он все равно был удивлен. Эти люди были старейшинами Фандоры, не батраками на ферме. Если они между собой не могли договориться, как могла идти речь о том, чтобы сразиться с симбалийцами? Теннел к тому же глубоко сожалел о смерти изобретателя Эмсея. Он присоединился к двум старейшинам, погнавшимся за Эмседем. Ему казалось, что ярость, охватившая его, это и есть любовь к своей земле. Но когда он увидел маленького человечка в горящем лесном доме, он ужаснулся. Он помог убить человека, возможно предателя, а ведь стоило послушать Йондалрана. Несмотря на все свое упрямство, старик хотел, чтобы Эмсея судили по закону. Если бы Теннел послушался, Эмсель был бы жив.

Лэгоу ждал у ручья, пока все напоят и стреножат коней.

— Ну что ж, пойдем, — сказал он и зашагал по направлению к болоту.

Лэгоу сам захотел быть одним из четырех старейшин, которым вменялось в обязанность подготовка к войне. Вторжение казалось неизбежным, и он подумал, что, окажись он одним из командующих, ему удастся спасти больше жизней. В одном он не сомневался: его сын на войну не пойдет. Если ему придется для этого сломать мальчишке ногу, он не задумываясь это сделает.

Тэмарк вытащил из седельной сумки карту, которую дал им Пеннел. Не желая воевать, он тоже думал, что, находясь у власти, сможет повлиять на ход событий. Если вообще дойдет до сражения, если фермеры не потонут где-нибудь на середине пролива. Даже учитывая его опыт, воды между Фандорой и Симбалией могли оказаться опаснее любых колдунов. Рыбак хотел бы, чтобы в Кейп Бейдж вернулся Дэйон. Молодой человек знал о заливе больше, чем многие опытные моряки. Но Дэйон вышел в море две недели назад и пока не вернулся. Тэмарк уже начинал беспокоиться.

Старейшины шли через лабиринт скрюченных деревьев, сквозь заросли камыша, тростника и папоротника, их сапоги то и дело увязали в ржаво-красной трясине. Над болотом клубился туман, из завесы которого то и дело вылетали с резкими криками, пугая путников, птицы, а иногда в плотном тумане старейшины с ужасом замечали непонятные движущиеся силуэты.

Некоторое время спустя заросли стали такими густыми, что пришлось продираться с помощью ножей. Вокруг раздавались голоса болота: бульканье ядовитых газов, выходящих на поверхность застойной воды, мрачное кваканье, а порой отдаленный рев, услышав который, путники замирали, сжимая оружие с такой силой, что костяшки пальцев становились белыми от напряжения. Чем дальше они продвигались в топи, тем темнее становилось, как будто в этих глухих местах был вечный вечер. В сгущающейся тьме тускло светились гнилушки. Ядовитое зловоние, запахи разложения и смерти становились все отвратительнее, и вскоре путники поняли, что лучше дышать через тряпку.

В дороге они часто видели небольшие кусты, сплошь усеянные черными стручками. После того как Лэгоу один из них нечаянно раздавил и воздух вокруг наполнился свежим цитрусовым ароматом, путники набрали полные горсти стручков и раздавливали их, когда зловоние становилось невыносимым.

Место это, называющееся Алаканскими топями, было огромным малярийным болотом, покрывающим низинный проход между горами Кирдулан. Болото и горы по обеим сторонам его прикрывали подход к Фандоре с юга. Опасный торговый путь шел по гребню горы, в конце концов спускаясь с Верхнего перевала. Другого пути в их страну, к радости фандорцев, не было.

Несколько часов они пробирались через топи, сражаясь с комарами и не успевая

стирать с лиц холодную влагу. На Тенньела напала красная гадюка — бросившись из-за гнилого пня, она вцепилась в его сапог. Молодой человек в ужасе попытался отпрыгнуть, но Тэмарк схватил его за плечи, нагнулся, взял змею за шею, оторвал от сапога и отшвырнул в сторону.

— Ты даже не испугался! — сказал молодой человек.

— Я проделывал это с ядовитыми угрями, которые запрыгивали ко мне в лодку. Зубов я не боюсь.

В конце концов густые заросли начали редеть, трясина осталась позади, и почва начала постепенно подниматься. Вскоре они ступили на сухой участок открытой степи, поросший коричневатой травой, с беспорядочно разбросанными водоемами, наполненными застоявшейся водой. В самом центре пространства стояла вымазанная болотной грязью хижина, сложенная из камней и тростника. Старейшины не без опаски подошли.

Перед хижинкой дымился костерок, у которого расположилось нечто вроде комка грязных, вонючих тряпок и шерсти. И только приглядевшись, Тэмарк заметил, что это было живое существо.

Ведьма зашевелилась и подняла голову, уставившись на гостей. Она была даже отвратительнее, чем они ожидали, — вся сморщенная от старости, с опухшим лицом, изборожденным черными от запекшейся в них грязи полосами морщин. Она выпростала руку, похожую на сухую ветку в мертвой листве, и наставила палец на незваных гостей.

— Чего вам надо?

Ее тон их удивил. Про ведьму говорили, что она все знает, обо всем ведает. Должна была звучать некая уверенность в ее голосе, если не высокомерие. Вместо этого они услышали голос старухи, дрожащий и даже испуганный.

Четверо мужчин стояли перед ней. Тенньел и Лэгоу опирались на посохи, Тэмарк уставился вдаль, Йондалран скрестил руки на груди с таким видом, будто он был готов свернуть колдунье шею, если та не даст ему талисман.

— Женщина, — обратился он к ведьме ровным голосом, — Фандора идет войной на Симбалию. Нам нужно заклятие, чтобы защитить наших людей от колдовства симов. Я считаю это глупостью, но большинство решило, что нам это нужно. Дай нам какую-нибудь волшебную вещь, которая поможет нам победить.

Затем он вкратце рассказал, как погибли дети, и замолчал. Тишина топей окружила их.

Старуха опустила голову. Сначала Тенньелу показалось, что она снова уснула, так тихо и неподвижно она сидела. Затем он услышал тихий звук, похожий на тот, когда два кусочка необработанной кожи трутся друг о друга, и вдруг понял, что старуха смеется. Или плачет? Он не мог бы сказать определенно.

Она снова посмотрела на них, и в ее глазах он увидел страшную тоску. Шипящим шепотом она начала говорить:

— Кто я такая, что вы просите меня о таких вещах? Я знаю, — она подняла иссохшую руку, предупреждая их ответ, — я та, которую вы зовете ведьмой из топей. Я та, — неожиданно громко выкрикнула она, — что обречена на жизнь в этой грязи и тумане и на болтовню забредающих изредка дураков!

Она замолчала после этой вспышки. Тенньел и Лэгоу неуверенно переглянулись. Даже Тэмарк удивился. Только Йондалрана ее речи несколько не тронули.

— У тебя есть знания, нужные нам, — продолжал он твердить свое, — у нас нет времени на пустую болтовню. Дай нам то, за чем мы пришли.

Она безрадостно ухмыльнулась.

— Давно я сижу здесь на безлюдном пригорке, — медленно заговорила она, — все разнообразие в моей жизни — такие гости, как вы. Если ничего не надо, про меня забывают. А знает ли кто из вас, как меня зовут?! — выкрикнула она.

Тенньел вдруг понял, что ему жаль старуху. Она была когда-то молодой, а может быть, даже хорошенькой, хотя сейчас трудно в это поверить. У нее была жизнь, родители, может быть, даже любовь. Она пыталась проникнуть в тайны живого и мертвого, возможно, она не

хотела зла, но ее называли ведьмой и изгнали из города.

Теннел почувствовал, как волна глубокой печали поднимается в его сердце. Ему захотелось уйти и оставить старуху в покое.

— Оставьте ее, — пробормотал он едва слышно.

Йондалран пронзил его взглядом, и молодой человек, к своему удивлению, заметил в этом взгляде неуверенность. Но Йондалран снова повернулся к ведьме.

— Прости, — сказал он, — но нам действительно нужна защита.

— Я бы солгала тебе, если б могла, — ответила она, — но тогда вы вернетесь, чтобы отомстить... Даже такие, как я, хотят жить.

Старуха сунула руку в покрытые коркой грязи складки своей одежды и вытащила горстку маленьких черных стручков, в которых Лэгоу с удивлением узнал те самые, которыми они пользовались в дороге для защиты от зловония.

Ведьма протянула стручки Йондалрану.

— Их полно по всему болоту, — сказала она, — нанижи на нитку и сделай браслет. Храни как зеницу ока, ибо это — все, что будет у тебя для защиты от врага, которого ты не ждешь.

Йондалран положил стручки в мешок.

— О чем ты? — спросил он. — Как нам узнать, как ими пользоваться?

— Ничего больше не скажу, — ответила она, — прочь, дураки, готовые принести в жертву глупости свои дома и семьи!

Ведьма замолчала, скрючилась и снова превратилась в кучу тряпья.

Старейшины медленно, тихо отступили. Когда они снова вошли в заросли, Йондалран остановился, чтобы сорвать еще несколько волшебных стручков, и ворчливо приказал остальным сделать то же самое, пока не наступила темнота.

Обратный путь показался короче, так как они шли по уже проложенной ими самими тропинке. Путники раскинули лагерь на краю болота и провели беспокойную ночь, пытаясь уснуть, несмотря на роившихся вокруг комаров, а утром набили стручками мешки и седельные сумки.

На пути домой Теннел заметил, что Йондалран необычно молчалив, и молчание это было не таким, как на пути к топям. Старик молчал так, как будто ему было стыдно.

ГЛАВА 10

В центре поляны, окруженной аккуратно подстриженным кустарником, стоял человек в одежде жителя Северного Предела, крепко привязанный за руки к стволу молодого дерева. Эта поляна, удаленная от центральных аллей Надлесья, предназначалась для тех, кто искал одиночества и покоя.

Виллен, однако, не был настроен мирно. Он покинул дерево над сценой весьма довольный собой. Он произнес слова ультиматума ясно и прямо и догадывался, что произвел впечатление. Он был настолько поглощен воспоминаниями о том, как справился со своей задачей, что забыл об обычной осторожности. На него набросили сеть, связали и притащили на поляну, где он простоял уже несколько часов. Давно настал полдень.

— Я еще раз вам говорю, — сказал он своему стражу, — я посланник жителей севера! Из-за того, что вы меня здесь держите, случится большая беда! Если я вскорости не вернусь, мой спутник отправится с вестью о том, что меня задержали!

Стражник, один из личных слуг принцессы Эвирайи, только пожал плечами. Выбранный за похвальное умение исполнять приказы без размышлений, он не обращал никакого внимания на мольбы пленника. Мезор и принцесса хотели, чтобы охотника задержали, и это было сделано. Теперь можно сидеть и лениво играть с обломками коры, ожидая новых распоряжений.

Стражник не догадывался о том, что его покой скоро будет нарушен. Пленник тоже играл в свою игру с деревом. С тех самых пор, как его скрутили, Виллен упорно тер о ствол дерева веревки, опутавшие запястья. Теперь, несколько часов спустя, веревки стали достаточно тонкими, чтобы порвать их одним усилием. Стражник осознал, что случилось, только когда Виллен разорвал свои путы и бросился в кусты.

Слуга принцессы соображал медленно, но бежал весьма проворно. Он догнал пленника, сбил его с ног, и они, сцепившись, покатились по траве, пиная и лягая друг друга. У слуги было преимущество в весе, и охотник скоро оказался прижатым к земле. Стражник уже замахнулся, чтобы ударить пленника, что было сил, когда оба услышали шум и обернулись. То, что они увидели, заставило их застыть в нелепой позе дерущихся.

— Освободите этого человека! — приказала принцесса Эвирайя, появившись из лесных зарослей верхом на красивой пегой лошади. Виллену, лежащему на земле, ее высокая прическа показалась выше крон деревьев. Волосы принцессы были украшены драгоценностями, а маленькие колокольчики, вплетенные в косы, откликались на ее движение мелодичным звоном. На ней было желтое платье для верховой езды с длинными рукавами, подвязанными лентами так, чтобы не мешать скачке через лес.

Следом за принцессой ехал верхом мужчина, которого Виллен видел рядом с ней на церемонии. Это был Мезор, главный советник Эвирайи. Они приблизились настолько, что копыта едва не задели лежащих на земле мужчин. Эвирайя исполненным достоинства жестом вытянула палец с длинным ногтем в сторону стражника:

— Как ты смеешь так обращаться с посланником севера?

Слуга с трудом поднялся на ноги.

— Прошу прощения, миледи... Но я сделал, как вы сами...

— Молчать! — выкрикнула Эвирайя. Ее конь попятился и фыркнул, когда она натянула поводья, придавая больший эффект своим словам. На губах наблюдавшего за этой сценой советника мелькнула улыбка.

— С тобой мы разберемся позже, — сказала принцесса слуге, — возвращайся в Надлесье и жди моих приказаний!

Стражник кивнул и исчез из виду. Эвирайя наклонила голову и улыбнулась Виллену, который лежал, распростертый на земле под ногами ее лошади.

— Мезор, — сказала она, — помоги нашему гостю встать и устрой его поудобнее.

Советник спешился, помог Виллену подняться и стряхнул пыль и мелкие веточки с его

туники, спросил у охотника, как его зовут, и шепнул что-то принцессе. Эвирайя спешила и протянула Виллену руку. Охотник взял ее ладонь с опаской, ибо слышал истории о том, что принцесса красит длинные ногти отравленной краской, хотя, столкнувшись наяву с красотой Эвирайи, он сразу решил, что это все вымысел.

— Виллен, прошу вас принять мои извинения, — сказала она голосом, звучащим чище самой первой песни птиц после дождя. — Кто мог подумать, что этот дурень попытается задержать вас силой. Я только просила его передать вам, чтобы вы дождались меня здесь, в этом укромном уголке. Я хотела поговорить с вами, Виллен, охотник севера, о срочном государственном деле.

Северянин ничего не знал о делах Надлесья. Красота этой женщины затронула его сердце. Он увидел в ней трогательную беспомощность и почувствовал, что ей нужна его помощь и защита. В то же время он отчетливо осознавал, что его манеры оставляют желать лучшего и он совсем не знает дворцового этикета. Принцесса изящно — трудно было бы представить ее делающей что бы то ни было неизящно — подвела его к тени молодого деревца. Там они сели на коврик, заботливо расстеленный Мезором, который затем удалился к лошадям.

Виллен сел, скрестив ноги, так близко от принцессы, что его окружило то же облако тонких ароматов, которыми она была окутана. Он вдруг представил себе, какие запахи плавают после долгого пути вокруг него, и решил, что ему остается надеяться только на ветер, который милостиво дул в его сторону.

— Я хочу, чтобы вы доверяли мне, Виллен, — сказала Эвирайя, — вам придется дать клятву хранить молчание. Речь идет о будущем Симбалии. Поклянетесь ли вы сохранить в тайне то, что услышите от меня?

Виллен помедлил.

— Ну же? — настаивала принцесса. — Говорите как есть, это слишком важно, чтобы соблюдать протокол.

— Миледи, я должен заранее сказать, что если вы попытаетесь отговорить меня от вынесения ультиматума королю...

— Ни в коем случае! — поспешила заверить его принцесса, — здесь север в своем праве, и я надеюсь разъяснить вам почему. Итак, вы будете слушать?

— Как скажете, — ответил Виллен, заинтригованный ее словами. Эта встреча более всего походила на то, о чем пишут в книгах. — Но если я не вернусь к своему спутнику до заката, он отправится домой один, и доставка провизии в Надлесье прекратится.

— Я не задержу вас. Смерть ребенка — это трагедия. Если вы правы и виновны в этом фандорцы...

— Мой сын нашел тело в скалах, — сказал Виллен, доставая из кармана два ярких осколка. — Я думаю, она собирала ракушки, когда на нее напали.

— ...тогда все мы в ужасной опасности, — продолжала Эвирайя. Она мельком взглянула на осколки ракушек в его ладони и жестом показала ему убрать их. — Сомневаюсь, что у Надлесья сейчас есть правитель, который мог бы достойно противостоять невзгодам. Те, кто сейчас у власти, мечтают использовать страну в своих собственных целях.

— О чем это вы? — спросил Виллен.

— Вот о чем: Ясветр и Керия с помощью генерала Воры намереваются использовать Симбалию в своих собственных целях, возможно, в союзе с югом.

Виллен уставился на нее, не веря своим ушам.

— Король Эфрайон, — продолжала принцесса, — очень болен, Виллен. Он уже был болен, когда выбирал Ясветра королем. Эфрайон выживает из ума, в этом уверены все, кто слышал его речи. У него нет ни жены, ни детей, а леди Грейдон, его любимая младшая сестра, продолжает скрываться на севере в добровольном изгнании. Ясветр все это прекрасно осознает. Он был удостоен чести и возведен на трон за героизм, проявленный в шахтах, и ухватился за возможность втереться в доверие. Оказавшись в замке, он и его любовница, цыганка Керия, опутали лестью выжившего из ума короля. Король стар и болен, ему

пригрезилось, что рудокоп — его сын. Как еще чужак мог попасть в королевскую семью?

Виллен заворуженно слушал.

— Я сама из Семьи, но вначале я не восставала открыто против Ясветра. Зато теперь мне становится все яснее, что он слаб. Он не правит Симбалией, он редко говорит с народом, он пустышка, кукла в чужих руках. Это Керия дергает за ниточки, а ее поддерживает генерал. Страшная картина вырисовывается, Виллен. Ясветр, к примеру, не сделал ничего, чтобы отбить удар или подготовиться к войне во время предыдущих происшествий с фандорцами...

— Простите, миледи, — неуверенно перебил ее Виллен, — но каких предыдущих происшествий?

— Это слишком сложно, чтобы обсуждать сейчас. Как вы сами говорите, у нас нет времени. Я просила вас довериться мне, разве нет? — сказала Эвирайя с обезоруживающей улыбкой. Не дожидаясь ответа, она продолжила: — Ясветр — марионетка Керии. Никто не знает ее истинного происхождения, кроме того, что она райанка. У вас на севере разве не бывало стычек с райанами?

— Как не бывать! — с готовностью отозвался Виллен. — Воры и бродяги, вот кто они! Ни за что не станут честно работать, когда можно...

— Именно так, — Эвирайя прервала его так ловко, что он и не заметил. — Но они хитры, очень хитры. Король делает все, что хочет честолубивая райанка. Я должна знать, кто они такие на самом деле. Для этого мне нужна ваша помощь. Мне нужна помощь людей, которые не испугаются потребовать справедливости даже от короля Симбалии.

— Я понимаю, — сказал Виллен.

— Хорошо, очень хорошо. Пожалуйста, помните, что этот разговор должен остаться в тайне, но если вы достаточно доверяете кому-нибудь у себя дома, поговорите с ними, подумайте вместе о том, что делают Ясветр и Керия. Я боюсь, что леди Грейдон настроена слишком снисходительно по отношению к Ясветру, и я прошу вас поклясться ничего ей не говорить.

Виллен нахмурился. Не говорить леди Грейдон? Как он мог?

Почувствовав его беспокойство, Эвирайя добавила:

— Ведь Ясветра избрал королем ее брат. Вряд ли она сочтет возможным восстать против решения брата.

Виллен кивнул. Это было логично. Принцесса говорила так убедительно, гораздо лучше всех тех людей из Надлесья, с которыми ему приходилось беседовать раньше. И все же в глубине души тревога не покидала его. Ему было трудно довериться человеку, у которого есть ответы на все вопросы.

Эвирайя наклонилась к нему.

— Вспомните, — сказала она шепотом, — что говорят о райанах. Они кочевники. Они запросто могли жить раньше в другой стране, разве нет? Возможно... в Фандоре?

Виллен отклонился назад и посмотрел на молодую женщину. Он думал о землях за проливом Баломар. Эвирайя взмахнула рукой.

— Это всего лишь догадки! Но... об этом стоит подумать. Возвращайтесь домой, посланник севера, и ждите от меня вестей. Симбалия в опасности.

Виллен снова кивнул. Затем он встал, повернулся, чтобы уйти, но вспомнил, что должен поцеловать ее руку. Принцесса улыбнулась ему, и, очарованный этой улыбкой, он произнес:

— Вы можете рассчитывать на меня, миледи.

Затем он поспешил скрыться в лесу. Эвирайя смотрела ему вслед, тщательно пытаясь сохранять спокойствие. Потом в тишине раздалось шуршание листвы, и на поляну вышел Мезор. Теперь принцесса дрожала.

— Ты слышал? — спросила она.

— Почти все, — ответил ее помощник, — очень убедительно.

Она вздохнула:

— Надеюсь. Трудно построить подозрения на таком необидительном материале. Думаешь, он что-нибудь заподозрил?

— Сомневаюсь. Он простой мужик, помните об этом, а вы очень ловко использовали свое обаяние. Вы могли бы рассказать ему, что во дворце обитают драконы, и, очень может быть, он бы поверил.

Мезор помедлил перед тем, как спросить:

— А что это за предыдущие происшествия с Фандорой, которые так неосмотрительно проигнорировал наш король-рудокоп?

— Ах, несуществующие, конечно, — с улыбкой ответила принцесса.

Она встала, подошла к своему советнику и положила голову на его плечо, совсем как ребенок, ищущий утешения. В этом жесте не было ничего от стремления соблазнить, и Мезор не чувствовал никакого влечения к ней, когда он гладил ее плечи и бормотал что-то утешительное. Это просто было частью его работы.

Она тихо проговорила.

— Я стремлюсь действовать, но и боюсь... Ах, Мезор, что если он меня подозревает, что если он расскажет леди Грейдон? Что если мои обвинения дойдут до Ясветра?

— Этого не случится, — резко ответил он. — Ваше дело плести паутину. Скоро рудокоп и Керия так в ней запутаются, что уже не будет иметь значения, узнают ли они о вашем участии или нет... Они будут ваши. Дворец будет вашим.

«И моим», — добавил он про себя.

Эмсель видел сны. Лежа в мягко раскачивающейся лодке, он видел яркие языки огня, пожирающие его лесной дом, видел, как листья превращаются в черную труху, как горит мебель, как взрываются от жара жидкости в глиняных горшках... В кошмарном сне он понимал, что единственный путь к спасению отрезан, а огонь заставляет карабкаться выше и выше по бесконечному стволу. Пожар уже охватил весь лес, а Эмсель все полз вверх, пока не оказался на самой верхней ветке, и там его ждал огромный, страшный Йондалран с ножом в руке. Потом Эмсель услышал, как кто-то зовет его по имени, и увидел Йогана, летящего на Крыле. Эмсель подпрыгнул и ухватился за перекладину, но легкая конструкция, не выдержав тяжести, начала падать, Йоган закричал...

Эмсель резко открыл глаза. Его била дрожь. Он все еще был в лодке, там, где пробыл последние два дня. Жар, который он во сне принял за огонь, пожирающий его дом, исходил от солнца, весь день висевшего прямо над ним.

Но сейчас солнца не было. Сейчас в небе висело что-то другое. Последние остатки сна покинули путешественника, когда он понял, что это не что иное, как воздушный корабль. Корабль висел над ним на расстоянии не больше чем два человеческих роста. Это была лодка под парусами сложной конструкции, куда больше той, в которой находился Эмсель, к тому же украшенная искусной резьбой в виде головы рычащего медведя. Паруса были сшиты не так, как на морских кораблях, которые Эмселю доводилось видеть. Они были прошиты полосками, которые были туго вздуты изнутри. Очевидно, это и позволяло кораблю лететь. Должно быть, какое-то горючее наполняло эти полости горячим газом, но какое? Ведь оно должно быть очень легким, чтобы не добавлять веса кораблю.

Эмсель немедленно загорелся научным любопытством, но звук стрелы, вонзившейся в дно лодки, быстро вернул его к действительности. К стреле была привязана голубая лента.

— Ты пересек водную границу Симбалии. Покинь свое судно!

Эмсель поднял голову и увидел двух человек, одетых в темно-синюю форму, которые наклонились над поручнем рядом с рубкой корабля. Один из них целился из лука прямо в Эмсею.

— Ты понимаешь, что я говорю? — выкрикнул он.

— Да, — ответил Эмсель.

Речь симбалийцев была похожа на фандорскую, только произношение немного отличалось, затрудняя понимание.

С корабля опустили веревочную лестницу. Эмсель медлил.

— Покинь свое судно, — повторил всадник ветра. Еще одна стрела вонзилась в борт лодки.

— У меня, очевидно, нет выбора, — сказал изобретатель, но, когда он встал, чтобы ухватиться за лестницу, сплетенную из крепкого каната, он понял, что слишком ослаб от голода. Пока он спал, чайки украли остатки сыра. Путешествие истощило его. И все же на лестницу нужно было забраться. С трудом Эмсель взялся за перекладину и бросил взгляд на залив. К его удивлению и радости, земля была всего лишь в нескольких милях. Он греб весь вчерашний день и только сейчас понял, что выбрался из течения и почти достиг берега Симбалии. Мысль об этом его взбодрила, и он с готовностью полез вверх по лестнице.

Задача, однако, была сложнее, чем он думал. Высота была невелика, но лестница раскачивалась под его весом. У Эмселя закружилась голова, перекладина вырвалась из его рук, и он с плеском упал в воду.

Всадники ветра посмотрели вниз с презрением.

— Фандорец, — сказал один из них.

— Это все объясняет, — добавил второй.

ГЛАВА 11

Йондалран смотрел на городских детей, затеявших игру. Они весело пинали тряпичный мяч через доску, в которой были проделаны восемь арочных отверстий разного размера. Старику было больно видеть, как весело детям, не понимающим, что скоро война, что некоторым из них предстоит потерять отцов и братьев, и вести об этих потерях принесут печаль и смятение в их жизни, сейчас наполненные радостью и задорным смехом. Война заставит их повзрослеть. Старый фермер грустно вздохнул.

Мяч подпрыгнул и покатился к старику. Йондалран поднял его и бросил обратно детям. На миг старейшина подумал о том, как хорошо было бы все забыть, сделать так, чтобы Фандора вернулась к нормальной жизни. Но это было невозможно. Старик повернулся и пошел прочь, не в силах смотреть на лица детей. В каждом из них он видел Йогана. Он медленным шагом направился к грейвудской таверне. Эгрон собирался тоже туда подойти.

Старик сидел за столом в таверне, но не пил. Через час вошел Эгрон.

— Они вернулись, — сказал он.

Почти следом за ним в таверну вошли двое людей, покрытых слоем золы и пепла. В руках они держали свитки, стопки книг и совсем непонятные предметы из сгоревшего Дома отшельника.

— Эля сюда! — громко сказал Эгрон, помогая вошедшим сложить свои находки на стол.

Все трое уселись за стол. Помощники Эгрона потягивали эль из глиняных кружек, пока Йондалран рассматривал то, что они принесли. Он осторожно, потому что вещь была, несомненно, колдовская, взял в руки черную обуглившуюся трубку и обнаружил, что она полая, а на обоих концах ее вставлены прозрачные стекла. Старик повертел трубку в руках, поднес к глазам и тотчас выронил с криком ужаса. Колдовская штукавина скатилась на пол и разбилась на кусочки.

— Что ты видел? — спросил Эгрон.

— Трактирщика с кружкой, которую он, гляди, наполняет элем, так близко, что рукой можно дотянуться! — Он передернул плечом: — Колдун, точно!

Двое помощников Эгрона переглянулись. Им было неуютно от мысли, что они несли в руках такие вещи несколько миль.

Йондалран тем временем взял один из хрупких, обуглившихся свитков и очень аккуратно развернул неповрежденную часть. Йондалран читал достаточно хорошо, но написанное на этом пергаменте было только отдаленно похоже на привычные ему буквы.

— Кажется, написано задом наперед. Надо поднести к зеркалу, — сказал Эгрон, заглядывая через плечо старика.

— Незачем, — ответил фермер, — одно то, что он шифровал свои записи, подтверждает, что он шпион. Я был прав.

Затем он развернул еще один свиток.

— Вот, смотрите, что может быть убедительнее? — сказал он, показывая детальную карту береговой линии Симбалии. — Что ж, мы воспользуемся его работой в своих целях, эта карта поможет нам разработать план вторжения. Лучше не придумать — пусть убийца моего сына поможет нам сокрушить его народ. Нашли ли вы доказательства его смерти?

— Там было много обуглившихся костей, — сказал один из мужчин.

Йондалран удовлетворенно кивнул:

— Значит, он мертв. Я не хотел, чтобы так вышло... Но что сделано, то сделано. Расскажите людям о том, что мы узнали.

В течение часа новости о том, что найдены неопровержимые доказательства того, что Эмсель был симбалийским шпионом, распространились по городу, и разговоры, полные сомнений о необходимости войны, прекратились. Старейшины разъехались по домам, чтобы собирать армию. Каждое поселение должно было выставить сотню воинов.

Подготовка оказалась трудной задачей. Мастера разучились ковать мечи, фермерские лошади не были приучены скакать по каменистым полям и вересковым пустошам. Раньше у фандорцев не было причин воевать. Сама природа отделила страну от соседей, а междоусобиц фандорцы не знали. Опасные течения залива Баломар и высокие прибрежные скалы служили отличной защитой от возможной атаки симбалийцев или южан.

Найти людей, готовых сражаться, оказалось просто, но никто не знал, как вооружить воинов. Земля была богата рудой, но не было времени добывать ее, плавить и ковать оружие. Каждый город и каждая деревня должны были сами вооружить своих ополченцев, кто как мог.

— Я не позволю вам взять их!

Согбенный годами старик стоял со скрещенными руками на верхней ступеньке крыльца. Он был очень стар, его кожа выглядела как сухой пергамент, а волосы — как белая паутина. На нем было желтое шелковое платье, на пальце сверкало, как будто отражая его гнев, кольцо с опалом.

Дом старика был одним из прекраснейших в Фандоре, дома других богачей рядом с ним казались глинобитными хижинами. Окруженный каменной стеной, он стоял на окраине города, прямо за ним начинался лес. Крыша дома была выложена кованым железом, две невысокие башенки со стеклянными окнами венчали кровлю, а на уровне второго этажа был устроен балкон с резными перилами. Старик стоял перед закрытыми двойными дверями дома и сердито смотрел на тех, кто стоял перед ним.

— Мы должны их забрать, — сказал глава городских старейшин. Он тоже был стар, хотя и не так, как хозяин дома. Его одежда была из грубой шерсти, а плащ поношен. У него за спиной стояли еще четверо мужчин. Трое из них нетерпеливо переминались с ноги на ногу, глядя, как старейшина разглагольствует со стариком. Только четвертый был спокоен, как скала. Он был широкоплечим гигантом, почти шести футов ростом, с огромными руками и скучным, невыразительным лицом.

— Поверь мне, — убеждал старика старейшина, — я не хочу этого делать, но ты должен понять, в каком положении мы находимся!

— Вы — варвары и заслужили его! — крикнул старик.

Старейшина скинул плащ и вытер его краем пот с лица.

— Ты на них не пашешь и не едешь! — отчаянно повторил старейшина то, о чем он уже не раз говорил. — От них вообще никакой пользы! Фандора идет на войну! Нам нужно железо! Железо, чтобы ковать оружие!

— Так расплавьте свои грабли и бороны, — ответил старик в желтом, — снимите кольца с пальцев, подковы с лошадей и бросьте все в огонь! Я не отдам вам то, что для меня дороже жизни!

Один из мужчин, стоящих за спиной старейшины, почти лысый из-за шрама, который тянулся через макушку, не выдержал.

— Что ты вообще со старым дураком разговариваешь? — громко сказал он. — Нам нужно железо, времени лишнего у нас нет. Пошли, возьмем их, и дело с концом!

— Только попробуй! Я не позволю! — закричал старик.

— Пожалуйста, — сказал старейшина в последней попытке сохранить мир, — пойми, это война. У нас нет выбора.

— Всегда есть выбор! Вы выбрали войну! Глупцы, если вы хотите идти убивать друг друга, идите! Но не с оружием, выкованным из...

— Ну, все. Хватит! — сказал другой мужчина. Он тоже был высок ростом и думал, что красив. Он был одет так, как, по его мнению, должны одеваться офицеры — в черную туннику с эполетами и штаны, крест-накрест расшитые золотой тесьмой. Ему явно было жарко, но он не снимал шляпу с пером и не расстегивал тугий воротник. — Мы не можем больше терять время!

Он направился вдоль дома к каменной стене. Остальные пошли за ним. Старейшина помедлил, посмотрел на старика так, словно хотел попросить прощения, развел руками и пошел вслед за своими помощниками.

Старик вошел в дом и хлопнул дверью.

За домом начинался пологий спуск в сторону леса. Массивные деревянные ворота в стене не были заперты. Громко подбадривая друг друга, мужчины толкнули створку, вошли в сад и остановились.

Сад был прекрасен. Среди клумб с цветами и невысоких холмиков, покрытых аккуратно подстриженной травой, бежал сквозь несколько водоемов с лилиями журчащий ручеек. Он падал с одного уровня на другой сверкающим на солнце маленьким водопадом.

Дорожки, выложенные плиткой и посыпанные блестящим мелким гравием, извиваясь, образовывали причудливый узор. Но главным украшением сада были, конечно, статуи. Их было двенадцать, каждая венчала небольшой холм.

Незванные гости стояли у ворот и вертели головами, рассматривая статуи, изображавшие, как они догадались, легендарных существ. Там был и летящий крылатый дракон, и морской змей, плывущий в водяных брызгах. Другие статуи изображали существ, про которых ни старейшина, ни его помощники никогда не слышали. Должно быть, они были плодом воображения их создателей. Например, одна скульптура изображала наполовину лошадь, а наполовину — рыбу. А еще был крылатый олень, опустивший рога в угрожающей позе, и цветы, украшенные драгоценными камнями, и Демоны с крыльями, как у летучих мышей. Некоторые были сделаны с изумительной точностью, до каждого мельчайшего волоска или лепестка. Другие — отлиты с нарочитой живописной небрежностью. Единственным, что их объединяло, был материал. Все они были сделаны из металла.

Четверо мужчин шагали по саду, гравий хрустел под подошвами сапог. Ближе всех к воротам стоял крылатый олень. Двое мужчин взялись за него и начали раскачивать, чтобы вырвать из земли. Статуя накренилась, качнулась и рухнула на землю. Они отерли пот со лба, ухватились за металлические ноги оленя и поволокли его к воротам.

Не успели они донести свою добычу до ворот, как один из них вдруг обернулся и посмотрел на заднюю сторону дома. Старейшина, занятый раскачиванием другой статуи, тоже обернулся. В проеме двери стоял хозяин сада. В руках он держал странное оружие, в котором старейшина узнал арбалет.

— Положите, — сказал он тем, кто нес статую.

Они подчинились. От удара основанием статуи плитка дала трещину.

— Я двадцать лет работал, чтобы построить этот дом и сад, — сказал старик. Его голос дрожал, а на лбу выступили бисеринки пота. — Путешествуя по дальнему востоку, я искал лучших мастеров и дорого заплатил за то, чтобы привезти эти скульптуры сюда. Вы... вы разрушите их потому, что они не годны для пахоты? Вы отправите их в кузницы, чтобы их расплавили и перековали в оружие? Никогда! Вам не понять — эти скульптуры бесценны! Они были сделаны не для чего-нибудь, а просто чтобы быть! Вон отсюда, пока я вас не поубивал!

Пока старик говорил, старейшина заметил, что тетива лука не натянута. Почему-то ему стало грустно. Он повернулся к высокому человеку с невыразительным лицом и сказал:

— Подержи его в доме, пока мы закончим.

Огромный человек кивнул и направился через сад к дому.

— Я вас предупреждаю! — закричал старик с истерическими нотками в голосе. — Убирайтесь! Оставьте статуи и вон отсюда! Я буду стрелять!

Старейшина покачал головой.

— Ты не будешь стрелять. Ты бы не стал, даже если бы умел с этой штукой обращаться, — сказал он и кивнул своим подручным: — Продолжайте.

Гигант стоял перед стариком, беспомощно уставившимся на деревянные пуговицы на его рубашке. Старик издал жалкий вскрик и опустил оружие. Гигант положил огромные ладони на его плечи, развернул и подтолкнул к дому.

Стены комнаты, в которую они вошли, украшало панно из перьев диковинных птиц. Старик бессильно опустился в кресло, а огромный человек сел напротив, с любопытством рассматривая хозяина дома. Он не понимал, почему старик так расстроен. Если бы он мог говорить, он бы спросил, но гигант был немым. Конечно, он многого не понимал, но не беспокоился об этом. Мир казался ему восхитительно интересным, полным загадок и тайн, и все ему было любопытно. Сейчас он никак не мог взять в толк, почему старик сидит согнувшись, обхватив костлявые колени, раскачиваясь взад и вперед. Гигант посмотрел в окно. Уже пять статуй унесли. На зеленом ковре травы остались черные пятна. Он смотрел на те статуи, которые еще остались стоять. Он никогда не видел ничего подобного. Они были

такие живые, как будто настоящие люди и звери застыли, превратившись в металл «Зачем эти, ну, кто делал их, — он мучительно пытался вспомнить слово „художники“, — зачем художникам было нужно так стараться?»

Хозяин дома смотрел на него.

— Не переживай, — сказал старик, — всех заберут. Я их всю жизнь собирал, понимаешь? Да тебе все равно. Ты же не понимаешь, какое преступление вы совершаете. Разрушить искусство ради войны — не может быть большего преступления...

Немой гигант смотрел, как статуи складывают одну за другой у ворот, смотрел, как их выкорчевывают из земли, и каждый раз, когда статуя покидала свое место, он, непонятно почему, чувствовал тупую боль в сердце. Без статуй сад выглядел пустым, заброшенным. Он отвернулся вдруг от окна и посмотрел на старика. Он больше не хотел видеть того, что происходит в саду, и он больше не хотел слышать обвинений старика. Ему было больно слышать. Немой издал нечленораздельный звук, стон боли и непонимания.

Старик уставился на него.

— Ты понимаешь, да? — шепотом спросил он. — Если б ты понимал, мне было бы легче. Шедевры не восстановишь, но мне будет утешением, если их разрушение научит хотя бы тебя ценить искусство.

Гигант взял старика за плечи, нежно поднял его и подтолкнул к окну.

— Нет, нет, — начал сопротивляться старик, — я не могу смотреть на них, мне больно.

Гигант нахмурился и осторожно встряхнул старика за плечи, как отец встряхнул бы непокорного ребенка. Он повернул голову в сторону сада, кивнул в направлении каждой статуи и вытянул палец перед лицом старика.

Старик начал понимать.

— Ты хочешь, чтобы я... выбрал одну из них? — изумленно спросил он.

Немой кивнул.

Старик выглянул в окно. Как он мог выбрать? Каждая была ему по-своему дорога. Например, вон ту ему подарили, когда он спас жизнь скульптора в Дагемон-Кен много лет назад. А другие, те, которые он покупал, выменивал только потому, что их красота не давала ему спать по ночам? Как он мог выбрать? Так же можно приказать отцу выбрать одного ребенка. Он не мог. И все же он должен был воспользоваться шансом спасти шедевр. Он окинул статуи последним прощальным взглядом и принял решение. Со слезами на глазах он показал пальцем на одну из самых маленьких, изображающую женщину, вырастающую из цветка.

— Эта, — сказал он.

Статую подарила ему теперь уже покойная бундурская художница, которую он хорошо знал и любил. Что ж, пусть часть ее будет жить.

Гиганта выбор старика удивил. Он бы и не заметил ее, таким маленьким казалось по сравнению с остальными изваяние. Но понимая, что сам ничего в этом не смыслит, он кивнул и направился в сад, туда, где одетый в яркую форму мужчина уже примеривался к тому, чтобы вырвать ее из земли.

Красавчик поднял голову, когда на него легла тень гиганта и широкая ладонь опустилась на плечо металлической женщины.

— Эй, ты чего? — спросил владелец блестящих эполет.

Не обращая на него никакого внимания, гигант одной рукой поднял статую и направился обратно к дому.

— Куда это ты собрался? — спокойно спросил старейшина.

Немой повернулся к нему и кивком показал сначала на статую, а потом на старика, замершего в проеме окна.

Старейшина взглянул на своего немого помощника, потом на старика, помолчал и в конце концов кивнул. Немой вернулся в дом и встал на пороге, смотря на старика, наблюдавшего за разрушением сада. Затем старик обернулся. В руках гиганта маленькая женщина, вырастающая из цветка, выглядела странно. Ее постамент, прямо с комьями

черной земли, теперь стоял на дорогом ковре.

Старик вглядывался в лицо гиганта, но не находил в нем видимой перемены. Лицо было совершенно невыразительным. Старик изучал его, как изучал бы скульптуру, а гигант смотрел на него, не зная, что делать.

«Он ждет, — думал старик, — знает ли он? Знает ли, что я чувствую? Или жалеет меня?»

Старик нежно взял огромную ладонь немого и сжал в своих костлявых руках. Затем он взял пальцы гиганта и провел ими по спине скульптуры.

— Я знал ее, давно это было, — сказал старик, — она выглядела по-другому, но когда я касаюсь этой статуи, я чувствую присутствие той женщины.

В глазах гиганта мелькнула искра понимания. Старик попытался обнять его, но гигант отстранился и вышел из дома.

Старик смотрел из окна, как немой быстро шагает по садовой дорожке. Потом он повернулся к статуе, стоящей на ковре, и сказал, обращаясь к женщине из Бундуры, которой уж много лет не было на свете:

— Госпожа моя, он плакал.

Подготовка к войне шла полным ходом. Весь жизненный уклад фандорцев, милые их сердцам привычки и традиции трещали по швам. Во многих домах впервые с самой постройки в дверные замки и защелки заливали масло. Проржавевшие механизмы, кулачки и шкворни протестующе скрипели. С наступлением темноты население городов и деревень охватывал панический страх. Дети засыпали только в объятиях родителей, а взрослые, сменяя друг друга, наблюдали за окрестностями.

Лэгоу, недавно вернувшийся в родной город, относясь к этой повальной истерии скептически, вынужден был, однако, признать, что охвативший всю страну страх существенно облегчал задачу по сбору ополчения. Мужчины выстраивались в очередь, чтобы записаться в армию и защитить свои семьи.

— Мне только на руку, — сказал Лэгоу жене, — что они сами готовы присоединиться к безумному походу. Но в глубине души я не готов приказать им идти в бой.

— Так решил Верховный совет, — сказала жена, — какой бы глупостью это ни было. Ты больше не несешь за это ответственности, Лэгоу. Тебя никто не обвинит в том, что ты исполняешь свой долг.

— Я вот думаю, — ответил он, — может ли зло стать добром по воле кучки стариков?

Дина вздохнула.

— Боюсь, ответ тебе известен, — сказала она, ворочаясь в постели. Впереди была еще одна бессонная ночь.

В Боргене многие были настроены против войны. Город был богат, и горожанам не хотелось рисковать всем нажитым годами тяжелого труда. Еще больше беспокойства вызывало то, что многие мужчины могут не вернуться с войны. Как тогда проживут женщины и дети?

Теннел терпеливо выслушивал эти доводы и не мог не согласиться с их справедливостью. Назначенное городу ополчение никак не набиралось. Теннел обратился за советом к двум другим старейшинам.

— Мы должны вдолбить им, — сказал Таленд, — если Фандора не даст отпор сейчас, колдуны облагодетельствуют вконец!

В годы своей молодости Таленд охотился на медведей и кабанов в горах и знал, что раненый и разозленный зверь опаснее здорового, и повезет охотнику, который спасется, задев стрелой медведя. Ему самому не повезло, и изувеченная нога была тому свидетельством. Фандора должна была наброситься на колдунов, как раненый вепрь, считал глава боргенских старейшин, а для этого им были нужны люди. Таленд созвал собрание на городской площади и произнес длинную речь.

В результате еще кое-кто из пристыженных и запуганных горожан записался в ряды ополчения. Теннел был восхищен талантом старшего товарища и в то же время расстроен, он-то считал сбор ополченцев своей главной задачей, а получилось, что его молодость и неопытность в такого рода делах привели к тому, что Таленду пришлось вмешаться. И все-таки они еще не выбрали квоту. В отчаянии Теннел придумал вывесить объявления, гласившие, что любой вор, разбойник или беглый работник с фермы, разыскиваемый разъезжими, мог найти убежище в армии. В течение нескольких дней боргенское ополчение пополнилось неприятного вида оборванцами.

Таленду эта мера не пришлась по душе, но Теннел убедил его в том, что иного выбора не было. Дальше его задача состояла в том, чтобы переправить новобранцев в Тамберли, где собирались основные силы, и это казалось молодому старейшине нехитрым делом, ведь он сделал самое главное. Но его ждало разочарование.

Старейшина Кейп Бейджа любил эффектные представления и весть о решении Верховного совета донес до горожан красиво. Вернувшись в город, он направился прямо к колокольне во Дворе Глупцов.

Глубокой ночью над городом раздался тревожный гул колоколов. Пьяницы, просто любители ночных посиделок, а за ними и сонные горожане вывалили на улицы из таверн и домов и увидели Тэмарка, вызывающего во весь голос с колокольни:

— Добровольцы! Фандора набирает армию! Нам нужны добровольцы, готовые защитить родину!

Те, кто уже не был в состоянии понять его слова, вернулись к кружкам с элем, но большинство горожан осталось на улице, возбужденно разговаривая и гадая, не спятил ли рыбак. Многие из них слышали о нападении на Гордейн, некоторые видели симбалийские корабли вдалеке над заливом, но никто не верил, что Фандора может решиться пересечь его и пойти войной на колдунов.

Среди наблюдающих за неожиданным выступлением старейшины был и Дэйон, молодой моряк, только что вернувшийся из опасного плавания. Он ждал у подножия колокольни, надеясь перехватить Тэмарка, когда он будет спускаться.

Через несколько минут он схватил старейшину за плечо. Рассерженный Тэмарк попытался было вырваться, но, узнав молодого человека, тотчас же его обнял.

— Дэйон! Ты жив!

— Да, сэр, — сказал моряк, смущенный таким проявлением чувств. Он не знал, что Тэмарк так тепло к нему относится. — Меня снесло в самую худшую часть залива, там, где течения. Лодка разбилась, и я проторчал на каком-то островке, пока не починил ее. Ужасно. И что я слышу, вернувшись домой? Разговоры о какой-то войне. Какая война, Тэмарк?

Тэмарк нахмурился:

— Боюсь, это уже не только разговоры. Эти безумцы из Тамберли собрались воевать и втянули в это всю страну.

— Из Тамберли? Это же мой родной город!

— Тогда ты должен знать Йондалрана. Этот сумасшедший склонил на свою сторону Верховный совет.

Дэйон усмехнулся:

— Йондалран мой отец.

Тэмарк спал с лица и почувствовал ком в горле.

— Твой отец?

Дэйон кивнул:

— Судя по твоему описанию, точно он.

Тэмарк отвел глаза.

— У меня плохие новости, — сказал он тихим голосом, — надо поговорить.

Они выбрались из гудящей толпы и отправились домой к Тэмарку.

Чуть позже в маленькой комнатке позади пекарни раздались рыдания, потом дверь

открылась, и Дэйон бегом промчался через выложенную булыжником площадь. У себя дома он быстро собрал одежду и еду на день пути. Несколько рыбаков видели, как он быстро, почти бегом, устремился по темной дороге в сторону Тамберли.

ГЛАВА 12

Западный берег Симбалии, к северу от песчаных пляжей, был скалистым, хотя и не таким крутым, как на фандорской стороне залива. Утесы, принявшие самые неожиданные формы под воздействием дождя и ветра, выглядели внушительно и красиво. Один из выступов, нависающих над заливом, природа выточила в форме, похожей на череп огромного зверя. С этого места, названного Главой дракона, открывалась широкая панорама залива.

Темной тенью из тумана, укрывшего скалы, появился всадник. Он остановился рядом со скалой в форме черепа и спешил. Это был Ясветр. На нем был тяжелый плащ, к поясу пристегнут меч, а ястреб сидел на его плече. Спустя несколько минут из тумана появились еще трое всадников, копыта их коней высекали из камней искры. Один из всадников откинул кашошон. Это была Керия.

Ясветр подошел к краю обрыва, всматриваясь в туман. Ястреб с пронзительным криком сорвался вниз и вонзился в мокрый холодный воздух. Птицу что-то тревожило, но Керия не могла понять что. Девушка уже давно заметила, что настроение Ясветра и хищной птицы очень часто бывало похоже. Это пугало ее. Еще недавно ей казалось, что любимый готов поделиться с ней всеми печалью и радостями, а теперь Ясветр отдалился, словно невидимая стена выросла между ним и всеми остальными, не исключая Керию. С бессильным сожалением она сознавала, что понимает произошедшую с ним перемену не больше, чем настроения ястреба.

Два других всадника были дворцовыми стражниками. Старший из них, Лэтан, спешил и подошел к королю с факелом в руке. Ясветр протянул руку Керии. Ястреб поднялся из тумана и кружил теперь над ними. Керия вложила ладонь в руку короля, и они направились к Главе дракона.

— Зачем ты взял с собой меч? — тихо спросила Керия. — Ты чего-то опасаясь, любимый?

— Последние двадцать четыре часа я опасаясь всего.

Керия ответа не поняла, но промолчала, только теснее прижалась к Ясветру, когда они подошли к скале. Прямо перед ними была кривая расщелина, черная, как ствол шахты. Ясветр поднял факел, осветивший влажный гранитный свод, под который они вошли.

— Не знаю, что погубило ребенка, — сказал он, — но, судя по словам охотника, тело выглядело так, словно девочка скатилась с обрыва или была избита палками. Вряд ли лесной зверь мог такое проделать.

Они завернули за угол, за которым дорога разветвлялась — правая круто поднималась вверх, а левая — не менее круто спускалась. Ясветр свернул налево.

— Да, — сказала Керия, — фандорцы тут ни при чем.

Ясветр улыбнулся.

— Эфрайон мне тысячу раз говорил, что монарху следует расследовать все возможные версии, и лучше всего лично. Я хотел, чтобы Кайерт послал корабль к фандорскому берегу на разведку, но он сказал, что сейчас над заливом штормовой ветер. Посмотрим, что мы сами сможем разглядеть.

Свет факела отразился от слоя воды, покрывавшего пол пещеры.

— Сюда попадает дождь, — сказал Ясветр, — вода холодная. Перенести тебя?

— Да, пожалуйста, — ответила Керия с улыбкой, — только не забудь о том, что случилось в ручье.

Она имела в виду давнее происшествие, когда они наслаждались свободой и обществом друг друга в южной части леса. Галантно предложив перенести ее через ручеек, Ясветр

поскользнулся, они оба упали в воду, вымокли до нитки и долго смеялись. Теперь воспоминание об этом вызвало лишь тень улыбки на лице короля. Керия ощутила острую боль — он отдалился от нее, она словно чужая.

Ясве́тр поднял ее на руки и перенес через небольшую, но глубокую, так, что вода попала в его сапоги, лужу. Ему пришлось остановиться, вылить воду и вытереть ноги о плащ, и только после этого они продолжили путь. Коридор в скале теперь круто поднимался, а откуда-то сверху порывами налетал холодный ветер, заставляя метаться пламя факела.

Они вышли из узкого коридора и попали в широкую, пустую каменную чашу. Они были в одной из огромных полых глазниц утеса в форме черепа. Далеко внизу, прямо под ними, расстился залив Баломар. Ватные облачка тумана окружали утес, а внизу иногда вспыхивали яркие звездочки на поверхности планктона на воде. Волны разбивались о скалы со звуком, похожим на далекий гул барабанов. В чистом небе светила половинка луны, бросая холодный свет на далекий скалистый берег Фандоры.

— Не самая лучшая ночь для наблюдения, — сказал Ясве́тр, — и все же мы можем что-нибудь да заметить.

Он вытащил из футляра, привязанного к поясу, подзорную трубу и поднес ее к глазам.

— Что ты видишь? — спросила Керия, немного подождав.

— Не много. Луна яркая, но туман довольно плотный. По крайней мере я не вижу никакой активности на их берегу.

— Но северянин уверял нас, что они видели фандорский корабль.

— Возможно, это была рыбацкая лодка, которую снесло ветром и течением к нашим берегам. Знаешь, многое можно было бы выяснить, если бы мы поддерживали нормальные отношения с Фандорой. Коварные течения в заливе препятствуют этому, но, я уверен, мы должны узнать друг друга. Этим я тоже собираюсь заняться.

Позади раздался звук шагов. Король резко повернулся, и Керия подумала, что он действительно ожидает опасности.

Появился задыхающийся от бега стражник.

— Король Ясве́тр, — выдохнул он, — двое всадников в лесу! Они остановились на минуту, и я расслышал, что говор-то у них северный.

Ясве́тр протянул стражнику факел.

— Останься с леди Керией, — сказал он. — Я поговорю с ними.

Не дожидаясь ответа, он бегом бросился в туннель.

— Там темно, как в шахте, — ни зги не видно! — сказал стражник. — Как он найдет дорогу без факела?

— Он найдет, — ответила девушка.

Ясвегт напугал сторожившего лошадей Аэтана, выскочив неожиданно из расщелины в скале.

— Мы догоним северян! Показывай дорогу!

— Но... мой король, — запнулся Лэтан, — они верхом на северных скакунах, нам на наших лошадках за ними не успеть!

— Мы их догоним.

Ястреб кружился в небе над головой короля, а когда тот вскочил в седло, хищная птица полетела вперед, к лесу. Лэтан тоже вскочил в седло и последовал за королем, но конь Ясвегта, развив немыслимую скорость, ворвался в чащу леса и исчез из виду. Прижавшись к конской шее в попытке защититься от невидимых в темноте веток, хлещущих по лицу, Лэтан продолжал следовать за королем, удивляясь тому, как тот так ловко мчался в кромешной тьме.

Виллен встретил своего спутника на условленном месте, как раз когда садилось солнце. Он ничего не сказал о встрече с принцессой, хотя ее слова не переставали звучать в его ушах. Он объяснил задержку тем, что проговорил с горожанами Надлесья дольше, чем ожидал. Твил, его товарищ, настойчиво расспрашивал Виллена о том, как прошел разговор с королем, но охотник сердито попросил оставить его в покое до тех пор, пока он не приведет свои мысли в порядок. После этого они ехали в напряженной тишине.

Когда растаяли последние лучи солнца, в лесу стало совсем темно. От земли поднялся туман. Некоторое время спустя Виллен, устыдившись своего поведения, направил коня к товарищу и сказал:

— О многом мне придется рассказать, но большинство из этих новостей может подождать. Одно я могу сказать: все еще сложнее, чем нам казалось.

— В таком случае, — ответил Твил, — нам лучше ехать всю ночь. Мы сейчас рядом с морем. Я слышу, как волны разбиваются о скалы, и чувствую вкус соли в ночном воздухе. Если поторопиться, будем дома до рассвета.

Они ударили коней пятками, и те пустились в легкий галоп, которым могли идти всю ночь, но, проскакав таким образом совсем недолго, Виллен расслышал сквозь топот копыт еще один, чужеродный, звук. Сначала он решил, что ему показалось. Затем подумал, что это был ветер. Но звук, высокий, пронзительный, становился все громче. Виллен обернулся на скаку. Деревья вокруг вырастали из тумана, как зловещие, хищные руки, готовые схватить путников, а ветви кустарников извивались, как гигантские змеи. Вдруг ветер резко ударил охотника в лицо, и он услышал оглушительный визг. Конь встал на дыбы, и Виллен едва удержался в седле, краем глаза заметив, что Твилу тоже приходится туго. В небе над их головами кружилась тень, которую Виллен принял было за огромную летучую мышь. Потом он разглядел, что это был ястреб, выпустивший страшные когти.

А затем Виллен заметил приближающегося всадника, мчащегося на огромной черной лошади. Виллен затаил дыхание. Разбойник или райанин? Но когда луна бросила луч холодного света на лицо всадника, Виллен с изумлением осознал, что это был король Симбалии.

Ястреб сделал еще один круг на фоне звездного неба и вернулся к королю. Виллен взглянул на Твила, который был бледен, как сам туман. Король приблизился. Его лицо казалось мраморным в лунном свете. Он посмотрел на Виллена.

— Я позволил тебе свободно вернуться домой. Если у тебя нет объяснения тому, что ты до сих пор здесь делаешь, мне придется отвезти тебя обратно и запереть в тюрьме.

Виллен бросил взгляд на своего спутника, затем опять на короля. Ясвегт был настолько

властен, что в какой-то момент Виллен понял, что вот-вот расскажет ему о встрече в лесу, но вспомнил клятву, данную принцессе. Он совсем не был уверен в том, кому можно доверять в непонятном мире интриг, но знал одно: мужчины держат данное слово.

— У меня были дела, — сказал он и с облегчением заметил, что его голос не дрогнул. Он смотрел на Ясветра, не понимая, что будет дальше.

В этот момент появился Лэтан и с удивлением уставился на них. Он не слышал, о чем говорили до этого, но сразу почувствовал напряжение между королем и северянами.

Ясветр смотрел на Виллена, тот сглотнул, но не отвел взгляда. Твил молчал, понимая, что король имеет полное право задержать Виллена за отказ отвечать.

— Я снова спрашиваю, — сказал Ясветр, — что ты делал в лесу?

— Я уже сказал, у меня были дела, — сказал Виллен, а затем не совсем убедительно добавил: — К тому же меня задержала стража, и мне пришлось доказывать им, что ты разрешил мне уйти. Еще я заблудился и с трудом нашел своего спутника.

— Северянин заблудился в лесу? — скептически поинтересовался Ясветр. — Трудно в это поверить.

— Тем не менее это мой ответ.

На время они застыли — ястреб сидел на плече короля, сверкая глазом в сторону Виллена, черный конь короля перебирал ногами, вспахивая туман, который разлетался рваными клочьями из-под копыт, и всхрапывал. Луна начала заходить за высокие макушки деревьев на востоке. В конце концов Ясветр заговорил:

— Что ж, хорошо. Не буду заставлять тебя отвечать. Несомненно, у тебя есть причины для молчания. Вы оба можете ехать.

Удивленные тем, что так легко отделались, путники немедленно повернули коней на север. Когда они исчезли в тумане среди деревьев, Ясветр обратился к стражнику:

— Следуй за ними. Даже если придется забраться в Северный Предел. Поезжай, узнай все, что сможешь, и возвращайся к завтрашнему вечеру.

Не говоря больше ни слова, Ясветр дернул поводья и уехал. Лэтан смотрел вслед своему королю, исчезающему в тумане, как темный призрак. Стражника била дрожь, но не только от холодного ночного воздуха.

Немногие окна были освещены поздней ночью. В спальне построенного в дереве замка, принадлежащего принцу Кайерту и принцессе Эвирайе, горела масляная лампа. Света ее хватало на всю небольшую, уютную комнату, в которую можно было подняться по спиральной лестнице. Деревянная кровать с балдахином из зеленеющей живой лозы стояла в углу спальни, и иногда стручки на ветках раскрывались с нежным шуршанием, наполняя комнату легким благоуханием.

Эвирайя лежала на постели, на шелковых простынях, среди меховых покрывал. Она смотрела на Кайерта, который стоял у окна, сделанного в стволе, там, где выпал огромный сучок. Эвирайя беспокойно постукала ногтями со звуком, похожим на треск сухих листьев. Ее распущенные волосы лежали беспорядочными золотыми прядками, покрывая едва ли не большую часть постели. Она глубоко вздохнула, как будто намереваясь что-то сказать, но не произнесла ни слова. Вместо нее заговорил Кайерт.

— Я спросил тебя, Эвирайя, — негромко сказал он, — почему ты не рассказываешь мне, о чем говорила с охотником?

— Я собиралась рассказать тебе, — ответила она. (Осторожно, теперь очень осторожно. Он каким-то образом многое знает.)

— В самом деле? — сухо осведомился Кайерт.

— Да, собиралась. Я просто хотела расспросить его поподробнее о его беде, ведь мы с тобой члены королевской семьи, я подумала, нам следует об этом знать.

— То, что ты так заинтересовалась делами Северного Предела, заслуживает восхищения, Эвирайя. Особенно после того, что ты сказала на прошлой неделе о леди Грейдон — как ей может нравиться жить среди этих... как ты высказалась? Дикарей?

— Кайерт! Как ты можешь так говорить? Меня ужаснула смерть ребенка.

— Первый раз слышу, что тебя интересуют дети, а в особенности дети охотников из Северного Предела, но забудем об этом. Я не могу избавиться от ощущения, что не пролети один из моих кораблей над поляной, где вы так мило беседовали, я бы ничею об этом не узнал. Меня не проведешь, Эвирайя. Хитроумные планы рождаются в твоей головке с удивительной легкостью. Происходит что-то загадочное, и я уверен, ты не останешься в стороне. Ты расскажешь мне, или я должен сам узнать?

Не получив ответа, он повернулся и посмотрел на жену. Она ответила ему раздраженным взглядом и сердито бросила;

— Если будешь обращаться со мной как со служанкой, стащившей серебряные ложки, мне вообще не о чем с тобой говорить!

Она повернулась на другой бок и уставилась в стену, однако от Кайерта не укрылось то, как она нарочито изящно выпростала ногу из-под мехового одеяла, намекая на возможность забыть о споре.

Кайерт вздохнул. Он любил жену, но редко показывал это. Он не любил открытого проявления чувств, в его любви не было вспышек яркой страсти. Но он не ставил это себе в вину, скорее считая, что его поведение вполне подходит его титулу и службе. Все его помыслы занимали братья ветра и Симбалия.

Эвирайя беспокойно поглядывала на мужа, уверенная, что ее хитрости остались втуне. Она слишком много лгала и теперь с трудом понимала, как сможет их брак вместить правду. Довериться мужу — значило уступить главенство, а этого она как раз не могла принять. Если уж не страной, то хотя бы мужем она должна была управлять.

К удивлению Эвирайи, Кайерт пересек комнату по направлению к лестнице и начал спускаться. Ступени вели через резной потолок главного зала дерева, в котором они жили, вниз, в просторный холл. Кайерт взял плащ у стражника, стоящего у подножия лестницы, и вышел на улицу.

Эвирайя перевернулась в постели. Иногда она жалела, что у нее такие длинные ногти! Ей хотелось со злостью сжать кулаки, но все, что она могла сделать, это ударить изо всей силы ладошками по шелковым простыням. Выместив злость, она прислушалась, надеясь услышать шаги возвращающегося мужа.

Он не вернулся.

Она была зла, разочарована, но более всего обеспокоена. Она никогда не была до конца уверена в том, что он любит ее, часто думая, что он скорее гордится тем, что он муж принцессы Симбалии. В Надлесье браки совершались по обоюдному согласию, но в королевской семье это еще был и вопрос политики. Будучи принцессой, Эвирайя могла выбрать себе в мужа любого. Семья немало удивилась, когда ее выбор пал на сурового, молчаливого Кайерта, чью улыбку можно было увидеть разве что на борту воздушного корабля. Он держался в стороне от Семьи и связанной с ней политики и именно этим ее привлек. В представлении принцессы, такой человек был неподкупен. Ей казалось, что он был единственным, пожалуй, кроме короля Эфрайона, человеком в Семье, которого она не могла бы при желании заставить плясать под свою дудку при помощи женских чар. Удерживать первенство в таком браке было непросто, но пока ей это нравилось.

Она лежала в постели, чувствуя себя покинутым ребенком. Кайерт никак не хотел понять важность того, что она делает! У нее отняли то, что по праву принадлежало ей, — Рубин Симбалии! Ее, законную наследницу, обошел простолюдин! Она почувствовала, как кровь стучит в висках при одной мысли об этом. Как позорно! Как больно! Идти по улицам Симбалии, вдоль колоннад деревьев, и знать, что женщины смеются над ней, прикрываясь веерами, что мужчины усмеваются и подшучивают над ее нынешним статусом при дворе! Эвирайя, принцесса Симбалии, у которой рудокоп отнял корону! Она не могла позволить этому фарсу продолжаться. Она выставит Ясветра из дворца, она еще почувствует вес камня на своем лбу, а потом... Она не была уверена в том, что будет потом. Потом все как-нибудь само собой образуется. Она будет править Симбалией, и они все еще попрыгают.

Вдруг она вскочила и села, раскидав меха и шелк. Через открытое окно она услышала стук копыт у крыльца. Кайерт вернулся! Она накинула халат и поспешила вниз по лестнице. Она покажет ему, что она сожалеет о ссоре, скажет, что виновата, и попросит прощения. Когда его мужская гордость будет успокоена, Кайерт наверняка забудет о ее беседе с северянином, по крайней мере до тех пор, пока она не будет готова сказать ему правду.

Жестом отмахнувшись от слуги, она сама настезь распахнула тяжелую дверь. Это был не он. У двери стоял незнакомый всадник ветра. Эвирайя долго смотрела на него, успев заметить, что в руке он держит запечатанный конверт, а затем плотнее запахнула халат.

— Да? — надменно спросила она.

— Прошу прощения, миледи. У меня послание для принца Кайерта...

— Я приму. Принц не может вас сейчас принять.

Всадник ветра, совсем молодой юноша, смущенно заморгал:

— Простите, но капитан сказал мне отдать это только принцу.

Она шагнула к нему, ее зеленые глаза пронзили его взглядом, который, как она прекрасно знала, всегда работал.

— Я принцесса Эвирайя, если вы еще не заметили! Вы отказываетесь передать сообщение мне?

— Нет, миледи, нет, конечно, — сказал юноша, поспешно протягивая ей конверт. Эвирайя взяла конверт, открыла и бросила через плечо всаднику:

— Подождите минуту.

Прочитав сообщение, она застыла, сжимая в руках конверт, не смея поверить в свалившуюся на нее удачу. Ясно, что судьба указывала на то, что править страной — ей. Иначе как могло такое бесценное письмо совершенно случайно попасть ей в руки?

Принцесса села за небольшой столик, набросала записку на листе пергамента, сложила, капнула воском со свечи и запечатала своим кольцом. Затем она передала письмо гонцу.

— Возвращайтесь к капитану, — сказала она. — Я знаю, в чем дело. Принц Кайерт желает, чтобы захваченный фандорец был доставлен в место, указанное в письме.

Молодой всадник ветра поклонился и уехал. Эвирайя дернула ленту колокольчика, снова села за стол и обмакнула перо в чернила. Когда в зал вошел слуга, она запечатала еще одно письмо.

— Отнеси это барону Толчину немедленно, — приказала она, — убедись в том, что он его получит, пусть разбудят его, если нужно. Да, и передай Мезору, что я хочу его видеть прямо сейчас.

Когда слуга ушел, она радостно потерла руки. Только радость эта была слегка омрачена тем, что муж так и не пришел.

Ополчение из Боргена стало лагерем на ночь в окрестностях деревни под названием Дарбак. Нехватка еды многих разозлила, особенно бродяг, нанятых Тенньелом в отчаянии, когда он понял, что ему ни за что не выполнить рекрутскую повинность.

Высокого роста одноухий и чернобородый бродяга по имени Гренд подошел к Тенньелу.

— Мы голодны. Где еда?

— Каждый ополченец должен был взять с собой запас провизии, — ответил Тенньел. — Что произошло?

Бродяга ухмыльнулся беззубым ртом.

— А нам нечего было брать. У нас ничего нет.

Тенньел подумал, что не может обвинить нищего в том, что ему нечего было взять с собой в дорогу, и посмотрел в сторону деревни.

— Думаю, нам следует обратиться к жителям за помощью.

Гренд снова ухмыльнулся как будто только ему понятной шутке.

Тенньел направил войско к деревне. На главной площади их встретили женщины и несколько стариков.

— Что вам здесь нужно? — твердо спросила высокая седая женщина, одетая в линялое, но чистое платье.

Тенньел помедлил, не зная, с чего начать.

— Где старейшины? — спросил он. — Мне нужно поговорить с ними.

— Двое ушли на войну, — ответила женщина, — третий, Ибен, вчера заболел. Меня зовут Вила, я его жена и исполняю его обязанности.

Некоторые из ополченцев за спиной Тенньела зашептались. Раздались смешки. Женщина во главе деревни? Тенньел обескураженно помолчал, а потом, не задумываясь, ляпнул:

— Нам нужно есть.

— Нам тоже, — ответила Вила. — Вам нужно было прихватить с собой побольше харчей. Возвращайтесь домой и пополните запасы.

— У нас нет времени бродить туда и обратно! Война на пороге!

— Тогда займитесь охотой на зайцев и белок, их полно в округе, — предложила Вила, — корешки покопайте... ягоды тоже есть. Но не забирайте наши продукты, у нас не будет других, пока не вернутся мужчины.

— Не верю! — закричал Тенньел. — У вас здесь благополучная деревня, а вы отказываетесь накормить войско, идущее на вашу же защиту!

Это было первым испытанием его власти, и Тенньел прекрасно осознавал, какую идиотскую фразу он только что завернул. Его голос начал срываться на визг. Какая-то баба смеет ему приказывать! Так он осрамится перед своим войском.

— Нам очень жаль, — повторила Вила, — но мы первым делом должны думать о себе и о детях.

— Я говорю, они должны нас накормить, — закричал Гренд, — и я свое получу!

Его поддержали громкими криками остальные ополченцы того же сорта, и, отделившись от войска, они побежали по улице, грубо расталкивая деревенских жителей.

— Стойте! — закричал Тенньел, но его не слушали.

Налет занял всего несколько минут. Захватчики вернулись, неся добытую снедь. Но не успели они дойти до своего места в рядах армии, как на них с крыш ближайших домов посыпался град из камней и кирпича. Прикрываясь руками и захваченной добычей, новобранцы бросились врассыпную к укрытиям, попрятавшись кто куда — под телеги, за бочки и колодцы. Некоторые попытались ворваться в дома, но все двери были заперты.

— Кидайте в них все, что есть! — выкрикнула Вила, стоя на крыше. — Если мы сейчас позволим им уйти, нам ни минуты покоя не дадут, пока эта безумная война не кончится!

— Ну нет уж! — закричал Гренд, подобрал камень и бросил им в женщину. Она успела пригнуться, но камень задел ее плечо, и она упала, скатилась по крыше и, только зацепившись за печную трубу, удержалась от падения вниз. Повисла тишина. Даже тем бродягам, что грабили деревню вместе с Трендом, не могло бы прийти в голову напасть на жену старейшины. Гренд обернулся к своим сообщникам.

— Она сама напросилась! Они все напросились! Мы только взяли то, что нам причитается! Пошли! — выкрикнул он и двинулся по улице, согнувшись под тяжестью мешка. Остальные последовали за ним. Но Тенньел и оставшаяся часть войска перегородили улицу. Мародеры развернулись, чтобы броситься в противоположном направлении, но Тенньел уже послал людей на перехват.

Гренда привели к молодому кожевнику.

— Вижу, что мне нужно было послушаться Таленда, — сказал Тенньел, — не стоило пытаться пополнить ряды ополчения такими, как ты! Ты больше не служишь в армии, Гренд. Мы выпроводим тебя и остальных из деревни и там освободим.

Он повысил голос так, чтобы все слышали его.

— Вы немедленно вернете все, что взяли! Те из вас, кто поклянется, что такое не повторится, могут остаться, остальные должны уйти вместе с Трендом! Если так будет продолжаться, нам никаких симвов не нужно будет, сами разгромим свои деревни. Если нам снова не хватит пищи, мы добудем ее по-человечески!

Пока его люди возвращали крестьянам награбленное, Тенньел чистосердечно попросил прощения у Вилы, которая извинения приняла и даже предложила дать им кое-что в дорогу.

— Мы могли бы поделиться мясом и овощами, по крайней мере на котел супа хватило бы, — сказала она, — на нос немного выйдет, но хоть не совсем на голодный желудок пойдете.

Тенньел поблагодарил ее и донес хорошие новости до своего войска, которое встретило их радостным криком. Молодой старейшина, однако, был обеспокоен. Случалось ли такое же в других городах?

ГЛАВА 13

Родной город показался Дэйону маленьким. Туман, наплзший с моря, окутал узкие улочки. Сам город вроде бы не очень изменился, но людей стало куда больше. Дэйон подумал про старых друзей. Он догадывался, что они сильно изменились. Они повзрослели и стали такими же косными и узколобыми, как те взрослые, над которыми они в детстве смеялись. Теперь они гоняют детей из лавок и кричат, когда мальчишки таскают ягоды с прилавков на рынке.

Дэйон видел парочку старых знакомых, но не подошел к ним. Еще не время. Сначала он хотел увидеться с отцом. Ему сказали, что Йондалрана можно найти в грейвудской таверне, в задней комнате, где он вместе со старейшиной Пеннелом составляет план военных

действий.

Дэйон пересек площадь и вошел в таверну, сменяя сапогами постеленную на полу солому. Он не ожидал, что встреча с отцом пройдет гладко, но он должен был повидаться с ним из-за Йогана. Одному он радовался — тому, что скоро увидит мать. Он ужасно соскучился по ней за несколько лет.

Молодой человек постучал в дверь, она резко распахнулась, и Йондалран, окинув Дэйона беглым взглядом, громко спросил:

— Пришел записываться в армию? Грамотный? Можешь свое имя написать?

— Могу, — ответил Дэйон, догадавшись, что отец не узнал его из-за бороды. — Меня зовут Дэйон, сын Йондалрана.

Старик прислонился к косяку двери, и Дэйон испугался, что потрясение от такого появления было слишком сильным. Однако Йондалран пришел в себя быстро и, повернувшись в Эгрон и Пеннелу, которые сидели за дубовым столом в центре комнаты, сказал:

— Оставьте нас! Нам с сыном нужно поговорить!

Дэйон едва сдержал улыбку. Его отец нисколько не изменился! Это же надо — без колебаний взять и выставить двух человек из общественной таверны! Эгрон, казалось, хотел протестовать, но Пеннел положил руку ему на плечо и молча вывел из комнаты. Пеннел на секунду поймал взгляд Дэйона. В глазах его молодой человек прочел радость встречи, сочувствие и, более всего — пожелание удачи.

Дверь закрылась. Двое мужчин молча смотрели друг на друга, не зная, что сказать. С чего-то надо было начать, и Дэйон заговорил первым.

— Отец, мне рассказали о Йогане. Я...

— Ты сбежал из дому, — закричал Йондалран, — а теперь пришел вымаливать у меня прощения?!

— Да, — просто ответил Дэйон, — думаю, что да. Я ушел, потому что должен был уйти. Было кое-что, чем я хотел заняться.

— Что ж, занялся. И теперь ты давно не мой сын. Судя по виду, ты рыбак из Кейп Бейджа. Я о тебе забыл. Не проси пустить тебя обратно.

Дэйон почувствовал давно знакомую волну возмущения, поднимающуюся внутри, но потом вспомнил, что произошло между ними четыре года назад. Какой смысл спорить? Его отец никогда не изменится. Дэйон мог только посочувствовать его горю и держаться подальше.

— Как мама? — спросил он.

Лицо отца посерело, как будто еще один сын на его глазах пал от рук колдунов.

— Ты не знаешь? Хотя нет, конечно, откуда тебе знать...

— Чего я не знаю? — спросил похолодевший Дэйон.

— Она умерла вскоре после того, как ты ушел.

Дэйон уставился в окно. Туман почти рассеялся, но ему показалось, что он стал, наоборот, гуще, очертания деревьев и домов как-то странно расплывались перед его глазами. Только тогда он осознал, что плачет.

— Ты хочешь сказать, что это моя вина? — спросил он.

Йондалран помолчал, а потом Дэйон почувствовал отцовскую руку на своем плече.

— Нет, — тихо сказал отец, — она умерла от лихорадки, ты бы ничем не смог помочь. Я не имел этого в виду, — он помедлил, а потом со вздохом добавил: — Я старый человек, Дэйон, я слишком часто повышаю голос.

Дэйон повернулся и посмотрел на отца. Он никогда не слышал, чтобы он говорил так тихо. Старик не плакал, но глаза его подозрительно блестели. Дэйон хотел было его обнять, но его руки словно налились свинцом.

Отец и сын молча стояли у окна, так, как будто не было нескольких лет разлуки.

В холмах над городом собиралась армия. Армия промерзших, усталых, голодных

людей. Двадцать городов прислали по сотне человек каждый. Первыми прибыли люди из Боргена и Джелриха. Они долго шли, надеясь провести ночь в теплых постелях после сытного ужина. Две сотни людей с факелами, завидев город, с криком радости бросились вперед почти бегом.

Горожане увидели, как волна ополченцев пронеслась вдоль полей и выгонов и вылилась на улицы. Некоторые женщины с криком бросились по домам и быстро закрыли все замки на дверях и ставнях. Другие с интересом наблюдали. Лавочники и уличные торговцы на рыночной площади поначалу с энтузиазмом торговали, а потом, когда запасы иссякли, а голодная толпа требовала еды и ночлега, они запаниковали. Во всем Тамберли не нашлось бы места, чтобы всех разместить.

— Быстро! — крикнул лавочник дочери. — Предупреди старейшин! Когда стемнеет, быть беде!

В задней комнате грейвудской таверны ни Йондалран, ни Дэйон не слышали усиливающийся шум. Они были заняты друг другом.

— Отец! Ты требуешь невозможного! Я лоцман и рыбак, но не воин!

— Ты только что хотел называться моим сыном! — сказал старик. — Если ты мой сын, ты будешь сражаться на моей стороне!

Они снова вернулись к старому спору. Отец хотел, чтобы сын делал только то, что было нужно ему. Сын снова видел свое будущее только в жизни на море.

— Отец, ну как я могу быть твоим заместителем? Я ничего не знаю о войне!

Отец был упрям, как всегда, но молодой человек решил во что бы то ни стало сдержаться и не доводить дело до новой разлуки.

— Отец, — кричал он, — вам никогда не добраться до симбалийского берега! Там в заливе чудовищные течения, ваши корабли просто потонут! Я знаю! Я там был!

— Так отправься туда еще раз ради родины! Если не хочешь сражаться, так используй свое мастерство, чтобы помочь нам достичь вражеского берега!

Дэйон не ответил. Готовность отца пойти на уступку была такой же редкостью, как его улыбка. С одной стороны, Дэйон чувствовал, что не сможет отказать отцу после всех несчастий, что тот пережил, но и согласиться с безумным планом он не мог. Он чудом избежал гибели в водовороте во время последнего путешествия, как он мог взять с собой в эти опасные воды крестьян и кузнецов? Как он мог взять на себя ответственность за их жизни?

Дэйон кое-что слышал о симбалийцах, которые, несомненно, были колдунами. Говорят, их король может превращаться в ястреба. Вступить с ними в поединок было безумием.

И все же, если симбалийцы убили Йогана, они могли напасть и на любого другого фандорца.

— Старейшина Йондалран, — раздался детский голос из-под окна, — в городе беспорядки!

Старик с рассерженным видом отвернулся от сына, который так и не ответил ему, и вышел из комнаты. Дэйон вышел вслед за ним.

— Отлично! — сказал старик, проталкиваясь через переполненную людьми таверну. — Ополчение из других городов прибывает.

Выйдя на улицу, отец и сын замерли, пораженные невиданным зрелищем. Прибывающие ополченцы захватили город. Они шли нестройной толпой по главной улице, спускаясь с холмов, сбивались в кучки на узких городских улочках. Голодные, с пересохшими глотками, они не обращали никакого внимания на приказы своих старейшин и бродили по городу, как сумасшедшие. Одни гонялись за птицей, другие вытаскивали из телег фермеров провизию на обед, другие доедали остатки на рынке или разворовывали кладовые горожан. Выкрики, ругань и жалобное кудахтанье кур наполнили улицы.

Дэйон проследовал за отцом через площадь к старым конюшням. К своему немалому удивлению, он увидел неуверенность в глазах отца, неуверенность, смешанную с растущим страхом, — выражение, совсем не подходящее знакомым чертам. Йондалран огляделся. За каждым поворотом были все новые и новые люди.

— Это только первые прибыли! — сказал он. — Будут еще сотни!

Дэйон смотрел вокруг, не зная, что делать. Как их всех накормить и разместить?

Йондалран присел на бочонок.

— Видишь, как нам нужна помощь! — сказал он сыну, и Дэйон заметил вдруг, что руки отца дрожат.

Он кивнул. Впервые в жизни в голосе отца он услышал страх. Молодой человек положил руку на плечо старика.

— Пойдем, отец, я помогу тебе.

ГЛАВА 14

Корни гигантских деревьев, которыми так гордились жители Надлесья, уходили глубоко в землю и там, сплетаясь в хитроумные узлы, образовывали огромный лабиринт. Деревья в Надлесье жили долго, но и их веку приходил когда-то конец, они тоже увядали и гибли, а корни съедали мелкие грызуны, населяющие подземные туннели и пещеры, в которые никогда не проникал свет.

В одном из таких туннелей, практически безопасном, если не считать воды, иногда капающей с корней, дрожал желтый огонек. Он приближался, подпрыгивая. Это был факел, длинная палка с навершием из особого мха, дающего чистый, яркий огонь.

Четверо людей с трудом пробирались по туннелю, они вдыхали запах гнили, их раздражал писк сотен невидимых в темноте грызунов и прочих мелких подземных тварей. Вот в какие путешествия приходилось пускаться придворным интриганам.

Факел был крепко зажат в руке принцессы Эвирайи, которая выглядела достаточно странно для подобного места в длинном платье и с высокой прической, заставляющей ее низко наклоняться, чтобы не задеть волосами нависающие сверху покрытые землей корни. За ней шел Мезор, сдержанный, как всегда, тихо наслаждающийся видом принцессы, в очередной раз приседающей, чтобы спасти прическу, и вынужденной подхватывать волочащееся по земле платье.

С подозрением и гневом на принцессу смотрели еще две пары глаз — барона Толчина и баронессы Алоры, пожалуй, самой уважаемой пары в королевской семье. Их шелковые одежды и драгоценности ослепили бы богатейших людей Симбалии, и все же барон и баронесса сочли свои наряды как нельзя более подходящими для подземной прогулки.

— Моя дорогая принцесса, — сказал барон излишне официальным тоном, который он приберегал для выражения неудовольствия, — при всем моем уважении, нам с супругой хотелось бы знать причины этой выходки! Назвав это неотложным государственным делом, вы мало что объяснили!

— Вы сомневаетесь в мудрости принцессы? — шелковым голосом поинтересовался Мезор.

— Только тогда, когда она пользуется вашими услугами! — резко одернула его баронесса Алора. — Мой муж говорил не с вами. Не думаете ли вы, что можете отвечать за принцессу?

Мезор с тенью улыбки на губах отошел в сторону. Он привык скрывать боль под улыбающейся маской. Отпор, данный баронессой Алорой, напомнил ему о том, что, несмотря на то, что страной правил рудокоп, между королевским окружением и королевской семьей лежала пропасть. Как личный советник Эвирайи он принадлежал к окружению, но это не давало ему ни уверенности в завтрашнем дне, ни почета, полагающегося королевской крови. Он вышел из молодых людей, за чье обучение платила баронесса, и был выбран в советники самой принцессой, но по одному слову Толчина или Алоры мог оказаться там же, откуда пришел.

Эвирайя на вопрос барона не ответила. Она пыталась вспомнить, куда им нужно повернуть. Пещеры она знала хорошо: много лет она использовала их в своих целях — сначала для тайных свиданий, а потом для секретных встреч с избранными членами окружения. И все же переплетения лабиринта иногда сбивали с толку и ее.

— Мы скоро будем на месте, — сказала она, разглядев наконец в свете факела знакомое переплетение корней. Они подошли к месту, где туннель расширялся. Поблизости они увидели деревянную дверь, сделанную в круто изгибающейся стене. Снаружи у двери сидел огромный человек, бесстрашно неся вахту в полном мраке. Попад в круг света, отбрасываемый факелом Эвирайи, он неуклюже поднялся на ноги.

Принцесса жестом приказала открыть дверь.

— Теперь, Толчин, вы увидите причину, по которой я вас вызвала.

Стражник снял с пояса связку ключей и с грохотом, разнесшимся эхом по туннелям, распахнул дверь.

— Думаю, — сказала принцесса, — это стоит того, чтобы провести бессонную ночь.

Эмсель обернулся, услышав звук ключа, поворачивающегося в замке. Он мерил шагами маленькую подземную камеру, не в состоянии уснуть, несмотря на чудовищную усталость. Он пробыл больше суток в Симбалии, но ни на шаг не продвинулся в исполнении своей миссии.

Он был без сознания, когда его привезли в штаб, где собрались люди, управляющие воздушными кораблями, и он ничего не успел увидеть. Закрытая карета, в которой его оттуда увезли, не позволяла любоваться окрестностями.

Возчик, похоже, принял Эмселя за маленького мальчика. Возможно, из-за разницы в росте, а может быть, потому, что изумление на лице фандорца, когда он впервые увидел гигантские деревья Симбалии, было совсем уж детским.

Переход из закрытой кареты в туннель позволил Эмселю бросить быстрый взгляд вокруг. Был поздний вечер, и темная зелень, шатром укрывающая прекрасные улицы, заставила Эмселя восхищенно вздохнуть. Просто рай, наполненный ароматом цветов! Эмсель задрал голову и увидел, что в стволах самых больших деревьев симбалийцы построили дома! Высоко над деревьями парил воздушный корабль.

Эмсель протер глаза, чтобы убедиться в том, что он не спит. Некоторые из деревьев были настолько велики, что целые фандорские дома могли бы уместиться в них. В одном из деревьев было проделано окошко, забранное железным переплетом с цветными стеклами, и в нем горел свет, такой яркой, какого не бывало на самой оживленной улице в Фандоре. Разноцветные стекла отбрасывали вокруг голубые, желтые, розовые отсветы. Как он хотел бы увидеть, что там внутри!

Возница взял его за руку и быстро, слишком быстро для Эмселя повел его по темной боковой тропинке. Вдалеке Эмсель заметил широкие мраморные ступени, ведущие в сад с маленькими деревьями и цветами. Тропинка привела их к корням гигантского дерева, где Эмсель заметил небольшую круглую дверь. С одной стороны от двери стоял факел, который возница осторожно вынул из гнезда, затем открыл дверь, и они спустились по узким ступенькам в туннели, извивающиеся между влажных корней дерева. Никто еще ни слова не сказал Эмселю, и, несмотря на его повторяющиеся мольбы, он так и не видел еще никого облаченного властью. Вместо этого они привезли его в камеру. Фандорец был голоден, он устал и был вне себя от ярости. У него было срочнейшее, важное сообщение, а он стоял посреди холодной сырой комнаты с деревянной табуреткой посреди и охапкой соломы вместо постели. Затем он увидел, как в щели под дверью задвигались тени, услышал, как поворачивается ключ. В распахнувшуюся дверь сначала ворвался поток холодного воздуха, в лучах желтого света, осветившего камеру, затанцевали пылинки. Эмсель увидел четыре силуэта и услышал женский голос:

— Вот фандорский шпион, — сказала женщина. Эмсель сначала напряг глаза, пытаясь разглядеть среди вошедших фандорского шпиона, и не сразу понял, что говорят о нем самом.

Когда факел внесли в камеру, он зажмурился, а когда открыл глаза, перед ним стояла высокая женщина в красивом платье, казавшаяся еще выше из-за конусообразной прически, усыпанной драгоценными камнями. Ей приходилось пригибать голову, чтобы не зацепиться волосами за корни, свисающие с потолка камеры. Она улыбалась, но улыбка эта Эмселю не понравилась. Он перевел взгляд на ее руки и с удивлением отметил, что она не носила колец, но ее ногти, раскрашенные самыми разнообразными цветами, были длинными и хищно заостренными.

Двое других людей — толстяк с белой бородой и пухленькая женщина — тоже были богато одеты. Расшитый серебром кошелек на поясе толстяка в Фандоре стоил бы столько, что хватило бы на год безбедной жизни. Полная женщина, стоящая рядом, была, очевидно, его женой. Эмселю показалось, что в других обстоятельствах эти люди вполне могли бы ему понравиться. Однако сейчас они не походили на людей, с которыми стоит дружить.

Последний из вошедших, хорошо одетый молодой человек с самодовольным выражением лица, сразу вызвал у Эмселя недоверие. В Фандоре такого бы назвали

проньюрой. Эмсель напомним себе, что не стоит судить людей по внешнему виду, а уж ему, годами жившему в одиночестве и не удосужившемуся познакомиться поближе с собственными соседями, тем более.

И все же он был очень сердит.

— Я не шпион! — запротестовал он. — Я посланник из Фандоры!

Высокая женщина пронзила его взглядом.

— Ты будешь говорить тогда, когда к тебе обратятся, фандорец!

— Меня зовут Эмсель, — ответил он.

— Не важно, как тебя зовут, — сказала Эвирайя, — ты шпион, а возможно, еще и убийца!

Последние ее слова напугали Эмселя. Он вдруг представил себе, что Йондалран добрался до Симбалии и распространил здесь слухи о нем. Эмсель присел на табурет. У него закружилась голова от усталости и волнений.

— Что значат эти обвинения, Эвирайя?

Человек с белой бородой был разгневан, а его жена, стоя в стороне от других у двери, наблюдала за Эвирайей.

— Этот человек и говорит, и одет как дикарь! Он не может быть фандорским солдатом! Эвирайя, если он имеет какое-то отношение к истории северянина, я предлагаю...

— Я пришел с миром! Я не солдат! — закричал Эмсель.

Эвирайя повернулась к нему и вытянула палец с длинным ногтем в направлении его горла.

— В народе говорят, — сказала она, — что кончики моих ногтей смазаны ядом. Если не хочешь проверить на себе, правда это или нет, советую молчать до тех пор, пока тебя не спросят.

Эмсель кивнул. Женщина убрала руку с чудовищным ногтем от его шеи.

— Очень хорошо, — сказала она, — теперь расскажи мне, фандорец, правда ли, что тебя нашли в наших северных водах?

— Да, — ответил Эмсель, — я направлялся...

— Простого «да» будет достаточно, фандорец.

— Но послушайте, я...

Эвирайя со значением подняла палец.

Злой и испуганный Эмсель замолчал. Не так были страшны ее угрозы, как то, что она наслаждалась ситуацией. Если она действительно наделена властью, он попал в переделку.

Мезор смотрел на представление, затеянное принцессой, с беспокойством. Если она не будет осторожнее, Алора что-нибудь заподозрит. Эвирайя должна убедить их, что действует исключительно в интересах страны. Он-то знал, как близко принцесса подошла к открытой измене в своем стремлении заполучить Рубин.

Эвирайя продолжала:

— Ты утверждаешь, фандорец, что вторгся к нам просить мира. Почему? Почему ты думаешь, что нам грозит война?

Седобородый спросил:

— Ты приехал сюда, опасаясь торговой войны?

— Нет, — сказал Эмсель, — я здесь потому, что Фандора собирается воевать с Симбалией.

Эмсель тотчас же пожалел о своей откровенности.

— Нет! — выкрикнул Толчин.

От глаз Эмселя не укрылось, какими торжествующими взглядами обменялись женщина по имени Эвирайя и молодой мужчина, что стоял рядом с ней. Он не понял, чему они так радуются, но это обеспокоило его еще больше, чем то, что он, кажется, окончательно перестал понимать происходящее.

— Еще есть время предотвратить войну! — попытался он исправить положение. — Вам только нужно понять, почему наши люди так себя ведут. У нас есть причины — погиб ребенок, и у нас думают, что в этом виновен один из ваших всадников ветра.

— Бред! — сказала Алора из своего угла.

— Ложь! — сказал Толчин.

— Такие обвинения караются смертью! — угрожающе заявила Эвирайя. — Говори правду! Ты фандорский шпион и явился к нам с тайным поручением. Если хочешь жить, рассказывай, что тебе поручили! Берегись, фандорец, ты говоришь с принцессой Симбалии!

Принцесса Симбалии! Эмсель встал с табуретки. Ростом он был ей едва ли по пояс, но его голос зазвучал громко, на всю комнату.

— Принцесса, мой народ прост и добродушен. Мы не воины, а мирные крестьяне. Кое-кто из нас завидует Симбалии, а большинство вас боится. Я не верю, что Симбалия ответственна за смерть ребенка. Неведение — вот причина того, что Фандора собирает войска. И у нас уже есть те, кто против военных действий. Вы должны что-то сделать, чтобы предотвратить безумие. Вы должны направить к нам посла, чтобы объяснить всем, что вы не убивали ребенка! Вы должны немедленно послать корабль в Фандору!

— Это ловушка! — громко перебила его Эвирайя. — Фандорцы только и ждут, чтоб захватить корабль и использовать его против нас! Мы слышали о смерти ребенка, но симбалийского ребенка, не фандорского!

— Нет! — закричал Эмсель. — Это неправда!

— Ты еще смеешь говорить нам, что правда, а что нет! — сказала Алора. — Думаешь, мы поверим! Это у вас страна простаков! Мы знаем, что ребенка убили!

— Пожалуйста, — взмолился Эмсель, — выслушайте меня! Фандорские лодки уже, может быть, отчаливают, но мой народ вам не угроза! Я видел ваши корабли, ваших солдат, да посмотрите на меня, я же вам по пояс ростом! Мои люди не могут вам угрожать. Пожалуйста, помогите нам избежать кровопролития!

— Около недели назад Кайерт потерял корабль во время шторма, — сказала Эвирайя барону. — Боюсь, я знаю, где он.

Эмсель, расслышав ее слова, вмешался:

— Вы не понимаете, тот корабль принесло ветром!

— Так ты признаешь это, фандорец! — сказала Эвирайя со смесью злобы и ликования в голосе. — Мы слишком долго не обращали внимания на фандорцев! Пора действовать!

Седобородый шагнул вперед.

— Прошу прощения, принцесса, у меня есть вопрос к шпиону.

Мезор кивнул. Она, кажется, поймала Толчина.

Эмсель обеспокоенно взглянул на толстяка. Он надеялся, что его волнение не будет принято за признание вины.

— Эмсель, — мягко сказал барон Толчин, — если то, что ты говоришь, правда, фандорцы скоро будут у наших берегов?

Эмсель кивнул.

— Да, но...

— Прости. — Толчин уже не слушал, он повернулся к жене. — Нет сомнения, нам угрожает война. Семью следует немедленно об этом известить.

Он повернулся к принцессе:

— Эвирайя, надо сейчас же поговорить с Ясвотром!

Эмсель снова попытался вмешаться.

— Вторжение еще можно предотвратить! Корабль успеет долететь! Пошлите гонца в Фандору!

— Неплохо придумано, — заметил Мезор. — Вполне возможно, что ему поручено запутать нас и помешать подготовиться к нападению.

— Хватит! — отрезал барон. — Мы знаем, что делать. Предлагаю немедленно вернуться в Надлесье.

Баронесса сурово кивнула и посмотрела в глаза Эвирайе.

— На этот раз, принцесса, ты все сделала правильно.

Эвирайя милым голоском ответила:

— Кто-то должен руководить в Семье. Надеюсь, отныне вы будете с самыми важными вопросами обращаться ко мне.

Мезор, наблюдавший за этой сценой, решил, что пора идти, пока принцесса не показала свое истинное лицо.

— Миледи, — тактично начал он, — я думаю, нам пора возвращаться.

— Стойте! — в отчаянии закричал Эмсель, но барон уже вызвал слугу, сторожившего за дверью.

— Присмотри за ним и накорми, — сказал он, затем обернулся к Эмселю и сказал: — Мне жаль вас, молодой человек. Вас и Фандору.

Дверь захлопнулась, и камера Эмселя снова погрузилась во тьму.

— Да уж, и впрямь «молодой человек»! — простонал изобретатель. — Мальчишка не наговорил бы такой ерунды, какую я тут плел! Я один повинен в войне! Что я наделал? Что наделал?..

Дом барона Толчина и баронессы Алоры стоял в купеческом квартале, вдалеке от дворцов-деревьев в центре Надлесья, где селились члены королевской семьи, но барон и баронесса нисколько об этом не жалели. Будучи частью Семьи, они оставались в стороне от ее ежедневных дел, и ее внутренние мелкие интриги никак не влияли на них, а частые поездки супругов в южные земли держали их в счастливом неведении о скандалах и ссорах.

Барон и баронесса помогли возведению Ясвотра на трон, потому что так хотел Эфрайон. Они терпеливо сносили вторжение чужака в дела, потому что считали, что со временем он станет неплохим правителем. И все же они не до конца доверяли молодому королю.

Событие сегодняшнего утра еще больше пошатнуло позицию Ясвотра, ведь мнение супружеской пары о принцессе Эвирайе заметно улучшилось. Их удивило, что принц Кайерт доверил жене допрос фандорского шпиона и еще больше то, как быстро она вызнала о планах вторжения. Когда они покидали туннели, принцесса настояла на еще одной встрече перед докладом королю. Толчин и Алора согласились. Если бы они знали о разговоре, состоявшемся между принцессой и северным охотником, если бы они знали, что в ночь

допроса Кайерта не было в Надлесье не потому, что он, как сказала принцесса, улетел на запад с заданием, а потому, что он просто пропал, они бы немедленно известили короля. Но ничего этого они не знали и тепло приняли Эвирайю у себя дома за чашкой ароматного бундурского чая.

— Хорошо, что ты оставила дома свою тень, — сказал барон.

Эвирайя, нахмутив бровки, обернулась и не сразу поняла, что барон шутит.

— Да, — сказала она с запоздалой улыбкой, — я бы не хотела, чтобы Мезор присутствовал при этом разговоре.

— Мы тебя слушаем, — сказала баронесса несколько холоднее, чем ее муж. — Хотя ты и заверила нас, что врага еще никто не видел, мне не очень нравится мысль скрывать от короля такие известия. Я предполагаю, у тебя есть причины хранить молчание, Эвирайя, и хотела бы услышать о них как можно скорее.

Пока слуга разливал по чашкам чай, хозяева уселись на мягкую кушетку. Гостья осталась стоять, хотя её высокая причёска задевала складки шелка, натянутого под потолком. Наконец она заговорила, осторожно подбирая слова:

— Это сложный разговор. Как вы оба знаете, раньше я была очень неосмотрительна в высказываниях о короле Ясветре. Честно говоря, я не чувствовала и не чувствую сейчас, что он по праву взошел на трон. Однако теперь я боюсь, что он недостоин и того, чтобы жить в Симбалии, а не только управлять ею.

Алора, привыкшая к многоречивости своих казначеев, все же нахмурилась:

— Если у тебя есть что сказать, Эвирайя, выкладывай, не ходи вокруг да около. Мы говорим о безопасности Симбалии!

Эвирайе было трудно сохранять спокойствие. Она чувствовала себя в центре огромного вертящегося узора, как в игре в дочин, когда ставки делают на время, за которое колесо, сделанное из резных сегментов, раскрутившись, остановится и замрет в виде дивного узора. Она чувствовала теперь, как кусочки мозаики вертятся, складываясь в узор в ее голове. И снова она подумала, что все складывается так, что ей суждено править Симбадией. Сама судьба указывала на это.

Вслух она тихо сказала:

— Разве не кажется странным, что новости о вторжении приходят именно тогда, когда король Ясветр отослал из страны половину армии?

Алора снова нахмурилась:

— Да, но у него были на то причины, и очень веские, как ты сама знаешь.

Толчин закивал, поддерживая жену:

— Это я потребовал использовать армию для поддержки нашей торговой экспедиции на юг.

Эвирайя постучала длинными ногтями по ароматной древесине стены.

— Да, я знаю, но король Ясветр никогда еще не соглашался на такие требования.

Толчин выпрямился на кушетке.

— Откуда тебе знать, принцесса?

Эвирайя улыбнулась.

— Кто-то должен присматривать за тем, что творится во дворце.

Алора поставила чашку на столик.

— Юная леди! Король Эфрайон в состоянии присматривать за соблюдением интересов страны. Он прекрасно справлялся на протяжении сорока лет.

— Мы все стареем и устаем, — сказала принцесса, — мой отец поступил мудро, сдав полномочия командующего армией, когда почувствовал, что больше не в силах исполнять свои обязанности. Королю Эфрайону надо бы последовать его примеру.

Толчин ответил:

— Немыслимо, невысказано! Эфрайон не генерал, моя дорогая, он король!

— Король теперь Ясветр, — ответила принцесса, — и именно это меня волнует. С Ясветром и этой райанской женщиной королевская семья потеряла власть над дворцом.

— Пожалуйста, Эвирайя, — сказала баронесса, — мы уже много раз это слышали! Если тебе больше нечего сказать, иди во дворец и расскажи Ясветру о том, что ты разузнала.

— Мы должны подумать о Семье, — терпеливо ответила Эвирайя. — Если фандорцы действительно нападут, нас ждут суровые испытания. Готовы ли вы на самом деле доверить судьбу страны и Семьи сыну рудокопа?

На этот вопрос Толчин и Алора не ответили. Всякое бывало, да и слухов было полно, но новый король никак не мог быть уличен в государственной измене. И все же, если будет война, сумеет ли он удержать страну в руках? Об этом они еще не задумывались. Вряд ли сам Эфрайон всерьез предполагал, что такое возможно. Когда Толчин опротестовал наложенные Ясветром торговые ограничения, старый король сказал ему: «Ясветру нужно время, чтобы набраться опыта».

— Ясветр больше слушает эту райанку, чем нас, — осторожно продолжала принцесса, — а мы даже не знаем, на чьей она стороне. Меня очень беспокоит, Алора, что, когда придет время сражаться, судьба Надлесья будет в руках дочери воров. Нам следует принять меры.

Баронесса налила себе еще одну чашку чая, а барон встал и принялся шагать из угла в угол по комнате.

Эвирайя играла на их патриотизме.

— Ради безопасности Симбалии, — сказала она, — разве помешает небольшая мера предосторожности?

— Дорогая девочка, — устало спросил барон, — ну что ты еще задумала?

— Небольшую проверку, — ответила принцесса.

— Король Ясветр не ребенок, он не потерпит никаких проверок! — сказала баронесса.

— Если он ничего не знает, он не сможет протестовать, — сказала Эвирайя, усаживаясь рядом с баронессой.

— Симбалия в опасности, — сказала Алора, — мы не можем терять время на глупые игры.

— Это не займет много времени, — ответила принцесса.

Толчин подошел к окну и дернул за тонкий шнурок, опуская желтую штору.

— Рассказывай, — с подозрением сказал барон, — что ты там изобрела.

Стражник Лэтан всегда считал себя человеком разумным, спокойным и уж точно не тем, кто будет жаловаться на своего короля. И все же изматывающая скачка в течение суток и вечер, когда он, укрывшись в мокрой траве, голодный и измученный, наблюдал, как: северяне ужинают индюшкой и бататом, могли кого угодно довести до мрачных мыслей.

Он не собирался, конечно, бросать свое дежурство, особенно теперь, когда казалось, что долгая скачка и ожидание вот-вот принесут плоды.

Ночь спустилась на границу Северного Предела. В воздухе пахло соснами, которые в изобилии росли на севере, и дул слабый, но холодный ветерок. Маленькая ящерка с шершавой шкуркой забралась стражнику в сапог, и он сжал зубы, чтобы не закричать, когда острые чешуйки ободрали его ногу. Осторожно, стараясь не шуметь, он стянул сапог и выбросил мерзкую тварь подальше. Медали надо давать за такое.

Лэтан постарался прислушаться к разговору, хотя голоса с трудом доносились через заросли кустов.

— У нее было что сказать, говорю тебе, не просто привет!

К удивлению Лэтана, северянин рассказывал о встрече с самой принцессой Симбалии. Северные охотники распили немало эля, припасенного в кожаном бурдюке. Они запивали элем индюшку, но мяса было явно маловато для такого количества спиртного. Эль развязал язык Виллена, он поведал своему спутнику и о встрече с принцессой, и о фандорском заговоре против Симбалии, и об обвинениях принцессы в адрес короля. Одно это уже было изменой, и Лэтан уже был готов вернуться во дворец, когда вдруг услышал странный шуршащий звук над головой.

Темная тень внезапно скрыла луну над деревьями. Северяне подняли головы. Лэтан тоже. Над ними силуэтом на фоне звезд завис воздушный корабль — небольшая лодка по сравнению с другими кораблями флота, но все же выглядящая внушительно. Корабль медленно спускался к месту стоянки северян, как огромный черный призрак, в полной тишине, нарушаемой разве что поскрипыванием канатов и легким шуршанием парусов.

Виллен и Твил заворуженно смотрели. Было слишком темно, чтобы разглядеть единственного всадника ветра, который управлял кораблем. Он стоял спиной к топке, бросавшей алые отблески на паруса, а борта корабля заслоняли его от света костра.

Лэтан, сообразивший, что, если он останется на своем месте, всадник ветра его непременно заметит, отполз на несколько ярдов вниз по склону холма и спрятался в кустах. От тяжелого, дурманящего запаха ягод у него сразу закружилась голова, но он по крайней мере был уверен, что останется незамеченным.

Медленно, как во сне, корабль приземлился. Всадник набросил канат с крюком на ближайшее дерево, так как невесомая конструкция, соприкоснувшись с землей, тотчас же попыталась взмыть вверх.

Когда корабль наконец прекратил движение, всадник ступил на землю и попал в круг света от костра.

Лэтан ахнул. Это был сам принц Кайерт! Сначала принцесса Эвирайя, а теперь принц! У Виллена что, ключи от синдрийской шахты в кармане лежат? Лэтан напряг слух, чтобы понять, о чем идет разговор, но с сожалением признал, что был слишком далеко — голоса доносились до него бессвязными звуками.

Виллен тоже был удивлен при виде Кайерта, но они с Твилом были слишком пьяны, чтобы осознавать, насколько это странно. Виллен прислонился к стволу сосны и смотрел, как Твил с издевкой приветствует принца индюшачьей ногой.

— Кусочек индюшки, принц? Вы, несомненно, проделали долгий и трудный путь!

— Да, путь был долгим, — ответил принц, — но я думал не о еде. Я долго вас искал, и мне пришлось многих расспросить, чтобы узнать о вашем местонахождении, Виллен. Я хочу знать, о чем вы говорили с моей женой, принцессой Эвирайей.

Виллен поднял голову и изобразил на лице выражение глубокой печали.

— Ах, я ужасно сожалею, что приходится отказывать вам, принц, вы же все-таки принц и все такое, но я дал слово принцессе, что то, о чем мы с ней говорили, останется между нами. Я человек слова.

Кайерту было трудно сдержаться, но он заговорил ровным голосом:

— Я принц Симбалии и муж Эвирайи. То, о чем она говорит, мое дело. Ее интересы — это мои интересы.

— Это все замечательно, но она исключений не делала, видите ли... Пока она сама не скажет мне... — Виллен развел руками.

— Идиот, — сказал Кайерт низким напряженным голосом, — к тому же пьяный. А ты что скажешь? — Он повернулся к Твилу. — Ты тоже собираешься отказаться исполнить приказ принца Симбалии?

Твил помедлил, смотря на Виллена, затем покачал головой.

— Виллен мне ничего не говорил, — сказал он, — так что мне нечего вам сообщить.

На поляне повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в костре и тихим шуршанием парусов корабля. Кайерт смотрел на двух пьяных северян. Он не мог силой вырвать у них то, что они скрывали. Такие дела были ему не по душе, к тому же сейчас трудно было ручаться за успех.

Эвирайя что-то замышляла, в этом он был уверен. Он был давно женат на ней и мог безошибочно распознать, когда она что-то замышляла всерьез. Только в этот раз все было по-другому. Эвирайя затеяла что-то опасное. Она начала игру так же легко, так же по-детски, как всегда, только на этот раз игра была взрослая и опасная, очень опасная. Эвирайя уже вовлекла в свою игру ни в чем не повинных простаков. Кайерту нужно было знать, что происходит, но он понимал, что от этих двух пьяных типов он ничего не добьется.

Лэтан смотрел, как глава всадников ветра отцепил якорь и корабль медленно всплыл в воздух. Стражник встал и потянулся, чувствуя, как хрустят суставы. Он-то надеялся отдохнуть перед тем, как отправиться назад, но теперь понимал, что сейчас не до отдыха. Нужно немедленно сообщить королю Ясветру об этой встрече.

Лэтан тяжело вздохнул и поплелся в лес, туда, где была привязана лошадь, думая о том, как иногда дорого обходится исправная служба.

ГЛАВА 15

Снаружи ярко светило полуденное солнце, но стоило Ясветру войти в туннель, наступила ночь. В шахтах всегда ночь.

Спускаясь по широким ступенькам с факелом из горючего мха в руке, он чувствовал, что возвращается к старой жизни, оставленной им давным-давно.

Туннель, закрытый несколько лет назад, был заброшен, дощатые стены и арки заросли мхом, ниши для факелов были пусты, и воздух пропитан затхлостью запустения.

Именно в этом месте случилось происшествие, которое, по мнению многих, стало первым шагом Ясветра по направлению к дворцу.

Хорошо, что он пришел. У него будет время привести в порядок свои мысли. Став королем, он редко бывал один. Всегда находились государственные дела, купцы и министры хотели его видеть. Даже в то время, которое он проводил с Керией, как он ни любил ее, он не принадлежал себе. Не было того одиночества, к которому он так привык в шахтах.

Это беспокоило Ясветра. Только в одиночестве он чувствовал согласие с самим собой. Любовь Керии, естественный закон соединения двух людей приводили его в равновесие с

миром. Но только в одиночестве он становился Ясветром — сыном горняка, который пять лет, черный от грязи и пыли, врубался киркой в породу, пока его руки не стали крепче этих камней. Здесь, в шахтах, вдали от дворца, он мог со стороны посмотреть на свою жизнь, ставшую воплощением мечты.

— Я пошел дальше своих грез, — сказал он вслух, как будто обращаясь к тому молодому человеку из своего прошлого, — но у меня еще есть несбывшиеся мечты.

Ясветр хотел для себя немногого. Разве что брака и ребенка. Он был счастлив. Его надежды теперь были связаны с Симбалией.

Он медленно шагал по наклонному туннелю. Здесь и там вдоль его пути встречались арки, открывавшие проход в боковые туннели, многие из которых были навечно заделаны кирпичом и известкой. Он знал, что некоторые из проходов вели к туннелям, прорытым корнями деревьев под улицами города. Прямо перед ним на голом камне лежало ржавое лезвие кирки. Ясветр наклонился и поднял его, повертел в руках, вспоминая...

Он был смотрителем по добыче таниума — жидкого металла. Шахта, самая глубокая из всех, круто опускалась вниз в самом конце туннеля. Она была такая глубокая, что воздух внизу был горячий и тяжелый, так что горняки иногда теряли сознание от ядовитых газов, сочащихся сквозь почву. Добыча таниума — рискованное дело, на такой глубине давление было столь велико, что неосторожный удар кирки мог открыть путь стремительному потоку жидкого металла. И тогда таниум заливал шахту.

Однажды после удара кирки вместо жилы таниума обнаружилось нечто похожее на природную пещеру, примыкающую к шахте. Ясветра вызвали осмотреть пещеру, и он нашел ее полной красивейших сталактитов и сталагмитов, колонн и водопадов, застывших причудливыми формами. Восхищенные горняки хотели обследовать пещеру, но Ясветр приказал подождать до следующего утра, когда все отдохнут.

Сейчас в заброшенных туннелях было тихо. Ясветр вдруг подумал о сотнях футов земли над ним и хрупкости сделанной человеческими руками конструкции, поддерживающей свод. Он зашагал быстрее, ему почему-то хотелось добраться до шахты в конце туннеля.

Той ночью больше четырех лет назад часовой снаружи слышал доносящиеся из глубины шахты странные звуки, вызывающие дрожь, похожие на волчий вой. На следующий день они узнали об исчезновении женщины. Молодая вдова шахтера жила недалеко от входа в один из корневых туннелей в маленьком каменном домике. Утром дом стоял с распахнутой дверью, пустой. Молодая женщина, жившая там с ребенком, исчезла. На полу нашли следы грязи, и в одном из них отпечатался след ноги, странный, вывернутый наружу след.

Ясветр резко остановился. Он повернулся и поднял факел, позволяя свету проникнуть назад, за изгиб туннеля. Ему показалось, что он что-то слышал — возможно, шорох камешков, осыпающихся по стене, а может быть, царапанье когтей по каменному полу?

Он помедлил, затем снова пошел вперед. Верхняя часть наклонной шахты была уже близко, за следующим поворотом, и у него было очень плохое предчувствие. Он должен был убедиться в том, что шахта была по-прежнему запечатана, как он и приказал много лет назад. Его сапоги намокли в лужах дождевой воды, просочившейся сюда с поверхности.

В шахте, вырытой под крутым углом в скале, были проделаны уступы для спуска. Еще там был ворот, на который наматывался канат, поднимающий из шахты бадью с добычей. В тот далекий день Ясветр и остальные спустились в шахту и вошли в пещеру, вооруженные и с факелами.

Они не зашли далеко, когда обнаружили тело молодой вдовы. Горняк, нашедший ее, едва не потерял сознание от ужаса, так изгрызено было тело. Не успел он рассказать об этом Ясветру, как из-за каждого уступа скал, из-за каждой колонны, из каждой расщелины хлынула толпа отвратительнейших маленьких созданий с мертвенно-белой кожей, с телами, похожими на бочонки, и мускулистыми руками и ногами. У них были огромные глаза, а ушей на лысых головах не было видно вовсе. Рядом с ними подкрадывались к застывшим от ужаса горнякам похожие на волков создания, но тоже лысые, с кожей мертвецов и

огромными глазами.

С невнятным бормотанием чудовищные порождения пещер приближались к людям, которые уже поняли, что это такое. Они все не раз слышали страшные рассказы о кулках и их пещерных волках. Этими рассказами из века в век пугали горняцких детей.

Ясвегтр отдал приказ отступать в шахту, но они не успели избежать сражения. Горняки были вооружены, но их было значительно меньше, а кулны и их зловещие звери атаковали безрассудно, рискуя потерять конечности или получить такие раны, от которых человек сразу бы умер.

Ясвегтр размахивал мечом в тот день, как никто и никогда, — он уложил больше пятнадцати кулнов и восьмерых волков, и все равно горняки потеряли пять человек до того, как добрались до прохода в шахту. Там они тоже не были в безопасности, но по крайней мере их не атаковали с боков.

— Забирайтесь наверх, — скомандовал Ясвегтр, — я их задержу.

— Но как ты выберешься? — закричал один из горняков. — Мы тебя не оставим!

— Быстро! — не слушая его, кричал Ясвегтр. — Это приказ!

Горняки один за другим полезли по выступам в камне вверх, пока оставшиеся внизу отбивали атаки подземной орды. В конце концов Ясвегтр остался один против полчища кулнов. С мечом в одной руке и топором в другой он бился до тех пор, пока тела кулнов и пещерных волков не покрыли все дно шахты. Через какое-то время тела перекрыли проход, и кулкам пришлось оттащить их, чтобы снова наброситься на него. Ясвегтр, изнемогая от усталости, бросил в них сначала топор, а потом и меч и, схватив кирку, из всех сил вонзил ее в стену шахты, отколов огромный кусок породы. Ничего не вышло, и он ударил снова, глубоко всадив лезвие кирки в породу. И снова ничего. Шорох за спиной говорил о том, что кулны снова растащили завал из тел и подбираются к нему. Рудокон снова вонзил кирку в стену. На этот раз он попал — поток жидкого таниума, красный, будто кровь земли, хлынул через шестидюймовую щель быстрее, чем стрела, выпущенная из арбалета. Поток металла вырвал кирку из его рук, и Ясвегтр едва успел отпрыгнуть.

Волна жидкого металла ударила первого кулка, влезшего через завал в шахту, и размазала его по стене. Стена стонала и дрожала под ударом тонн металла, рвущихся изнутри и смывающих кулнов и волков назад, в их подземное логово. Металл вырывался из пробоины с оглушительным ревом. Он уже заливал дно шахты. Ясвегтр добрался до наклонной стены, с трудом шагая по тяжелой, вязкой жидкости, и начал забираться наверх. Его сапоги были тяжелыми от навязшего на них таниума, он сбросил их и продолжал взбираться, чувствуя, как холодные волны металла лижут его пятки. Сверху он слышал крики горняков. Таниум поднимался, и карабкаться по колено в металле стало тяжело. Ясвегтр понимал, что через несколько минут металл накроет его с головой. Но вдруг волна начала спадать и в конце концов застыла. Ясвегтр рывком вырвался из вязкой жидкости и выбрался из шахты.

Он приказал завалить шахту камнем, таким тяжелым, что двадцать человек его едва подняли. Даже если кулны пережили наводнение таниума, им было бы не сдвинуть камень снизу. Почему же теперь он убыстрял шаги, зачем ему вдруг понадобилось проверить, на самом ли деле запечатана шахта?

Король завернул за последний угол и вошел в помещение, откуда начиналась шахта. Там стояли подгнившие останки лебедки, веревка истлела, а деревянный ворот рухнул. Рядом с устройством должен был быть камень, закрывавший шахту, но камня на месте не было. Шахта была открыта.

За шахтой не присматривали. Дождевая вода, проникающая с поверхности и текущая со стен, размывала часть помещения, и поток грязи сдвинул неподъемный камень, как детскую игрушку. Грязь высохла и сжалась, и между камнем и землей полумесяцем тьмы легла расщелина. В грязи отпечатались следы.

Ясвегтр заставил себя шагнуть вперед. Он поднял факел и заглянул в провал. Он не увидел ничего, даже бликов света на поверхности металла, который, очевидно, ушел в глубь

пещеры за эти годы.

Он осмотрел следы и с облегчением вздохнул. Вряд ли кто мог выбраться из шахты, не оставив следов в грязи, а единственный оставленный след принадлежал пещерному волку. Никаких следов того, что из шахты могли выбраться кулны. Ясветр обернулся — туннель был пуст. Он зашагал обратно в том направлении, откуда пришел. Где-то среди миллиардов туннелей бродил одинокий пещерный волк. Это было плохо, но могло быть и хуже. Он содрогнулся, подумав о том, насколько хуже все могло быть. Это, конечно, не было ответом на загадку убитого ребенка, но он все равно прикажет снова запечатать шахту.

То, что в туннелях бродил пещерный волк, было опасно, но успокоило короля. В отличие от Эвирайи, зверь был только тем, чем казался, — никаких сомнений, никаких сложных загадок. Король скучал по простоте горняцкой жизни.

Он помнил день, когда король Эфрайон наградил его медалью за то сражение в шахте. Это был счастливый день, и Керия была рядом. Не было никакого притворства и никаких забот. Его мысли были о себе и о друзьях. Теперь он чувствовал на своих плечах тяжесть всех дел Надлесья и ответственность, какую он раньше не мог бы себе представить.

Король поднялся по давно знакомым сырým каменным ступенькам, ведущим к свету. То, что некоторые вещи, несмотря ни на что, оставались неизменными, вселяло уверенность. Он всегда мог вернуться в шахты, для него всегда найдется место в Симбалии. Эвирайя и ее мелкие заговоры не имели здесь никакого значения. Здесь главным было выжить. Если он смог справиться с кулнами, он разберется и с интригами во дворце.

И все же что-то беспокоило его. Новая забота выходила за рамки дворцовых интриг. Если девочку действительно убили, злодеям нужно было дать отпор. Но единственным доказательством было окровавленное платье ребенка. Возвращаясь к дневному свету, Ясветр размышлял о возможных ответах на загадку. В Северном Пределе не было зверей, которые могли бы напасть на одиноко играющую девочку на пляже. Тем более у фандорцев не было никаких причин совершать столь чудовищное преступление. Ясветр лично не встречал ни одного фандорца, но они были известны как люди миролюбивые. Он вспомнил дни своих странствий, земли, которые он повидал, и людей, которых он встретил. Он никому не рассказывал об этих днях, даже Керии. Это были самые захватывающие дни его жизни. То, о чем он узнал, изменило его мечты о будущем Надлесья. Ничто, однако, из того, о чем он тогда узнал, не давало ответа на вопрос, почему и как была убита девочка.

Солнечные лучи ослепили его, когда он вышел из шахты. Он отвязал коня и с удивлением отметил, что, думая о дворце, он все больше ощущает его своим домом.

ГЛАВА 16

Далеко на севере лежал пустынный холодный край — земля крутых, покрытых льдом гор, острых пиков и темных расщелин. Здесь жили когда-то существа, древние, как сам мир, и здесь они встретили смерть, когда пришел конец Эры Драконов.

Эра Драконов была долгой, такой долгой, что звезды зажглись на небе и успели сгореть и погаснуть, континенты поднялись из морских глубин и опустились в воды, меньшие создания появились на свет и вымерли. И все же конец этих созданий был таким же, как и у всех живущих, и он медленно приближался.

Среди холодных гор над белыми ледниками и черным базальтом возвышался одинокий пик, изрытый лабиринтом пещер. С незапамятных времен здесь жили холдраги, и туннели в скале были вытерты до блеска их лапами и чешуйчатыми животами. Туман и пар, поднимающийся от горячих источников и гейзеров у подножия горы, скрывали белесый лес костей. Веками эта гора была их убежищем, еще долго после того, как ушли другие. Но мир менялся.

Над пиком кружил одинокий холдраг, огромный, превосходящий всех остальных размером и покрытый, в отличие от своих матово-серых собратьев, блестящей черной чешуей. Холдраг опустил широкие ребристые крылья и почувствовал, как холодный ветер

ударил в них, замедляя его спуск. Холдраг зашипел от боли и бессильного гнева. Борьба с жестоким ветром и колючим снегом стала частью его жизни. Не в силах ничего изменить, он мучился от страха и ярости, злился на судьбу и боялся будущего.

Приближалась ночь, еще одна длинная, холодная ночь. Закатное солнце окрасило алым цветом черно-белый пейзаж. Огромный холдраг примостился на острие горы. Он раскинул крылья для равновесия, его силуэт чернел на фоне заката. С вершины пика открывался вид на заснеженные горы. Это было подходящее место для него, для сильнейшего. Собратья уважали его, смутно понимая его превосходство в силе, скорости и уме. Было еще кое-что, чем он от них отличался, но об этом они не знали.

Поднялся ветер, пытаясь сбить крылатого гиганта с его насеста, и он вытянул шею, шипя от злости. Внизу, в сумрачных пещерах, испуганно вздрогнули холдраги. Они боялись его злого шипения, дрожали от звука яростных ударов крыльев. Они не понимали его ярости. Они не знали о том, что рассказала ему Хранительница много ночей назад, вернувшись из путешествия на юг. Они не знали, что сделали люди, как опасны стали люди. Они знали только, что Мраклинг, сильнейший из них, был испуган, а значит, опасность действительно велика.

Мраклинг много думал о том, что рассказала Хранительница. Она говорила, что люди научились летать, а значит, они стали опасны, действительно опасны. Мраклинг поднял к небу украшенную рогами голову и издал бессильный вопль ярости — звук был похож на то, как будто гору раздирают пополам. Сейчас он завидовал тем, кто внизу, завидовал их простоте. Им не понять того, о чем размышлял он. Холод, усиливающийся с каждым годом, жизнь впроголодь — это все пугало их, но, даже ощущая это на своей шкуре, они не могли сделать выводов, не могли со всей мрачной определенностью представить себе, что это конец их эпохи. Мраклинг видел их судьбу словно в ярком свете — их жалкое настоящее и трагическое будущее, которого он больше всего хотел бы избежать, но не знал как.

Если бы он мог, он бы увел своих собратьев из края вечной зимы на юг, в теплые южные земли, пусть даже пришлось бы сразиться с людьми. Он не мог, он был связан запретом, и власть существа, которое наложило запрет, он еще никогда не решался испытать.

Задолго до того, как Мраклинг появился на свет, драконы запретили холдрагам появляться на юге, в землях людей.

Его ярость ядовитым дыханием спускалась к тем, кто сидел в пещерах внизу. Их крики и лязганье зубов наполнили воздух. Несколько крылатых существ поднялись в воздух. Поймав ветер широко распростертыми крыльями, они взвились в небо, как огромные летучие мыши на фоне кровавого заката. Большой холдраг подлетел близко к Мраклингу и, переполненный бессмысленной яростью, укусил его за хвост, не подумав, на кого напал. Мраклинг не успел овладеть собой — его голова выстрелила вперед с быстротой молнии, и зубы вцепились в крыло собрата, ломая хрупкую кость. С криком боли, раскатившимся по горам, раненый холдраг беспомощно рухнул вниз. Мраклинг бросился вслед. Звериная часть его существа без колебаний дала отпор, но другая, благословенная или проклятая разумом, видела последствия. Теперь он должен был исправить причиненный вред, их и так было слишком мало, чтобы рисковать жизнями друг друга в бессмысленных драках.

Мраклинг распростер крылья, скользнул в поток ветра и поднырнул под падающего холдрага, замедлив его падение до тех пор, пока раненый не опомнился и смог поймать поток воздуха, который помог ему безопасно приземлиться. Проследив за этим, Мраклинг вернулся на свой насест на вершине пика.

Он знал, что должен владеть собой всегда. Он отвечал за них. Их становилось меньше, но они еще были сильны. Без него, если он не будет руководить охотой и дележом добычи, они все умрут с голоду. Они нуждались в нем, как он нуждался в них.

Он размышлял, сидя на своем насесте, и его настроение постепенно передалось другим. Их крики затихли, и один за другим они вернулись в свои пещеры.

Мраклинг знал, что нужно что-то делать. Холдраги, казалось, утратили способность сопротивляться холоду, который становился все жестче. Жар горячих источников и гейзеров больше не сдерживал наступления холода. Если они останутся здесь, их ждет смерть от голода и холода.

Мраклинг собирался снова обыскать пещеры к северу от моря в поисках искры жизни.

Последний дракон исчез давно — последний из расы, исчезнувшей во льдах приближающегося холода. Но холдраги не могли пойти против закона, пока оставалась надежда, что последний дракон может быть жив. Но если он не найдет дракона, тогда придет время испытать людей, узнать, так ли они опасны. Земли на юге, теплые, золотые земли ждали. Мраклинг поднялся в холодный воздух и полетел на юг.

ГЛАВА 17

Цепочка из тысяч факелов тянулась через фандорские холмы. Она прокладывала путь, огибая маленькие городки, прямо к Кейп Бейджу.

— Старейшина Йондалран, — раздался зов из рядов тамберлийского ополчения, — люди хотят передышки!

— Нет, — передали по рядам ответ, — те, кто не в состоянии дойти до берега, не подходят для сражения!

Йондалран шел впереди своей армии. Он тоже устал и был голоден, но ему нельзя было жаловаться.

— Они идут в бой за Йогана, — сказал он старшему сыну, — идут за Аналинну и других детей Фандоры.

Сын молча кивнул, опасаясь того, что их ждало, — морского перехода.

Флот, если его можно было так назвать, строился медленно и с трудом. В ход пошли каждая шлюпка, рыбацкая лодка и баркас. В Кейп Бейдже каждый владелец лодки стал капитаном. Армия начала прибывать около полудня, и скоро стало ясно, что лодок на всех не хватит. Начали строить еще лодки и плоты, так как решили, что, если переправу осуществлять в два захода, той части армии, которой придется ждать на вражеском берегу,

будет туго. Постройка лодок и плотов заняла почти два дня. К счастью, рядом с берегом был удобно расположен лесок, который пошел на доски. Несмотря на это, опасения Йондалрана оправдывались. Припасов не хватало, и боевой дух армии падал.

Четверо старейшин собрались на берегу там, где ополченцы пытались сделать хоть что-нибудь. В бочках бурлила смола, люди старались кое-как законопатить швы в бортах старых лодок. Дэйон, бывший рыбак из Кейп Бейджа, теперь состоявший в полку своего отца, руководил починкой руля большого рыбацкого судна.

— Победоносный флот! — с издевкой сказал Тэмарк, хлопнув ладонью по корпусу ветхой лодки, в котором немедленно образовалась дыра.

— Только не эта старушка! — сказал Лэгоу. — Ее до воды не донести!

— Она еще не из худших, — сказал Тэмарк, искоса поглядывая на то, как один из старейшин спорит с Теннелом по поводу запасов. — Течения повредят им больше, чем Йондалран думает.

Лэгоу оперся на борт баркаса.

— Скажи мне, Тэмарк, ты ведь был настроен против войны. Как так вышло, что ты тут всем руководишь?

— Я ведь могу задать тебе такой же вопрос, — ответил рыбак, выковыривая из ладони занозу. — Разве не ты поддержал меня на совете?

— Так.

— И все же ты отправился с Йондалраном и Теннелом в Алаканские топи. Мнится мне, что у тебя в голове засела такая же идея, как у меня.

— И какая же?

Тэмарк поднял брови так, словно собирался произнести нечто чрезвычайно важное.

— Если ты в море и видишь, как горами вздымаются волны и ветер ревет, что твой дракон, ты знаешь, что сопротивляться нет смысла. Все, что ты можешь сделать, — это убрать паруса, закрыть голову руками и молиться.

Лэгоу кивнул:

— Ты видел, что желающих сражаться не остановить, и выбрал путь, который поможет тебе защитить Фандору.

— Именно, — сказал Тэмарк, — ты сделал то же самое. Руководя вторжением, мы, возможно, сможем предотвратить катастрофу.

Лэгоу нахмурился:

— Но завтра я бы все-таки повернул назад. Я боюсь, ты этого не сделаешь.

Тэмарк вздохнул, посмотрел на море.

— Решение принято, — сказал он, помолчав, — можно сомневаться в его разумности, но не в чувстве, которое за этим стоит. Может быть, не правы именно мы. Может быть, симбалийцы и вправду мечтают расширить свои владения и завоевать наш берег залива. Я не думаю, что это правда, но если мы сейчас повернем назад, а потом окажется, что Йондалран был прав, это будет невыносимо. Чувства фандорцев не стоит сбрасывать со счетов, даже если мы с ними не согласны.

— Фандорцы испуганы, Тэмарк. Они не понимают, что такое война.

Рыбак вдруг громко расхохотался:

— Посмотри вокруг, Лэгоу! Посмотри на «солдат», наводнивших Кейп Бейдж! Это же самое большое приключение в их жизни! Путешествие в неизведанные земли! Сражение с волшебниками! Да в каждом из этих мужчин сидит мальчишка, готовый вырваться и бежать вперед! Ты думаешь, разум еще в состоянии их удержать?

— Не разум, так голод и ожидание...

Тэмарк хитро ухмыльнулся:

— Залив — вот что сделает свое дело.

Эмсель сидел в подземной тюрьме и размышлял о положении, в котором оказался. Те, кто его допрашивал, не собирались его освободить, и это было ясно.

Эмсель вспомнил, что барон упомянул какого-то Ясветра. Этот Ясветр, видно, важный человек. Может быть, у Ясветра было больше власти, чем у женщины по имени Эвирайя? Возможно, он смог бы найти этого Ясветра. В любом случае, оставаясь взаперти, он не поможет ни Фандоре, ни Симбалии. Ему не оставалось ничего, кроме побега.

Отшельник методично осмотрел свои карманы и сумку, висевшую через плечо. Мало чего осталось — всадники ветра отобрали у него большинство вещей, включая тетрадь с записями, о которой он более всего сожалел, а также сачок и нож. На дне одного из карманов Эмсель нашел очки и смятые стручки, которые сорвал в своем саду. Теперь ему казалось, что это было больше года назад. Но от этих вещей мало толку.

Он поднял голову и вгляделся в потолок камеры, опутанный корнями и паутиной. На открытом воздухе корни подсохли, и верхний слой коры начал отваливаться длинными коричневыми полосками. Эмсель залез на табуретку, вытянул руки и понял, что с трудом, но может дотянуться до корней. Он оторвал несколько полосок коры, которые оказались такими сухими, что в руках немедленно превратились в порошок. Эмсель взялся за корень, пытаясь не думать о мерзких паучках и других насекомых, суетливо забегавших по его пальцам, грозя забраться в рукава. Он подтянулся и закинул ногу на корень. Он смог бы удержаться там какое-то время.

— Очень хорошо, — сказал он, прыгивая вниз и отряхиваясь. Он собрал несколько ленточек коры и начал стирать их в мелкую пыль, набивая этим порошком мешок, снятый с плеча.

ГЛАВА 18

— Итак, — сказала Керия, — принцесса снова наносит удар.

Ясветр и его советница сидели в небольшой круглой комнате в личных покоях короля, отделанной голубым шелком, со стенами из темного полированного дерева. Керия пристроилась, обняв короля за плечи, на ручке старинного, еще времен короля Эмбалона, кресла, богато украшенного инкрустацией из жемчуга.

— Лэтан выглядел так, словно сам был готов присоединиться к Эвирайе, правда? — сказал с улыбкой король.

Прогоулка по шахте помогла ему. Несмотря на опасность встречи с пещерным волком, она дала Ясветру возможность спокойно поразмыслить над проблемами, навалившимися на него за последние два дня. Новости с севера были тревожными, но он решил действовать спокойно.

— Я еще никогда не видела, чтобы человек так уставал от скачки, — сказала Керия. — Боюсь даже подумать, в каком состоянии лошадь!

— Он хороший человек, — сказал король, — я не виню его за то, что он потребовал две недели отпуска. Это было трудное задание.

Керия кивнула. Ей нравилось видеть Ясветра в хорошем расположении духа. Им редко удавалось побыть наедине, а так хорошо было просто побыть вдвоем! На спинке кресла висела диадема с крупным рубином. Керия взяла ее в руки.

— Ты бы поосторожнее его бросал, мой король, — пожурела она Ясветра, — это знак твоего положения в Симбалии. Эвирайя отдала бы все мужнины корабли за этот камешек.

— Нет, — ответил Ясветр, — Эвирайя испорченный ребенок, но не изменница.

— Что? — спросила удивленная таким заявлением Керия. — Нет, ну теперь-то, после доклада Лэтана, ты должен поверить! Ее встреча с охотником — уже измена. Что еще должна принцесса сделать, чтобы тебя убедить? Похитить меня?

— Это, — ухмыльнулся Ясветр, — будет не измена, а благотворительность!

— Благотворительность! — Расхохотавшись, Керия швырнула диадему с камнем через всю комнату на постель Ясветра. — Благотворительность, вот как! Пожалуй, оставлю тебя принцессе! Тогда у нее будет и Рубин, и дворец!

Ясветр с широкой улыбкой притянул Керию к себе.

— А вот это уже пахнет изменой!

Они снова засмеялись, и Керия устроилась у него на коленях.

— Пусть ты не принимаешь Эвирайю всерьез, — прошептала она, — но то, что она делает, может бросить тень на твое имя. В худшем случае она может действительно навредить. Многие верят слухам о войне. Всех заставило задуматься известие о смерти ребенка, и пропажа корабля тоже многих взволновала.

Ясвегтр провел рукой по ее щеке.

— Ты волнуешься, как всегда, любовь моя. Я знаю об этом. Корабль унесло штормовым ветром, как и сказал Кайерт. Команды на нем не было, и вряд ли он достиг берегов Фандоры. А что касается ребенка, я тоже очень встревожен. У меня нет объяснений. Быть может, Кайерт разделяет мои опасения. Это, возможно, объясняет то, что Лэтан видел его в лесу.

— Ты думаешь, принц расследовал нападение на ребенка?

— Я надеюсь. В любом случае, я не поверю, что Кайерт действует по указке жены.

— Это правда. Кайерта она в свои сети не поймала, но есть другие, которые сделают все что угодно в обмен на дружбу королевской семьи. Этот тип из казначейства, например...

— Мезор.

— Не доверяй ему.

— И не думаю, — сказал Ясвегтр, — но сейчас не время обсуждать государственные дела.

Керия нахмурилась.

— Ты снова отталкиваешь меня, ты увливаешь от разговоров на эту тему с тех пор, как мы были у Главы дракона. Ты боишься того, что я могу сказать? Или ты больше не уважаешь мое мнение? — с притворной обидой спросила она.

— Не паясничай, — ответил он, — я просто не хочу осквернять эти минуты разговорами о политике.

— Так не надо было назначать свою любовницу министром внутренних дел! То, что я хочу сказать, не может ждать. Я беспокоюсь, Ясвегтр.

Он поцеловал ее.

— Любимая, ты прекрасно знаешь, что интриги во дворце — самая обычная вещь. Интриг нет ни среди шахтеров, ни среди райан, потому что и те и другие слишком заняты добыванием хлеба насущного. Королевская семья — совсем другое. У них всегда есть пища и кров. А в результате одни проводят время, замышляя заговоры против других. У Эвирайи нет ни цели в жизни, ни обязанностей. Ее глупый заговор против меня — плод зависти и скуки. Ей нечем заняться. А у нас нет времени волноваться о ее глупостях. Убийство ребенка — вот что требует нашего внимания.

Керия все еще хмурилась.

— Пойми, — сказала она, — Эвирайя стремится не просто отвлечь тебя, ее цель — изгнать тебя из дворца. Не обращай внимания, хорошо, но ты об этом пожалеешь. Я чувствую то, чего ты не замечаешь, Ясвегтр. Ты знаешь, что это правда. Ты всегда это знал. Пожалуйста, не отворачивайся от меня сейчас! Случилось что-то, чего мы с тобой пока не понимаем, что-то большее, чем интриги Эвирайи. Что бы это ни было, оно растет и движется к Надлесью. Слухи распространяются со скоростью лесного пожара, а север уже в трауре. Пожар идет на дворец, дорогой. Не попади в огонь...

Он обнял ее крепче и хотел было что-то сказать, но Керия выскользнула из его рук, встала и подошла к кровати с балдахином у противоположной стены.

— Иди сюда, — прошептала она, медленно сбрасывая на пол плащ, — я еще кое-что хочу тебе сказать...

Огромное дерево, в котором расположился дворец, окружали меньшие по размеру деревья, в которых устроили свои дома члены королевской семьи. Чем больше дерево, тем важнее его обитатель.

За этим кругом заканчивалась королевская территория, но дома, стоящие поблизости, были одними из самых красивых в Симбалии. Многие из них имели своей частью деревья, другие были построены из темно-красного камня, сверкающего искрами железной руды, и украшены медью и серебром. На некоторых крышах блестела россыпь драгоценных камней. Другие, увитые цветущими лозами и ветвями, заставляли прохожих восхищенно ахать.

Между этими улицами и наводненными народом центральными площадями Симбалии текла река Камень, вливаясь в величественное голубое озеро. Озеро обычно делили между собой купающиеся, чтобы избавиться от дневной жары, горняки и купцы. Однако двое, прогуливающиеся в тот день по тропинке вдоль озера, были не из купеческого квартала и не из шахт.

— Я встречу с ним завтра, — сказала принцесса Эвирайя.

Ее советник выглядел удивленным.

— Завтра? Значит, Ясветр согласился?

— Мезор, ты меня удивляешь, — со скромной улыбкой ответила принцесса. — Ясветру еще никто ничего не говорил.

Эвирайя погладила маленького бурого древесного медвежонка, который послушно сидел на ее плече. Он смотрел на поверхность озера, пока Эвирайя и Мезор прогуливались в тени кареты. Возница был глух, Эвирайя много труда вложила в то, чтобы найти такого.

— Прошу прощения, но как король Ясветр может прийти на встречу в купеческом квартале, если он о ней не знает?

Эвирайя снова улыбнулась:

— Конечно, ты выступишь его. Завтра утром. Я хочу, чтобы ты сказал Ясветру, что я требую его присутствия, потому что это срочное дело государственной важности.

Мезор не ответил. Это слишком быстро. Она уже практически обвинила Ясветра в сговоре с фандорцами. Теперь она хотела вынести ему публичное обвинение! Если король что-то прослышал о существовании шпиона, ее план рухнет на глазах у всего Надлесья!

Он должен был убедить ее подождать. Он размышлял о том, как бы изменить тему разговора так, чтобы потом как будто невзначай вернуться к ее плану и показать его слабые стороны.

— Миледи, — сказал он, — слышно ли что-нибудь о принце Кайерте?

— Конечно! — немедленно ответила принцесса, но прозвучало это несколько неубедительно. — Тален только что сказал мне, что он вернулся с побережья. Он осматривал побережье в поисках фандорских кораблей.

Принцесса лгала, и Мезор об этом знал. Над побережьем висел такой густой туман, что даже самый опытный всадник ветра не отважился бы направить туда корабль. Принца Кайерта по-прежнему не было, и никто не знал, где он.

— Может быть, стоит подождать возвращения вашего мужа, перед тем как предпринимать дальнейшие действия? — осторожно предположил Мезор.

— Нет времени! — сказала принцесса. Затем она перешла на шепот: — Я уже убедила Толчина и Алору поддержать меня. У них есть сомнения насчет Ясветра. Я должна действовать быстро, до того, как рудокоп узнает о шпионе. Я должна заручиться поддержкой народа в купеческом квартале. Если они заподозрят Ясветра в измене, как, я полагаю, его уже подозревают на севере, останутся только горняки. А их, я уверена, тоже можно убедить.

У ее советника этот план вызвал серьезные опасения. Он был слишком прямолинеен, слишком! Это было гораздо хуже всего, что она задумывала раньше. Он, оказывается, не понимал до конца, насколько мысль о троне поглотила ее. Он должен был убедить ее...

— Мезор!

Он испуганно дернулся. Маленький древесный медвежонок спрыгнул с плеча принцессы на тропинку и быстрым шагом направился к водоему.

— Быстро! — заверещала принцесса. — Поймай его, пока он не свалился в воду!

Мезор бросился в погоню и нежно подхватил медвежонка под брюшко. Краем глаза он заметил отражение Эвирайи в озере, гротескно преображенное рябью в нечто с огромным

ртом и маленькими глазками.

— Иди ко мне, мой сладкий, — сказало отражение, и молодой человек на миг подумал, не относилось ли это обращение к нему. Он вручил зверька принцессе.

— Спасибо, — сказала она, — теперь возвращайся, тебе надо подготовиться к завтрашнему разговору с королем. Возница отвезет тебя домой.

Мезор вымученно улыбнулся в ответ. За годы службы он стал фаталистом и знал, что сейчас не сможет свернуть принцессу с курса. Ему придется ждать и делать, как скажет Эвирайя, до тех пор, пока она снова не будет слушать его. Могло быть и хуже, подумал он. В конце концов, ему были известны ее планы. Если Эвирайя действительно получит корону, он только выиграет. Мезор направился к карете, но, когда он протянул руку принцессе, она покачала головой.

— Нет, я прогуляюсь обратно пешком.

Это ему тоже не понравилось. Принцесса, обычно такая предсказуемая, последнее время его постоянно удивляла. Это беспокоило.

— Хорошо, — с неохотой сказал он, садясь в карету, — я отправлюсь к королю утром.

Эвирайя слушала удаляющийся звук копыт. Мезор считает себя умником, но на самом деле он набитый дурак. Он ищет ее расположения, но не понимает, к чему может привести его честолубие. Если ее заговор раскроют, она свалит вину на него. Никто не поверит слову мелкого чиновника из казначейства, если принцесса будет утверждать обратное, даже если он ее личный советник. Мезор думает, что она действует на горячую голову и неразумно? Ничего он не понимает. Завтрашняя встреча для нее не опасна.

Принцесса постучала одним длинным ногтем о другой и посмотрела на свое отражение в спокойной воде. Она вдруг вспомнила старый афоризм: красота женщины — лучшее укрытие для правды.

В старых туннелях под лесом толстый стражник сидел на стуле перед запертой дверью. Принцесса приказала ему охранять фандорского шпиона, и именно этим он и занимался. И все же он считал, что можно и отдохнуть немного, вреда не будет. Камера была заперта, а он всего лишь собирался закрыть глаза, а не спать. Он спокойно дремал около часа, пока его не разбудил звук — громкий кашель в камере, как будто кто-то задыхался.

— Помогите!

Стражник неуверенно встал на ноги и приложил ухо к двери. Кашель прекратился. Внутри было тихо. Стражник с подозрением посмотрел на дверь. Если Эвирайя хотела, чтобы пленника охраняли, значит, он должен быть жив и невредим. Стражник отпер дверь и заглянул внутрь.

Фандорца не было!

Стражник пялился на пустую комнату. Обман? Может, он прячется за дверью? Стражник вошел в камеру.

— Привет, — услышал он сверху.

Он поднял голову, и на него опустилось облако мелкой пыли. Он схватился за глаза, ослепленный, покачнулся, отступил в сторону и, споткнувшись о табуретку, тяжело упал в солому. Он услышал, как что-то легко ударилось об пол рядом с ним... быстрые шаги... хлопнула дверь.

Принцесса вряд ли обрадуется.

Эмсель остановился в коридоре, размышляя о том, куда идти. Он вспомнил, что Эвирайя и другие, выйдя из его камеры, повернули налево, поэтому он поспешил направо. Сначала он бежал со всех ног, затем бежать стало труднее. Под ногами лежал тонкий слой скользкой грязи. Эмсель очень устал, он не осознавал, до чего устал, пока не побегал. За последние несколько дней ему многое пришлось пережить, и он, честно признаться, был удивлен тем, что еще вообще держится на ногах.

Фандорец надеялся, что стражник не получил серьезных повреждений. Зацепившись за

корни деревьев на потолке, пленник привлек внимание стража кашлем. Когда тот вошел, Эмсель швырнул ему в лицо горсть порошка из мелко растертой сухой коры. Стражник был ослеплен, а дверь камеры он запер за собой. Это давало Эмселю надежду на то, что он успеет уйти довольно далеко.

Теперь ему нужно было решить, куда бежать. Он ничего не знал о Симбалии. Он слышал о человеке по имени Ясветр, но понятия не имел, кто он такой и где его искать. В любом случае, сначала он должен был выбраться на поверхность земли.

Вдруг откуда-то сзади послышался оглушительный грохот, эхом прокатившийся по туннелям, разбившись на несколько отдельных звуков. Эмсель прислушался, сначала не в состоянии понять, что это. Потом до него дошло, что огромный стражник, скорее всего, вышиб дверь. Через миг он услышал звук тяжелых быстрых шагов. Стражник пустился в погоню!

Эмсель попытался бежать быстрее, но у него не было сил. Корни хлестали его по лицу, сбивая с направления. Стражник приближался. Эмсель увидел развилку, тускло освещенную факелами, и пустился бежать наугад, все еще надеясь оторваться от преследователя, но стражник был уже так близко, что видел его. Эмсель заметил впереди маленькую дырку в потолке. Если он до нее доберется, он будет в безопасности, так как толстый стражник никогда не сможет туда пролезть. Эмсель сжал зубы и побежал из последних сил, но усталые ноги не повиновались. На его плечо легла тяжелая рука. Он поскользнулся на мокрой земле и чуть не упал, увлекая за собой стражника. Пытаясь вырваться, Эмсель заметил, как стражник ухватился рукой за корень над головой, чтобы удержаться на ногах. Корень поддался под тяжестью толстяка, а затем туннель наполнил странный грохочущий звук. Эмсель поднял голову и увидел, что потолок туннеля падает ему на голову лавиной грязи, корней и земли. Он попытался отпрыгнуть, но его ударило камнем по плечу. Он услышал, как стражник закричал, затем звук обвала оглушил его, мир окрасился черным, и вокруг стало темно.

Резкий порыв ветра качнул лодку, которую опускали с утеса. Она висела на трех канатах на полпути вниз, а внезапно налетевший ветер раскачивал ее в опасной близости к скалам. Ее пассажиры, несколько одетых в традиционно черно-белую одежду танцоров, схватились за планшир. Постепенно лодка прекратила раскачиваться.

На крошечной полоске пляжа внизу Йондалран с сыном смотрели, как пять лодок медленно опускаются на лебедках в море. На утесах, невидимые снизу, ожидали другие лодки, наскоро починенные, и новые — сколоченные из старых повозок и телег, законопаченных смолой.

Дэйон покачал головой:

— Никогда бы не поверил, что такое возможно.

— Так мы выиграем время, — сказал отец, — а оно нам ох как нужно. У нас весь день бы ушел на то, чтобы перенести лодки на пляж, а он уже и так переполнен. А так у нас к рассвету все будут на воде.

Лэгоу стоял поблизости.

— А что, если они разобьются? — спросил он и посмотрел на Йондалрана так, словно ожидал, как показалось Дэйону, что у отца снова начнется знакомая всем вспышка ярости. Вместо этого Йондалран просто оставил вопрос без внимания. Он повернулся и направился туда, где Тэмарк выкрикивал приказы своим людям на скале.

Лэгоу посмотрел ему вслед, а затем сказал Дэйону:

— Упрям твой отец.

— Упрямство иногда полезно.

Дэйон почему-то почувствовал, что должен защитить отца, хотя сам вовсе не рад был предстоящему морскому переходу. Его страшила мысль о том, чтобы снова идти в опасные, полные сильнейших течений воды залива, после того, как чудом спасся в прошлый раз.

— Нос ниже! Опустить его! — заорал Тэмарк, когда Йондалран подошел к нему. — Слишком быстро опускают...

Он замолчал и покачал головой при виде того, как один из канатов вырвался и лодка перевернулась, вывалив пассажиров и их пожитки в воду с высоты двадцати футов. Лодка упала в воду с громким всплеском, который долетел до слуха Йондалрана уже после того, как он увидел ее в воде. Старейшина увидел, как молодые люди всплывают, отфыркиваясь и выплевывая соленую воду, и плывут к лодке, которая, к счастью, упала на воду килем вниз. Один из молодых людей выловил из волн танцорскую шапочку.

Тэмарк взглянул на Йондалрана, и старик почувствовал себя неловко под взглядом этих черных глаз. Ему почему-то казалось, что Тэмарк над ним смеется, несмотря на суровое выражение лица рыбака. Йондалран бросил быстрый взгляд на лодку, в которую уже забрались все вымокшие ополченцы.

— Может, — сказал он, — пойдет проще с большими лодками.

— Может, — сказал рыбак.

Йондалран посмотрел на него. Что-то в том, как этот короткий ответ прозвучал, разъярило его. Тэмарк старика раздражал своим цинизмом и постоянным неодобрением.

— У тебя есть идея получше? — спросил Йондалран.

— Нет, — ответил Тэмарк и отвернулся, чтобы посмотреть на рыбаков, стоящих на верху утеса. — Давай следующую!

На вершине утеса стоял, смотря вниз, Тенньел. Он помогал опускать первую лодку и в ужасе смотрел, как она падала. Он почувствовал огромное облегчение, увидев, что никто не пострадал. Но ведь мог! Будет ужасно глупо, если произойдет несчастный случай еще до того, как они встретятся с симами. Все это начинало казаться Тенньелу несерьезным. Постоянные неурядицы, бестолковая суета, неспособность договориться... Если у них сейчас все шло не так, как могло получиться лучше на поле боя?

Нет, все получится, просто должно получиться. В конце концов, трудности были предсказуемы и возникали из-за того, что всем не терпелось встретить врага лицом к лицу. Тенньел обернулся и посмотрел на толпу ополченцев, ждущих своей очереди спуститься на лебедках в море. Почему-то на их лицах он увидел только усталость, страх и беспокойство и не увидел ничего, что можно было, хотя бы с натяжкой, назвать нетерпением идти в бой.

Молодой старейшина повернулся к следующей лодке и начал подготовку к спуску. Он больше не хотел смотреть на ополчение. Пусть они сейчас такие, битва изменит их.

Всю ночь лодки опускали с утесов. Люди работали без сна и отдыха, и, когда первые лучи солнца появились над окутанными туманом берегами далекой Симбалии, последние фандорские лодки присоединились к основному флоту.

Армия была в море — больше тысячи мужчин и мальчишек, вооруженных кто чем, на лодках, наспех переделанных из плотов, повозок и рыбацких шлюпок, с веслами или парусами. Армия тронулась в путь — к берегам Симбалии. Не многие понимали, насколько смехотворным покажется симбалийцам ополчение из пекарей, жестянщиков, крестьян и рыбаков. Настроение у всех было разное — от отчаяния до страстной жажды приключений. И все же за их жалким внешним видом скрывалось суровое стремление к возмездию, мести за погибших детей и угрозу, которую эти убийства принесли в Фандору. У них, наивных и не подготовленных к войне, была своя правда — они были готовы мужественно дать отпор угрозе. Не во всех войнах и не все армии были настроены так. Дети были одним из немногих утешений в суровой жизни Фандоры — благословенным доказательством того, что жизнь, как ни трудна она, будет продолжаться.

Сбиваясь с курса, теряя весла и крепко вцепившись в борта суденышек, под громкие приказы командиров и тихий шепот боязливых фандорская армия начала свой поход на восток.

Северные ветры дули не переставая. Они несли с собой снег, укрывавший горные пики. Мраклинг пробивался сквозь ветер и снег. Распахнув огромные крылья высоко над замерзшей рекой, он летел на юг, к легендарным пещерам, где когда-то жили драконы.

Задолго до того, как Мраклинг появился на свет, в то время, когда иней еще не покрыл всю землю, драконы улетели на юг, к сияющим скалам. Холдраги остались на севере, где властвовали обжигающие северные ветры. В пещерах рядом с горячими источниками они долго еще держались. Но когда драконы исчезли, холдраги испугались. Казалось, их обиталище скоро перестанет быть безопасным.

Холдраги драконов уважали, так как большие и властные создания всегда защищали их, но и боялись чудовищ, обладающих даром огня.

Мраклинг закричал, пролетая над рекой, которая текла на юг, к сияющим пещерам. Он-то знал силу драконов. Он искал их снова и снова, и все безуспешно, но он все же знал их секрет, секрет, который был частью его самого. Рожденный холдрагом и драконом, вернувшимся к горячим источникам в надежде выжить, Мраклинг был вне закона. Дракон погиб, но остался Мраклинг. Другие холдраги тогда не знали о его существовании, но, когда подули холодные ветры, выяснилось, что он самый умный и самый быстрый из них. Драконов не стало, и защищать холдрагов стал он.

Боль, живущая внутри, много раз уже приводила его к южным пещерам, но всякий раз он находил одно и то же. В пещерах, еще не заваленных камнями и вечно падающим снегом, жили жалкие, испуганные остатки благородных существ, которые когда-то там обитали.

Закончился век драконов. Холдраги остались одни, а он был самым одиноким из них, не холдраг и не дракон, живущий с существами, которые не могли понять, насколько близок их конец, которые все еще думали, что драконы придут и спасут их.

Их спасение было в том, чтобы понять: драконов больше нет. Только тогда холдраги смогут забыть закон и исполнить его, Мраклинга, волю. Только тогда они осмелятся покинуть свои пещеры и полететь на юг, чтобы жить в землях людей, в землях, из которых их давным-давно изгнали драконы.

Сегодня он будет искать последний раз. Мраклинг пролетел через узкий проход между обледеневшими утесами и приблизился к стене льда и снега рядом с рекой. Последний раз он будет искать хоть какие-нибудь свидетельства того, что здесь есть драконы. Он заглянет в сверкающие пещеры, чтобы убедиться в том, что они не вернутся.

Их не было, он не ожидал иного, но он все равно искал. Чтобы убедить остальных, он и сам должен отбросить сомнения.

Для того чтобы холдраги поверили, что драконов на самом деле больше нет, чтобы они

перебрались туда, где Хранительница сможет смотреть за ними без страха, чтобы они пошли войной на людей, чтобы захватить земли, где не дуют северные ветры, для этого он должен был быть абсолютно уверен, что ни один дракон не выжил.

Мраклинг пролетел через разрыв в тумане к скалам, туда, где были входы в пещеры. Некоторые из них были покрыты толстым слоем голубого льда, а другие потерялись в засыпанном скалы снегу. Он полетит в те, которые еще доступны. Если хоть один дракон был жив, он не позволил бы себе оказаться в ловушке, они были слишком горды для этого.

Когда он летел вдоль знакомого склона к драконьим пещерам, Мраклинг снова увидел вмерзшую в лед, так напугавшую его однажды фигуру старого дракона с вытянутой шеей и распростертыми крыльями, будто он замерз в полете. Или в падении.

Это зрелище всегда приводило его в ярость. Он не хотел погибнуть вот так, как этот дракон погиб много лет назад.

Много часов Мраклинг исследовал то, что было домом драконов. Он не смог найти никаких следов живых существ в открытых пещерах. С каждым часом рос его гнев. Подтвердилось то, что он и так уже давно знал. Эти туннели не изменились. Последний век драконов пришел к концу.

С пронзительным криком Мраклинг вылетел из пещер и направился домой.

Он расскажет холдрагам. Он хорошо подготовит их к путешествию на юг, он пошлет разведчика в земли людей, ведь еще многое нужно узнать.

ГЛАВА 19

Эвирайя выбрала для встречи с Ясветром большую рыночную площадь на краю купеческого квартала, на восточной стороне которой возвышался холм с каменным помостом у подножия. Именно оттуда народ Симбалии должен был услышать самые неожиданные новости.

За два часа до прибытия короля и принцессы площадь начала заполняться народом из всех краев Надлесья. Толпа взбудораженно гудела, и чаще других слышались голоса купцов, в чьи дела новый монарх за несколько месяцев правления уже успел вмешаться. Всем не терпелось узнать причину этого неожиданного собрания.

Ясветр прибыл в окружении слуг, с ястребом на плече. Слева от него шел Эфрайон. Когда они прошли через площадь к холму, в толпе раздались крики приветствия, но оба короля понимали, что во время парадного шествия к возвышению Верона такие приветствия звучали громче.

Ожидая появления Эвирайи, старый король предостерегал своего наследника:

— Берегись ее, Ясветр. У нее хитрый язык, она и твои слова вывернет наизнанку.

Ясветр нетерпеливо посмотрел на холм:

— Я уже слышал доводы принцессы. В них нет смысла.

Эфрайон сердито возразил:

— Ты должен быть осторожнее! Она выросла в Семье, и, в отличие от тебя, у нее есть опыт в политике. Ты не должен недооценивать ее влияние на народ.

Ясветр нахмурился, поднял руку и посмотрел, как хищная птица, взлетев, исчезает из виду. Сначала Керия, а теперь Эфрайон. Они не верят, что он принимает принцессу всерьез. Когда они с Эфрайоном подошли к лестнице, ведущей на холм, король кивком отпустил свою свиту.

— Эвирайя ничего не сможет сделать против правды, — сказал он. — Правда — вот наше лучшее оружие защиты. Я не сделал ничего, что бы входило в противоречие с интересами народа. Я отказываюсь позволять Эвирайе или кому-либо еще из Семьи вмешиваться в государственные дела. Эта встреча — повод для Эвирайи попытаться запугать меня. Она будет разочарована.

Эфрайон сжал руку молодого короля.

— Она идет. Пожалуйста, помни о ее положении. Сейчас не время враждовать с

Семьей.

— Семью мое мнение не интересует, — жестко сказал король, — как Эвирайя любит нам напоминать.

Через несколько минут, поднимаясь по ступенькам, он заметил паланкин принцессы с шелковыми занавесями, который несли четверо слуг. В толпе раздались аплодисменты.

Внизу на площади Мезор, идущий рядом с паланкином, с волнением ожидал знака от Эвирайи. Он все еще понятия не имел о том, узнал ли что-нибудь Ясвентр о фандорском шпионе. Ясвентр и так уже был взбешен требованием Эвирайи о публичной встрече, а если у него есть что-то против нее, какие-нибудь веские доказательства, ее и Мезора просто арестуют.

Паланкин начал сворачивать, пробиваясь через толпу, и Мезор увидел длинные ногти Эвирайи, придерживающие занавес с одной стороны. Он поспешил подойти ближе.

— Следи за людьми. И смотри, не появятся ли люди моего мужа.

Мезор кивнул, и паланкин направился к ступеням, ведущим на холм.

Ясвентр смотрел на толпу. Эвирайя сейчас будет здесь. Ему не пришлось повышать голос, чтобы призвать к вниманию. На площади уже было тихо — все ждали, что будет.

Несмотря на попытки оставаться спокойным, Ясвентра все больше раздражал этот шаг принцессы. У нее не могло быть другой цели, кроме как взбудоражить население Надлесья как раз тогда, когда ему больше чем когда-либо нужна их поддержка. И так хватало забот — убийство ребенка, наводнение в шахтах, просто не было времени на мелкое соперничество между королем и принцессой. И все же именно из-за этого он был здесь, зная, что не может позволить ей самостоятельно обращаться к купцам, что бы она там еще ни придумала. Обвинения северян уже нанесли достаточный урон. Ясвентр надеялся, что сможет использовать это собрание для того, чтобы вселить больше уверенности в граждан Надлесья.

Эвирайя поднялась по ступенькам с задней стороны холма. Король поприветствовал ее вежливой улыбкой. Пусть говорит первая. Таким образом, он оставлял себе возможность ответить на все, что она скажет собравшимся на площади.

Ясвентр вытянул руку, как будто показывая Эвирайе, что он уступает ей дорогу. Не глядя на него, она быстро прошла на помост.

Ясвентр вздохнул. Она ничего не сможет сказать, что изменило бы истинное положение дел.

Эвирайя осмотрела море людей, стоящих перед ней. Ее длинные раскрашенные ногти сверкали в солнечном свете. Она была, как всегда, красива, но необыкновенно серьезна. Обычно, появляясь на людях, принцесса сияла обворожительной улыбкой.

— Мой народ, — эффектно начала она, — у меня есть новости, важные для всей Симбалии.

Ясвентр смотрел на нее, изогнув бровь, и ждал.

— Наш лес в опасности! — сказала она. — Тогда на возвышении Верона северянин говорил правду, убийство ребенка будет не последним, если только мы срочно не примем меры защиты — меры, о которых Ясвентр отказывается даже думать!

Собравшиеся ответили общим вздохом изумления.

— Фандорцы атакуют! — выкрикнула Эвирайя. — Они объявили Симбалии войну! Мы должны действовать! Мы должны защищаться!

Принцесса быстро оглянулась, чтобы увидеть, как принял ее слова Ясвентр, но он как раз отвернулся к старому королю, стоящему около ступеней.

— Она не посмеет! — прошептал он.

— Она уже посмела, — сказал старик.

Ясвентр шагнул вперед, чтобы заговорить, но принцесса повелительно взмахнула рукой:

— Подожди! Я дам тебе слово!

Прежде чем он успел ответить, Эвирайя продолжила речь:

— Королю известно, что Симбалия в опасности. Он знал об этом с тех пор, как

северянин рассказал о трагедии. И все же он ничего с тех пор не сделал. Почему — я не знаю, но, может быть, тому причиной то, что его происхождение другое. Но в это опасное время мы не можем позволить себе тонких политических маневров. Мы должны действовать. Сейчас, говоря с вами, я рискую своим титулом и своим положением в Семье. Я делаю это из любви к Симбалии. Не слушайте рудокопа и его любовницу. Доверьтесь тем, кто правил страной из века в век! Доверьте королевской семье защиту Симбалии!

Ясветр больше не мог ждать. Она сошла с ума! Это измена!

Чувствуя гнев Ясветра, Эвирайя поспешила продолжить:

— Мы должны защититься от нападения фандорцев! Вы должны доверять принцу Кайерту. Я говорю от его имени!

Мезор чуть не схватился за голову. Она режет горло и себе, и ему!

В толпе гудели разговоры. Муж Эвирайи поддерживает ее план? Возможно ли такое?

Ясветр шагнул вперед, забыв о всех своих планах сохранять дипломатические отношения.

— Народ Симбалии! — выкрикнул он. — Я прошу тишины. Теперь выслушайте меня!

Разговоры прекратились, но шепоток подозрения так и полз, продолжая отвлекать слушающих.

Ясветр обвел взглядом лица стоящих перед ним и прочел на них волнение и неуверенность. Он заговорил негромко, но властно:

— Вы должны понять, о чем идет речь! Я слышал те же слухи, что и вы, и я предпринял кое-что, чтобы выяснить, насколько они правдивы. У нас нет доказательств того, что фандорцы собираются на нас напасть. Веками они нас не беспокоили. С чего бы им вдруг пойти на нас войной? Я смотрел на море с Главы дракона. Море пусто! Никакая армия к нам не приближается! Волны и ветер свирепствуют в это время года. Только глупцы или безумцы рискнут отправиться в путь сейчас — добраться до берега неведимыми невозможно.

Ясветр снова посмотрел на лица людей. В этот раз он увидел мелькнувшую в нескольких парах глаз надежду. Эти люди не хотят войны. Его слова запали им в души.

— Идите домой, — продолжал он, — идите к своим детям! Они в безопасности! Я еще не знаю, что погубило девочку северян, но это не фандорцы! Идите домой с миром! Мы найдем убийцу!

Эвирайя с раскрасневшимся лицом быстро спустилась по ступенькам и встала рядом с королем.

— Мой народ, — сказала она, — я тоже хочу мира нашей стране, но я не так глупа! Король Ясветр отказывается видеть правду, и потому я прошу вас принять решение, которое должен принять король!

Мезор осторожно поднес руку к виску. Пять пар глаз увидели его сигнал.

Ясветр смотрел на Эвирайю.

— Воля народа ясна, нет нужды в дальнейших речах!

Эвирайя не отвела взгляда.

— Я требую созыва Сената! — сказала она и обернулась к людям на площади. — Будет ли кто-нибудь возражать?

— Сенат! — закричал северянин в толпе.

— Да! — поддержал его другой.

— Сенат! — подхватила толпа.

Скоро стало понятно, что большинство высказалось, и толпа затихла, ожидая ответа с подиума.

То, что все, кто закричал первым, были северянами, не могло быть совпадением, это было дело рук Эвирайи. Ясветр был уверен в этом так же, как в том, что Мезор стоял на площади не для того, чтобы морально поддержать свою хозяйку. Ясветр посмотрел на Эвирайю. У него не было выбора, его отказ созывать Сенат вызовет подозрения. Однако использовать Сенат для своих целей Эвирайе не удастся. Он проведет эту встречу на своих условиях.

— Решим мирно, — сказал он в тишине, — я назначаю встречу Семей завтра утром! Принцесса Эвирайя, вы свободны.

Эвирайю это обращение привело в ярость, но выражение лица Ясветра было таким, что она молча шагнула с возвышения. Еще придет время, когда народ будет слушать ее одну.

Ясветр смотрел на нее. По протоколу принцессе полагалось покинуть холм, но она упрямо ждала на вершине лестницы. Ясветр больше не собирался мириться с ее неуважением! Он не любил формальности королевского круга, но он не желал больше видеть того, как она публично высмеивает его у всех на глазах.

Ясветр повернулся к толпе спиной и обратился к принцессе. Он говорил громко, он хотел, чтобы его услышали:

— Я слишком долго был снисходителен к вам, принцесса Эвирайя. Если вы и впредь будете стремиться играть со мной на глазах у всех, вы узнаете, каково проигрывать! Покиньте это собрание! Я должен обратиться к своему народу!

Эвирайя выждала паузу, достаточно долгую, чтобы показать неповиновение. Затем она повернулась к ступенькам на холме и нарочито медленно спустилась.

Ясветр обратился к толпе:

— Мы встретимся завтра, чтобы обсудить, как защитить мир в нашей стране. Возвращайтесь к своим семьям и решайте, кого выберете для голосования с помощью кристаллов. Сенат соберется в Пещере Водопада. До тех пор говорите с осторожностью.

Слухи не вернут ребенка.

Король покинул помост и спустился по ступенькам так быстро, что плащ развевался за его спиной подобно крыльям. Он присоединился к старому королю и велел слугам подвести лошадей. Он сердился на себя за вспышку. Глупо получилось, теперь принцесса будет думать, что в ее силах вывести короля из равновесия.

Эфрайон был прав. Принцесса опаснее, чем он думал. В будущем он постарается оградить себя от ее ядовитых слов.

Вопрос войны и мира теперь будет решать народ. С его точки зрения, так и должно быть. И все же он беспокоился. Правда и принцесса были несовместимы, и длилось это дольше, чем он правил Симбалией.

Эфрайон натянул поводья лошади.

— Сын мой, — спросил он, — почему ты не разоблачил ее козни? Ты знал, что она плела интриги с северянами.

Ясвтр взлетел в седло.

— Это ее тактика, — ответил он, — я не опускаюсь до голословных обвинений. Я одержу победу над ней по закону.

Эфрайон улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он, — но, может быть, мне стоит поговорить с леди Эссель? Она все еще имеет влияние на свою дочь.

— Нет! — резко сказал Ясвтр, вытягивая руку для ястреба. — Ты выбрал меня, не Эвирайю. Я докажу, что достоин трона. Я докажу, что у Эвирайи на уме совсем не интересы народа. И я должен сделать это так, чтобы не допустить раскола в Семье. Если ты попросишь помощи у леди Эссель, она не будет уважать меня.

Эфрайон кивнул с отцовской гордостью:

— Герой становится государем.

Эвирайя смотрела вслед черному коню, исчезающему среди деревьев. Рудокон не знает ни о шпионе, ни об исчезновении Кайерта. Все прошло гладко, так гладко, что она и не ожидала.

Мезор подал ей руку, и она царственно покинула помост, не обращая внимания на похвалы помощника, которыми он осыпал ее по пути к паланкину. Она посеяла семена сомнений в умах купцов, и те, кто уже до этого не доверял Ясвтру, теперь будут думать, что он изменник и предатель. Она должна найти Кайерта.

Принцесса грациозно помахала рукой толпе и скрылась за занавесями паланкина. Нужно вернуться к шпиону. Он много может рассказать о Фандоре.

Глубоко под дворцом, в другой части пещер, Эмсель пошевелился. Первое, что он заметил, — это бьющаяся боль в спине. Он попытался повернуть голову, но понял, что ее удерживают волосы, попавшие под камень, попробовал поднять руки, но они не двигались. Через какое-то время к нему вернулось осязание, и он понял, что завален по самую шею холодной, вязкой землей. Он лежал опрокинутый навзничь, спина нещадно болела, но по крайней мере она не была сломана.

Эмсель с трудом открыл залепленные грязью веки. Бесполезно — он ничего не видел. В туннеле царил мрак. Два пальца правой руки были свободны, и он начал потихоньку разрывать грязь.

Это заняло много времени. Он оживился, почувствовав свободной руку, столкнул камень со своей головы, и спине стало значительно легче. Он немного отдохнул, а затем стал выбираться из завала. В конце концов он освободился полностью, хотя был покрыт с ног до головы грязью. Он походил взад-вперед, и боль в спине прекратилась.

Эмсель обследовал завал, но не нашел и следа стражника, который либо был полностью похоронен под толщей земли, либо находился на другой стороне. В любом случае Эмсель ничем не мог ему помочь. Он пошел по туннелю в кромешной тьме, осторожно

нащупывая дорогу. Он был совершенно измучен, и ему приходилось останавливаться через каждые несколько минут для отдыха, но ходьба помогла преодолеть боль в избитом теле.

Определить длину туннеля было невозможно, но беглецу казалось, что он идет уже целую вечность. Невозможно было понять, идет ли он прямо или по извивающемуся коридору. Уклон, однако, пошел вверх, и звук шагов скоро изменился. Земля и глина под его ногами сменились камнем. Эмсель улыбнулся. Он приближался к поверхности.

Сколько времени прошло с тех пор, как он покинул Фандору? Он не мог сказать с уверенностью — дни в лодке слились в единый сон о солнце и волнах, но он знал, что должно было пройти около недели. Могли ли фандорцы собрать армию за это время? В нормальных условиях — безусловно нет, но Эмсель слишком хорошо знал, как подействовала на людей смерть Йогана. Армия могла быть уже на подступах к берегам Симбалии.

— Этого не должно произойти! — сказал он вслух, и слова вернулись к нему пугающим эхом. Эмсель почувствовал себя одиноким и потерянным, но другого выбора, кроме как следовать изгибам туннеля и молиться, что они приведут на поверхность, у него не было.

— Йоган, больше никто не умрет, — сказал он тихо, продолжая шагать. Через несколько минут он остановился отдохнуть. Эхо его собственных шагов затихло, и наступила полная тишина.

Затем Эмсель вдруг расслышал сзади странный цокающий звук. Сначала он совершенно не понимал, что это может быть, а затем, осознав, похолодел. Больше всего это было похоже на звук когтей, царапающих каменный пол.

Кто-то шел за ним по пятам.

ГЛАВА 20

Дэйон стоял на носу флагмана, небольшого рыбацкого баркаса, на борту которого разместилось двадцать человек, что было слишком много для суденышка. Баркас постоянно черпал воду даже на небольшой волне. Залив Баломар был около пятидесяти миль в длину и меньше двадцати в ширину, и, кроме относительно спокойных фьордов и бухточек вдоль береговой линии, каждая из этих миль была опасна. Два моря, сталкиваясь в заливе, образовывали сотни течений. Ветры, теплые из южного моря и холодные из северного моря Драконов, встречались и боролись над заливом. Сильные подводные течения и ураганный ветер порождали на поверхности высокие волны с белыми гребешками пены. Залив с трудом можно было назвать приветливым в самые солнечные и спокойные дни, а в плохую погоду он вообще превращался в единый гигантский водоворот.

Этот день выдался не самым плохим, и у армии все-таки был небольшой шанс добраться до противоположного берега. Дэйон приказал лодкам большую часть дня держаться берега, до тех пор, пока они не достигли самой мелководной части залива, где не так качало. Дэйон знал, что ветер и волны вполне могли перевернуть не только их скорлупки, но и настоящие морские суда. Он смотрел вперед на белые гребешки волн. Он не будет думать о тех людях, жизнь которых зависит от его решения. Если он подумает об этом, он потеряет голову от паники.

Йондалран стоял рядом с сыном, с ужасом всматриваясь в волны, некоторые из которых достигали десяти—двенадцати футов в высоту. Волны появлялись здесь и там вокруг корабля, иссеченные ветром до белой пены.

— Не знал, что будет так! — выкрикнул он Дэйону.

— Не многие знают, — ответил Дэйон, не отрывая глаз от волн и до боли вцепившись руками в планшир.

Армия медленно продвигалась вперед.

— Ты проведешь нас? — спросил отец.

— Я попробую, — ответил сын. — Вряд ли будет время лучше, чем сейчас. Луна

убывает, и прилив потому невысок, да и ветер довольно слаб. Конечно, туман из-за этого довольно густой, но там нам не с чем сталкиваться. Если мы пересечем этот открытый участок, у другого берега будет так же тихо, как у нашего.

— Как широк этот участок?

— Каждый день по-разному. Иногда миля-другая, иногда — до десяти. Есть только один путь узнать. Придется пройти через него. Если полезем туда, пути назад не будет.

— Так пошли, чего мы ждем? — сказал его отец.

Распоряжения Дэйона передали с корабля на корабль. Все ополченцы должны были привязаться к чему угодно — к мачте, к скамье, к уключине для весел — и оставаться так до следующего приказа. Он также приказал лодкам отойти как можно дальше друг от друга, чтобы избежать столкновений, и следовать за флагманом, насколько будут позволять ветер и волны. Дэйон с волнением смотрел, как флотилия готовится к переправе.

— Поднять паруса! — скомандовал он, надеясь, что отец не заметит ужаса на его лице.

Очертания залива были примечательны. Два полуострова, расположенные напротив друг друга, напоминали два молодых месяца. В вогнутой части полумесяцев вода была относительно спокойной, хотя водовороты там тоже бывали, но самым опасным местом в заливе было то, где на открытом пространстве встречались два моря. Именно этот отрезок предстояло пересечь армии.

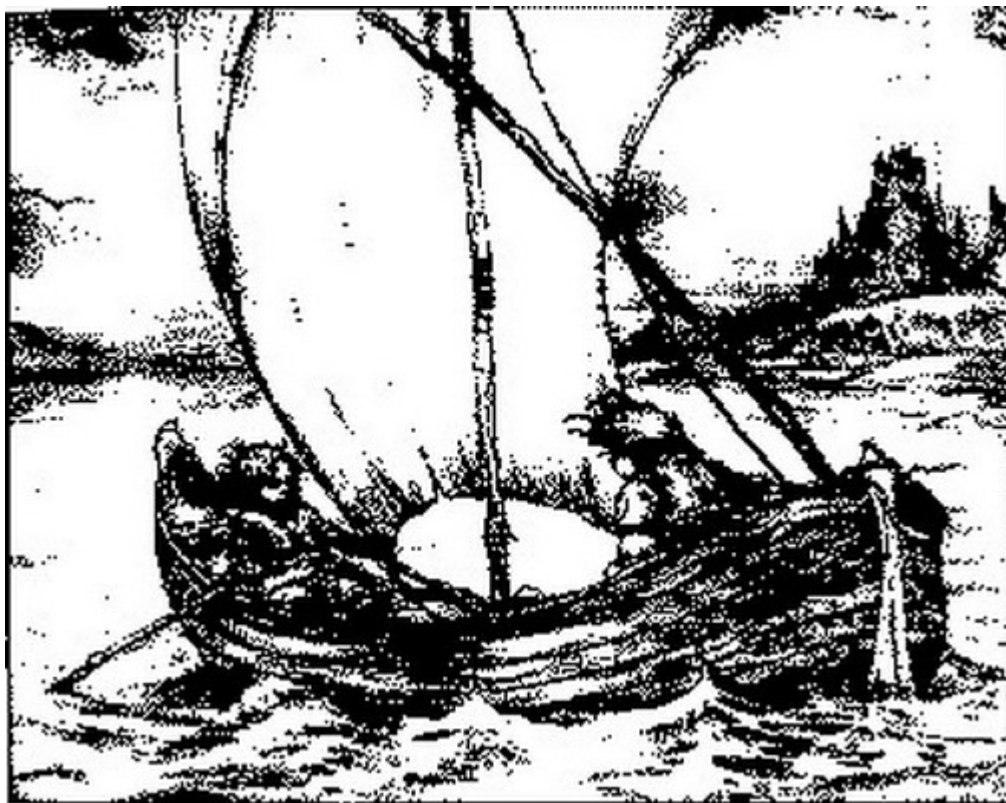
Когда утлые суденышки развернули паруса, тут же ветер налетел на них, словно желая проверить на прочность. Те, у кого парусов не было, с усилием налегли на весла, стараясь не отстать от летящих на крыльях ветра соотечественников, но это было безнадежно. Волны вздымались горами на их пути, хлеща со всех сторон. Кораблики поднимало и бросало с силой, приводящей в ужас матросов поневоле, рожденных и выросших вдали от моря. Дэйон стоял, прислонившись спиной к мачте, и смотрел на залив. То здесь, то там в лодках раздавались крики ужаса, а ведь сегодня один из самых благоприятных дней. И все равно он боялся. Многие лодки были перегружены людьми и запасами. Он не говорил об этом с отцом, но знал, что они непременно кого-нибудь потеряют. Дэйон посмотрел на отца, старательно вычерпывающего ведерком воду, постоянно перехлестывающую через борта. Йондалран больше чем кто бы то ни было был ответствен за то, что эти люди здесь оказались. Немало ополченцев утонет в пути. Будет ли отвечать за их смерть его отец?

С другой стороны, их никто не заставлял отправляться на войну — каждый решил сам. Они были здесь, потому что знали: они идут защищать Фандору.

Дэйон вдруг услышал сквозь завывание ветра и плеск воды звук ломающегося дерева и крики. Плот, несущийся на волнах выше лодки, идущей рядом, подняло и опустило точно на лодку, которая при этом разбилась на две половины. Четверо человек с криками ужаса упали в воду. Оглядываясь назад, Дэйон заметил, что трое всплыли и их втащили в другие лодки. Дэйон быстро отвернулся. Он не мог позволить себе ни жалости, ни страха. Он должен был доставить армию к берегам Симбалии. Как он сам сказал отцу, пути назад не было.

В маленькой лодочке Юрген и Стеф по очереди гребли и вычерпывали воду. Несмотря на все их усилия, они неуклонно отставали от парусных судов. Поначалу горами вздымающиеся волны довели их до морской болезни, но после того как в их желудках больше ничего не осталось, они почувствовали себя значительно лучше.

Юрген вылил воду из скорлупы огромного ореха, которую они использовали как черпак, и посмотрел на Стефа, который греб, постоянно выворачивая голову, чтобы посмотреть вверх, на небо.

— Ты все туда пялишься с тех пор, как мы вышли в залив, — сказал Юрген, — и чего ты там разглядеть хочешь?

— Я ищу воздушные корабли, — сказал Стеф.

Юрген недоверчиво фыркнул:

— Как будто нам других бед мало! Болтаемся здесь, куда волны несут, от своих отстали, а он еще корабли в небе высматривает!

— Да я бы рад не смотреть, но не могу, — сказал Стеф и хлопнул носом. — Я боюсь!

— Слушай, — сказал Юрген, — этот дырявый таз и так еле держится на плаву, если собираешься хныкать, лей слезы за борт!

Стеф на это ничего не ответил, и Юрген увидел, что товарищ его и вправду напуган.

— Ну, Стеф, — сказал он, чтобы его ободрить, — мы же это не для себя делаем, а для Фандоры.

— Да ты бы помолчал! Кто первый засомневался и на попятный пошел?

— Ну, так то когда было! Слушай, мы не позволим этим симам прийти и завоевать нас, как баранов. Мы им должны показать кузькину мать!

— Пусть Йондалран им чего хочет показывает, — ответил Стеф. — Я поворачиваю обратно!

Он начал табанить, большая волна подошла и ударила их в борт, едва не перевернув лодочку.

Юрген схватился за весла.

— Не выйдет, Стеф! Это измена!

— Это здравый смысл! — Стеф в ярости смотрел на Юргена. — Ладно! Ты как хочешь, а я возвращаюсь вплавь!

— Рехнулся? Думаешь, в этом аду плыть — все равно что в Моховом пруду барахтаться? Я как-нибудь буду есть рыбу и о твое деревянное колечко зуб сломаю! А ну сядь и черпай воду!

Стеф помедлил, а затем хмуро взялся за ореховую скорлупу и начал вычерпывать. Юрген опустил весла в воду. Волны все время разворачивали лодку, туман сгущался, и он уже не понимал, куда грести. Они отстали от всех, но Юрген упрямо продолжал грести. А что ему оставалось?

— Эвирайя, — позвал Кайерт.

Его жена обернулась на ступеньках их замка и в изумлении захлопала ресницами.

— Кайерт! Дорогой! — воскликнула она. — Ты вернулся!

Принцесса бросилась бегом вниз по ступенькам в сад, где он стоял. Она была по-настоящему счастлива. Затем она увидела выражение его лица. Он знает! Он знает все! Она замедлила шаги и подошла к нему, ожидая, что он заговорит первым.

Муж молчал, пристально ее рассматривая, но ей показалось, что он смотрит сквозь ее красивое лицо и чудесную фигуру, не замечает ни аромата орхидей, ни солнечных бликов в ее золотисто-каштановых волосах.

— Кайерт, дорогой, — сказала она в конце концов, — так много всего случилось с тех пор, как ты уехал! Пойдем же в дом и все обсудим без посторонних!

Принц нахмурился, и это выражение вкупе с его молчанием напугало Эвирайю больше, чем любые угрозы, которые ей приходилось в жизни слышать.

— Дорогой, — спросила она дрожащим голосом, — ты болен?

Он по-прежнему молчал. Сбитая с толку и испуганная мыслью о том, что именно он может знать, Эвирайя решила сменить тон:

— Кайерт! Поговори со мной, я тебя так давно не видела!

Муж наконец заговорил, но слова его обжигали, как огонь синдрийских драгоценных камней.

— Ты потеряла меня. Навсегда, — сказал он. — Ты посмела запятнать мою честь, связав мое имя со своими интригами. Ты и я...

— Нет! — в отчаянии закричала Эвирайя. Этот крик шел из самых глубин ее сердца. Ее глаза наполнились слезами, ей было трудно говорить. — Ты должен сказать мне, что ты знаешь, мой дорогой! Ты просто не понимаешь, не можешь понять, что я сделала!

Очевидная искренность ее слез тронула Кайерта. Он не ожидал такого проявления чувств. Он ответил, стараясь смягчить голос:

— Я расскажу тебе, что я знаю. Я знаю, что ты использовала мое имя, чтобы устроить заговор против Ясветра. В Надлесье только и говорят, что о вашей встрече. Еще я знаю, что ты клеветала на Ясветра северянину по имени Виллен. Но даже все это, вместе взятое, ничто по сравнению с тем, что ты посмела связать мое имя с призывом к войне!

То, что он сказал, принесло Эвирайе некоторое облегчение. Был шанс, что он еще не знает о шпионе. Она снова заплакала, на этот раз уже напоказ.

— Тебе сказали не всю правду, муж мой.

Кайерт пристально посмотрел на нее.

— Я устал от твоих правд, Эвирайя. Путешествие в Северный Предел исцелило меня от твоей лжи. Я больше этого не потерплю!

Он прошел мимо нее и направился к дому.

— До заседания Сената я останусь у Талена, — на ходу сказал он, — советую тебе к собранию подготовиться. Моя речь будет не столь цветиста, как умеешь говорить ты, но я обещаю, что ее запомнят.

Эвирайя легонько зацепила его плечо длинными ногтями.

— Милый, — взмолилась она, утирая слезы с лица, — я говорю правду! Вторжение — это правда! Война — правда! Мне рассказал фандорский шпион!

Принц обернулся.

— Шпион?

Эвирайя просветлела.

— Фандорец! Твои «источники», вероятно, уже рассказали тебе о шпионе.

— Хватит! Я больше не играю в эти игры!

Быстро, словно опасаясь, что он уйдет, Эвирайя затараторила:

— Как только ты уехал, пришло послание о фандорском шпионе, которого задержали в заливе. Я сама допросила шпиона в присутствии Толчина и Алоры. Он рассказал нам о планах Фандоры о вторжении. Я бросилась с этими новостями к Ясветру, но он отказался предпринимать какие-либо действия. Он выгнал меня, сказав, что это сумасшедшие обвинения и попытка выставить его из дворца! Я была очень взволнована. Тебя не было. Поэтому я созвала собрание. Надлесье должно знать об опасности, грозящей Симбалии, дорогой. В твое отсутствие что еще я могла сделать?

Кайерт нахмурился.

— Где шпион?

— В подземелье. Я могу прямо сейчас тебя туда отвести.

— Если это твои очередные проделки, я...

— Это правда, — сказала она, — я сама покажу тебе.

Вернувшись от ледяных утесов, где они увидели вмерзшего в лед дракона, высохшие кости в пещерах, испуганные холдраги в смятении и с криками отчаяния носились вокруг своей горы. Мраклинг знал, что теперь он уговорит их нарушить закон драконов.

Теперь даже те, кто все еще надеялся, что драконы вернутся и помогут им, не могли ничего возразить. Те, кто не решался нарушить закон, все равно будут вынуждены покинуть свое обиталище из-за холода.

Мраклинг уселся на пике и задумался о дальнейшем. Паника пройдет. Они повернутся к нему. Увидев пещеры, немногие решатся оспорить его план. Уверенный в себе, он расправил крылья. Его тело онемело от холода, мороз пробирался внутрь, в самую глубину его существа, добирался туда, где билась его горячая тайна. Он боролся с искушением открыться им, открыть им тайну своего рождения, рассказать, что раса драконов не исчезла совсем с лица земли, что их тайна жила в нем. Но он не осмеливался. Они могут не понять. Ведь у них никогда не было этого дара. Они могут не понять, как так получилось, что у него он был. Лучше держать это при себе.

Выгнув шею, Мраклинг издал пронзительный звук. В ответ один из холдрагов, огромный даже для своей расы, подлетел к нему.

Мраклинг заговорил с ним Хранительница рассказала, что видела людей летающими. В этом следовало удостовериться. Если люди действительно научились летать, значит, холдраги потеряли самое большое преимущество.

Огромный холдраг кружил вокруг пика, слушая распоряжения Мраклинга. Затем он полетел на восток поискать горных козлов или еще чего-нибудь съедобного. Ему нужны будут силы для долгого перелета на юг.

Мраклинг остался на своем одиноком пике, смотря вслед исчезающему вдали существу. Он думал о людях. Не многие холдраги их видели. Люди были такими маленькими, такими ничтожными, но они были опасны. С ними нужно быть настороже. Мраклинг рассказал остальным о том, что выяснила Хранительница. Ярость на людей уже овладевала холдрагами, и они не скоро успокоятся. Теперь он может позволить себе действовать не спеша. Холдраги выживут.

Всадники ветра принесли весть о созыве Сената в Северный Предел, и главы семей, обуреваемые мрачными предчувствиями, готовились к встрече. Мало кто сомневался в том, как они проголосуют, ибо каждый чувствовал ответственность перед семьей погибшей девочки.

Представители семей горняков тоже готовились появиться в подземной пещере, где должно было состояться голосование, отчищали руки от вьевшейся в кожу земли, надевали лучшую одежду и дешевые украшения, ярко сверкающие на бледной от постоянного пребывания под землей коже. Горняки в основном поддерживали Ясветра, но все же и в их рядах были сомневающиеся. Станные вещи творились в Симбалии последнее время. Много слухов ходило о Керии, загадочной райанской женщине, которая была больше чем советником для короля.

Дом барона Толчина и баронессы Алары был непохож на другие. Барон сам набросал эскиз, привнеся в постройку много черт зданий, виденных им в путешествиях, даже висячий садик, наполняющий округу ароматами жасмина и имбиря. Само здание было низким и открытым, с внутренним двориком и фонтанами. Его окна и двери были из слоновой кости и темного дерева, все покрытые фресками, изображающими караваны в пути. Одна часть дома была встроена, по традиции, в ствол дерева. Там находилась комната, в которой барон и баронесса принимали принцессу Эвирайю, и будуар, в котором они сейчас готовились к собранию Сената.

Членам королевской семьи голосовать на собраниях Сената было запрещено. Сенат был придуман для граждан Симбалии. Каждая семья — это слово означало несколько родов, происходящих от древних предков — посылала своего представителя, одетого в цвета семьи, с семейным гербом, вышитым на платье, и он или она выражали общее мнение семьи на собрании.

Одеваясь, Толчин размышлял о возможном исходе голосования.

— У Ясветра тяжелое положение, — сказал он.

Алора рассматривала коллекцию разноцветных вееров, чтобы выбрать подходящий к своему пышному облачению.

— Ты действительно думаешь, что народ Надлесья видит в Ясветре изменника? — спросила она.

— Кое-кто, — ответил Толчин, не без труда застегивая на животе бежевый камзол, — хотя в Северном Пределе таких гораздо больше. Есть много причин смотреть на Ясветра с неодобрением, дорогая. Есть многие в Симбалии, которым его смещение будет только на руку.

Алора вздохнула.

— Прослужив двадцать лет в казначействе, — сказала она, — я думаю, что выгода — это не только туки в казне. Ясветра нельзя согнать с трона из-за того, что оскудела казна. Чтобы Семья решила действовать, должны быть веские доказательства измены. Несмотря на все обвинения, у Эвирайи нет доказательств.

— Она воспользуется шпионом, — сказал барон.

Алора покачала головой:

— А это ничего не доказывает, Толчин. Никаких злодеяний Ясветра. Чтобы убрать его,

потребуется решение монарха Эфрайона, а причин думать, что он вдруг это сделает, нет никаких.

— Ты, кажется, даже довольна, моя дорогая, — сказал Толчин, поднимая с кровати свой плащ. — Смещение Ясветра поможет излечить тот раскол, который образовался в Семье из-за него.

Алора держала в руках широкую голубую ленту.

— А вот повязка, пожалуй, пусть будет голубая...

— Ты меня не слушаешь! — сказал Толчин.

Жена улыбнулась:

— Я слушаю, дорогой. Я просто не хочу ввязываться ни в какие интриги Эвирайи. Надеюсь, ты понимаешь почему.

Толчин заговорил примирительно:

— Должен сказать тебе, Алора, Ясветру было бы намного легче без этой райанки. Что она только делает во дворце?

— Они любят друг друга, — сказала Алора, и ее лицо смягчилось. — Это очевидно, дорогой. Это настоящая любовь, я редко такое видела.

Толчин фыркнул:

— Ну да, именно это меня и волнует. Ты можешь представить себе брак между Ясветром и Керией? Королевская семья подожжет дворец!

Алора рассмеялась, вспомнив дни своей юности.

В пещерах под дворцом, на распахнутой двери в пустую камеру беспомощно болтался выбитый из дерева замок. Эвирайя смотрела на это расширенными глазами, прижав ладони к щекам.

— И где же твой фандорский шпион, Эвирайя? — спросил Кайерт. В его голосе не было издевки, видно было, что совсем недавно здесь кто-то был.

— Он был здесь, запертый в камере, а стражник сидел на стуле!

— Он, должно быть, был силен, чтобы вот так вышибить дверь, — сказал Кайерт, осматривая разрушенный косяк двери.

— Нет... — с запинкой произнесла Эвирайя, — он не мог... Он тебе по пояс ростом! Он не мог такого сделать!

Кайерт внимательно взглянул на бледную, расстроенную жену, опустил факел и посмотрел на землю.

— Вот они, — сказал он, — и вот еще. Отпечатки маленьких ног и больших — стражника. Пойдем, Эвирайя.

Они пошли по следам, которые вели через развилки и заворачивали в боковые проходы без всякой логики и порядка. Скоро Эвирайя призналась, что она не уверена в том, где они находятся.

— Лучше вернуться и обратиться за помощью, — сказал Кайерт, — скоро соберется Сенат, и мы не должны опаздывать.

Он уже собрался уходить, но Эвирайя упрямо стояла на месте.

— Еще немного пройдем вперед, — сказала она, попытавшись забрать у него факел. Кайерт, однако, факел не отпустил. Тогда она шагнула в темноту и заглянула в коридор. — Кайерт, — воскликнула она, — смотри! Я думаю, это стражник — там завал!

Вместе они поспешили в заваленный туннель, где частично погребенный под завалом из земли и грязи лежал стражник. Он тяжело дышал. Кайерт намочил платок в грязной воде и смочил виски и шею пострадавшего. Через несколько минут тот пришел в сознание. Кайерт откопал его ноги и вытащил из-под завала. Пока он этим занимался, они услышали отдаленный рокот и потрескивание в потолке. Стражник посмотрел на Эвирайю.

— Простите, миледи, пленник сбежал, — сказал он осипшим голосом и рассказал, как все это произошло.

— Шпион, должно быть, попал в ловушку на той стороне завала, — сказала

Эвирайя. — Не стойте с открытым ртом! Я не могу рыть, но вы оба можете! Мы должны найти его!

— Здесь все еще опасно, — сказал стражник, с опаской глядя на потолок, — может, нам лучше...

— Не дерзи! — выкрикнула Эвирайя. Она чувствовала, что все поворачивается против нее, и нашла того, на ком можно было выместить злость. — Мы должны найти его!

— Он прав, Эвирайя, — сказал Кайерт. — Пока мы стоим здесь, может случиться новый обвал. Надо немедленно возвращаться.

— Как ты не понимаешь, что у нас нет времени! — закричала Эвирайя.

Принцесса нагнулась и схватилась за толстый белый корень, подавив дрожь отвращения от соприкосновения с ним, таким скользким и холодным, и потянула. Корень сместил камень, камень отпустил струйку земли, которая с ревом моментально превратилась в лавину. Трое людей едва успели пригнуться, когда вторая часть потолка туннеля рухнула.

ГЛАВА 21

Утро выдалось ясное, только на западе собирались серые грозовые облака. Представители симбалийских семей, главы кланов и чиновники из различных купеческих групп, разодетые в свои лучшие одежды, собирались у входа в Пещеру Водопада. Все разговоры были о западных землях, о возможности вторжения с берегов Фандоры.

Присутствовали члены королевской семьи: генерал Гиброн и леди Эссель, барон и баронесса, министры из окружения и король Эфрайон, с жаром защищающий Ясветра.

Был там и Мезор, молча ожидавший прибытия принцессы. Он уже начинал волноваться. Допустить опоздание на такую важную встречу было совсем не в правилах Эвирайи. Голосовать на этом собрании она не имела права, но одно ее присутствие могло все изменить. Если она вот-вот не появится, будет поздно. Уже приближался третий час, час, когда откроются двери и присутствующие спустятся в подземное помещение для голосования. Мезор обеспокоенно посмотрел поверх толпы, надеясь вдали разглядеть принцессу. Вместо этого он заметил Ясветра, быстро шагающего от главного входа во дворец, и Керию, идущую рядом с ним.

— Бывают такие моменты, когда я бы лучше столкнулся с завалом в шахте, чем с публичным собранием, — тихо пожаловался Ясветр своей спутнице.

— Тебе не о чем волноваться, — ответила она, — ты достойно защищался от обвинений Эвирайи. За тебя стоят горняки, а также верные сторонники короля Эфрайона.

— Я знаю, Керия, но с тех пор, как Эвирайя произнесла свою речь в купеческом квартале, все сочувствуют Северному Пределу, и мне будет трудно, никого не обидев, разобраться с этим делом.

Его прервал мелодичный звук гонга — было время начинать заседание Сената. Ясветр подошел к представителям.

— Что ж, начнем, — просто сказал король.

С тягучим скрипом открылись массивные двери. Представители семей спустились вслед за королем по широким каменным ступеням. Спускаясь, Ясветр чувствовал на себе взгляды. Не послушав совета короля Эфрайона, Керия шла рядом с монархом. Многие, не исключая барона Толчина, считали это прямым оскорблением Семьи. Сторонники Эвирайи высказывали свое неодобрение громким шепотом, чтобы Ясветр его услышал.

Мезор был одним из последних, кто вошел в пещеру. Он все ждал, надеясь, что Эвирайя появится в последнюю минуту, но ее не было. Что могло ее задержать? Мысленно он представлял себе всевозможные катастрофы, не исключая того, что Ясветру стало известно об ее интригах, и он приказал арестовать принцессу.

Мезор, однако, вошел в пещеру не самым последним, эта сомнительная честь принадлежала генералу Воре. Тучный военный, пыхтя, успел войти в пещеру перед самым закрытием дверей. Мезор смотрел, как он приближается, раздумывая о том, не связана ли его

задержка с исчезновением Эвирайи, но генерал, торопливо спускаясь по освещенным факелами ступеням, не обратил на советника принцессы никакого внимания.

Мезор пожал плечами и пошел вслед за ним. Он попытался посмотреть на ситуацию философски — пока ничего не случилось, не о чем волноваться. Но спокойствие не приходило к нему.

В семистах футах над западным побережьем Симбалии воздушный корабль нес вахту в утреннем небе. В лодке под парусами двое всадников ветра сидели около топки. Утро было солнечным, но воздух был холоден.

Старший из всадников покосился на белый диск солнца, то исчезающий в облаках, то снова появляющийся на небе.

— Собрание, наверное, уже началось.

— Хотелось бы мне быть там, — со вздохом сказал молодой. — Мать представляет семью, а я по годам впервые мог бы смотреть. Говорят, это красивое зрелище.

— Так-то так, — сказал старший, — только вот причина на этот раз совсем не красивая.

Молодой всадник презрительно покачал головой.

— Эти слухи о фандорцах! Если б не принцесса, мы бы сидели у теплого очага.

— Тогда молись, чтобы они проголосовали против войны, а то еще больше дежурств будет, — сказал его старший товарищ, — я лично думаю...

Он заметил, что молодой всадник не слушает его. Он перегнулся через борт и смотрел на воду внизу.

— Бэйс, — позвал он товарища хриплым голосом, — боюсь, я сплю и вижу кошмар...

Бэйс быстро пересек узкую палубу и заглянул вниз. Он тоже не мог в такое поверить, если б не видел своими глазами, настолько нелепо и в то же время страшно было то, что они увидели прямо под кораблем. Из завесы тумана на берег выползала флотилия рыбацких лодок, шлюпок, баркасов, плотов — проще говоря, всего, что только держалось на плаву. Все эти суденышки были переполнены людьми, в руках у которых было грубое оружие, косы, топоры, даже палки и камни. Они появлялись и появлялись из тумана. Вот что пугало больше всего — лодки все шли и шли из тумана.

— Они нас не видели, — прошептал Бэйс, — ложись на обратный курс! Назад к лесу!

Когда-то давно потолок большого туннеля в Надлесье рухнул, направив часть реки Камьен под землю. Вода текла под землей, пока не достигала большой пещеры, той, в которой проводилось собрание. Там вода падала с высоты около пятидесяти футов, образуя глубокий водоем и снова превращаясь затем в подземную реку. Перед этим водоемом собрались семьи Симбалии и король. Немногие допущенные зрители разместились по углам пещеры, некоторые под нависающей частью скалы, другие забрались на каменные выступы, чтобы лучше видеть. Главы семей стояли рядами перед королем, ожидая его речи. Каждый из них держал в руках по два неограниченных драгоценных камня — один темный, как вино, другой — прозрачный кристалл.

Ясветр стоял на каменном возвышении перед ступенями, молча глядя на выстроившихся перед ним людей. Он пытался угадать, как они настроены, как они проголосуют, но выражения лиц были настолько разными, что он бросил эту затею. Он чувствовал их напряженное ожидание и надеялся, что сможет убедить их не голосовать за войну. Он также отметил отсутствие Эвирайи, и это его беспокоило. У нее не было никаких причин пропускать собрание, если только она не решила, что ее отсутствие свяжут с вмешательством короля. Но времени волноваться не было. Ясветр шагнул вперед, чтобы обратиться к собравшимся.

Акустика пещеры была такой, что звук падающего вблизи водопада казался всего лишь нежным бормотанием.

— Вы пришли с миром, — торжественно начал король, — чтобы проголосовать о том, что может кончиться войной.

Он посмотрел на лица стоящих перед ним людей.

— Я прошу вас об одном — чтобы вы думали о благе Симбалии, а не о делах дворца и Семьи.

Барон Толчин наклонился к уху жены.

— Плохо сказано, — проворчал он.

Ясве́тр продолжал:

— Мы созвали этот совет потому, что в Северном Пределе был убит ребенок. Это самое ужасное из преступлений. Дети — наше будущее. Наш долг — во что бы то ни стало защитить их, но это не дает нам права нападать на бедных и невежественных людей.

При этих словах по рядам пробежал шепоток.

Мезор, пробившийся поближе к королевской семье, стоял теперь рядом с бароном Толчином.

— Позорный день настал, — тихо сказал он, — когда монарх выступает в защиту убийц.

Толчин ответил ему взглядом, достойным Эвирайи, но Мезор прочел на его лице тень сомнения. Он решил не продолжать.

Ясве́тр почувствовал волнение собравшихся и решил последовать наставлению Эфрайона держать речь короткую и простую.

— Войны не должно быть, — сказал он. — Я сделаю все возможное, чтобы выяснить, почему погиб ребенок. До тех пор мы должны направить наши совместные усилия на решение задач, связанных с затоплением шахт. Я послал сообщение на юг нашим войскам с приказом возвращаться. Когда они прибудут на место, мы поручим им стать на страже в Северном Пределе и охранять детей. Другие помогут в шахтах. Не беспокойтесь о нападении! Фандорцы не посмеют напасть на Симбалию! Наш лес защищен! Наш народ силен!

Последние слова короля порадовали генерала Вору. Он с энтузиазмом закивал, когда Ясве́тр призвал к голосованию. В толпе не было слышно разговоров.

Первый ряд представителей семей подошел к краю водопада. Каждый из них должен был бросить в воду камень — темный или прозрачный, и бегущая вода откроет их решение. Камни эти были похожи на те, что добывались в синдрильской шахте, но, в отличие от них, не воспламенялись от соприкосновения с водой, а окрашивали ее в свой цвет.

Большинство темных камней окрасило бы воду красным — цветом войны, большинство прозрачных — темно-синим.

Ясве́тр бросил первый камень — такова была традиция, король должен был показать, что желает народного решения. Чистый бриллиант пролетел через туман водяных брызг и упал в воду. Ясве́тр шагнул в сторону, и голосование началось.

Ряд за рядом, представители семей подбрасывали камни, показывающие их решение. Первым вслед за королем, не задумываясь ни на секунду, бросил темный камень человек из Северного Предела. На воде образовалось растущее кроваво-красное пятно.

Следом за ним голосовал представитель горняцкого клана. Его камень был прозрачным, и красный оттенок разбавился синим. Еще несколько темных камней упало, затем снова несколько чистых, затем снова темных. Керия, Эфрайон и Вора наблюдали за тонкими изменениями оттенков воды. Конец был близок, очень близок. Вода продолжала меняться. Она стала красной, затем синей, затем снова красной. И все же, когда упал последний камень, вода медленно, но посинела.

Керия широко улыбнулась и посмотрела на короля. Сквозь туман водяных брызг она увидела улыбку облегчения на его лице. Будет мир, хотя решение и принято с небольшим перевесом. Гул разговоров в толпе это слишком отчетливо подтверждал.

Керия и Ясвтр вместе с королем Эфрайоном и Ворой направились к выходу из пещеры.

Ясвтр шагал быстро, с гордо поднятой головой, явно чувствуя удовлетворение. Керия поняла, что ее наконец покидает смутное чувство тревоги, обуревавшее ее, но так и невысказанное. Они уже подошли к дверям.

Позади представители семей горячо обсуждали решение Сената. Сторонники Ясвтра были откровенно довольны. Это было первое серьезное испытание монарха, и он его с успехом выдержал. Многие подходили к королю со словами одобрения и поддержки, и он тепло принимал поздравления, пожимал руки и необычно широко улыбался.

Через несколько минут двери распахнулись, и собравшиеся вышли на дневной свет.

Ликование немедленно сменилось удивлением, когда они увидели пятерых всадников ветра, с напряженными лицами стоящих на ступенях, ведущих в туннель. Тален, заместитель командующего, шагнул вперед.

— Что привело вас сюда? — с растущим ощущением приближающейся опасности спросил Ясвтр.

Тален заговорил медленно, словно слова причиняли ему боль:

— Фандорская армия была замечена у наших берегов. К этому времени они, вероятно, уже высадились.

— Сколько кораблей? — спросил король, на лице которого отразилось потрясение от услышанного.

— В донесении говорится, что больше двух сотен.

Эти слова показались Керии тяжелыми, как камни. Она смотрела, как Ясвтр коротко переговорил с Ворой. Затем она осознала, как замерли все, услышавшие слова Талена.

Затем, как яростная волна прибоя, накатило возмущение.

— Он обманывал нас! Он нам лгал! Мы не готовы к войне!

Толпа быстро наседала. Ясвтр, Вора и Эфрайон направились к дворцу. Главы семей нестройными рядами потянулись за ними. Многие говорили с сожалением и гневом. Они поспешили назад по домам, чтобы предупредить свои семьи о приближающейся войне.

Мезор успел выйти из туннеля как раз вовремя, чтобы услышать Талена. Он хотел немедленно броситься к Эвирайе, рассказать ей о том, что произошло, но принцесса исчезла! Он должен был найти ее! Мезор заметил в толпе Толчина и Алору и бросился к ним.

Барон его увидел и быстро отвернулся, но советник принцессы его окликнул:

— Пойдите! Это очень важно!

Барон вздохнул.

— Попали, — прошептал он.

Мезор подбежал к нему, задыхаясь, но все же торопясь рассказать.

— Я... я знаю, что-то случилось с принцессой. Мы должны найти ее.

Толчин увидел, что молодой человек на самом деле крайне взволнован. Этому подхалиму, пожалуй, действительно невыгодно исчезновение покровительницы.

— Она бы ни за что не пропустила заседание Сената, — настойчиво продолжал Мезор, — да и принц Кайерт тоже. Я боюсь, что Ясвтр что-то предпринял по отношению к ним.

Толчин нахмурился. Он думал, что отсутствие Эвирайи было частью ее плана, но волнение ее советника говорило об обратном.

Однако на последние слова советника откликнулась Алора:

— Ясвтру Эвирайя не нужна. Что-то случилось. Она, конечно, не пропустила бы такое важное собрание.

Барон кивнул:

— Алора, предлагаю немедленно отправиться к их особняку.

Барон и баронесса быстрым шагом вышли из толпы, и Мезор поспешил вслед за ними.

ГЛАВА 22

Вперед!

Две сотни человек уже стояли на туманном берегу, а позади, в воде, ждала изнуренная армия. Некоторые лодки уже вытащили на берег. Море было относительно спокойным, и все же несколько суденышек уже разбилось о скалы или опрокинулось. Фандорцы не знали, как организовать высадку такого множества воинов, поэтому части ополченцев пришлось добираться до берега вплавь, и им пришлось нелегко.

Воздух наполнился криками страха и растерянности. Многие люди, изнуренные морским переходом, бросились ничком на мокрый холодный песок, думая только о минуте отдыха. Другие под руководством старейшин пробирались в неглубокой воде, вытягивали лодки на берег с помощью веревок, стараясь не повредить хрупкие суда.

Дэйон стоял в холодной воде и смотрел на лодки, все еще находящиеся в море.

— Я провел их, — сказал он очень тихо, но отец услышал и положил руку на плечо сына.

— Я ничего не знаю о море, но я видел, что ты совершил чудо. Я горжусь тобой.

Дэйон кивнул. Он тоже гордился собой. Он победил свой страх перед заливом Баломар, прошел через испытание, которого так боялся.

Йондалран занялся лодками.

— Тянем! — скомандовал он остальным так, словно всю жизнь провел на берегу у Кейп Бейджа.

— Там есть больные и раненые! Нужно доставить их на берег!

Дэйон, хоть и промок уже до нитки, взялся за другую веревку. Теннел подошел и встал рядом, крепко упершись ногами в песок, они потянули вместе. Небольшая лодка скользнула между скалами.

— Вот она! — вздохнул Теннел. — Еще разок, Дэйон!

Вытащив лодку, молодые люди прошли еще раз вдоль берега, высматривая в вечерних сумерках другие лодки, у которых тоже были трудности с высадкой. Громкие жалобы фандорских ополченцев были слышны на весь берег. Дэйон услышал зычный голос отца:

— А ну тихо! Хотите выдать нас колдунам?

Напоминание об опасности принесло гнетущую тишину.

Некоторые люди всматривались в туман, опасаясь воздушных кораблей, другие вытягивали лодки. Высадившись и укрепив свои суда, они присоединялись к группкам своих земляков.

Из тумана выплыло еще одно судно, и молодой рыбак узнал его — это была баржа, которую он помогал чинить перед переходом.

— Странно, — сказал Теннел, когда они подошли ближе, — кажется, никого нет.

— Она черпает воду, — сказал Дэйон, — глянь-ка на корму, она слишком низко сидит.

Они подобрались ближе и перелезли через борт в лодку. Сначала им показалось, что широкая палуба пуста, веревки и инструменты были разбросаны тут и там, как будто брошены в спешке. Бочонок зеленых лимончиков катался по палубе. Звук перекачивающегося бочонка напомнил им о том, что не слышно человеческих голосов, а когда над их головами закричала чайка, они чуть не подпрыгнули. Теннел тронул Дэйона за плечо:

— Смотри.

Дэйон повернулся и увидел человека в тени подветренного борта. Это был старик, показавшийся им спящим, свернувшись калачиком. Дэйон подошел к нему, негромко сказав:

— Пойдем, дедушка, мы прибыли. А где твоя команда?

Старик не двигался. Дэйон слеша подтолкнул его, а затем повернул лицом к себе. Старик сидел с открытым ртом, глаза его на побелевшем лице были широко открыты, взгляд блуждал. Дэйон вдруг только сейчас почувствовал, как ему холодно.

— Что с ним? — шепотом спросил Теннел.

— Шок, — сказал Дэйон, осматривая палубу. Мог ли морской поход вызвать такое?

— Мне это не нравится, — сказал Теннел. — Баржа брошена...

— Вряд ли, — сказал Дэйон, — я помню, здесь были люди из Джелриха, а это далеко от побережья. Вряд ли кто из них умеет плавать.

Он встал и подошел к низкой каюте на палубе.

— Посмотрим там.

Вдвоем они подошли к каюте. Внутри слышался плеск воды.

— Мне это не нравится, — снова сказал Теннел.

Дэйон приложил палец к губам.

— Слышишь?

— Ну да. Думаешь, я глухой? — сказал старейшина из Боргена. — Баржа тонет.

— Не вода. Что-то еще.

Теннел прислушался. Был еще звук, звук ударов, не такой, как бьющаяся о борта вода, а более ритмичный и яростный.

— Это мне тоже очень не нравится, — сказал он, — пойдем отсюда. Эта старушка заброшена.

— Нет, проверим сначала каюту, — ответил Дэйон. Он потянул за ручку, но дверь не распахивалась.

Изнутри снова послышался звук ударов, отвратительный, похожий на тот, когда бьешь ладонью по мокрому телу.

Баржа качнулась. Теннел забеспокоился.

— Дэйон, она идет ко дну. Давай возьмем старика и дернем отсюда.

— Помоги-ка мне отворить, — сказал Дэйон.

Теннел вздохнул и взялся за засов. Еще не успев потянуть, они услышали изнутри стон. Стук усилился.

— Тяни, — закричал Дэйон, — там человек!

Они услышали треск ломающегося дерева. Дверь открылась, и они увидели то, что творилось в каюте. Они не были готовы к такому зрелищу.

Запах мокрого гниения наполнял затопленную каюту. В воде плавало десятка два тел. Небольшой стол и скамейки были перевернуты и поломаны. В задней стене зияла трех футов в диаметре рваная дыра, а в ней застряло существо в десять футов длиной, похожее на угря, с множеством волнообразно извивающихся щупальцев, растущих из-за головы, и широким клацающим ртом. Шипы на спине застряли в пробоине, и гадина висела в ловушке. Изгрызенная рука застряла в ее зубах. Вода была окрашена кровью.

Дэйон и Теннел смотрели, похолодев от ужаса. Судя по состоянию трупов, напали на них много часов назад. Большинство тел были вне досягаемости марлы, и теперь гадина была в бешенстве от голода.

Еще один стон привлек их внимание к койке в стене рядом с пробоиной. Мальчик скрючился там и расширенными глазами смотрел на молодых людей. Еще несколько человек были без сознания. Щупальца марлы не могли вытащить их оттуда, но преграждали путь к двери.

— Помоги мальчишке! — выкрикнул Дэйон.

Теннел не сдвинулся с места. Марла забила щупальцами и распахнула пасть.

— Теннел!

Старейшина Боргена медленно покачал головой. Щупальце плетью ударило рядом с ним, он закричал и выбежал наружу.

Дэйон осмотрел каюту. Бьющаяся в ловушке гадина пробила еще несколько дыр в корме, волны нагоняли больше и больше воды внутрь. Скоро марла сможет всплыть внутрь. Нужно было действовать быстро, если они хотели спастись.

Он схватил обрубок дерева, плавающий неподалеку, и бросил его в гадину. Щупальца инстинктивно его схватили и затянули в рот. Дэйон прыгнул в середину каюты и протянул руку мальчишке на койке.

— Давай!

Парнишка прыгнул в воду, Дэйон схватил его за руку и, протащил по направлению к Теннелу, который подхватил мальчика под мышки и потащил наружу, не отрывая взгляда от марлы. Дэйон потянул другого ополченца из койки.

Теннел еще не успел выйти из круга, доступного щупальцам, как одно из них протянулось и обмоталось вокруг его ноги, присосавшись присосками к брюкам. С криком отвращения Теннел вырвался, через секунду он и мальчик были на палубе.

Дэйон и Теннел уложили двух мальчиков на палубе, рядом со стариком. Им было не более четырнадцати-пятнадцати лет. Один из них попытался говорить.

— Мой брат...

Дэйон кивнул:

— Мы вытащим его.

Теннел посмотрел на окутанный туманом берег.

— Прости, Дэйон, я больше туда не пойду.

— Теннел!

Старейшина отвел глаза.

— Это уж слишком. Я не знаю, что там произошло, но я еще никогда так не боялся! Прости. Я просто...

— Ладно, — спокойно сказал Дэйон, — возвращайся к моему отцу и предупреди его.

— Предупредить?

— Там, где одна марла, может быть и двадцать! Скажи, пусть проследит, чтобы в воде не было раненых. Кровь привлекает марл.

— Еще марлы? Ты уверен?

— Нет, но не хочу проверять, — сказал Дэйон, направляясь обратно к каюте. — Быстро! Люди рискуют жизнями!

Он услышал всплеск, когда Тенньел прыгнул в воду. Дэйон не знал, скольких он успеет спасти до того, как вода наполнит каюту, но надеялся, что всех.

Марла ждала. Вряд ли он сильно повредил ей брошенной доской. Он знал, что она нападет снова. Он поежился, но ступил в каюту.

В задней стене вода хлестала через пробоину, поднимаясь слишком быстро. В каюте было пусто. Марла освободилась!

— Дэйон!

Он хватил ртом воздух. Это был голос Тенньела. Сын Йондалрана бросился обратно на палубу, выглянул с подветренной стороны и увидел Тенньела, стоящего на отмели всего в каких-то двадцати футах. Вокруг него наматывала круги в воде темная тень.

— Не шевелись! — закричал Дэйон.

Круг сужался. Привлеченная кровью, оставшейся на одежде Тенньела, марла готовилась напасть.

— Дэйон, помоги мне!

Дэйон бросился обратно в каюту. Он позже попросит прощения за то, что собирался сделать.

Он нырнул в удушливую атмосферу каюты и схватил один из трупов. Холодное тело было противно трогать, но он не мог медлить, он вытащил труп на палубу, стараясь не смотреть на его лицо, перекинул через борт и бросил в воду. Его ослепили брызги.

Дэйон услышал крик Тенньела, а затем стало тихо.

Он вытер воду с лица, открыл глаза и посмотрел с ужасом в воду. Длинная темная тень с окровавленной ношей в зубах удалялась в сторону моря.

На отмели рядом с баржей стоял Тенньел, молча смотрящий на след из пены и крови.

— Помолись, — отрывисто бросил Дэйон, — и двигай к отцу. Всех нужно предупредить!

Позже тем же днем фандорцы сосчитали потери, и выяснилось, что каким-то чудом только о двадцати людях было точно известно, что они утонули или пропали без вести во время бестолковой переправы. Промокшие и дрожащие ополченцы разбили лагерь. Даже Йондалран, который в течение всего дня продолжал руководить спасением лодок, согласился с тем, что нечего и думать о продолжении пути, пока люди не обсохнут, отдохнут и поедят. В конце концов развели несколько небольших костров и начали готовить еду.

Берег полого поднимался на восток, к низким скалистым холмам. Что было за холмами, они не видели. Йондалран и его помощники ходили между костров, помогая где нужно и успокаивая вспышки протеста.

Утром Лэгоу нашел старика сидящим на бревне, вынесенном морем на берег. Старый фермер сидел выпрямившись, руки его сжимали посох. В мокрой одежде и с ниткой морских водорослей, которая вплелась в его белую бороду, он был похож на морского деда.

Лэгоу уселся рядом. Он был восхищен присутствием духа старика. Лэгоу не спал две ночи и чувствовал, что вот-вот упадет. Йондалран был старше его на двадцать лет, но казался отлитым из железа.

— Скоро пора выступать, Йондалран, — сказал Лэгоу.

Старик вздрогнул и удивленно посмотрел на Лэгоу, который вдруг осознал, что фермер спал с открытыми глазами.

— Да, — сказал Йондалран. Он медленно поднялся на ноги, опираясь на посох.

По приказу Йондалрана люди построились в шеренги, тщательно пытающиеся сохранять

порядок. Те, кто сохранил оружие во время переправы, сжимали его в руках, другие вооружились палками и камнями, а у многих и вовсе ничего не было. Медленно, ворча от голода, оборванные защитники Фандоры направились в холмы.

Теннел шагал во главе боргенского ополчения. Он устал. Происшествие с марлой все еще стояло перед его глазами, но он старался убедить себя, что его стремление к победе никуда не исчезло. И все равно он думал о том же, приходил все к тому же заключению. Это был самый идиотский предлог для войны, который он когда-либо видел. Он много думал о судьбе Эмселя, за которую чувствовал частичную ответственность, и ему начинало казаться, что это вторжение может оказаться справедливой расплатой.

Старейшина города Боргена растерял представление о войне как о деле славном и достойном. Теперь он потов был признаться себе, что испуган и испытывает глубокое отвращение к тому, что они сделали.

— Я все-таки не понимаю, — сказал генерал Вора. — Даже если половина наших войск находится на юге, нам более чем достаточно воздушных кораблей, чтобы отразить атаку фандорцев. Как им вообще могло в голову прийти надеяться на победу?

В большом зале в глубине дворца собралась королевская семья, чтобы обсудить вопросы, связанные с началом войны. Несмотря на то, что было достаточно прохладно, Ясветр велел поднять атласные шторы, чтобы членам Семьи с их мест открывался вид на окружающий дворец лес.

Собравшиеся в зале были полны негодования и волнения. Ясветр сидел во главе большого деревянного стола. Слева от него расположился Эфрайон, а справа — Керия. Вокруг стола сидели леди Эссель, леди Тенор, Тален и шесть министров Симбалии. Напротив короля стоял высокий седовласый человек, почетный генерал Гиброн.

— Где моя дочь? Я требую ответа! Что случилось с моей дочерью? — Гиброн обвиняюще смотрел на Ясветра.

Ясветр спокойно встал с кресла. Эфрайон посмотрел на него с беспокойством. Молодой человек не мог позволить себе потерять поддержку генерала Симбалии.

— Я сожалею, что у меня нет никаких вестей о том, где находится Эвирайя, — сказал Ясветр генералу. — Ни ее, ни ее мужа не видели с самого утра.

— Это невозможно! Должна быть какая-то причина, почему ее не было на заседании Сената! — немедленно отозвался Гиброн.

Ясветр кивнул;

— Есть слух, что Эвирайя скрывает фандорского шпиона.

— Шпиона? — сказал Гиброн. — Ты обвиняешь мою дочь в сговоре с фандорцами?!

Эфрайон не мог этого терпеть. Гиброн тут играет в политику, пока будущее страны поставлено на кон!

— Да нет же! — сказал, старый король со своего места. — Ясветр всего лишь имеет в виду, что Эвирайя могла взять в плен фандорского шпиона.

— Это тебя беспокоит? — спросил Гиброн, резко повернувшись к старому королю. — Разве это не достойно похвалы?

— Очень может быть, — сказал Ясветр, — только вот мне ничего не доложили об этом. Я услышал о нем от Талена.

— Это правда? — спросила леди Эссель. Она смотрела на брата Кайерта. Тален кивнул.

— Молодой капитан сказал мне, что фандорского рыбака доставили к нам, пока Кайерт был на разведке. По его словам, рыбака отвезли к принцессе по ее собственному приказу. Есть слух, что он не рыбак вовсе, а фандорский шпион. Это все, что я знаю, потому что фандорец исчез.

Один из министров поднялся со своего места.

— Кажется, окружению грозит опасность, — сказал он спокойно. — Как нам всем известно, также отсутствуют барон Толчин и баронесса Алора. Может быть, этот фандорец был послан, чтобы совершить переворот в Семье?

— Как это может быть? — спросил Ясветр. — Фандорцы ничего не знают о нашей стране и еще меньше о Семье. Лес укрывает секреты Симбалии, а лес охранялся. Я приказал участвующим в Сенате известить свои семьи об опасности. По всему Надлесью собирается армия.

С ним согласился генерал Вора:

— Люди расставлены по всему лесу и вокруг дворца. Не о чем беспокоиться.

Генерал Гиброн нахмурился:

— Не ваша дочь пропала, Вора. Вы с Ясветром быстро всех убедили в Сенате, что войны не нужно опасаться. Тогда вы тоже не сильно беспокоились.

Вора ударил кулаком по столу:

— Это несправедливо, Гиброн! На моем месте вы тоже проголосовали бы против войны! Всем известно, что фандорцы не способны на нападение. Они крестьяне. Нет и никогда не было никаких причин ожидать нападения.

— Только дурак не остерегается, Вора. Угрозу войны никогда нельзя сбрасывать со счетов. Моя дочь предупреждала Ясветра за несколько часов до того, как фандорцев

увидели.

— Очевидно, она что-то знала такое, чего не знали мы, — сказал Ясвстр. — Задумывались ли вы, почему?

Гиброн побагровел:

— Не дерзи мне, рудокоп! Я дал тебе шанс доказать, что ты стоишь доверия Эфрайона. Ты не смеешь обвинять мою дочь в измене!

— Я не обвиняю ее, — сказал Ясвстр, — я просто ищу разгадку этого вторжения.

— Так поищи ее поближе к себе! У райанки есть способности, не так ли? Спроси ее про фандорца! Прикажи своим доверенным помощникам найти шпиона. Может, заодно найдешь и мою дочь!

Керия с гневом ждала ответа Ясвстра. Он не обратил внимания на дерзость Гиброна и вернулся на свое место, чтобы начать обсуждение обороны. Керия заставила себя отодвинуть в сторону чувства. Снова Семья использует ее, чтобы противодействовать Ясвстру. Она знала о его чувствах по этому поводу и с восхищением смотрела, как он владеет собой.

— Небольшая флотилия воздушных кораблей отправится на Камеранскую равнину, — сказал Ясвстр, — они осмотрят фандорскую армию и постараются разузнать их планы. Затем они попробуют испугать захватчиков. Эти люди не солдаты. Мы убеждены, что с ними можно расправиться, не подвергая риску наших людей.

— Не подвергая риску? — скептически спросила леди Тенор. — Разве не рискованно посылать несколько кораблей против всей фандорской армии?

— Да, — ответил молодой министр финансов, — так же как опасно было посылать половину армии на юг!

Ясвстр начинал терять терпение. Они уже не знали, в чем обвинить его! Эфрайон учил его не обращать внимания на чувства королевской семьи, но это было не всегда легко.

— Фандорцы не солдаты, — повторил он, — нет нужды планировать...

До того как Ясвстр мог закончить предложение, снаружи послышался далекий выкрик, за ним последовали еще, раздался крики паники. Затем странный, незнакомый звук, высокий и вызывающий холодную дрожь, эхом прокатился по двору. Члены королевской семьи удивленно переглянулись.

— Это фандорцы? — шепотом спросила леди Тенор.

Снова раздался высокий визг, на этот раз громче. Ястреб, сидевший на жердочке, словно отозвавшись, взлетел и исчез в арке окна.

Ясвстр вскочил и быстро направился к окну. За ним поспешили Эфрайон, Вора и Керия, а за ними остальные.

Вдали они увидели маленькое темное облако, летящее быстро, слишком быстро для облака, прямо к центру леса.

Во дворе попрятались животные. Стражники прыгнули со взбесившихся лошадей.

Керия смотрела на увеличивающееся в размерах облако. Она чувствовала нечто, словно рожденное ветром. Она чувствовала боль, скрытое тепло, а затем вдруг холод.

Она посмотрела вверх. Темное пятно больше не выглядело облаком. Два огромных крыла обмахивали верхушку дворца. Голова с рогами открыла рот и издала визг, как тысяча ночных кошмаров. Керия закричала. Тело, в десять раз больше человеческого, отбросило тень во всю длину зала.

Легенда ожила.

Тем членам королевской семьи, которые стояли неподвижно в арке, показалось, что существо двигалось медленно. Всем хватило времени рассмотреть огромные крылья, длинный хвост и голову размером с лодку воздушного корабля, и полные сверкающих зубов челюсти. Дракон поднял голову и снова закричал.

— Кошмар! Это невозможно! — сказал почетный генерал Гиброн.

— Увы, это правда, — сказал Ясвстр. — Тален! Гонца к всадникам! Всем кораблям приземлиться!

Тален выбежал из зала.

Эфрайон смотрел на существо, изучая его длинную шею и две массивные лапы. Это был вроде бы дракон, но немного другой. Он не выдыхал пламени и он не выглядел разумным, благородным существом, таким, как драконы в легендах.

— Смотрите! — закричал Вора, показывая пальцем вниз. Из конюшен с копьем в руке выбежал караульный.

— Назад! — закричал он дракону, как будто это был норовистый конь. — Вон отсюда! Возвращайся, откуда пришел!

— Я не могу этого видеть! — сказала, отворачиваясь, леди Эссель.

— Назад! — повторил молодой человек.

Дракон уставился на него, а затем медленно снизился.

— Ты не посмеешь угрожать дворцу! — выкрикнул караульный, не сдвинувшись с места. Он бросил копье в живот дракону, но оно отскочило, не причинив вреда, от крепкой чешуи. Дракон, показалось, почти что улыбнулся. Движением, невообразимо стремительным для такого большого существа, он занес огромную когтистую лапу и отбросил стражника в сторону, как надоедливое насекомое. Человек пролетел по воздуху, перевернулся и с трудом встал на ноги, покачиваясь. Одна рука беспомощно болталась. Несколько стражников поспешили ему на помощь, дракон расправил крылья. Ветер, поднятый ими, вывернул из земли несколько деревьев. А дракон взлетел над жалкими людишками, спрятавшимися в огромном дереве, и все слышали его победный крик.

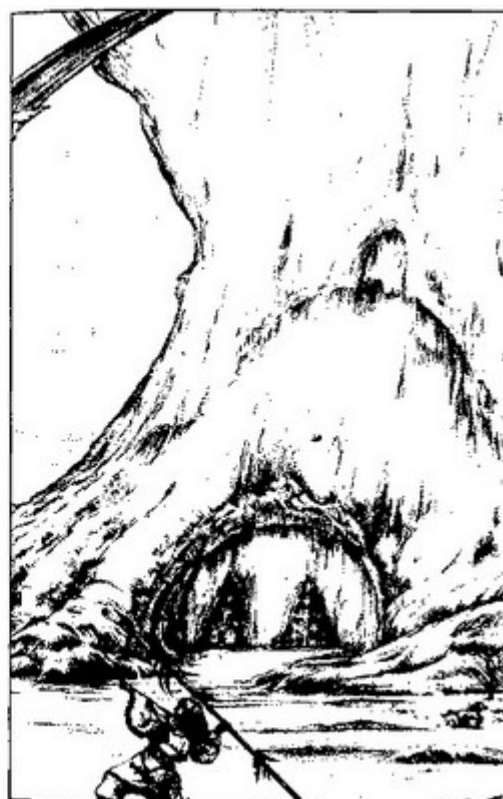
Ясвег и королевская семья смотрели, как огромная тень исчезает в северо-западном направлении.

— Что это? — спросила леди Эссель. — Что ему нужно в Симбалии?

— Какие могут быть сомнения? — жестко сказал генерал. — Теперь понятно, почему фандорцы рискнули напасть. Каким-то образом они управляют драконом!

Барон Толчин приложил пальцы к запястью Эвирайи.

— Она жива, — сказал он с облегчением.

Мезор стоял рядом с наполовину заваленными землей телами принца и принцессы.

— Она, должно быть, потеряла сознание от недостатка воздуха, так же как Кайерт и стражник.

Третье тело лежало неподалеку.

Толчин мерил шагами небольшое пространство подземного туннеля. Он с Алорой и советник принцессы через небольшую дыру пролезли в помещение, где случился обвал.

— Похоже, — сказал он, — эта дыра открылась, когда земля осела, но недостаточно быстро, чтобы позволить им остаться в сознании. Нам повезло, что мы их нашли. Мезор, найди кого-нибудь, чтобы нам помогли вынести их отсюда. Мы с Алорой найдем врача, чтобы... Вы слышали? — спросил он, посмотрев вдруг вверх.

Мезор и баронесса прислушались. Очень, очень далеко, едва слышно, сквозь несколько слоев земли донесся до них крик. Через миг пещера вздрогнула так, словно что-то тяжелое рухнуло на землю. С потолка туннеля тоненьким ручейком посыпалась земля.

— Война началась, — горько сказал Толчин.

— Такого не может быть! — запротестовала Алора. — Фандорцы только что высадились.

Толчин продолжал шагать взад-вперед.

— Как нам знать, были ли корабли, замеченные всадниками ветра, первыми?

— Не важно. Никакая банда крестьян не возьмет штурмом наш лес!

Алора смахнула пыль с лица Кайерта.

— Это все Ясведр, он виноват, — сказал Толчин. — Девочка была права.

В подземном лабиринте Эмсель пробирался по погруженным в крошечную тьму туннелям. Он был готов упасть без сил, но не мог остановиться, ведь стоило ему замедлить движение, он тотчас же услышал быстрые шаги преследователя.

Стоило стихнуть эху его шагов, он тут же слышал скрежет когтей неизвестной твари по камню. Затем, поняв, что Эмсель остановился, она тоже замирала, дожидаясь, когда он продолжит путь. Она наблюдала за ним, загоняла его, ждала, когда он слишком ослабнет, чтобы сопротивляться.

Он не мог избежать этой твари, не мог сразиться и победить, он должен был или перехитрить ее, или обогнать. Эмсель ощупал карманы. Остались только очки и стручки из Спинделейнского леса. Он поспешил вперед, уверенный, что ему нужно уйти как можно дальше от твари. К его разочарованию, туннель пошел вниз. Он снова удалялся от поверхности!

Если б только у него был свет! Самым ужасным была темнота. Его преследователь был призраком, туннель извивался, как червяк под сапогом. Если б он мог видеть!

Эмсель ахнул. Он лихорадочно порылся в карманах и вытащил очки. Линзы он выточил сам, но металл для оправы купил у купца-южанина. Это была сталь. Туннель был полон кристаллов и кусочков кварца. Эмсель сел на корточки и принялся шарить по полу в поисках того, что, как он был уверен, должно было быть там.

Он услышал скрежет приближающихся когтей. Он начал искать быстрее, он поднимал кусочки камней, ударял их об оправу очков, бросал.

Тварь приближалась. Он слышал ее дыхание! Затем вдруг снова наступила тишина. Эмсель запаниковал, поднял еще один камешек и бросил его в направлении твари. Он услышал глухой удар — он попал. Существо зарычало и бросилось вперед.

Эмсель отпрыгнул в сторону. Он поскользнулся на камне и упал, расставив руки в стороны, пытаясь сохранить равновесие. Рука, в которой он зажал очки, ударилась об стену туннеля, и оправка царапнула камень. Фандорца ослепил сноп искр.

В тот миг, когда туннель наполнился светом, Эмсель успел разглядеть огромное, отвратительное создание, похожее на волка, но без шерсти, с большими красными глазами. Тварь завывала, увидев сноп искр, а затем повернулась и убежала, цокая когтями по камням. Эмсель еще минуту полежал, пытаясь отдышаться. Он не знал, что это за тварь, но ей точно не понравился свет.

Отдохнув, он снова двинулся в путь. Через несколько минут он нащупал угол. Еще один туннель пересекал тот, в котором двигался он. Тварь с красными глазами убежала налево.

— Следовательно, — сказал Эмсель вслух, — я пойду направо. Существо, которое ударяется в бегство от искр, не побежит к дневному свету.

Он поспешил по новому туннелю и скоро заметил, что он постепенно поднимается.

— Наконец-то, — прошептал он, — поздравляю, Эмсель. Ты еще найдешь ответ на загадку гибели Йогана.

Он решительно кивнул.

— Я найду, найду ответ.

Эмсель спешил наружу.

В дворцовой библиотеке одиноко стояла Керия. В комнате было холодно, она зябко поежилась. Окон там не было. Вдоль стен тянулись полки с книгами и документами по истории Симбалии. Это помещение всегда волновало Керию. Она никогда не училась по настоящему, и такое собрание книг одновременно пугало и будоражило ее разум.

Она пришла сюда, чтобы поискать разгадку безумного зрелища, которому они были свидетелями, но на нее вдруг накатила тоска по дому, по свободе равнин. Угроза войны ее очень беспокоила, и она хотела бы, чтобы Семья прислушалась к голосу разума, к Ясветру, к Эфрайону, к тем, кто не был ослеплен честолюбием и презрением к врагу.

Ясветр покинул дворец с генералом Ворой, чтобы проследить за дополнительными мерами по охране леса. С тех пор как они увидели дракона, Ясветр и Вора согласились, что воздушным кораблям будет безопаснее на земле. Талена послали собирать подкрепление для армии на севере. За исключением его корабля и тех, кого послали на разведку к фандорцам, остальные корабли должны были находиться на земле.

Вместо воздушных кораблей на защиту леса встанет армия, хотя страх уже проник в ее ряды.

Появление дракона заставило Керию вспомнить рассказы, которые она слышала, когда была маленькой. Легенды о дружественных, благородных созданиях знали все в Симбалии. Существо, которое они видели, не было ни дружественным, ни благородным, но оно было настоящим.

В Семье дракона приняли за оружие фандорцев. Керия не могла согласиться с этим. Как могли крестьяне подчинить себе существо размером больше воздушного корабля? Происходило что-то, чего она не понимала. Керия вспомнила ощущение, возникшее у нее, когда дракон приближался. Отчаяние большее любой трагедии, о которой она знала. Это испугало ее. В тишине библиотеки она снова почувствовала холод, услышала крик, почувствовала далекий ужас, обволакивающий ее, как туман. Она побежала к двери, но, когда ее распахнула, она увидела не коридор дворца, а обледенелые горы и свинцовое небо над головой, ощутила вдруг неровную поверхность камня под ногами и морозную хватку ветра. Она закричала.

Через несколько минут послышались шаги. Двое слуг вошли и нашли молодую женщину на полу библиотеки.

— Скажи королю Эфрайону, — закричал один из слуг, — быстро! Это леди Керия!

Несколько слуг вынесли из туннеля Кайерта и стражника. Эвирайя лежала на носилках. Толчин, Алора и врач шли следом. Они вышли на поверхность недалеко от дворца, и хаос окружил их. Люди бежали по улицам, кто-то с оружием в руках, все испуганные и растерянные. Барон огляделся, но до того, как он успел заговорить, Эвирайя позвала его слабым жестом. Он подошел к ней. Ее лицо было бледно, особенно по контрасту с черными разводами земли на щеках.

— Толчин, — прошептала она.

— Я здесь, — сказал барон.

— Фандорец... сбежал... все Ясветр, его вина... фандорец может... навредить... останови его... Ясветр...

Ее рука упала, глаза закрылись. Врач пощупал ее пульс и кивнул облегченно:

— Ей нужен отдых.

Толчин посмотрел на толпу на улицах. Эвирайя приоткрыла один глаз, наблюдая за ним, и тотчас снова закрыла.

Барон поймал за руку мальчика, пробежавшего мимо с тяжелым бронзовым подсвечником.

— Что здесь происходит? — повелительно проговорил барон. — Фандорцы уже вторглись в Надлесье?

— Нет, не фандорцы, их демоны!

— Демоны? — с недоверием спросила Алора.

— Да! На город напал дракон! У фандорцев своя магия — они оживили легенды! Город надо защищать!

Мальчик вырвался и, перемахнув через живую изгородь, исчез. Толчин попытался его окликнуть, но бесполезно. Он смотрел на возмущение на улицах с растущим гневом.

— Рудокopf за все это ответит! — сказал он. — Если бы Ясветр послушал, когда Эвирайя его предупреждала, люди были бы готовы к вторжению. Драконы! Это неопытность, отсюда и паника!

Толчин взял жену за руку и направился к обычно тихой площади.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Поговорить с Семей. Ясветру нельзя доверять войну.

— Я останусь здесь, — ответила Алора. — Эвирайю и Кайерта нужно отправить домой.

— За этим присмотрит врач! — сказал Толчин.

Вокруг принца и принцессы начал собираться народ. Барон не хотел попасть в толпу.

— Нет уж, я лучше сама за ними присмотрю! — ответила Алора.

Толчин почесал подбородок, нахмурился, кивнул и пошел один.

ГЛАВА 23

Фандорская армия стояла на равнине, в широко раскинувшихся симбалийских лугах, кое-где покрытых рощицами деревьев. Йондалран, не обращая внимания на холод, всматривался в далекий лес на горизонте. Рядом с ним стояли его сын и старейшины — Лэгоу, Тэмарк и Тенньел. Армия прошла от берега через холмы, не встретив на пути даже изгороди.

— Они поджидают нас, — сказал Йондалран хрипло. Еще на побережье он сорвал голос, распорядясь и командуя.

Он показал рукой на темнеющий вдали лес. Полуденное солнце скрыли облака. Теперь чужой лес на горизонте выглядел враждебно и, казалось, таил беду.

— Я не вижу солдат, — сказал Лэгоу, — да и воздушных кораблей что-то тоже не видно. Это не похоже на страну, готовую к войне. Говорю тебе, Йондалран...

— Избавь меня, Лэгоу, от твоего мнения, — сказал Йондалран, — я его уж давно знаю. И все же я утверждаю, что симы поджидают, надеюсь, что мы войдем в лес. Но мы не будем сражаться с ними в их лесу, нет. Мы будем ждать их здесь, на равнинах, вот под этими деревьями. Здесь мы готовы их встретить и защищены от воздушных кораблей. Здесь мы будем ждать.

К удивлению Йондалрана, колесных дел мастер из Джелриха согласился:

— Я признаю, что у нас здесь выгодная позиция. Что ж, будем ее удерживать.

На самом деле он думал, что, может быть, ничего не произойдет. Ночь будет холодной, и многим захочется домой. Может быть, тогда они вернутся.

— Я не уверен, — сказал Тенньел необычно трезвым тоном. — Как старейшина Боргена я устал от всех этих проволочек. Мои люди тоже устали. Без еды они скоро станут слишком слабы, чтобы сражаться с симбалийцами.

— Боргенские горожане толстые, — язвительно сказал Тэмарк, — ничего с ними не случится.

— Мы подождем, Теннел, — спокойно сказал Йондалран, — а завтра обсудим дальнейшие планы.

Никто не спорил. Теннел неохотно пошел к своим людям, чтобы рассказать о принятом решении. Лэгоу тоже, но с облегчением. Оставалась еще надежда на скорый конец этого безумия.

Туннель шел вверх. Иногда подъем был таким крутым, что Эмселю приходилось карабкаться с помощью рук.

— Уже скоро, — говорил он себе.

Лихорадочно пробираясь вперед, он, казалось, слышал голос Йогана, ободряющий голос, который убеждал его продолжать путь.

— Я узнаю правду! — выкрикнул он, и слова его унесло эхо. — Я найду ответ!

Становилось все светлее и светлее, и вскоре он мог разглядеть силуэт огромного камня впереди. Он подтянулся на руках и перевалился через камень, но, когда он опускался, пол туннеля вдруг исчез из-под его ног, Эмсель повис на выступе, а затем с испуганным криком упал в неизвестность.

— Дурак! Ты оставишь наш лес открытым для целой армии!

— Это не армия! Это шайка шутов! Гиброн, ты больше не командующий! Не суйся в мои дела!

— Я не суюсь, Вора, и это не твои дела! Это дела Симбалии! Как члена королевской семьи они меня глубоко волнуют!

Ясветр, Вора и Гиброн находились в комнате высоко во дворце, неподалеку от взлетной площадки для кораблей. В покато́й стене комнаты было большое застекленное окно, через которое лился янтарный свет. Не было времени для разговоров, основные силы Симбалии, собранные из горняков и других молодых людей и женщин Надлесья, скоро должны были соединиться с войсками, прибывающими из Северного Предела, и арьергардом, уже находящимся в лесу. Собрав ополчение на севере, Ясветр надеялся продержаться без войск, отосланных на юг с караваном.

Ясветр волновался. Его изначальное сопротивление плану послать войска на юг было правильным. Он должен был поспорить с Толчином, армия была создана не для сопровождения караванов. На юг должен был быть послан полк стражи, а не те сотни мужчин и женщин, которые ушли. Эти войска были сейчас нужны в Симбалии, чтобы защитить страну.

Ясветра бесила собственная неопытность. Ни Эвирайю, ни Кайерта до сих пор не нашли, и его люди так и не обнаружили никаких следов фандорского шпиона.

Распространялись слухи о том, что в их исчезновении повинен король. Это было безумие! Сначала война, затем шпион, а потом еще и дракон! Он не был причиной ни одного из этих несчастий, но во всем винили его одного! Случилось именно так, как предупреждал Эфрайон. Если в Симбалии кто-то кашляет, значит, король отвечает за то, что тот простудился.

— Ясветр! Что ты об этом думаешь?

Это был Вора. Ясветр дернулся. Он не слушал.

— О чем, генерал?

Гиброн бросил на него сердитый взгляд:

— Не время мечтать о райанке! У нас сражение намечается!

Ясветр подошел к противоположной стене. Там была выгравирована большая карта Симбалии. В центре ее была гигантская круглая равнина. На западе — леса, разбросанные деревья и кусты, за которыми начинались большие деревья города на востоке. Затем была Камеранская равнина, узкая травянистая плоскость, сейчас мокрая и покрытая туманом из-за весенних дождей.

Разноцветные нитки показывали путь, проделанный к этому времени фандорской

армией. Ясве́тр снова их осмотрел, заметив, что фандорцы шли через холмы к Надлесью беспорядочно, но в целом правильно. Перед тем как выйти на равнину, они задержались. Если они пойдут с такой же скоростью дальше, они будут в Надлесье к вечеру.

— Нет причин менять наш план, — сказал Ясве́тр.

— Хорошо, — ответил Вора.

Гиброн покачал головой:

— Фандорцы не испугаются воздушных кораблей. Они слишком далеко зашли, чтобы повернуть обратно, увидев несколько разноцветных парусов.

— Это только начало, — сказал Вора. — Мы ничего не потеряем, если сначала испробуем самый безопасный план. Фандорцы не представляют реальной угрозы.

— Ты не знаешь, каковы их мотивы для нападения, — ответил Гиброн. — Любой народ, у которого есть дракон...

— Вы правы, генерал Гиброн, — вмешался Ясве́тр, — мы были застигнуты фандорцами врасплох, но этого больше не повторится. Мы настороже. Если корабли Талена не обратят врага в бегство, наши войска защитят лес как от людей, так и от дракона.

Пока Ясве́тр говорил, они слышали шаги на винтовой лестнице.

— Король Ясве́тр, — раздался взволнованный голос слуги, — вас хочет видеть барон Толчин!

Ясве́тр кивнул:

— Пусть поднимается!

Ясве́тр сложил руки на груди и ждал. Он уже задумывался о том, куда исчез барон после заседания Сената. Он и Алора не пропустили бы совещание Семьи без веских причин. Ясве́тр вздохнул.

— Доброе утро, барон, — сказал почетный генерал Гиброн, когда барон поднялся в комнату.

— Доброе, — сказал Вора, с подозрением глядя на барона.

Толчин даже не взглянул на генералов. Он подошел к Ясве́тру.

— Я был с Эвирайей, — сказал он.

Ясве́тр с удивлением на него посмотрел.

— С принцессой? Где вы нашли ее?

— Моя дочь! — воскликнул Гиброн. — Где она?

— Эвирайю сейчас доставят домой. Ее и принца. Они стали жертвами несчастного случая.

— Несчастного случая? — спросил Гиброн.

— Она в безопасности, — ответил Толчин, — а вот Симбалия — нет!

Барон резко повернулся и посмотрел на короля:

— Ты знал, не так ли?

Ясве́тр ответил ему изумленным взглядом.

— Я ничего не знал о том, что случилось с принцессой!

— Я не о принцессе, рудокоп! Вторжение! Ты знал о том, что оно готовится!

Ясве́тр отвернулся. Он был слишком разгневан, чтобы говорить. Он не понимал обвинений барона. Он быстро подошел к окну в противоположной стене. Толчин смотрел на короля с растущим возмущением.

Ясве́тр положил ладони на изгиб наклонной стены. Через круглое окно он видел солдат, бегущих через дворцовый двор. Он пытался подавить гнев. Он никогда не замечал, что барон попадает под влияние принцессы. Если Толчин так легко согласился с обвинениями Эвирайи, значит, он больше не доверяет ему. Ясве́тр знал, что многое в этой истории с фандорским вторжением было от него скрыто, но не было ничего такого, что могло бы изменить его верность Симбалии. Как мог муж Алоры встать на сторону принцессы?

Доказывать вздорность обвинений не было времени. Несмотря на совет Эфрайона любой ценой избегать конфликтов с Семьей, Ясве́тр чувствовал, что настало время

действовать. Гиброн считает его дураком, но это не новость, а теперь барон возомнил, что он предатель. Как он может молча сносить такое? Это вызов! Он готов договариваться, но не ценой унижения. В стране война. Король должен восстановить мир. Но игрушкой Семьи он не станет.

Ясветр молча повернулся и встретился взглядом с бароном. В его глазах блеснула ярость. Он поднял левую руку и, сняв с головы диадему с драгоценным камнем, пренебрежительным жестом швырнул ее в направлении барона.

Толчин отшатнулся, но все же поймал диадему. Ясветр подошел почти вплотную к нему.

— Я не просил назначать меня королем, — сказал он, — и мне не нужны драгоценности Семьи для того, чтобы утвердиться на троне.

Он пристально посмотрел на барона.

— Я сын рудокопа, — продолжал он. — Король Эфрайон доверил мне управлять страной, и я буду ею управлять до тех пор, пока он желает видеть будущее Симбалии в моих руках!

Он резко повернулся, направился к двери, но обернулся на пороге:

— Я надеялся на поддержку такого умного человека, как вы, Толчин, но если вы будете на стороне принцессы, если вы станете служить ее пустому честолюбию, тогда мы с вами — враги.

Сказав это, он быстро вышел.

Толчин в изумлении смотрел, как Гиброн закрывает дверь. Звук шагов короля стих вдали.

— Ясветр глуп, — сказал Гиброн, — он ищет ссоры с Семьей! Он оскорбляет мою дочь! Он не понимает, что мы можем с ним сделать!

Толчин шагнул по комнате, как обычно, когда нервничал.

— Я не ожидал этого, — сказал он. — Ясветр заставил меня действовать раньше, чем я хотел. Я удивлен.

— Удивлен? — спросил наблюдавший за ним Вора. — Вы оба слишком часто заставляли его действовать раньше, чем он хотел! Ясветр горд. Он больше не потерпит ваших мелочных придирок.

— Мелочных придирок? Ты бы лучше поаккуратнее выбирал слова, Вора!

Генерал повернулся к двери:

— Наши войска не пойдут в битву под началом глупца! Если Ясветр не будет слушать Семью, он не долго пробудет королем!

Гиброн махнул рукой барону:

— Пойдем, Толчин. Я должен поговорить со своей дочерью.

Они ушли вдвоем.

— Поберегитесь! — крикнул им вслед Вора. — Те, кто бросает вызов Ясветру, бросают его и мне!

В ответ генерал слышал лишь эхо своих слов, прокатившееся по пустому коридору. Он не сдержался, но что делать, если он именно так и думал? Если Семья хочет ссоры, она ее получит, но не с фандорцами.

В небе над Симбалией летела флотилия кораблей, несущая на борту добровольцев с севера. Еще многие воины из Северного Предела скакали на быстрых конях, но корабли их намного обогнали. Их было десять, их паруса были надуты горячим газом так, что казалось, вот-вот лопнут, но они несли большой груз. Зеленый и коричневый цвет одежды северян резко контрастировал с черной, расшитой серебром формой всадников ветра. Грань между ними была еще заметнее оттого, что северяне и всадники не смешивались, если только не требовалось управиться с парусами или поддержать равновесие корабля.

На борту одного из кораблей стоял Виллен, до боли вцепившись пальцами в деревянный борт. Его лицо было бледно-зеленым, в цвет куртки. Несмотря на это, держался он прямо и не показывал своего беспокойства. Паря в небе выше самого высокого дерева, он

намеревался оставаться таким же подтянутым и знающим свое дело, как всадники.

Тален изумленно смотрел на Виллена. Как многие в Надлесье, он относился к северянам со снисхождением, свысока, но его поразило, с какой невозмутимостью они скрывали свой страх, обычный страх людей, никогда не поднимавшихся в небо. Именно это заставило его сделать шаг навстречу северянам. Он подошел к Виллену.

— Мы сегодня летим невысоко, — сказал он, — из-за лишнего веса приходится держаться поближе к земле.

— Мы приносим свои извинения за то, что причиняем неудобства.

Тален поднял бровь.

— Я не это имел в виду, — сказал он, все еще желая поддержать разговор. — Я просто хотел заверить вас в том, что на такой высоте нет опасности резкого ветра или перемены воздушных течений. Вам нет необходимости так крепко держаться за поручень.

Подавленный страх Виллена моментально сменился гневом. Не успев обдумать своих слов, он выпалил:

— Я знаю, что мы, ходящие по земле, кажемся вам, всадникам ветра, трусами. Но на земле мы встречаем куда большие опасности, чем вы здесь, на недосыгаемой высоте, особенно во время войны. Спустись и сражайся с нами, тогда и посмотрим, кто из нас храбрее!

Тален отступил. Ему хватало забот без отпора этого гордеца. Брат так и не появился. Тален быстро пошел на корму, чтобы проверить шкив и линь. Лицо Виллена горело. Его громкие слова заставили смолкнуть те немногие разговоры, что велись вокруг. Но слова были сказаны, а гордость не могла позволить ему взять их обратно.

Он вздохнул и принялся смотреть вдаль. Было так легко представить себе, как он падает и покрытые листвой верхушки деревьев пронзают его тело тысячью острых игл.

Чернота и холод мчались навстречу Эмселю. Падение казалось бесконечным, затем его вдруг захватил ледяной водоворот. Его тело онемело и грудь сжалась, как кулак. Он упал в подземную реку! К счастью, ногами вперед. Эмсель забил ногами и медленно, как во сне, всплыл на поверхность.

У него шумело в ушах, пока он жадно глотал воздух и отплевывался. Течение было достаточно сильным. Эмсель ударился спиной о камень, и, хотя река пыталась утащить его дальше, он вцепился в камень и не отпускал. Он не чувствовал пальцев, но держался руками за скользкую поверхность валуна. Река дергала его, но он упрямо держался.

Он заставил себя дышать ровно, чтобы успокоить часто бьющееся сердце. Он не знал, куда провалился, но думал, что не очень глубоко. Он совсем ничего не видел и, несмотря на то, что дергал ногами во все стороны, не мог найти ни правого, ни левого берега, ни отмели. Он не осмеливался ослабить хватку, страшаясь, что река унесет его еще глубже в подземелья.

Фандорец грустно подумал о тепле и уютном одиночестве своего лесного домика в Фандоре, и тотчас же его снова ударила холодная волна и снова подхватило течение. Он пытался держать голову над водой, но течение бросало и било его, потом наступила передышка, и он смог лечь на спину, продолжая двигать руками и ногами, чтобы согреться. Потом он вдруг понял, что видит потолок пещеры. Река выносила его на поверхность!

Через несколько минут Эмсель выплыл на дневной свет, который, хоть и был приглушен облаками, ослепил его привыкшие к темноте глаза. Он увидел деревья, нависающие арками, и в просветах между ними облака. Он миновал огромный корень дерева, служивший мостом. На поверхности подземная река стала широкой и спокойной. Эмсель заставил обессиленные руки двигаться и погреб к берегу. Там он вцепился в траву и из последних сил, дрожа, вытянул себя на сушу.

— Ну, — прошептал он вслух сквозь стучащие зубы, — по крайней мере отмылся. Теперь хорошо бы найти что-нибудь поесть.

Он поднял голову и увидел величественное дерево на другом берегу реки, но, когда поднялся, перед его глазами оказалось острое копьё.

— Не двигайся!

На миг Эмселю показалось, что он снова взят в плен. Но затем он внимательно посмотрел на копье и понял, что острое сделано не из металла. Он с любопытством его потрогал, и оно прогнулось под его пальцами. Эмсель повернулся и увидел высокого мальчика лет восьми-деяти.

— Ты мой пленник! — громко сказал парнишка. За его спиной стояла девочка, еще младше.

Эмсель улыбнулся:

— Похоже, что так.

Он потер плечи. Его мокрая одежда не сохла — воздух был влажным, нависшие облака обещали дождь.

На девочке был красивый красный плащ.

— Ты замерз? — спросила она.

— Очень, — признался Эмсель.

— Вот, — сказала девочка, снимая плащ, — ты можешь в нем погреться, только верни мне его, пожалуйста. Мне его мама сшила. Он такой же, как у леди Керии.

Эмсель с благодарностью принял плащ.

— Как у леди Керии, говоришь? Она носит такой плащ?

— Конечно, носит, — сказал мальчик с копьем, — все знают, что она его носит. По крайней мере все, кому она нравится. А ты-то откуда? Ты как-то странно говоришь.

— Я... я не здешний.

Эмсель как мог вытерся плащом и аккуратно повесил его на ближайшую ветку, чтобы подсушить.

— Твой отец горняк? — спросил мальчик. — Я тебя никогда не видел в Надлесье. Где ты живешь?

Эмсель наконец понял, что из-за роста его снова приняли за ребенка. Иногда хорошо быть маленьким. Он осмотрелся. Он стоял на краю вымощенной плиткой дорожки, которая извивалась под аркой, увитой цветами. За аркой раскинулся небольшой парк. Рядом были ступеньки, ведущие к открытой галерее. Эмсель понял, что надо быть осторожнее. Если его увидят, то непременно опознают в нем фандорца.

Место, в которое он попал, казалось очень спокойным, может, это была детская площадка для игр. Не было слышно никаких звуков, кроме плеска воды, легкого ветерка и щебетанья птиц. Может быть, у него еще есть время найти человека по имени Ясветр до того, как начнется сражение. Он подумал о том, кем могла быть женщина по имени леди Керия.

— Ты не ответил, — сказал мальчик, — тебе сколько лет вообще-то? Чтобы играть с нами, тебе должно быть шесть.

— Да он старше, — сказала девочка.

— Да, я старше, — сказал Эмсель и затем быстро спросил: — Кто такая леди Керия?

— Ты что, ничего не знаешь? — сказал мальчик. — Про нее все говорят. Она влюблена в Ясветра.

— В короля Ясветра? Ты о нем много знаешь?

— Он разобьет фандорцев, — гордо сказал мальчик.

— Фандорцев?

Эмсель присел на ступеньку. Он готов был заплакать, но вместо этого прошептал:

— Йоган, я не сдаюсь!

Девочка расслышала его.

— Йоган? — спросила она. — Он живет рядом?

Эмсель покачал головой:

— Он был моим другом, далеко-далеко.

Услышав это, мальчик обеспокоился.

— Где ты живешь? — снова спросил он. На этот раз в его голосе прозвучало нескрываемое подозрение.

В комнате не было слышно ни звука, кроме шагов Ясветра. На нем больше не было одежды синего королевского цвета. На нем была тяжелая кольчуга, а руки закрывали сплетенные из материи и медных нитей рукава мундира симбалийской пехоты. Его волосы были свободно зачесаны назад, больше не сдерживаемые диадемой с драгоценным камнем. В сумраке комнаты Керии он казался тенью, легкодвигающейся в темноте.

Король присел на корточки у постели молодой женщины, под большим шелковым гобеленом. Керия спала, отходя от видения, которое вызвало ее недавний обморок. Ясветр протянул руку и нежно дотронулся до щеки любимой.

— Любовь моя, — прошептал он, — я вернусь, пока ты спишь. Кровопролития не будет, крестьяне поймут, как глупо воевать с нами.

Керия лежала неподвижно, не слыша его слов.

— Керия, — продолжал он тихо, — я не знаю, как ты терпишь Семейю и то, как они себя ведут по отношению к тебе. Когда я вернусь, тебе больше не придется терпеть их презрение. Пусть тебе приснятся мирные сны, — прошептал он, нежно поцеловав ее в щеку.

Затем он вышел из комнаты, спустился по ступеням дворца и, встретившись с генералом Ворой, пустился в долгую скачку к границе леса.

Холдраг вернулся на свою гору и рассказал Мраклингу о том, что видел. Утверждения Хранительницы были правдивы. Он пролетел над теплой равниной в землях людей. И он видел, как люди летали. Затем он подлетел к пику, к самому высокому дереву в лесу, и там он разглядел одного из молчаливых зверей, в которых люди летали.

Мраклинг зашипел, поняв, что люди сделали воздушные корабли. Они были очень умны, но и очень опасны. При мысли об этом Мраклингу захотелось снова поднять голову к небу и закричать от бессильной ярости, но он сдержался. Он почувствовал горение внутри. Он подозревал еще одного холдрага и объяснил ему, что хочет рассмотреть вблизи еще какого-нибудь человека и воздушный корабль. Он должен был выяснить точно, насколько они опасны. Люди маленькие, но Хранительница сказала, что их мною, а силы холдрагов истощены холодом.

Посланец вернулся в свою пещеру поесть, хотя еда, которую можно было найти в их пустынных, холодных землях, была скудна. Затем он отдохнул у основания горы, неподалеку от теплого источника, ему нужно было подготовиться к длинному, холодному полету над морем.

Мраклинг остался на своем насесте. Он не мог понять почему, но каким-то образом ему казалось, что он даже рад холоду и боли, которые он с собой приносит. Ему казалось, что ему и следует быть вечно одиноким, ему, который не был ни драконом, ни холдрагом, с кровью и тех и других в жилах. Он вырос в одиночестве. Если бы драконы или холдраги узнали о его существовании, его бы изгнали либо убили. Он всегда был один. Ничто не изменится теперь.

Мраклинг захлопал крыльями и гневно закричал. Холдраги эхом повторили его крик, зная о его боли, но не понимая ее. Им никогда, ни за что не понять.

ГЛАВА 24

Девять человек собралось в спальне принца Кайерта и принцессы Эвирайи. Четверо стояли около комода из сверкающего полированного дерева. Это были члены королевской семьи — генерал Гиброн, леди Эссель, баронесса Алора и ее муж Толчин. У двери стоял Мезор, а рядом с ним доверенный охранник дворца. В постели у северной стены комнаты лежала Эвирайя. Кайерт, одетый в домашнее платье, тоже бледный, стоял рядом и как-то странно смотрел на жену.

На краю постели сидел молодой врач, который помогал доставить пострадавших домой. Он только что предписал им обоим отдых, но далекая от безоблачной атмосфера в доме отдыха не способствовала.

— Вы говорите, я сильно не пострадала, — жаловалась Эвирайя, — но настаиваете на том, чтобы я оставалась в постели. Это неразумно! Предложите мне лекарство и возвращайтесь к тем, кто нуждается в вас.

Она села и выпрямилась в постели.

Врач храбро попытался объяснить:

— Вам кажется, что вы бодры сейчас, но усталость проявится позже. Медицина — это искусство, а не ремесло. Пожалуйста, не спорьте со мной.

— Ерунда! — настаивала принцесса. — Откуда вам знать, что лучше для меня? Вы едва ли старше меня! Посмотрите: я что, выгляжу больной? Кажусь усталой? Я на грани обморока?

Врач посмотрел на принцессу. Ее длинные волосы, которые она обычно носила туго

уложенными в высокую прическу, спутанными прядями рассыпались по спине и плечам. Ее правую щеку пересекала царапина, оставленная падающим осколком камня, а вместо роскошного платья на ней был коричневый шелковый халат. Несмотря на обильно пущенное в ход мыло, воду и духи, ее бледная кожа еще пахла влажной землей туннеля.

— Вы прекрасны, как всегда, — сказал врач. Он устало поднял свой небольшой шелковый мешок с пола у кровати и встал. — Мне пора.

Эвирайя шаловливо улыбнулась:

— Я, возможно, поспешила отклонить ваши рекомендации, — сказала она, — но благодарю за все, что вы для нас сделали.

С легким нетерпением молодой врач кивнул и направился к двери. Когда он спустился по лестнице, Эвирайя повернулась к отцу:

— Что такое случилось, что вы и Толчин со всех ног примчались сюда из дворца? Наш рудокоп пригласил фандорцев на чай?

— Не ерничай, — хмуро сказал отец. — Он...

— Подождите, — прервал его Кайерт. — Это касается Семьи, но не окружения.

Все головы повернулись к Мезору.

— Я подожду снаружи, — сказал молодой человек.

— Внизу, — предложил Толчин.

Советник принцессы кивнул:

— Конечно. Поболтаю пока в саду с медвежонком.

Гиброн подождал, пока шаги Мезора стихнут на лестнице, и спросил:

— Почему ты держишь этого человека при себе, Эвирайя?

— У моей жены много дел последнее время, — вмешался Кайерт, — она не может всегда полагаться только на мое мнение. Мезор помогает ей, когда меня нет рядом.

— Мезор всего лишь советник, — тихо ответила Эвирайя. — Угроза нападения фандорской армии не выходит у меня из головы. Я только тебе, дорогой, могу доверить дела государственной важности.

— Эти дела развиваются от плохого к худшему, — сказал Гиброн. — Фандорцы уже в холмах около леса!

Кайерт покачал головой и обратился к Толчину:

— Мой брат, конечно же, послал корабли навстречу захватчикам!

— У твоего брата был приказ короля на совершенно обратное. Рудокоп открыто бросил вызов генералу и мне!

Сказав это, Толчин повернулся лицом к остальным членам Семьи и вытащил из кармана своего камзола диадему с Рубином.

— Может, это вас убедит.

Леди Эссель ахнула:

— У тебя Рубин!

Алора прямо посмотрела на мужа:

— Что это он у тебя делает?

— Ясвтр не считает себя обязанным его носить. Он изменник и предатель!

— Мне трудно это понять, — сказал Кайерт, принимая из рук барона диадему. — Ясвтр верен Эфрайону, если не нам. С чего бы это ему так рисковать своей позицией, отвергая...

— Он идет против мнения Семьи! — сказал Гиброн. — Он и Вора считают, что могут управлять страной, не спрашивая нас. Они приказали Талену подготовить небольшую флотилию воздушных кораблей, чтобы напугать фандорцев в холмах. Если эта тактика не сработает, они будут атаковать фандорцев на Камеранской равнине.

Кайерт нахмурился.

— Ясвтр планирует использовать только небольшую флотилию? Это глупый маневр. Мы же воюем! — сказал он, крепко сжимая в руке драгоценный камень.

— Ясвтр хочет защитить корабли. Он думает, что их присутствие в небе привлечет

дракона.

— Дракона?! Что за чушь? Ты же не веришь в это?

Гиброн покачал головой:

— Дракон — это уже не легенда, Кайерт. Я сам видел.

Кайерт был ошеломлен:

— Дракона? В Симбалии?

Толчин кивнул:

— Я думаю, больше нет причин в этом сомневаться. Вора и другие думают, что существо подвластно фандорцам. Почему еще они бы стали так рисковать, нападая на нас?

— Фандорцы или нет, но существо в небе должно быть встречено всадниками ветра!

Кайерт потянулся к дверце гардеробной за спиной стражника.

— Я должен сам увидеть это безумие. Как давно флот Талена отправился в долину?

— До нашей ссоры с Ясветром, — сказал Толчин. — Я не думаю, что ты в состоянии догнать его.

— Дорогой, — сказала Эвирайя с постели, — послушай барона, ты должен...

— Не спорь со мной, Эвирайя!

Кайерт вошел в гардеробную. Эвирайя постучала ногтями. Муж намеревается догнать их. Что ж, скоро они увидят, насколько долго рудокоп сможет не считаться с мнением Семьи.

— Какие у Ясветра планы на оставшуюся часть флота? — спросил Кайерт из гардеробной.

— Они останутся на земле до тех пор, пока не выяснится правда про дракона, — ответил Толчин, продолжавший возбужденно ходить взад-вперед по комнате.

— Мы справимся с любым драконом! — сказал Кайерт. — Тален не должен был соглашаться на такой план, не посоветовавшись со мной!

— Тален до сих пор думает, что ты пропал, — сказал Гиброн. — Он не был во дворце с тех пор, как тебя и Эвирайю вызволили из подземелья. Ясветр послал его в Северный Предел, чтобы набрать и доставить добровольцев.

— Ополчение из Северного Предела? Эти головорезы?

— Вора одобрил.

— Глупость!

Гиброн кивнул:

— Да уж, умственные способности генерала оставляют желать лучшего.

Эвирайя встала с постели.

— Кажется, Ясветр не обращает никакого внимания на то, что мы говорим. Для него что-то значат только мнения Эфрайона и райанки.

— Поэтому мы и вернулись, — сказал Толчин. — Нельзя позволить Ясветру вести войска! Он ничего не знает о войне!

— Он король, — сказала Эвирайя, — это его право.

— Значит, он не должен быть королем, — сурово сказал Толчин, — в этом я согласен с твоим отцом.

Они посмотрели на принца, который появился в форме всадника ветра и покачал головой.

— Я сначала хочу лично оценить ситуацию.

— У нас нет времени! — предупредил его барон. — Ты лучше других должен понимать, насколько нам нужно спешить. Ты же не можешь согласиться с планом Ясветра и генерала Воры!

— Да, — ответил Кайерт, — но я не буду требовать их отставки, не разобравшись. Речь идет не об этом. Речь идет о защите страны.

Гиброн едва сдерживал гнев.

— Послушай барона, — сказал он, — бессмысленно встречаться с рудокопом! Он бросил Рубин, он отверг наши советы! Откажись подчиняться ему сейчас! У нас еще есть

время предотвратить кровопролитие!

Кайерт смотрел на Семью. Он знал, что Гиброн и Эссель поддерживают идею свержения Ясветра. Толчин был зол, но Кайерт уже не раз видел его разгневанным. Он знал, что Толчин сейчас смущен тем, что сам попросил послать войска на юг с караваном. За его порицанием Ясветра не в малой степени стояла и его собственная ошибка.

Кайерт посмотрел на баронессу. Согласна ли Алора с мужем? Они были очень близки, но нередко спорили, оба представляли, с одной стороны, интересы купечества, а с другой — казначейства Симбалии.

Принц с удивлением заметил, что Алора тоже смотрит на него.

— Вы согласны с Семьей? — спросил принц.

Алора бесстрастно улыбнулась.

— Монарха можно свергнуть только единодушным голосованием Семьи, — сказала она, — или волей его предшественника. У Эфрайона нет причин требовать отречения, а вы отвергаете первый путь. Мое мнение ничего не значит.

Кайерт вглядывался в выражение лица баронессы. Алора испытывала его. Она хотела знать, изменит ли он свою позицию. Нет, он не изменит. Он бросил взгляд на барона и увидел неодобрение в его глазах.

— Алора, — мрачно сказал он, — какие бы у тебя ни были романтические представления о Ясветре, они не должны приводить к опасности для нашего леса.

Алора ответила спокойно:

— Я так же волнуюсь, как и ты, но решиться на свержение Ясветра непросто, и мы должны обдумать все. Ты знаешь, что мы не можем осудить монарха, если нет доказательств измены. У нас нет доказательств измены ни Ясветра, ни его помощников.

— А как насчет шпиона? — сказал Гиброн. — Ясветр ничего не сделал, когда Эвирайя нашла шпиона. Это ли не измена?

Алора посмотрела на Эвирайю.

— Я подозреваю, что Ясветр так и не узнал о шпионе, — сказала она.

Эвирайя покраснела.

— Разве нет? — спросила Алора.

— Ясветр знал, — с волнением сказала принцесса, — я послала Мезора сообщить ему.

Алора покачала головой и обратилась к остальным собравшимся:

— Все равно. Бездействие Ясветра не является доказательством его измены. Слова шпиона нельзя было подтвердить до нападения, особенно если Ясветр их сам не слышал. Если король не обратил внимания на предупреждение Эвирайи, он поступил глупо, но он не изменил стране. Он молод и неопытен. Должны быть доказательства для того, чтобы я стала серьезно рассматривать обвинения.

Алора снисходительно улыбнулась принцессе:

— Перед тем как менять обстановку во дворце, найди-ка шпиона, милочка.

Славная Симбалия,
Пред боем слезы на глазах.
Славная Симбалия,
Поддержит ветер паруса.
Славная Симбалия,
Куда ни бросишь взор — леса.
Славная Симбалия,
Твои сыны за тебя мстят...

Виллен, проходя через лесок около опушки, где наземные войска ожидали короля Ясветра, услышал странные, жалобные звуки. Он осторожно приблизился, думая, что это какой-то лесной зверь, попавший в ловушку, плачет и стонет от бессилия. Он выглянул из-за дерева и увидел Твила, сидящего, скрестив ноги, в сырой траве под кустом. Это он издавал

эти жуткие звуки. Он пел и брэнчал на пенорконе — вырезанном из тончайшего слоя дерева инструменте.

Другие воины из северного ополчения тоже подошли посмотреть, что было источником жалобных звуков. Твил поднял голову и увидел Виллена. Он широко улыбнулся.

— Ну как тебе? — спросил он. — Я сам сочинил в честь наших союзников из Надлесья!

Виллен поковырял пальцем в ухе, ухмыльнулся и ответил:

— Сказать честно, я бы за одно это объявил войну!

Улыбка Твила потерялась в усах и превратилась в гримасу разочарования. Остальные северяне хохотали. Виллен напомнил себе, что ему как командующему соединением хорошо бы сохранять достоинство, но не мог сдерживать смеха.

— Тебе не нравится мое пение? — грустно спросил Твил.

— Я этого не говорил, — ответил Виллен. — Если бы мы, скажем, охотились на индюшек, эта песня была бы в самый раз. Но как военная песня она никуда не годится. Друг мой, ты мучаешь пеноркон! Мне даже гудение парусов этих летучих лоханок больше по душе!

Твил грустно посмотрел на инструмент:

— Как бы мне из него что попримечнее выжать....

Виллен охотно кивнул:

— Да уж постарайся.

Твил медленно поднялся на ноги.

— Может, ты мне поможешь, Виллен?

— Я?!

Твил ухмыльнулся и изо всей силы хватил хрупким инструментом по голове Виллена. Дерево разбилось с оглушительным треском.

— Вот, — закричал Твил, — вот этот звук попрятнее!

Суматоха привлекла внимание капитана симбалийской армии, который прибежал, побагровев от ярости, на поляну, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Виллен схватил Твила за рубашку, раскрутил и немедленно получил пинок в зад от незадачливого певца.

Капитан на миг онемел.

— Прекратить! — заорал он. — Король Ясветр вот-вот появится!

Его приказ утонул в хохоте северного ополчения, а Виллен с Твилем продолжили свою полушутливую-полусерьезную борьбу. В конце концов оба споткнулись и упали в довольно большую лужу грязи, к досаде не только своей, но и тех, кто стоял рядом и оказался обрызганным грязью.

Капитан был вне себя от ярости.

— Привести их ко мне! — выкрикнул он, стирая пятнышки грязи со своих доспехов. — Я пригляжу за тем, чтобы их...

Какое наказание капитан уготовил дебоширам, никто так и не узнал, потому что именно в этот миг в глубине леса раздались звуки рога. О Твиле и Виллене сразу забыли, когда четыре сотни мужчин и женщин Надлесья быстро построились в ряды, чтобы приветствовать короля, генерала Вору и симбалийскую кавалерию. Ополчение замерло в почтительной тишине, только офицеры сновали туда-сюда, зорко высматривая возможные недочеты и огрехи.

Северяне, вставшие в шеренгу с одной стороны, с изумлением и интересом рассматривали симбалийскую армию, стоящую напротив. Ряды за рядами начищенных до блеска шлемов, кирас и поножей отражали тусклый свет солнца, пробивающийся через листву. Северяне, одетые в прочную и неброскую кожу, куртки и леггинсы, думали, что вся эта пышность смехотворна, но их предупредили, что насмешек никто не потерпит. Не хватало еще ссоры и вражды в армии.

Призыв медных труб раздался снова, громче и ближе. В наступившей тишине было слышно, как задрожала земля от звука приближающихся лошадей. Ополченцы и солдаты, все как один, уставились на край поляны. Через миг конь, иссиня-черный, как тень, без

единого пятнышка, кроме серебряного седла и упряжи, вылетел из леса.

Высокий король очень прямо сидел в седле. На нем были серебряные доспехи и темно-синий, цвета ночного неба, плащ. Его лицо, несмотря на долгую скачку, оставалось бледным и невозмутимым. Король был все тот же, но многим почудилась перемена в его лице. Когда король подъехал ближе, раздался общий вздох удивления. На Ясветре не было венца с Рубином.

Те, кто это понял, не имели времени подумать о причинах, так как сразу за королем на поляну выехала кавалерия и генерал Вора, который осадил коня, как полагалось, справа и немного позади короля. Некоторые северяне смотрели на Ясветра недоверчиво. Ведь это он отказался объявить войну, когда Виллен рассказал ему об убийстве девочки. Потребовалось вторжение врага, чтобы образумить его. Другие решили доверять Ясветру. Он созвал ополчение, и даже Виллен принял это решение с благодарностью, королевская семья была на это попросту неспособна. Виллен не знал, почему Ясветр перестал носить Рубин, но ему казалось, что это знак независимости, и ему это нравилось.

Ясветр направил всхрапывающего коня на небольшой холмик и оттуда осмотрел войско. Симбалийская армия присутствовала лишь малой частью, и его офицеры не знали ничего о численности противника, кроме числа прибывших лодок. Многим фандорцы казались простыми крестьянами, которые просто устали завидовать богатству, мощи и красоте Симбалии, но Ясветр был уверен, что у войны есть другая причина. Он не верил, что фандорцы каким-то образом подчинили себе дракона и что это была единственная причина их нападения.

Он послал Талена с тремя кораблями на Камеранскую равнину с заданием ошеломить фандорцев и вытеснить из холмов в низину, где их можно было бы легко окружить и заставить отойти к побережью.

Подвергать корабли опасности нападения дракона, который мог вернуться в любой момент, было, конечно, рискованно, но это была единственная возможность закончить войну быстро и без кровопролития.

Армия замерла перед королем в почтительном молчании. Он знал, что они ждали его речи. От монарха всегда ожидают подобного. Ясветр поднял правую руку.

— На нас напали крестьяне и рыбаки! — громким голосом начал он. — У них нет сил захватить наш лес. Эта война закончится к утру.

Затем он вкратце описал свой план с кораблями и продолжил:

— Мы встретим окруженных фандорцев в низине и возьмем в плен всех, кто откажется отступить к побережью.

Раздались приветственные крики, но один молодой солдат, верный принцессе, сердито выкрикнул:

— А как же драконы? Посылаете нас против чудовищ без всякой защиты!

— Мы пока видели только одного дракона, — ответил Ясветр, — и нет причин полагать, что их много! Флот воздушных кораблей с симбалийскими лучниками на борту даст отпор любому дракону!

Это заявление солдатам понравилось, гул согласных голосов стал сильнее. Ясветр указал рукой на Вору:

— Генерал Вора проведет совет с капитанами. Сейчас мы направимся к краю леса и будем там ждать завершения маневров Талена.

Ясветр поднял коня на дыбы и помчался на запад, в то время как капитаны подошли к генералу, чтобы выслушать приказания.

Виллен тоже поспешил вперед, отряхивая землю с одежды. У него было столько же прав выслушать слова Вору, как у любого капитана армии. Жизни северян тоже были на кону. Да разве не они первыми понесли потери?

Туман окутал завесой отчаяния Камеранскую равнину. На отвесном утесе, с которого открывался вид на низину, стояли старейшины Фандоры. Йондалран, измотанный, но по-

прежнему сосредоточенный, рассматривал лес на горизонте. Лэгоу прислонился к стволу искривленного ветром дерева. Рядом с ним стояли Тэмарк и Пеннел.

— Еды на вечер хватит, — сказал Тэмарк.

— Это так. Но люди боятся другого, — сказал Пеннел.

— Темноты?

— Не то чтоб темноты, но тишины, ожидания. Странно, ни одного корабля в небе, хотя с нашего берега мы видели дюжины.

Дэйон присоединился к группе с маленькой яркой ящерицей в руке.

— Смотрите, — сказал он, — если потрогать живот, она меняет цвет!

Он уже собирался показать, как она это делает, но его остановил отец:

— Брось сейчас же! Это ловушка!

Дэйон удивленно моргнул:

— Отец, это всего лишь ящерица!

— Возможно, — сказал Йондалран, — а может быть, замаскированный колдун. Брось.

Дэйон неодобрительно покачал головой, но ящерицу отпустил, и она немедленно юркнула под камень.

— В стране волшебников следует всего опасаться, любых существ, — наставительно сказал отец.

Дэйон кивнул и отошел на пару шагов к Лэгоу.

— Думаю, что здесь никого нет, — сказал он колеснику из Джелриха.

— Если так, то убеди отца, что пора возвращаться домой.

Дэйон покачал головой:

— Мой отец не вернется домой, пока не убедится, что виновные в смерти брата понесли наказание.

Лэгоу нахмурился и устремил взгляд на покрытые травой холмы, вдали переходящие в каменистые утесы.

— Раньше ты, бывало, спорил с отцом, Дэйон. Тебя изменила власть или захватила горячка войны?

— Я помогаю отцу, Лэгоу! Мы все должны помочь ему. Он не за славой сюда пришел, а за справедливостью!

— За справедливостью, — спросил Лэгоу, — или за мстью? Это разные вещи. Первая защищает тебя, а вторая поглощает. Я боюсь, твой отец жаждет мести, молодой человек. Я боюсь, что все, что мы сделали, страну нашу не защитит.

Дэйон не ответил.

Как самый младший из старейшин, Тенньел из Боргена получил скверный приказ. Ему предстояло обеспечить переход оставшихся фандорцев с побережья в холмы на краю Камеранской равнины. Задание было трудным. Большинство оставших были ранены или больны, как молодые, так и старики. Тенньел не горел желанием воевать, но все же считал, что армию следует держать в порядке и идти желательно стройными рядами. Ему была ненавистна мысль о том, чтобы пускаться в споры с людьми, но он гордился тем, что отвечает за них и защищает их.

Вдруг с запада раздался крик. Тенньел попытался рассмотреть сквозь туман хотя бы что-то. Кричали на другой стороне ближайшего холма. Он быстро туда побежал, в ужасе думая о том, что началась атака симбалийцев.

Он бегом взлетел на вершину холма и с удивлением увидел молодого человека в черно-белом наряде, грациозно раскланивающегося перед группой аплодирующих людей.

— Что ты делаешь?! — закричал Тенньел.

Молодой человек улыбнулся, сделал пару пируэтов и остановился прямо перед старейшиной.

— Танцую! — сказал он весело.

Тенньел нахмурился:

— Ты отвлекаешь людей!

— Ерунда! Я их веселю!

Теннел поморщился, глядя на выбеленное лицо танцора и его маску. Немногие танцоры присоединились к армии, но Теннел уже видел труппу из Тамберли на борту лодки. Обычно танцоры путешествовали и давали представления группами, но этот вроде бы был один.

— Я не помню тебя, — сказал Теннел.

— И я тебя, — ответил молодой человек.

— Ты из Боргена?

— Я из Фандоры.

Теннел снова нахмурился. Несколько ополченцев, наблюдавших за этой сценой, приснули, и от этого его настроение не улучшилось.

— Так, — решительно сказал он, — нам предстоит бой с симбалийцами. В армии нет места дуракам и хвастунам. Я могу отправить тебя обратно.

— Я нужен здесь! — сказал танцор, делая изящный прыжок в сторону. — Твои солдаты грустны, как сироты. Мои танцы их развлекают.

Теннел начинал злиться по-настоящему. Ему уже не первый раз бросали вызов на этой войне, но он надеялся, что это будет последний.

— Нам танцы нужны еще меньше, чем туман! — сказал он.

— Да, но нам именно что нужен туман, — ответил танцор, — он укрывает нас от симбалийцев!

— Ты еще говоришь мне о симбалийцах! Я старейшина города Борген!

Танцор ухмыльнулся.

— Такой молодой, а уже старейшина? — поддразнил он его. — Оп-ля!

Кружась и пританцовывая, он умчался вниз по склону холма.

— Взять его! — приказал Теннел.

Несколько человек попытались схватить танцора, но он вывернулся и исчез в тумане.

Теннел поспешил обратно на вершину холма, сердито ворча. Оттуда он посмотрел на симбалийский лес. В тумане тот казался загадочным зеленым морем. Теннел содрогнулся. Хорошо бы, Йондалран не заставил их туда идти.

Теннел направился обратно к своему отряду, но, уже шагая по склону, он вдруг поднял голову и заметил просвет в тумане над деревьями. Там было что-то большое, и оно двигалось по направлению к равнине. У него ушло несколько минут на то, чтобы понять, что это такое, а потом, ужаснувшись, Теннел повернулся к своим людям и закричал:

— В укрытие! Воздушный корабль!

Внизу, на земле было около шестисот человек. Тален приказал поднять сигнальные флаги, чтобы остальные два корабля окружили холмы. Он решил провести свой одноместный кораблик прямо над фандорцами. Там, внизу, он видел группу оборванных крестьян и рыбаков, прячущихся на краю холма. Они явно были испуганы. Может быть, план Ясветра и сработает.

Йондалран с беспокойством смотрел на воздушные корабли, на их яркие цветные паруса, отчетливо видные даже в тумане.

— Хорошо, что мы отослали людей в холмы. Если они нас не видят, мы в безопасности.

Тэмарк покачал головой:

— Они попытаются выгнать нас на открытый участок. Они будут атаковать.

— Я тоже так думаю, — сказал Лэгоу, — мы хорошая мишень.

Йондалран бросил на него взгляд, а затем с едва заметной улыбкой на морщинистом лице сказал:

— Мы не будем наносить первый удар. Но мы и не сдадимся, и не побежим обратно к заливу.

Он посмотрел на Дэйона, который отводил несколько отставших ополченцев в укрытие за гранитным утесом.

— Мы зашли далеко, и теперь следует переждать.

Корабли продолжали приближаться, разделившись, чтобы окружить фандорцев. Они двигались плавно и без спешки, как будто те, кто управлял ими, чувствовали свое превосходство над прикованными к земле людьми в холмах. Корабли подходили все ближе, их кили разрезали туман, как лодки, режущие поверхность океана.

В рядах фандорцев раздались испуганные выкрики.

— Оставаться на местах! — приказал Пеннел, и другие старейшины по цепочке передали его приказ. — Их волшебство не может нам повредить, у нас есть защита, которую нам дала ведьма!

Но столкнувшись лицом к лицу с непостижимыми, ужасающими, плывущими по воздуху кораблями, не все смогли сохранить веру в жалкие ведьмины браслетки. Корабль Талена прошел над их головами на высоте тридцати футов, и волна испуганных криков прошла по рядам спрятавшихся под холмом ополченцев. Йондалран снова посмотрел в направлении леса. Сквозь туман он увидел, как корабль приближается к равнине.

— Осторожно! — выкрикнул он. — Оставаться в укрытии! Не атаковать!

Корабль Кайерта легко летел над лесом. Ветер и свобода пьянили его, тщетные и

бессмысленные препирательства с Эвирайей и Семьей заставили его искать опасностей. Он не сомневался в том, что Тален сделает все как надо, но все же командиром был он, и ему полагалось быть впереди.

Несмотря на то, что он хотел скорее прибыть на место, он двигался с осторожностью, близко к верхушкам деревьев. Разговорами о драконе нельзя было пренебрегать, слишком много людей утверждали, что видели чудовище. Но даже если фандорцы каким-то образом умудрились подчинить себе зверя, это все равно не изменит исхода битвы. Кайерт уже видел равнину сквозь туман. Над дальним краем низины парили три корабля. Подлетев ближе, Кайерт смог рассмотреть людей — маленького роста, в варварских одеждах, с примитивным оружием, мечущихся неорганизованной толпой. Кайерт коротко, презрительно рассмеялся. Эти оборванцы угрожают Симбалии? Да они отправятся домой до того, как стемнеет!

Принц смотрел, как они бродят внизу подобно стаду коров, перепуганные парадом небольшого флота Талена. Сражение закончится быстро, и потерь будет немного. Потом придет время разобраться с Ясветром, который не имел права приказывать всадникам ветра оставаться на земле, не посоветовавшись с ним, их командующим. Гиброн и Толчин правы, Ясветру не сойдет с рук пренебрежение мнением Семьи.

Весть о том, что приближаются корабли, быстро разнеслась по рядам ополченцев, и даже те, кто не видел их, как прячущиеся в зарослях кустов Юрген и Стеф, уже знали об опасности.

Разъезжий терпеливо прислонился спиной к стволу дерева. Теперь он уже разглядел здоровым глазом три корабля над равниной. В центре был самый маленький, управляемый одним всадником, и он направлялся прямо в холмы. Другие разделились: один корабль двинулся на север, другой — на юг, вероятно, чтобы окружить их и вынудить отступить.

Вокруг царила с трудом сдерживаемая паника. Старейшинам едва удалось удержать людей от того, чтобы они не побежали со всех ног обратно на побережье, и уговорить их спрятаться в расщелинах и рощах.

Разъезжий увидел, как дородный мужчина бежал сломя голову мимо дерева, где он и выставил ногу. Бегущий споткнулся, упал и закричал. Разъезжий поднял его на ноги.

— Если выбежишь на открытую местность, симбалийцы тебя увидят, — предупредил он и подтолкнул ополченца в тень дерева.

Человек, дрожа, кивнул и постарался, насколько мог, слиться с искривленным стволом. Разъезжий снова поднял голову, здоровый глаз уставился в небо. Маленький корабль был над ними.

Тенньел и его маленький отряд не успели дойти до главного лагеря, когда появились корабли. Не зная о плане Йондалрана выжидать, они просто спрятались за холмом, не имея никакого укрытия, кроме тумана. Корабль прошел над ними, и им показалось, что он снижается. Не возникало даже вопроса о том, видел ли их всадник. Не мог не видеть. Тенньел сжал в руке топор, слушая испуганные возгласы своих людей. Он отвечал за них. Они были слишком молоды, слишком стары или слишком измучены, чтобы выдержать нападение корабля. Что-то нужно было предпринимать. Он уставился на корабль, серой глыбой зависший в тумане над ними. Почему Йондалран до сих пор не приказал атаковать?

Тенньел поднял топор.

— Кто-то должен начать, — сказал он громким шепотом и изо всех сил запустил топором в корабль.

Люди смотрели, как оружие пролетело сквозь туман, миновало натянутый парус на носу корабля и исчезло из виду. Темная тень неумолимо продвигалась вперед в полной тишине. А затем с палубы вдруг посыпались искры оранжевого огня.

Кто-то в панике закричал, подумав, что симбалийцы мечут с борта огонь, но вот туман чуть рассеялся, и стало видно, как огонь быстро взбирается вверх по парусу. Тенньел закричал в восторге. Корабль горел! Он нанес первый удар и попал. Он герой, настоящий

герой!

— Тален! — закричал принц, увидев, как парус на фок-мачте корабля надулся и осел. На время все скрыл туман, а когда он рассеялся, Кайерт увидел, как пламя бежит по парусу вверх, перекидываясь по снастям на другие паруса. Стрела, копье или топор, что-то прорезало парус, и провисший материал загорелся от огня в топке. Порванный парус не мог удержать корабль в воздухе, и он начал падать.

Снизу доносился шум армии, несущейся по равнине. Пока корабль держится в воздухе, Талена еще можно спасти с другого корабля. Пока Тален жив, ничто не остановит его — ни тысяча фандорцев, ни дракон.

Ясвегт мрачно смотрел на оранжевое пламя в тумане. Тален мог быть ранен или даже убит, хотя королю меньше всего хотелось об этом думать. Они должны были спасти корабль.

Ясвегт надеялся победить крестьян без сражения, но фандорцы, похоже, были настроены на войну. Они напали первыми, без предупреждения.

Ясвегт поднял коня на дыбы и развернулся лицом к войску на поляне.

— Отдавай приказ! — выкрикнул он Воре. — Созови капитанов! Мы спасем капрала Талена!

Думая о близком кровопролитии, темноглазый рудокоп быстро помчался к холмам.

Фандорское ополчение смотрело на стройные колонны, шагающие к ним через равнину. Через несколько минут симбалийская армия достигнет холмов.

— Как мы будем защищаться? — сердито бросил Лэгоу. — Они посылают кавалерию! Это ты виноват, Йондалран! Нельзя было оставлять Тенньела одного с людьми!

— Молчать! — выкрикнул старик, поворачиваясь к колеснику. — Ты должен помогать мне!

— Помогать? Как? Это безумие! Нам надо отступать, пока нас еще скрывает туман, пока у нас еще есть шанс.

Йондалран покачал головой:

— Нет! Им нужно показать, что нас не запугать ни кораблями, ни армией.

— Ценой наших жизней?

— Нет! — сказал Йондалран. Он схватил сына за руку. — Передай людям — пусть прячутся в лесу, как мы задумали.

Он повернулся к Лэгоу:

— Чтобы убить нас, симбалийцы должны сперва нас найти. Мы потеряли возможность атаковать неожиданно, но мы все еще, по счастью, имеем укрытие.

Но было уже поздно.

С вершины холма раздался призыв к оружию, а затем охваченный паникой отряд фандорцев бросился в бой.

— Их не остановишь! Нам не справиться с ними! Посмотри! — сказал Пеннел. — Они испуганы и голодны! Они забрались слишком далеко от дома.

Йондалран сердито кивнул:

— Выбора у нас нет. Люди сплотились за справедливость и безопасность нашей страны. Отдавайте приказ — мы наступаем!

— Какие уж тут приказы! — ядовито ответил Тэмарк. — Вы догоните их сначала!

Мальчик и девочка так и шли за ним по пятам. Эмсель прошел, нагнувшись под аркой, в маленький парк. Дети начинали его беспокоить. Хотя они все еще принимали его за ребенка, их подозрения росли. Мальчик, которого звали Уиллоу, уже который раз спрашивал Эмселя, где он живет. Только продолжая двигаться, Эмселю пока удавалось избежать ответа на вопрос. А вот девочка много ему рассказала. От нее он узнал не только о том, где дворец, но и об Ясвегте, и женщине по имени Керия.

На краю парка Эмсель заметил низкий каменный заборчик. Четырьмя футами ниже

была устроена мраморная дорожка, которая вела обратно к реке. Если верить маленькой девочке, эта дорожка должна привести к широкой аллее, вдоль которой росли огромные деревья. Если он пойдет вдоль них на восток, он снова окажется неподалеку от центра леса.

— Скажи, где живешь? Я хочу знать! — требовал Уиллоу, наседа на Эмселя с игрушечным копьём наперевес.

Уони оттолкнула копьё.

— Куда ты идешь? — по-прежнему приветливо спросила она. — Почему ты не рассказываешь нам, кто ты?

Эмсель не слушал. Он спрыгнул с каменного бордюра на мраморную дорожку вниз и побежал.

— Стой! — закричал мальчик.

Эмсель обернулся и сердито крикнул:

— Мои друзья в беде! Я должен идти!

— Не ходи туда! — закричал Уиллоу. — Туда ушел дракон!

Дракон? Должно быть, мальчик был младше, чем Эмселю показалось, если он до сих пор верил в драконов.

— Почему ты не называешь своего имени? — снова спросил Уиллоу.

— У меня нет времени, — сказал Эмсель, — мне пора.

Он повернулся и поспешил по тропинке прочь.

Уиллоу смотрел ему вслед.

— Знаешь, что я думаю? — спросил он девочку.

— Что?

— Я думаю, это тот тип, которого стража ищет.

— Стража с площади? Они же ищут фандорца, Уиллоу!

Мальчик кивнул.

— Я знаю. Я думаю, это он и есть.

Девочка остро посмотрела на удаляющегося человека.

— Нет, — сказала она, — он же просто мальчик.

Уиллоу покачал головой:

— Ты когда-нибудь видела мальчика с морщинами? Надо сказать дедушке.

Симбалийцы быстро наступали. Туман кое-где сгущался, а низко над землей клубился почти повсюду. Горящий корабль тускло светился сквозь туман, затем он взмыл выше низких облаков. Ясвстр, мчащийся в авангарде своих войск, видел, как Тален выбросил за борт якорный канат. Когти якоря процарапали землю, цепляя камни и траву, и зацепились за небольшой куст. Тален перебрался через борт и начал спускаться по канату, осторожно перебирая руками. Корпус корабля уже горел, в любой момент огонь мог перекинуться на канат. Фандорцы бросились вперед с криками и улюлюканьем. Они, похоже, намеревались взять всадника ветра в плен, а может, судя по их яростным крикам, и убить.

— Не позволим им захватить его! — закричал король, пришпорив коня. Но он знал, что ему не добраться до Талена раньше врага.

Другие корабли тоже направлялись к Талену, но они шли медленно, поскольку на этой высоте им приходилось идти против ветра. Кайерт шел по ветру, и его корабль был легче. Он был дальше от брата, чем другие, но он все равно первым добрался до него.

Принц положил стрелу на тетиву арбалета и прицелился. Сквозь клубящийся туман он видел, как брат спускается по канату с горящего, падающего корабля. Корпус превратился в сплошной яркий красно-желтый костер. Канат тоже начал гореть, но Тален был уже на земле.

Ближайший к нему фандорец был меньше чем в ста ярдах от него. Кайерт уже видел, как стрелы полетели в его брата.

— Они тебя не получают, Тален, — прошептал он и спустил курок.

Тенньел бежал впереди других к упавшему горящему кораблю. Он кричал без слов. Его действия ускорили начало битвы, и теперь наконец все встало на свои места. Сражение началось, и мечты о славе, которые были у него так давно, что сейчас ему казалось, это было в другой жизни, еще могли стать реальностью. Он бежал вперед, перепрыгивая через валуны, обегая деревья. Он вел свой отряд в битву. Время вопросов о том, кто прав, а кто нет, прошло.

Он не обратил внимания на горящий корабль, пробегая мимо. Чудище небес больше не выглядело ужасающим творением колдунов, оно рассыпалось на тлеющие угли. Впереди был пилот. Для стрельбы из лука было слишком туманно, да и разбросанных вокруг деревьев было много. К тому же симбалиец, пригibasившийся к камням и холмикам, был неудобной мишенью. Но Тенньел был уверен, что всаднику ветра не добраться до своих, он, Тенньел настигает его и закончит начатое.

Он вытащил нож и зажал его в руке наподобие меча, настигая симбалийца. И вдруг боль пламенем вспыхнула в его правом плече. Нож выпал из онемевшей руки, и Тенньел упал, перекатившись через плечо. Боль была невыносимой, а удар от падения сделал ее еще сильнее. Ему было больнее, чем когда-либо в жизни, больнее даже, чем когда его нога попала между спицами тележного колеса и сломалась, как веточка. Тенньел закричал. Он катился по земле, и боли, казалось, не будет конца. В конце концов он остановился, коснулся больного плеча левой рукой и понял, что там торчит стрела. Не успел он полностью это осознать, как новая вспышка боли, на этот раз в боку, заставила его закричать. Сначала он подумал, что это еще одна стрела, но потом понял, что его пнули сапогом. Люди бежали, перепрыгивая через него, не замечая его в плотных клубах тумана около земли, они спешили добраться до врага. Один наступил на его бок, другой споткнулся о его раненую руку. Тенньел снова закричал и начал отползать, отталкиваясь от земли здоровой рукой. Сквозь туман проступал большой валун всего в нескольких ярдах. К нему-то он и пополз, его раненая рука беспомощно волочилась по земле. Казалось, прошла вечность, прежде чем он добрался до покрытого мхом местечка под нависающим камнем. Там он скорчился, чувствуя, как капает на него холодная вода. Боль билась красными барабанами в его ушах, а сквозь эти удары он отдаленно слышал звон оружия и крики сражающихся. Армии встретились. Вот и битва началась, горько подумал Тенньел, а он уже выбыл.

— Это несправедливо, — простонал он, видя, как последние фандорцы промчались мимо него. Он остался один, и только звуки доносились до него из гущи битвы, и боль не прекращала терзать.

С высоты принц Кайерт видел, как дрожащие полосы тумана укрывают весь западный конец низины. Удержать Талена и фандорцев в поле зрения было трудно. Он все стрелял и стрелял, но редко попадал в цель. И все же ему удавалось слегка отвлечь фандорцев от преследования своего брата. Но этого было недостаточно, Талену не успеть добежать до своих, фандорцы его догоняли.

Кайерт развернул корабль против ветра и направился тем же курсом, как бежал брат. Он был на высоте футов двадцати над землей, когда в тумане вдруг открылся просвет и он увидел брата прямо под своим кораблем. Не больше чем в пятидесяти футах позади него мчался молодой фандорец с мотыгой в руке. Кайерт сбросил вниз веревку.

— Тален!

Тален посмотрел вверх, на корабль, летящий над ним, и свисающую веревку. Он разбежался и подпрыгнул. По тому, как натянулась веревка, Кайерт понял, что брат успел за нее схватиться. Через миг он стал виден, Кайерт нагнулся через борт и подал брату руку. Корабль опасно накренился, но Тален уже был на борту.

— Еще миг, и я... — выдохнул Тален. Он обессиленно прислонился спиной к низкой кабине, тяжело дыша, его руки дрожали.

— Да уж, — согласился Кайерт, — но теперь ты в безопасности.

— Эти подонки, — прошептал Тален, — уничтожили мой корабль! Это же часть моей

жизни. Я его сам построил!

— Я знаю, — сказал Кайерт. Любовь, которую всадник ветра испытывал к своему кораблю, невозможно было объяснить тем, кто никогда не поднимался над землей, но между ними двумя никакие слова были не нужны. — Вернемся в тыл. Наши братья продолжают начатое, — сказал он, смотря, как подплывают два других корабля.

— Что они могут сделать в таком тумане, — сказал Тален, — да еще о драконе надо помнить, Кайерт. Если он появится...

— Опять дракон! Я уже видел истерику в Надлесье.

— Это правда, — сказал Тален, — я видел его! У чудовища размах крыльев больше, чем ширина наших парусов!

— Не может ли быть более разумного объяснения? Может быть, фандорцы вовсе не так примитивны, как мы думали? Может быть, у них тоже есть летательные аппараты...

— Кайерт, это существо было живое! Уж будь уверен. Я видел, как мышцы заставляли двигаться крылья, и я видел, как горят его глаза. Это был дракон!

Кайерт посмотрел на брата. Усталый и расстроенный, Тален говорил правду.

— Что ж, — сказал принц, — подними флаги, передай остальным кораблям приказ возвращаться на позиции над деревьями. Мы здесь ничем помочь не можем.

— А мы?

— Мы приземлимся в тылу, — сурово сказал принц, — мне нужно поговорить с Ясветром.

Эмсель быстро шел по узкой мраморной дорожке вдоль реки. Дети его заподозрили. Принцесса, должно быть, уже выслала разъезжих по его следу.

Он поднял руку к лицу, чтобы защитить глаза от яркого полуденного солнца, и посмотрел на светящуюся дорожку в пятнах оранжевых ягод, упавших с кустов. Эмсель сорвал ягоду.

По виду она была такой же, как те, что росли на колючих кустах в Фандоре. Но цвет!

Он попробовал. Ягода была сочная, с семечками внутри.

— Еще немного продержусь, — пробормотал он, набивая рот ягодами, — по крайней мере до тех пор, пока не доберусь до дворца.

Он шел, на ходу срывая ягоды и отправляя их в рот. Вскоре мраморная тропинка закончилась около пролета спиральных ступенек, поднимающихся на холм. Эмсель начал медленно подниматься по ним, ступеньки были крутые, а он устал. По сторонам лестницы росли густые кусты с тяжелым ароматом, от которого у него закружилась голова. Эмсель решил передохнуть. Сев на ступеньке, он услышал звук шагов наверху. Изгибы лестницы и густые кусты не позволяли ему видеть того, кто идет, но звук бряцающего оружия сказал ему все.

— Этого не хватало, — застонал он. — Разъезжие!

Эмсель посмотрел назад и понял, что спрятаться негде.

Ступени у всех на виду сбегали к мраморной дорожке, а та — вдоль реки. К реке не вернуться.

— И что это за суета со шпионом? — раздался сверху голос. — Крестьяне все равно в подметки не годятся нашей армии! Этот дурень ничем нам не навредит!

— Принцесса из шкурки вылезет, чтобы его найти, — сказал другой. — Что-то мне говорит, что он больше стоит, чем награда, которую назначили.

— Да не важно, — сказал первый, — всяко лучше, чем с королем на Камеранскую равнину идти. Я что-то не хочу драться, даже с фандорцами!

Эмсель прислушался. Если то, что они говорят, правда, возможно, сражение еще не началось. Может быть, еще есть время.

— Иди сюда, — сказал первый голос, — проверим реку!

Они показались — двое высоких солдат с мечами в ножнах, в шлемах и кольчугах, которые слабо отблескивали в тусклом из-за вновь набежавших облаков дневном свете. Они

заметили Эмселя в тот же момент, что и он их, и остановились в крайнем изумлении. Эмсель сделал единственное, что могло еще больше сбить их с толку. Он побежал прямо на них. Он только надеялся, что они не причинят ему вреда, ведь за него была назначена награда.

Он обогнул одного, но другой вытащил меч длиной почти в рост Эмселя. Затем он услышал лязг металла и за спиной тоже.

— Давай-ка мирно, — сказал стоящий перед ним стражник, — а то я тебя еще укорочу, коротышка.

Эмсель кивнул:

— Можешь это убрать, я человек разумный.

— Так-то лучше, — проворчал первый стражник, но меч в ножны не убрал.

Эмсель почувствовал, как острие подтолкнуло его в спину.

— Шагай, — сказал стражник сзади, — принцесса тебя хочет видеть.

Они снова зашагали по ступенькам, теперь Эмсель шел между двумя стражниками. Он думал о том, что у всего есть хорошие стороны, по крайней мере его проводят во дворец.

За лестницей начиналась тропинка в тени деревьев.

— Когда они приведут меня к дворцу, — беззвучно шевеля губами, сказал Эмсель, — мне останется только удрать от них и найти этого Ясветра.

Он посмотрел на высоченных стражников и подумал, что о побеге легко говорить, а вот сделать это будет сложнее.

Тенистая дорожка извивалась среди гигантских деревьев и маленьких деревянных домиков, некоторые из которых были устроены прямо в деревьях. Дети в старой, истрепанной одежде играли на улице, за ними присматривали сидящие на крылечках старики и старухи.

Их отцы, должно быть, были на войне. Но неужели и матери тоже? Надо же, здесь и женщины встают на защиту родины!

Через окна и распахнутые двери фандорец видел скудную мебель в этих домах и вспоминал роскошь той части леса, которую ему уже удалось увидеть. Это были дома бедняков.

Скоро улицы стали шире, вдоль них тянулись лавки и лотки. Похоже, недавно здесь был праздник или парад, потому что на деревьях еще висели вымпелы и тонкие полоски цветной бумаги. Большинство лавок сейчас были закрыты, а открытые пустовали. Через всю улицу от дерева к дереву была натянута сложная паутина из веревок, с которой свисали, покачиваясь на ветру, фонарики и флаги.

Эмсель поднял голову и уставился на переплетение веревок, под которым они шли, взглядом охватывая сложный узор. Затем он вдруг увидел что-то еще. Вдалеке, частично закрытое деревьями на аллее виднелось гигантское дерево, в котором располагался дворец! Это был самый центр Надлесья! Теперь он знал, куда идти, но как ему убежать от стражников?

Вдруг ему пришла в голову отличная мысль. Он снова посмотрел на конструкцию из переплетенных веревок, нависающую над ними. Несмотря на всю их сложность, закреплены они были только в двух местах, без сомнения, для того, чтобы проще было снимать фонарики и прочие украшения после праздника. Эмсель нахмурился, пытаясь разглядеть места крепления до того, как они пройдут под паутиной веревок.

Вот! Нашел! Вторая точка крепления была на огромном дубе слева.

Эмсель не стал терять времени. Он вдруг согнулся пополам, обхватил колени и спрятал голову, стараясь сделать как можно меньше. Стражник, идущий за ним, не понял, что произошло, пока не упал, споткнувшись о пленника. Эмсель вытащил кинжал из-за его пояса, повернулся и бросился бежать.

— А ну вставай, выродок тролля! — закричал первый стражник второму. — Он убегает!

Первый стражник помчался вдогонку. К счастью, бежать Эмселю нужно было недалеко, иначе его бы непременно настигли. Он дотянулся до дерева и резким ударом

кинжала обрезал тонкие, но крепкие желтые веревки, которые поддерживали сеть над улицей. Сеть рухнула, и стражники запутались в ней. Эмсель услышал крики ярости и звон бьющихся глиняных фонариков. Он заткнул кинжал за пояс и начал карабкаться по стволу дерева. Не оборачиваясь, он полз выше и выше, пока листва не скрыла его из виду.

С тяжело бьющимся сердцем он осмотрелся и заметил, что деревья стояли так близко друг к другу, что их ветви переплетались. Впервые за долгие дни путешествия Эмсель почувствовал себя почти дома. В ветвях его было трудно поймать, а двигаться он будет ничуть не медленнее, чем по дорожкам внизу.

Он все еще слышал стражников, как они кричали и решали, что же им теперь делать. Он криво улыбнулся.

— Если б я всегда был такой умный, — сказал он себе, — тогда, может быть, я не попадал бы впросак...

ГЛАВА 25

Иссиня-черная карета королевской семьи мчалась по главной улице Надлесья, вызывая недоуменные взгляды и удивленные возгласы горожан. Зрелище действительно было редкое. На козлах рядом с возницей сидела сама принцесса Эвирайя, напряженно всматриваясь вдаль в поисках маленького человечка с копной белых волос.

— Дюжине людей — кричала она, — дюжине людей я поручаю найти его, и никто, никто не может!

Принцесса задрала голову и посмотрела на деревья, нависающие над улицей.

— Мы должны найти фандорца до того, как он доберется до дворца!

Возница кивнул и хлестнул лошадей кнутом. Одобрение, с которым он принимал планы принцессы, объяснялось тем, что он был глух.

В карете сердитый барон Толчин утирал лоб маленьким голубым платочком.

— Сколько времени уже потеряно на этого фандорца! Нам Ясветром нужно заниматься!

Алора вздохнула:

— Мне это не нравится. Она преследует шпиона так, словно это сам Рубин!

Толчин кивнул.

— Как же! Разве не ты выставила его как препятствие на пути к трону?

— Я?! — попыталась изобразить крайнее изумление Алора.

— А ты не помнишь, что ты ей сказала? О том, что хорошо бы сначала найти шпиона, перед тем как переставлять мебель во дворце!

Алора покачала головой:

— Я всего лишь хотела показать принцессе, что есть еще много нерешенных вопросов. Нет смысла пытаться свергнуть Ясветра, основываясь всего лишь на том, что он не обратил внимания на предупреждения о шпионе.

— Эвирайе на твои тонкие намеки наплевать. Дорогая, она мечтает только о том, чтобы сидеть во дворце и всеми командовать.

Алора провела рукой по лбу, как будто прогоняя внезапную боль.

— Я думала, ты выступаешь за свержение Ясветра. Теперь ты уже опять против Эвирайи настроен?

— Нет уж, я именно за свержение Ясветра, потому как считаю, что на троне место только члену королевской семьи. Что же касается Эвирайи, то какова бы она ни была, мы сможем ею управлять!

Алора укоризненно посмотрела на мужа:

— Плохо же ты знаешь Эвирайю. Она будет управлять страной так же, как она управляет своей жизнью. Она упрямый ребенок. Если Эвирайя сменил Ясветра на троне, в стране начнутся хаос, беспорядки и мелкое соперничество.

Толчин раздвинул занавески.

— Оглянись вокруг! — сказал он. — Армия ушла на войну! Северяне обвиняют нас в том, что мы в грош не ставим их требования. На холмах около леса стоят фандорцы, а во дворе дворца появился дракон! Это ли не хаос?! Так ли все хорошо получается у рудокопа, что ты не хочешь рискнуть заменить его кем-то из Семьи?

— Я не доверяю ей, Толчин. От меня поддержки не жди, если только не будет веских доказательств измены.

— Доказательства! — фыркнул Толчин. — Если ты так хорошо знаешь принцессу, то можешь себе представить, что она их найдет, а если нет, то сама сочинит!

— И это достойно королевы?

— Королевой она будет только называться. Править будет Семья.

— Вот еще один идет, — прошептал сам себе Эмсель, сидя на дереве в густой листве и наблюдая за стражниками внизу. Это был уже пятый, которого он видел за пять минут. Если б он оставался на земле после побега, его бы уже давно поймали. Успели ли те двое рассказать о нем принцессе — сейчас не время было об этом думать. Он должен был поговорить с Ясветром или женщиной по имени Керия. Ради этого стоило рискнуть.

Он добрался достаточно быстро, учитывая усталость, накопившуюся за дни суровых испытаний. Большею частью он перебирался с дерева на дерево там, где их ветки переплетались, иногда ему приходилось карабкаться, перебирая руками по вьющимся стеблям, натянутым между ними, а изредка он оказывался на дереве, чей полый ствол служил чьим-то домом. Там были верхние крылечки и переходы, соединявшие дом с другими деревьями.

Но ближе к дворцу деревья были высажены правильными рядами. Все чаще и чаще ему приходилось совершать рискованные прыжки через открытое пространство, которые напоминали ему не только об опасности, но и его возрасте.

Эмсель преодолел еще несколько сотен ярдов, но просветы между деревьями становились все шире. Несмотря на то, что верхние ярусы пристроек королевского дворца были уже очень близко, он понимал, что оставшуюся часть пути придется проделать по земле.

Поймав длинную голую лозу, Эмсель посмотрел вниз. Там росли маленькие деревья, в тени которых можно было спрятаться. Два стражника вроде бы спали рядом с деревянным строением, откуда слышалось, как всхрапывают и перебирают копытами лошади. Эмсель подозревал, что это была конюшня. К западу от нее был небольшой пешеходный мостик. Если он проберется вдоль восточной стены конюшни, то сможет попасть на тропинку, ведущую к дворцу.

Эмсель подергал стебель. Он был блестящий и достаточно гладкий. Хорошо. Он съедет по стеблю на ветви маленьких деревьев и спрыгнет оттуда.

— Уже скоро, Йоган, — пробормотал он и, набрав полную грудь воздуха, прыгнул вниз, крепко держась за лозу.

Уже в прыжке он увидел нечто совсем неожиданное. Красивая молодая симбалийка в красном плаще быстро шла по тропинке к конюшням!

— Леди Керия! — невольно выкрикнул Эмсель вслух и изумился, когда молодая женщина подняла голову. Она увидела, как ей показалось, ребенка, который, раскачавшись, спрыгнул с большого дерева и исчез в длинных и тонких листьях стоящего рядом небольшого дерева. Она быстро побежала к нему.

На дереве Эмсель крепко сжал ветку. Он глубоко вздохнул и раздвинул тонкие, как ниточки, листья. Она видела его и сейчас найдет! Он не знал, показаться ли ему или бежать. В Симбалии сотни женщин могли носить красные плащи. Но он был уже совсем рядом с дворцом, и она подняла голову, услышав свое имя.

— А ну слезай оттуда, малыш!

Эмсель выглянул и увидел молодую женщину, стоящую руки в боки и сердито смотрящую вверх.

— Я тороплюсь! — сказала она. — Слезай сейчас же, или я сама тебя сниму.

Эмсель смотрел на нее. Насколько он мог видеть, она точно подходила под описание, данное маленькой девочкой. Прячась за листьями, он решил рискнуть.

— Вы леди Керия?

Глаза райанки расширились от удивления.

— Да. А ты кто?

Эмсель облегченно вздохнул. Наконец-то ему улыбнулась удача! Он быстро сполз по стволу дерева.

Керия увидела копну белых волос, мелькающую в листве. Его странный выговор и не менее странное появление здесь — все вдруг встало на свои места. Никакой это не мальчик!

Эмсель спрыгнул на землю прямо перед ней.

— Ты шпион, — тихо сказала Керия, — не двигайся.

В ее руке был маленький кинжал.

— Нет! — закричал Эмсель. — Это недоразумение! Вы ошибаетесь!

— Вовсе нет, — ответила Керия. — Фандора воюет с Симбалией. Пока мы говорим, ваши войска сражаются с нашими на Камеранской равнине. Действительно ужасное недоразумение.

Эмсель вздохнул:

— Значит, то, что я скажу, еще важнее, чем раньше. Если вы леди Керия, вы должны помочь мне поговорить с королем Ясветром!

Райанка молча смотрела на него. И этого человека фандорцы послали шпионить в Надлесье? Настойчивость в его голосе почему-то заставила ее засомневаться.

— Я должен передать сообщение королю Ясветру! — настаивал Эмсель. — Принцесса держала меня в плену в пещерах! У меня есть новости, которые помогут покончить с войной!

Керия опустила кинжал и подошла ближе к фандорцу.

— Принцесса? Она удерживала тебя, чтобы ты не передал сообщение королю Ясветру?

— Да! Да! Сообщение, которое остановит войну! Вы должны отвести меня к королю!

— Повернись спиной и прислонись к дереву, — сказала Керия, — я должна убедиться, что ты безоружен.

Эмсель подчинился, и Керия обыскала его. Она забрала нож, который он стащил у стражника. Другого оружия у него не было. Она подумала, не отобрать ли у него стручки, лежащие в кармане, но решила, что они безобидны.

— Надо убираться отсюда, — сказала она, — пойдём со мной.

Они быстро пошли по тропинке, с двух сторон обсаженной цветами.

— Стражники Эвирайи повсюду, — сказала леди Керия, — даже в конюшне, где я держу лошадь! Мы должны добраться до дворцовой караульной, часовые там верны Ясветру.

Эмсель кивнул:

— Принцесса и король Ясветр враги?

— Да, она хочет быть королевой.

Леди Керия ускорила шаг, и вскоре они почти бежали по широкой извивающейся дороге, это была Королевская аллея, и ступеньки впереди, не больше чем в ста ярдах, были задним ходом во дворец.

— Быстрее! — крикнула Керия. — Мы должны добраться до часового!

Эмсель старался, как мог, не отставать от молодой женщины, но он не мог бежать так быстро. Он слишком долго странствовал без крошки во рту и без сна, да и ноги его были гораздо короче, чем у нее.

— Минуту отдыха! — взмолился он, но райанка покачала головой.

— Мне нужно немедленно уехать из Надлесья по срочному делу! Ты явился в самое неудачное время!

— Прошу прощения, — сказал Эмсель, тяжело дыша и кашляя, — но мне нужно хотя бы минутку отдохнуть.

— Здесь опасно, — ответила она, — я должна отправить тебя с часовым к королю Эфрайону!

— Эфрайону? А как же Ясветр?

— Ясветр на войне! Эфрайон его предшественник! Ты что, не знаешь? Ты же шпион!

— Я Эмсель, — сказал он, — я не шпион! Я пришел, чтобы...

Его прервал приближающийся стук копыт коней и грохот колес по плитке. Сзади мчалась карета!

Керия схватила измученного путешественника за руку и почти потащила вперед.

— Что это? — спросил он.

— Беда, — ответила Керия, — кто бы это ни был, ему не стоит нас видеть.

Она отчаянно замахала рукой караульному посту, и Эмсель увидел, как небольшого

роста полный человек вышел и помахал ей в ответ.

Карета должна была вот-вот завернуть за последний поворот, и тогда их увидят.

— Сюда! — закричала Керия и потянула Эмселя в сторону от дороги. И в тот же момент они оба увидели на дороге приближающуюся черную карету. На козлах рядом с возницей сидела сама принцесса Эвирайя!

Она немедленно их заметила и закричала:

— Шпион! Это райанка и шпион! За ними!

Услышав это, Эмсель вдруг обнаружил, что в его ногах был еще большой скрытый запас энергии, и бросился вместе с Керией в кусты, росшие вдоль дороги.

— Алора! Толчин! — кричала из кареты принцесса. — Обратите внимание! Райанка в сговоре со шпионом!

Из кустов Керия видела барона, выглядывающего из кареты. Она снова схватила Эмселя за руку, но он вырвался.

— Прекрати это! — сказал он. — Куда мы идем? Карета уже проехала и направляется к дворцу!

Керия кивнула:

— Садовники ходят во дворец по тропинке, там есть ворота. Я предупредила часового. Смотри!

Пока они быстро шли по тропинке через кусты, Эмсель увидел, как карета резко остановилась у ворот дворца. Часовой вышел, чтобы встретить гостей, но, похоже, не торопился открывать ворота. Вместо этого он отчаянно жестикулировал и часто кивал, стоя перед принцессой.

Через минуту Керия открыла щеколду на калитке для садовников. За забором раскинулся сочный газон перед задней стеной дворца.

— Получилось! — воскликнул Эмсель.

— Еще нет, — ответила Керия, — ему долго принцессу не удержать.

Через несколько минут Эмселя и Керию заметили на зеленеющем лугу. Ворота позади были распахнуты.

Эвирайя бросилась вперед, позади нее спешили Толчин и Алора.

Принцесса кричала:

— Остановите их! Стража! Остановите их, пока они не забрались во дворец!

Часовой подчинился, но двигался как столетний старец.

Эмсель и Керия одним махом пересекли газон и выбежали на короткую дорожку, с обеих сторон которой росли пахучие кусты жимолости. Через секунду они были в высокой арке с колоннами, и навстречу им шли двое дворцовых часовых.

— Стража, — сказала Керия, — принцесса хочет захватить этого несчастного, остановите ее! Он под защитой Ясветра!

Караульный отсалютовал ей и двинулся навстречу принцессе, которая была уже так близко, что они снова ее видели и слышали ее крики.

— Он немного задержит ее, — прошептала Керия, — но принцесса здесь тоже может командовать... Идем за мной!

Эмсель только кивнул. На разговоры у него уже не хватало дыхания. Рассматривать красоты симбалийского дворца у него не было времени. И все же кое-что он заметил. Колонны у входа были из полированного дерева, не меньше пятидесяти футов в высоту. Пол огромного зала, в который они вошли, был выложен мраморными плитами с инкрустациями из топазов. Они пробежали через зал под высоким сводчатым потолком, с которого свисали гигантские гобелены, запечатлевшие историю Симбалии. Керия бежала вперед, не обращая ни на что внимания, но Эмсель, несмотря на то, что устал и был испуган, все равно жалел, что не может всего рассмотреть.

Они добрались до высокой узкой лестницы на восточной стене. Эвирайя, Толчин и стражники ворвались в зал, когда они были на площадке.

— Вон они! Наверху! — закричала Эвирайя. — За ними!

Керия и Эмсель поднялись на второй уровень. В ответ на раздающийся по всему дворцу зов принцессы в коридоре появились еще караульные, которые увидели, что райанка и шпион бегут в их направлении, и сразу перерезали им путь. Керия и Эмсель бросились через боковую дверь в одну из библиотек дворца. У Эмселя сердце кровью обливалось оттого, что они бегут мимо всех этих книг, свитков и карт, расположенных на полках от пола до потолка овальной комнаты. Чего бы он только ни отдал за то, чтобы порыться в этом хранилище знаний!

Они пробежали под резной аркой и вниз по извивающемуся коридору, стражники неслись за ними по пятам. Несколько слуг и гонцов уставились в изумлении на советницу короля, за которой гналась стража. Один из стражников оказался так близко, что схватил Керию за плащ, но она выскользнула, и плащ остался в руках у стражника. Затем ей удалось задержать их, рванув со стены гобелен и бросив им под ноги. Беглецы бросились вниз по еще одному пролету лестницы, который в конце концов привел их в нижний ярус, где были расположены огромные дворцовые кухни.

Здесь располагались пекарни с дразнящими запахами и дюжины кладовых. Коридор, по которому они бежали, был наполнен отдаленным шумом. Громыхали кастрюли и сковородки и перекликались повара. Позади были кухни, и оттуда бегущих обдавало волнами запахов и жара.

— У нас есть минута до того, как они найдут нас, — сказала Керия. — Расскажи мне, что ты хотел сказать Ясветру.

Эсмель глубоко вдохнул и кивнул.

— Я сам сюда отправился, никто меня не посылал, — сказал он, — но я надеюсь, что то, что я расскажу, поможет и Фандоре, и Симбалии. Мои люди обвиняют ваших в загадочной смерти наших детей.

— Что? Нападение на фандорских детей?! — воскликнула Керия. — Но это ребенка из Северного Предела Симбалии убили!

Не успел удивленный Эмсель ответить, как в коридоре раздались шаги стражи.

— Бегом! — сказала Керия. — Они нашли нас!

Она открыла тяжелую деревянную дверь, и они оказались в одной из больших дворцовых кухонь. Жар от печей был невыносим. Люди в передниках сновали туда-сюда с кастрюлями и сковородками. Керия не обращала на них внимания, хотя они изумленно смотрели ей вслед, когда она пробиралась по кухне и тянула за собой какого-то карлика.

Умиравший от голода фандорец засмотрелся на свежее испеченные булочки, но Керия тянула его дальше. Он неохотно последовал за ней, благодаря судьбу хотя бы за аромат. Они быстро прошли по скользкому полу, миновали еще одни двери и попали в маленькую кладовку. Керия закрыла за ними дверь. Помещение без окон освещалось только одной свечой.

— Мы будем здесь ждать, пока они пройдут? — спросил Эмсель.

— Нет, — ответила Керия, — ты пойдешь дальше без меня. Король Эфрайон должен знать о твоей истории.

— Как я его найду? — спросил Эмсель. — Стража вот-вот будет здесь!

Керия улыбнулась.

— Смотри и молчи, — сказала она.

Она повернулась к стене и начала поднимать длинную полку, заставленную глиняными горшками.

— Помоги мне, — сказала она, — она тяжелая.

Озадаченный Эмсель поднял руки и тоже взялся за полку. Вдвоем они смогли опустить ее на пол. И тотчас же услышали голоса стражников в кухне, а затем и пронзительный голос принцессы.

— Они идут, — сказал Эмсель.

— Слушай меня! — сказала Керия. Она оттянула деревянную доску, за которой открылась дыра в стене. Тусклый свет проник в темную кладовую, и Эмсель увидел в проеме

узкий лестничный пролет, вырезанный в стволе дерева.

— Мне показал этот путь Ясвентр, — прошептала Керия, — он долго изучал секретные переходы дворца. Ты поднимаешься по этой лестнице на восьмой уровень. Затем пойдешь налево по коридору. Оттуда пойдешь в третью, третью, запомни, комнату, Эмсель, и ты попадешь в личные покои Эфрайона.

Ее прервал стук в дверь.

— Возьми, — сказала она, быстро снимая с руки кольцо с драгоценным камнем, — это покажет Эфрайону, что ты от меня. Расскажи ему то, что рассказал мне. Доверься ему, он поможет.

— Сдавайтесь! — услышали они голос Эвирайи между тяжелыми ударами стражника в дверь. — Сдавайся, райанка, или ты окажешься в тюрьме!

— Быстрее, — сказала Керия, — они сейчас вышибут дверь!

— А ты? — спросил Эмсель. — Как я могу оставить тебя одну с принцессой?

— Обо мне не волнуйся. Я уже имела дело с Эвирайей.

Она подтолкнула маленького фандорца в дыру в стене и быстро поставила на место доску.

Однако когда она потянулась за полкой, чтобы вернуть ее на место, раздался треск. Деревянная дверь распахнулась, за ней стояли трое караульных и принцесса.

Эвирайя оттолкнула их и вошла внутрь кладовки. Она посмотрела на Керию, затем оглянулась вокруг. Ее лицо исказилось от ярости, когда она поняла, что шпиона нигде нет.

Керия спокойно сложила руки на груди.

— Принцесса Эвирайя, — сказала она, — вы хотели поговорить со мной?

Эмсель бежал по ступенькам. Позади он слышал отдаляющийся шум того, что происходило в кладовке. Леди Керия попала в руки принцессы.

— Она лучше меня знает, что к чему, — убеждал он себя. — Я надеюсь, что эта фурия с когтями не навредит ей.

Фандорец минутку отдохнул на площадке пятого уровня. Его ноги отказывались повиноваться от усталости, и он начал чихать — древняя лестница была покрыта толстым слоем пыли. Немного воздуха и света поступало через редкие вентиляционные окна.

— Еще немного, — пробормотал он и снова чихнул.

Эмсель продолжил путь вверх, считая уровни, которые он проходил. В конце концов он добрался до восьмого и повернул налево. Заметив несколько маленьких квадратных дверей в ряд в коридоре с низким сводчатым потолком, он направился к третьей по счету и толкнул ее. Дверь не поддавалась. Он изо всех сил налег на нее, и наконец она открылась наполовину. Эмсель осторожно протиснулся внутрь. Он оказался на узком балкончике, не больше фута шириной. Выглянув, он понял, что дверь была хитро замаскирована под узор на большой фреске на стене. Он находился высоко над освещенной свечами комнатой, в которой стояли удобные стулья с бархатными спинками и столы из дерева и мрамора, заваленные книгами и свитками. В другом конце комнаты он увидел седые волосы человека, сидящего в окружении книг.

— Должно быть, это и есть Эфрайон, — прошептал Эмсель. Не раздумывая более, он спрыгнул с балкончика на диван внизу.

Шум испугал седовласого человека, и он поднял голову.

— Меня прислала к вам леди Керия! — сказал Эмсель. — Принцесса взяла ее в заложницы!

Под прикрытием тумана сражение постепенно разбилось на отдельные схватки. Фандорские старейшины приказали своим людям пробираться обратно в холмы, по возможности скрытно, а там перестроиться.

Но туман начинал понемногу рассеиваться. Ветер подул с юга, разрывая белую пелену на мелкие клочки и полосы, которые извивались по низине. И все же пока вместе с деревьями, пригорками и валунами он еще скрывал фандорцев от врага.

Симбалийская армия тоже медленно перестраивалась, собираясь прочесать равнину. Ясвтр мелькал то тут, то там, с нечеловеческой точностью определяя направление движения. Он не только ни разу не сбился с пути, но и вернул в строй немало потерявшихся одиночек. Король остановил коня рядом с генералом Ворой, наблюдая, как капитаны снова формируют отряды.

— Нам не хватает людей, — сказал Вора, — пока удача улыбается фандорцам. Еще немного, и наш боевой дух будет сломлен...

Его прервали возгласы из колонн сзади. Несколько солдат показывали руками на что-то в небе. Ясвтр и Вора подняли головы и увидели корабль Кайерта, медленно и точно приземляющийся на поляну. Солдаты поймали канаты и подтянули корабль к земле. Еще до того, как он был окончательно закреплен, Кайерт и Тален перескочили через борт. Тален немедленно призвал врача, чтобы тот смазал мазью его ободранные о канат и обожженные ладони. Кайерт быстро подошел к Ясвтру и Воре.

— Добро пожаловать, принц Кайерт, — сказал Ясвтр. — Вы спасли своего брата!

Кайерт на комплимент не обратил внимания. Он стоял пред Ясвтром, скрестив руки.

— Сражение идет плохо, — сказал он, — туман рассеивается. Мы должны вызвать флот и покончить с этим.

— Нам это не удастся, — сказал Ясвтр. Он собирался продолжить, но Кайерт прервал его:

— Почему? Потому что удачный бросок топора сбил корабль моего брата? Этого не случится, если мы будем идти на достаточной высоте, вместо того, чтобы ползти так низко, чтобы можно было вшей на их головах пересчитать!

От возмущения Вора потерял дар речи.

— Дело не только в тумане, — спокойно ответил король. — В это трудно поверить, но есть еще и дракон.

Он собирался сказать что-то еще, но раздался громкий крик.

— Смотрите! Снова он!

Все посмотрели на север, туда, куда показывал испуганный солдат.

В тумане двигалось что-то огромное. Оно приблизилось сгустком черноты в небе, который казался похожим на огромную летучую мышь.

— Над облаками! — воскликнул Кайерт. — Этого не может быть!

— В укрытие! — приказал Ясвтр. — Дракон вернулся!

Во время первой безумной атаки Лэгоу пытался оставаться в задних рядах. Он хотел сдержать людей, за которых отвечал, доводами разума, но они не слушали его, и многие погибли. Он все силы приложил к тому, чтобы помочь раненым, но мало что мог сделать.

Он вдруг почувствовал себя стариком, который с каждой минутой становится дряхлее. Теперь он скорчился за валуном, прислушиваясь. Некоторое время не раздавалось никаких звуков боя, но он по-прежнему не шевелился. Он наткнулся на этот валун, пока бродил, потерявшись, в тумане. Это был одинокий серый камень, и пока никто больше к нему не выходил. Но он знал, что это только дело случая. Когда-нибудь его непременно найдут.

Лэгоу мог бы обойти валун и забраться под его нависающую часть, чтобы его было не так видно. Он устал от сражения, от всего этого безумия. Лэгоу подумал о доме, о жене и детях. Он по крайней мере оставил им неплохое наследство. И он удержал сына от этого безумия. Этим он гордился. Для эпитафии немного, но это было все, что он был в силах сделать.

Он замерзал и чувствовал себя жалким и несчастным, особенно после того, как подул ветер. Лэгоу бросил беглый взгляд вверх и заметил, что туман начал рассеиваться. Теперь он слышал что-то — завывания ветра, похожие на тяжелое дыхание. Оно приближалось с севера. Сначала он не обратил внимания на звук, он слишком устал, чтобы вслушиваться, но потом зловещий ритм заставил его оторваться от камня и обойти его, чтобы посмотреть в небо.

Звук становился все громче. Лэгоу всматривался в туман. Его глаза расширились от ужаса, когда над ним пролетело огромное крылатое чудовище. Лэгоу в панике отступил назад и споткнулся обо что-то мягкое, которое явно не было холмиком земли. Лэгоу посмотрел вниз. Он стоял на руке, и это была рука Тенньела. Молодой старейшина лежал на спине с закрытыми глазами и бледным лицом, а в плече у него засела симбалийская стрела.

— Мне конец, да? — слабо спросил Стеф.

— Лежи смирно, — проворчал Юрген. — Конец будет, если я не перевяжу тебя как следует.

Стеф лежал в мокрой траве под кустом со сладко пахнущими листьями. Он был бледен и дрожал. В морозном воздухе от раны поднимался пар, и кровь сочилась хоть медленно, но без остановки.

Юрген сидел на корточках рядом, перевязывая рану лоскутом своей рубашки. Рана была большая, но не глубокая. Симбалийский меч, который нанес удар, вспорол кожаные штаны Стефа и срезал изрядный кусок плоти с бедра. Юрген того симбалийца свалил ударом топора, но успел еще получить от него удар по голове тем же клинком. Теперь у него за ухом зрела большая синяя шишка, и, продолжая работать, Юрген встряхивал головой, пытаясь избавиться от головокружения. Перед его глазами все расплывалось.

— Как думаешь, мы побеждаем? — сказал Стеф.

— Трудно сказать. Насколько я знаю, скомандовали отступление, но там еще остались дураки, которые продолжают биться.

— Говорил я тебе, эти семечки нам не помогут! — Стеф посмотрел на свой браслет на левой руке, с презрением разорвал его и выбросил.

— Эй, — сказал Юрген, — не спеши! Почему тебе знать, может, ты только из-за них и жив пока? Лично я их оставлю до тех пор, пока домой не вернусь, в свою кровать, а может, и тогда не сниму. Мне они не мешают.

Он крепко затянул повязку и поморгал.

— Нам бы сейчас поискать, где укрыться. Что-то ветер больно холодный.

Он потряс головой.

— Туман сгущается, что ли?

— Да нет, — сказал Стеф, — вроде, наоборот, рассеивается.

— Тогда это все глаза. Поганый сим чуть их мне вовсе не вышиб. Лучше бы найти местечко, где полежать, что-то мне кажется, я далеко не уйду.

Он дрожащей рукой дотронулся до шишки.

— Слышь? Что-то там еще? Как волны...

— И я слышу, — сказал Стеф, — как кузнечные мехи, громче становится. Там... — он вытянул палец на север, затем вдруг схватился за Юргена. — Смотри!!!

На какой-то миг в просвете показалось небо, в котором парило существо. Стеф прижался к Юргену, бессвязно бормоча:

— Чудовище, Юрген! Что делать, что делать?..

Юрген смотрел, как гигантское чудовище исчезает вдаль, хлопая крыльями с шумом, похожим на раскаты грома.

— Для начала, — сказал он, — ты лучше найди те стручки, которые выбросил.

Йондалран, Пеннел и Дэйон смотрели, как чудовище приближается, а туман рассеивается перед ним, как будто сильные крылья разгоняли последние его клочки. Вокруг них фандорцы кричали от ужаса, но страшная летучая тварь шла прямо на них, явно собираясь напасть.

— В укрытие! — закричал Йондалран, хотя сам стоял в чистом поле, подняв копье. Дэйон вырвал у него из рук оружие и толкнул старика под дерево.

— Есть вещи, с которыми ты просто не можешь бороться, отец! — выкрикнул он.

Те, кто оказался в тот момент в поле, бросились врассыпную, когда холдраг снизился.

Волна воздуха, поднятая его крыльями, некоторых сбила с ног. Из-под куста Пеннел смотрел, как тварь рыщет над землей, словно пытается что-то найти.

И все же, несмотря на блуждающий курс, чудовище приближалось к фандорцам. Йондалран смотрел, как оно приближается, в ярости скрипя зубами.

— Вот и наслали на нас свою магию! — сказал он. — Но нас не остановишь!

До того как Дэйон успел остановить его, старик вышел из укрытия в поле и пошел навстречу твари.

— Давай покажи, на что ты способен! — выкрикнул он, грозя чудовищу кулаком. — Не испугаешь!

— Отец! — закричал Дэйон, ожидая, что тварь вот-вот схватит старика огромными когтями, но, к его изумлению, монстр внезапно изменил курс и резко завернул прочь от холмов, как будто чего-то испугался. Он направился через равнину в сторону симбалийцев.

Йондалран смотрел твари вслед.

— Вы это видели? — закричал он Дэйону и Пеннелу. — Вы видели, как оно бежало от нас? Теннел был прав — ведьмино средство действует! Мы отбили самое страшное оружие симов!

— Вроде бы да, — сказал Пеннел, но подумал о том, что на этой войне ничего не было тем, чем казалось.

Всадники двух других кораблей тоже видели, как был сбит корабль Талена и как Кайерт спас брата. Они продолжали парить над низиной, высматривая фандорцев, но туман стал слишком густым, и действия их потеряли смысл. Они парили над белесой гущей тумана, сквозь которую до них доносились звуки сражения. И поэтому они вслед за Кайертом направились к земле в тылу. Но поскольку они были дальше от тыла, чем принц, они все еще были в воздухе, когда подул ветер и вынудил их сместиться к южной оконечности вытянутой низины. Они возвращались медленно, потому что курс приходилось держать против ветра. И тогда они увидели ужас, летящий на них с севера.

На земле, спрятавшись в кустах, Виллен и Твил видели, как приближалась тварь, похожая на дракона. Им казалось, что она приближается со стороны фандорцев, из-за холмов.

— Клянусь оленем! — воскликнул Виллен. — Ты это видел, Твил? Они его напустили на нас!

— Похоже, что слухи-то были правдой, — сказал Твил, — фандорцы управляют драконом.

— Если это тот же дракон, что напал на Надлесье, а не еще один, — сказал Виллен, — смотри!

Он показал пальцем на юг. В рассеивающемся тумане просматривались очертания приближающихся кораблей.

— Вижу! — ахнул Твил. — Виллен, дракон их заметил!

Холдраг приблизился к симбалийским войскам, и солдаты, так же как фандорцы, бросились врассыпную в поисках укрытия. Затем холдраг резко изменил курс, увидев корабли. Он повернулся к ним и набрал высоту. Всадник увидел гигантское чудовище, всплывшее из тумана под корпусом корабля. Чудище было куда больше одноместного кораблика. Всадник затушил угли, пытаясь приземлиться, но ветер и воздушная волна, поднимаемая крыльями холдрага, заставляли кораблик рыскать по воздуху и резко накрениться. Всадник видел когти, каждый с его руку длиной, когда холдраг поднялся над кораблем и попытался вцепиться когтями в парус. Когда тонкий материал разорвался, всадник закричал. Газ вырвался, всадника едва не сбросило за борт, но корабль, вместо того чтобы упасть, вдруг поднялся. Всадник понял, что чудовище тянет корабль вверх, но паруса, не наполненные синдрийским газом, не могли сдерживать вес корабля. Корабль оторвался, оставив в когтях дракона обрывки парусов. Всадник ощутил момент невесомости, когда разрушенный корабль летел к земле. Последнее, что он видел, был холдраг, направляющийся к другому кораблю.

Второй корабль был в более выгодной позиции, холдрагу пришлось сделать круг, чтобы приблизиться к нему, и таким образом подставить бок под выстрел.

Всадник видел, что одна стрела попала в круп, а вторая разорвала тонкую перепонку крыла. Холдраг зашипел от боли и скользнул вниз, исчезнув в тумане.

Он пронесся низко над симбалийской армией, а затем поднялся над деревьями и направился к центру леса. Он кричал от боли на лету, пугая спрятавшихся в лесу людей.

На краю леса Тален взлетел в седло и, прищипорив лошадь, помчался к упавшему кораблю. Надежды на то, что всадник выжил, не было. Корабль не спланировал на землю, как это произошло с кораблем самого Талена, а рухнул, как брошенная гигантским ребенком игрушка.

— Точно, он в союзе с фандорцами! — воскликнул генерал Вора. — Они приказали ему напасть на воздушные корабли, а теперь он направился в Надлесье!

— Мне показалось, он пытался утащить корабль, — сказал Ясвтр. — Я видел, как мой ястреб делает то же самое с кроликом.

— С той же целью, несомненно! — воскликнул Кайерт.

Солдаты помогли закрепить на земле второй корабль. Двое солдат стояли на страже рядом с единственным пленным фандорцем. Это был угрюмый дородный кузнец из Боргена. Стражники связали его сыромятными ремнями, но недооценили силы кузнеца. Он попробовал потянуть ремни на запястьях и понял, что сможет разорвать их в любой момент. Казалось, что удобный момент может наступить очень скоро. Сумятица была ему на руку. Пленный фандорец не отрывал глаз от воздушного корабля.

ГЛАВА 26

Старый король смотрел на невысокого человека, который устало откинулся на спинку покрытого черным шелковым покрывалом дивана.

— Если то, что ты говоришь, правда, — прошептал старик, — мы должны немедленно известить Йондалрана и Ясвтра!

— Наконец-то я нашел кого-то, кто может помочь! — сказал Эмсель дрогнувшим

голосом. — Король Эфрайон, это будет означать конец войны!

Старик покачал головой:

— Боюсь, что это будет только первый шаг.

— Но я рассказал вам правду! — заторопился Эмсель. — Наши люди не нападали на ребенка, они пошли на войну по тем же причинам, что и Симбалия! Конечно, кто-то напал на детей и у нас, и у вас. Я этого не понимаю, но знание об этом должно остановить Фандору и Симбалию от взаимного убийства!

— Ах, если б все было так легко, Эмсель, войны бы не было вообще. Я сообщу Ясветру, — сказал король, — но только боюсь, что разгадать тайну гибели детей нам не дано в том мире, который мы знаем.

Эти слова озадачили Эмселя, он склонил голову набок, совсем как ребенок.

— Пойдем со мной, — сказал Эфрайон, — я объясню.

Эмсель подошел с королем к столу из палисандрового дерева в другом конце комнаты. Эфрайон вынул из ящика большую книгу в коричневом, инкрустированном драгоценностями переплете.

— Нам не подвластен ход сражения, — сказал он. — И все из-за этого.

Эмсель взял книгу и открыл там, где между страниц лежала желтая лента. Он нахмурился, сожалея о том, что его очки для чтения были поцарапаны так, что ими уже нельзя было пользоваться. Но рисунок, к его удивлению, был достаточно крупным, чтобы его можно было во всех деталях рассмотреть без очков. На рисунке было существо с двумя крыльями, свирепой мордой и огромными черными когтями.

— Это дракон! — сказал Эмсель.

— Нет, — ответил Эфрайон, — это холдраг.

— Холдраг? Я читал много легенд, но нигде не читал про холдрагов.

— Я не удивлен. Фандора — молодая страна, Эмсель, а Симбалия хотя и старше, но все-таки не так стара, как южные земли. Эти легенды зародились до того, как на картах появились наши страны.

— Тогда это может быть правдой, — задумчиво сказал Эмсель, — и все же разве может война начаться из-за легенды?

— Это не легенда. Я сам видел холдрага, как и многие другие.

Эмсель изумленно смотрел на старого короля, который между тем продолжал:

— Я думаю, что многое из того, что мы привыкли считать южными сказками, на самом деле история, история земель, лежащих далеко на севере.

— На севере от моря Драконов?

— Да, — ответил Эфрайон. — Леди Керия тоже уже знает об этом. Она не знает о холдрагах, но она собиралась отправиться в Валианские равнины, чтобы найти доказательства правдивости легенд. Там, в равнинах, может находиться драгоценный камень, содержащий сведения об истории драконов.

Эмсель положил книгу на письменный стол.

— Драконы в легендах были мирными существами, — пробормотал он, — но эти холдраги вовсе не такие.

— Холдраг напал на караульного в Надлесье, — сказал Эфрайон, — но я не знаю, почему он появился.

Вдруг Эмсель вспомнил дни, проведенные в заливе, дни, когда реальность и галлюцинации, вызванные голодом, смешались в его воспаленном мозгу, по крайней мере он тогда так думал. Ведь он слышал звук хлопающих гигантских крыльев, и видел что-то неясное, большое, пролетевшее над облаками?

— Мальчик, которого я встретил, убежав из туннеля, говорил о драконе, но я-то решил, что он все выдумал, — сказал Эмсель.

— Это не выдумки, это ужас, который грозит обеим нашим странам. Холдраг — дальний родственник дракона, но он меньше, и у него нет ни ума, ни благородства. Дышать огнем они, похоже, тоже не могут.

Эмсель задумался, а затем спросил:

— Почему холдраг не появлялся до сих пор?

— Согласно легенде, которую я только что отыскал, холдраги всегда подчинялись драконам, а те запрещали холдрагам приближаться к людям.

Эмсель посмотрел на рисунок.

— Догадываюсь почему. Это существо похоже на хищника. Если оно такое большое, каким выглядит на картинке, оно очень опасно для людей.

Эфрайон забрал у фандорца книгу.

— Именно поэтому, — сказал он сурово, — тебе придется отправиться в земли драконов.

— В земли драконов? — переспросил Эмсель, вцепившись в стол, внезапно почувствовав головокружение.

— Если Керию возьмут в плен, она не сможет выполнить свою миссию. Ты можешь оказаться нашей единственной надеждой, Эмсель, и надеждой Фандоры тоже. Ты должен узнать, почему холдраги напали. Ты должен разгадать их тайну и принести нам весть! Тебе доверят судьба Фандоры и Симбалии!

— Мои люди считают меня шпионом!

— Ты будешь героем.

— Я не хочу быть героем, — сказал Эмсель, — я хочу мира! Я хочу узнать правду о гибели Йогана! За это я чувствую свою ответственность!

— Значит, ты должен согласиться. Только узнав правду о холдрагах, мы сможем разобраться в том, почему погибли дети!

— Я устал, — ответил Эмсель, — я уже много дней в пути, без еды и сна. За мной гнались, на меня нападали, взяли в плен, допрашивали, охотились на меня, я был заживо погребен, вымок до нитки, а теперь вы хотите, чтобы я еще становился героем?

Эфрайон улыбнулся:

— У тебя нет выбора, Эмсель из Фандоры. Ты должен отправиться в путь. Ты должен выяснить, почему появился холдраг.

Эмсель смотрел на короля. Лицо Эфрайона избороздили морщины, оставленные годами и усталостью, но он многое успел. Расшифровать книги и карты было непросто. И все же старый король нашел разгадку, и всего-то за несколько дней.

— Если ты останешься здесь, — сказал Эфрайон, — принцесса найдет тебя и снова заключит в камеру еще до наступления ночи.

Король протянул руку и взял свиток со стола.

— Ты должен отправиться на север, чтобы узнать, почему холдраги нарушили закон, установленный драконами. Ты отдохнешь в пути, но сначала ты должен покинуть дворец. Ты должен узнать, почему сами драконы не предотвратили убийства наших детей.

Эмсель кивнул:

— Что ж, ради Йогана я должен идти. Я не могу иначе. Мне не позволит совесть.

Эфрайон улыбнулся.

— Да, — прошептал он, — и когда ты вернешься к нам с ответом, твоя совесть будет снова чиста.

— Нет, — сказал Эмсель, — ребенок погиб из-за моей небрежности. Мне никогда об этом не забыть!

— Но тебя должно успокоить то, что ты спасешь тысячи других. — Эфрайон спрятал свиток, который держал в руках, в глубоких складках своего платья. — Нам пора. Стража может появиться в любой момент.

Эмсель смотрел, как король потянул за шнурок звонка рядом со столом.

Раздался грохот какого-то механизма,двигающегося, как показалось фандорцу, прямо в стене. Затем Эфрайон раздвинул затканную штору, и открылся темный проход в стене. Похоже, весь дворец был пронизан системой тайных переходов. Нешуточные здесь, наверное, плелись интриги!

Эфрайон заметил взгляд гостя и улыбнулся.

— Большинство этих проходов редко пользуются, — сказал он, — как ты, наверное, заметил по слою пыли, но лучше иметь их и не пользоваться, чем в них нуждаться, но не иметь!

Король зажег от свечи факел из горючего мха, затем пригнулся и вошел в низкий дверной проем. Эмселю пригнуться не пришлось.

К удивлению фандорца, они оказались не в коридоре или на лестнице, а в небольшой комнатке.

— Думаю, этот способ передвижения покажется тебе чуть менее утомительным, — сказал Эфрайон, протянул Эмселю факел и медленно повернул колесико на стене.

Эмсель снова услышал грохот противовесов, приближающийся издалека, и в тот же момент дверь, в которую они вошли, опустилась и исчезла под полом. Через секунду полного замешательства Эмсель с восторгом осознал, что маленькая комната быстро поднималась вверх по шахте, расположенной в центре гигантского дерева, несомненно под воздействием скрытой системы блоков и лебедок.

— Это гениально! — воскликнул Эмсель. — Замечательное применение очень простой идеи!

— И гораздо приятнее для старика.

Через несколько минут он снова повернул колесико, и мчащаяся мимо стена замедлила ход и остановилась. Там была еще одна дверь, которую Эфрайон осторожно открыл. Эмсель увидел часть широкого зала с высоким потолком, опирающимся на колонны. Огонь в настенных светильниках освещал помещение, которое было практически пусто, если не считать бочек, рулонов материи и бухт канатов, уложенных вдоль стен. Из дальнего, не видного Эмселю, конца помещения проникал тусклый свет облачного дня.

— Шагай потише, — предупредил король фандорца, — мы приближаемся к взлетной площадке дворцового воздушного корабля.

— Воздушного корабля? — переспросил Эмсель. — Вы, я надеюсь, не думаете, что я полечу на корабле?

— Иначе тебе не успеть, — прошептал Эфрайон и прижал палец к губам. — Я отвлеку стражника, пока ты заберешься на борт.

— Король Эфрайон. — взмолился Эмсель, — я понятия не имею, как корабль вообще летает! Я только раз и был на борту, да и то с завязанными глазами!

Эфрайон улыбнулся:

— Ты сообразительный малый. Если ты смог построить нечто столь удивительное, как летающее Крыло, о котором ты мне рассказывал, ты обязательно разберешься в том, как управлять кораблем.

Когда они вышли из лифта, Эмсель выглянул из-за спины короля, и то, что он увидел, заставило его сердце биться учащенно. Комната была больше, чем городская площадь в Тамберли, и упиралась прямо в небо! Не было целой стены!

В проеме арки в стволе дерева стоял воздушный корабль. Он был меньше, чем тот, который подобрал Эмселя в заливе, и его ярко раскрашенные паруса бессильно висели. И все же он был красив. Рядом стоял одинокий стражник.

— Спрячься за мной, — сказал Эфрайон, и Эмсель притаился за его спиной.

— Караульный, — кричал Эфрайон, — быстро сюда! Я видел фандорского шпиона на этом уровне!

Стражник бегом покинул пост и поспешил на зов.

— Быстро! — приказал Эфрайон. — Проверить зал!

Стражник, ни минуты не медля, бросился прочь. Как только за ним закрылась дверь, старый король и фандорец бросились к кораблю и по веревочной лестнице забрались на борт.

Эфрайон быстро прошел в центр палубы, где Эмсель заметил металлический короб, в котором лежали драгоценные камни.

— Теперь смотри, — сказал король и начал брызгать на камни водой из небольшого кожаного бурдюка. Когда вода попала на голубые синдрийские камни, они зашипели и задымились.

Эмсель в изумлении смотрел, как паруса корабля начали надуваться. Камни производили огромное количество газа. Скоро будет достаточно, чтобы полностью надуть паруса.

— Мне нужно идти, — сказал Эфрайон, — продолжай, пока паруса не надутятся полностью. Полотнища действуют так же, как паруса морских кораблей. Есть простые рычаги на корме, чтобы ими управлять. Самое главное — чувствовать ветер. Судя по твоим остальным приключениям, ты с этим справишься.

Эфрайон бросил быстрый взгляд на дверь зала.

— Нам повезло, что большинство стражи забрали на войну. Я буду отвлекать оставшегося как только смогу долго.

Эмсель кивнул и продолжил раздувать огонь.

— Мне нужно знать, куда лететь! — сказал он. — Я слишком мало знаю о Надлесье, чтобы слепо лететь на север. А как насчет еды и воды?

Эфрайон кивнул и вынул свиток из кармана.

— Это старая карта одного уважаемого всадника ветра. Его звали Эйлат, — сказал он, кладя карту на крышу низкой каюты. — Припасы в каюте, — сказал он, затем вытянул длинную жердь из паза в корпусе. — Когда паруса надутятся, оттолкнись этим от платформы.

Положив жердь на место, король протянул Эмселю руку:

— Ты вернешься, Эмсель из Фандоры. Ты вернешься с миром.

Эмсель схватил монарха за руку.

— Помни о легендах, услышанных в детстве, — продолжил король, — ибо, исходя из моего опыта последних дней, в них может быть больше правды, чем мы когда-либо могли предположить.

Он поднял голову и увидел, что паруса быстро наполняются газом.

— Мне пора, — сказал он и спустился по лестнице. — Доброго пути, Эмсель!

Фандорец молча помахал рукой и начал освобождать канаты, удерживающие корабль на пристани.

— Доброго пути, ага, — пробормотал он, когда вдали стихли шаги старика. — Я тут собираюсь прямо в пасть к чудовищу, а он желает мне доброго пути!

Освободив все концы, кроме самых главных, Эмсель снова поспешил к топке, чтобы поддать огня. Затем он взял в руки карту и прошел на нос корабля. Он хотел убедиться в том, что хотя бы в общих чертах знаком с планом своего путешествия, а заодно разобраться в управлении до того, как отправиться в путь. Он не мог удержаться и с восторгом смотрел на замысловатую конструкцию парусов, которые волнами выгибались над его головой.

Медлить, однако, было нельзя. Дверь в дальнем конце зала вдруг распахнулась настежь, и вошли два стражника. Эмсель рассудил, что они подчинялись Эвирайе, потому что, увидев корабль, чуть приподнявшийся над взлетной площадкой, они бросились вперед, крича, чтобы Эмсель сдавался.

— Пора, — сказал себе Эмсель, — жаль только, попрактиковаться не успел.

Он сбросил большой канат за борт и оттолкнулся от дощатой пристани шестом. Паруса еще не до конца наполнились газом, палуба опасно качнулась под ногами, фандорец упал. Стражники метнули в него копья, но они не долетели. Эмсель с трудом поднялся на ноги. Он выглянул за борт и тотчас же понял, что ему следовало оставаться поближе к рычагам управления. Вершина дворца и лес вокруг были уже под ним. В передних парусах было явно слишком много газа, и палуба круто накренилась.

Эмсель выровнял давление газа, схватился за рулевые рычаги и вскоре нашел, какое именно положение выравнивало корабль. Паруса стали жесткими. Он вернулся в центр палубы и взял карту, которую ему дал Эфрайон, чтобы проложить курс на север, в земли

драконов.

Он заметил, что низкие облака начали рассеиваться. Над зеленой крышей леса появилось солнце. Эмсель смотрел, как на фоне его пролетела стая темных птиц. Здесь, в вышине, царил покой. Трудно было поверить, что людей, живущих в таком прекрасном мире, заботили война или интриги.

Подумав о войне, Эмсель сразу вспомнил о Йогане, о Крыле и взялся за работу. У него будет мало времени наслаждаться пейзажем. Корабль все еще поднимался и теперь находился в опасной близости к северному ветру. Эмсель видел, как над ним северный ветер разрывает верхний слой облаков. Затем он заметил стаю птиц, как ему показалось, приближающуюся к нему. Но когда разошлись облака, он увидел, что птица только одна. Странно, подумал Эмсель, как отсутствие перспективы в небе может обмануть человеческое зрение.

А затем, похолодев от ужаса, словно в подземной реке, Эмсель понял, что летящая прямо на него тень — огромная, слишком большая, чтобы быть птицей. Он смотрел и смотрел, как она приближается.

Это была не птица. И не стая птиц. Это был холдраг.

Эмсель в ужасе вцепился в борт. Гигантские крылья существа несли его быстрее, чем ветер нес кораблик фандорца. Желтые глаза, каждый размером с голову Эмсея, были устремлены прямо на него. Он летел к нему, выпустив когти, которые с легкостью могли бы разорвать паруса в клочья.

Или разорвать Крыло, на котором летит смеющийся ребенок.

Эмсель задрожал. У него не было времени осмыслить слова Эфрайона. Ошеломляющее известие о том, что драконы и холдраги в самом деле существуют, вело к стольким выводам, что Эмсель запретил себе думать об этом, пока корабль не покинет пределы Симбалии. А сейчас, в тот момент, когда он стоял, уставившись на чудовище, все слова, намеки и недомолвки сложились в его мозгу. То, на что намекал Эфрайон, было правдой! Он так и не видел ни обломков своего Крыла, ни тела Йогана, но знал обо всем со слов Йондалрана. Крыло было изодрано в клочья, а тело мальчика избито и сломано так, что никакое падение не могло этого объяснить. Дочку пастуха тоже что-то подняло в воздух и поступило с ней так же. Йондалран обвинял симбалийского всадника ветра, и в самом деле, как еще такое могло произойти?

Как еще, если не с помощью этих жестоких когтей и зубов, которые сейчас приближались к нему?

Эмсель отпрыгнул назад и открыл трубу топки. Корабль в результате резко дернулся вверх и покачнулся, когда холдраг пронесся под ним, возмутив воздух. Эмсель смотрел, как холдраг медленно, как будто лениво, разворачивается. Чудовище снова подлетело достаточно близко, но пока не сделало попытки напасть. Затем зверь прошел мимо и продолжил свой путь на север, поднимаясь все выше.

Эмсель раздул огонь, и корабль тоже поднялся. Нельзя было упустить зверя из виду! Эмсель видел, как северный ветер рвет облака. Если подняться выше, корабль захватит воздушное течение. Нижние его слои уже заставляли вздрагивать верхушки парусов. Это напомнило ему силу, тянувшую его лодку из залива в Северное море, где он и видел холдрага и подумал, что ему это снится.

— Йоган, — сказал он, — был ли этот желтый глаз последним, что ты видел в своей жизни?

Холдраг вернулся. Он сделал круг над кораблем, а затем снова двинулся на север. Так вот в чем дело! Он хотел, чтобы Эмсель следовал за ним! Он не собирался нападать, по крайней мере пока.

Эмсель посмотрел на чудовище.

— Они дерутся из-за тебя? — тихо спросил он. — Это из-за тебя началась война?

Эмсель полностью открыл крышку топки. Корабль немедленно поднялся еще выше и оказался в лапах северного ветра. Пути назад не было. Его поймал воздушный поток,

который принесет его за море Драконов, в земли, где легенды перестали быть легендами.

— Завтра в это время я уже буду королевой!

Слова Эвирайи кинжалом вонзались в сердце Керии.

— Ясвтр будет свергнут, моя дорогая. Уж для этого Семья объединится.

Принцесса велела привести Керию в небольшую комнату в своем особняке. Это была гостевая спальня, пышно обставленная, с круглой кроватью и комодом под небольшим окошком. Но Керия знала, что здесь она не гостья. Ее взяли в плен на кухне дворца и быстро увезли до того, как верные Ясвтру караульные могли успеть прийти ей на помощь. Все действия Эвирайи поддерживал барон.

— Ясвтр очень скоро перестанет быть королем, — повторила принцесса, — а ты, моя цыганская барышня, будешь инструментом его свержения!

Керия старалась не показать охвативший ее страх. Она еще никогда не видела Эвирайю столь уверенной в себе. Пустая, вздорная принцесса-интриганка исчезла, а на ее месте была женщина, которая на глазах становилась смертельно опасной. И хотя ее жестокость казалась наигранной и злодейский вид слегка абсурден, все же Керия почти верила, что эти длинные ногти действительно покрыты ядом.

— Видишь ли, — продолжала Эвирайя, — сговор с врагом — это измена. Несколько дворцовых стражников и много челяди видели, как ты пыталась спасти от ареста фандорского шпиона. Как министр внутренних дел и ближайший советник короля ты ближе к нему, чем сама Семья, твои действия все равно что его собственные! У нас нет иного выбора, кроме как предположить, что ему известно, чем ты занималась.

Принцесса поднесла руку к груди жестом издевки над клятвой верности, которую давала Керия, заступая на государственный пост.

— Как грустен день, когда райанка пытается помочь врагу симбалийского народа!

Керия снова промолчала. Она не могла вынести мысли о том, что принцесса использует ее против Ясвтра. Они слишком долго боролись за признание, она слишком долго ожидала возможности внести голос райан в дела Симбалии, чтобы сейчас быть поверженной.

— Похоже, ты еще не нашла шпиона, — сказала она наконец. — Я, возможно, могу помочь.

Глаза Эвирайи расширились как у ребенка, впервые увидевшего новую игрушку.

— Ты хочешь сознаться?

Керия не смотрела на нее, уставившись на комод за ее спиной.

— Ну не знаю, — сказала она, — если б у меня была причина говорить... я давненько не видела свою семью...

Эвирайя улыбнулась:

— Я хорошо отношусь к тем, кто помогает мне. Несомненно, внезапный отъезд можно было бы организовать, если ты полностью раскроешь роль Ясвтра в этой истории. Шпион меня меньше волнует. Он не может выбраться из дворца незамеченным.

— Я много могу рассказать, принцесса. Даже не знаю, с чего начать. — Керия посмотрела на дверь рядом с комодом. — Но я должна быть уверена, что мы говорим абсолютно наедине. Я очень смущена.

— Но мы одни, дорогая, — сказала Эвирайя, беспокойно озираясь.

— Нет, — ответила райанка, — я чувствую, кто-то стоит за дверью.

Принцесса, ни слова не говоря, развернулась, потянула за ручку двери и увидела Мезора, быстро удаляющегося по коридору.

— Вернись! — крикнула она, а затем обернулась к пленнице: — Одну минутку, Керия. Мезор, — прошептала принцесса, — райанка хочет во всем признаться! Сделай так, чтобы никого поблизости не было, пока я не позову.

Мезор неодобрительно вздохнул:

— Вы уверены, принцесса? Она может попытаться...

— Она настаивает на разговоре один на один!
— Что будет плохого, если один часовой останется...
— Ты же знаешь, она все чувствует! Живее! Уходи! Убери отсюда всех, пока она не передумала!

Мезор неохотно кивнул и поспешил вниз по небольшому лестничному пролету. Эвирайя вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

— Ну, так что ты хотела рассказать мне?

Керия подобрала шарик из ароматических трав, лежавший на блюде на комод, и вертела его в руках.

— Не знаю, что сказать, — начала она, приближаясь к принцессе, — моя жизнь... разваливается... вот так!

Она быстро поднесла шарик к носу Эвирайи и сжала его пальцами. Сухой шарик рассыпался, Эвирайя ахнула от удивления, а затем, когда пыль забила ей в нос, чихнула. Керия схватила маленькую гипсовую статуэтку с подоконника и с размаху ударила принцессу в затылок, как раз под взбитыми наверх волосами. Эвирайя с криком упала на колени, а Керия прыгнула к маленькому окошку.

— Пока я жива, не быть тебе королевой! — выкрикнула она и исчезла за окном.

— Мезор! — закричала принцесса. — Мезор! Райанка сбегает!

Через миг дверь распахнулась, и на пороге показались ее советник и стражник.

— Она сбежала! — воскликнул Мезор, помогая Эвирайе встать на ноги.

— Грязная райанка! — Принцесса снова чихнула. — О, Мезор, у меня голова раскалывается! Там есть кровь? Только не говори мне, что там кровь — я испорчу платье! Ох, я еще посажу ее в подземелье за это!

— Ей не уйти далеко, — сказал Мезор, — она выпрыгнула из окна. Это второй этаж, она, должно быть, ноги переломала.

— Нет, не переломала, — сказал стражник, который смотрел в окно.

Эвирайя и Мезор тоже выглянули. Во двореке не было и следа Керии.

Таясь в кустах сада, Керия крадучись бежала к соседнему особняку. Она приземлилась на широкие, спружинившие листья растения под окном гостевой спальни и сейчас бежала к лошади, привязанной к дереву.

— Вон она! — закричал Мезор. — Она направляется к дому леди Тенор! Задержать ее! — приказал он стражнику.

Стражник направился было к двери, но принцесса остановила его.

— Постой, — прошептала она, легонько запустив ногти в его плечо, — останься здесь.

Мезор в изумлении уставился на нее.

— Вы с ума сошли? После всего, что мы... вы... сделали? Райанка — ключ к успеху нашего предприятия!

— Ты прав, Мезор. Ее действия имеют для нас решающее значение.

— Так чего же вы ждете, позволяя ей убежать?

— Если Керия сбежит, ее нельзя будет допросить. Если ее нельзя допросить, баронесса не сможет высказать сомнений в моих обвинениях против райанки. Она тоже видела, как Керия тащила шпиона через дворец. Это и все изменнические действия, которые последовали, — больше чем достаточно, чтобы выиграть голосование Семьи.

Мезор покачал головой:

— Вы слишком уверены в себе. Керия доберется до Ясветра и предупредит его.

— Ты слишком беспокоишься! — одернула его Эвирайя. — Керия отправится на юг, чтобы снова присоединиться к райанскому лагерю. Несмотря на все их таланты, райане — воры и лгуны. Ясветр ей больше не нужен. Она теперь в другом месте поищет счастья! Не думаю, что мы еще увидим Керию.

Эвирайя еще раз повернулась к окну. Оттуда она видела маленькую фигуру в красном плаще, мчавшуюся верхом к просвету в лесу, окружающем дворец.

— Сзови Семью, — спокойно сказала она, — я желаю обсудить будущее рудокопа.

— Может быть, мы по крайней мере предупредим стражу между Надлесьем и Камеранской равниной? — спросил Мезор. — Если Керия все же попытается добраться до Ясветра.

— Это не имеет значения, — сказала Эвирайя, — если ее и найдут в объятьях рудокопа.

Еще один человек, так же как принцесса, смотрел на удаляющуюся фигуру в красном. Эфрайона вид вороной лошади, легко перепрыгнувшей живую изгородь на краю дворцовой территории, успокоил.

— Она достойна тебя, Ясветр, — прошептал он. — Мы потеряли время, но не надежду. Фандорец напал на след дракона, а Керия — их прошлого.

Старик медленно поднялся, чтобы подготовиться к тому, что нужно было сделать. Ему нужно было передать срочное сообщение, и доверить это он мог только старому другу.

Туман в конце концов поднялся над большей частью Камеранской равнины. Это, однако, сопровождалось усилением ветра, и потому использовать воздушные корабли было по-прежнему рискованно.

Фандорцы вернулись в холмы, а симбалийцы собрались на другой стороне равнины, вблизи леса. Ясветр отменил приказ идти в атаку на холмы, опасаясь нового нападения дракона.

— Мы можем окружить холмы и пересидеть их, — сказал генерал Вора королю, — но там полно фруктовых деревьев, да и мелкой живности много бегаёт, они могут несколько дней продержаться.

— И дракон может в любой момент вернуться, — сказал Ясветр.

Генерал пожал плечами:

— Нам нужно больше людей, чтобы ударить по холмам.

Виллен стоял рядом. Когда эти слова были сказаны, он повернулся к генералу и сказал:

— Мы могли бы выиграть эту войну для вас, генерал Вора. Мои люди могут пройти через кусты и лес быстрее, чем вы пообедаёте, и куда тише. Мы могли бы пробраться в холмы и выкурить оттуда фандорцев.

— Какая наглость! Это несоблюдение иерархии, — бросил Вора, — и именно поэтому я даже думать не стану о таком шаге! У ваших людей слишком горячие головы! Это война, а не личная месть!

Виллен развернулся и сердито пошел прочь.

— Нам с братом нужно возвращаться в Надлесье, чтобы вести всадников ветра на бой с драконом! — сказал Тален.

— Хорошо, — сказал Ясветр, — я согласен, там от вас будет больше пользы. Летите тогда, и быстрее!

Два всадника, двое самых лучших из всего их отборного войска, побежали к кораблям. Кайерт запрыгнул на борт и начал разжигать синдрильские камни. Тален смотрел на брата, забираясь на борт чужого корабля. Он почувствовал укол зависти и боли. Кайерт был на борту своего корабля, корабля, который он сам построил и любил, как отец любит сына. Тален полетит в этот раз на чужаке, а его корабль, гордость его жизни, лежал обгоревшей кучей обломков посередине равнины. Тален с трудом заставил себя не думать об этом и начал разжигать огонь в топке. Сейчас не время скорбеть о потере. Безопасность Надлесья была важной, хотя ему больше всего хотелось бы сейчас снова пролететь над теми фандорскими солдатами, которые сбили его корабль.

Пленный смотрел, как готовят к взлету два корабля. Он знал, что ему пора осуществить задуманное. Он боялся того, что предстоит сделать, но еще больше боялся остаться в плену у симбалийцев. До сих пор они не причинили ему вреда, только задали несколько вопросов о дальнейших планах фандорской армии. Он отказался отвечать не потому, что решил положить жизнь за идею, а просто потому, что ничего не знал. Он все еще опасался, что они начнут мучить его каким-нибудь колдовством, хотя пока никто не сделал ему ничего плохого. И все-таки ему не хотелось испытывать судьбу: нужно было бежать.

Вдруг представился шанс. Когда два воздушных корабля уже поднялись над землей, неожиданный порыв ветра заставил один из канатов, по-прежнему свисающих с борта корабля Кайерта, хлестать вокруг, угрожая мужчинам и женщинам, которые бросились в разные стороны. Охранник забыл о фандорце, все его внимание было там. Пленный глубоко вздохнул и изо всех сил натянул сыromятные ремни. Они врезались в его кожу, затем лопнули, и вот он свободен. До того как стражники это заметили, он набросился на одного и свалил с ног, удачным ударом оглушил другого. Затем он повернулся и побежал ко второму кораблю, на который никто не обращал внимания.

Несколько солдат заметили побег. Они закричали и бросились в погоню, но все они были далеко. Фандорец подпрыгнул, схватил один из свисающих с борта концов и забрался по нему, быстро перебирая руками.

Твил услышал крики и увидел, что происходит. Он быстро схватил арбалет и выпустил стрелу в фандорца. Однако раскачивающаяся веревка не дала ему попасть. А фандорец тем временем уже был на борту.

Тален впервые заметил его, когда корабль резко качнулся от лишнего веса. Всадник упал, а когда поднялся на ноги, на него кинулся непонятно как оказавшийся на борту фандорец. Он вцепился в Талена, явно намереваясь сбросить его за борт. Тален с размаху ударил его кулаком в ухо, и тот ослабил хватку, но они продолжали бороться, раскачивая корабль из стороны в сторону.

Твил снова поднял арбалет и прицелился. Ясветр, видевший его, закричал, но было поздно — стрела уже просвистела в воздухе. Когда Твил стрелял, спиной к нему стоял фандорец, но теперь борющиеся поменялись местами.

Кайерт, бессильно наблюдавший за всем этим с борта своего корабля, в ужасе закричал, когда вдруг увидел оперенье стрелы, торчащее из спины брата. Удар был такой силы, чтохватило на обоих дерущихся, они покачнулись, сделали шаг назад, фандорец наткнулся спиной на перила, и они оба рухнули на землю.

Кайерт немедленно посадил корабль. Он выпрыгнул, как только было возможно, соскользнув по канату и оставив другим ловить концы и пришвартовывать корабль, и побежал к брату.

Ясветр тоже бросился туда, как и все те, кто не был занят кораблями. Кайерт оказался рядом с телами первым. Он опустился на колени рядом с ними и бережно освободил тело брата от мертвой хватки фандорца. Затем он повернулся, держа мертвого брата на руках, и посмотрел на Ясветра. Король остановился. В глазах Кайерта сверкала ненависть.

— Он мертв, — сказал принц.

Ясветр промолчал, как и все остальные. Кайерт медленно поднялся на ноги, дрожа всем телом. Он сделал шаг к Ясветру. Двое солдат шагнули вперед, положив ладони на рукояти мечей, чтобы защитить своего монарха. Ясветр легким движением руки велел им отойти назад. Он смотрел на Кайерта.

— Тален мертв, — снова сказал принц, — и ты, Ясветр, за это в ответе!

Он кричал, его голос срывался на рыдания:

— Ты отослал армию на юг! Эта нелепая битва была бы уже окончена, если б ты этого не сделал!

Принц повернулся, в его глазах блеснули слезы, и посмотрел на стоящих вокруг. Среди них был Твил, все еще сжимающий в руках арбалет. Увидев его, Кайерт издал нечленораздельный звук и бросился на северянина, пытаясь схватить его за горло. Виллен и еще несколько человек едва сдержали принца. Кайерт бился еще какое-то время, пытаясь вырваться из их рук, но потом все же совладал с собой, хотя это далось ему с трудом. Солдаты отвернулись, чтобы не видеть, как обычно такой сдержанный принц бьется в ярости. Кайерт снова посмотрел на Ясветра.

— Я думаю, Эвирайя была права, — сказал он. Затем он наклонился, поднял на руки тело брата и пошел к своему кораблю. Он бережно опустил тело на палубу и поднял корабль в воздух.

Все смотрели, как корабль плывет в небе по направлению к Надлесью. Вора положил руку на плечо Ясветра.

— Это не твоя вина, — тихо сказал генерал.

Ясветр молчал. Он смотрел вслед кораблю, пока тот не исчез в облаках. Затем он медленно повернулся и пошел к покрытым туманом холмам, где прятались фандорцы.

Северный ветер быстро нес корабль. Немногим больше чем через час Эмсель уже миновал леса Северного Предела.

— Кажется, у меня получается лучше, чем я ожидал, — прошептал он, — но, с другой стороны, меня несет ветер.

Вскоре он заметил невысокие утесы и песчаные отмели симбалийского северного побережья. Корабль быстро пролетел над ними, и Эмсель ахнул, увидев серую неподвижную поверхность воды внизу.

— Море Драконов, — сказал он вслух. — Отсюда и дальше для меня все ново.

Он посмотрел по ходу корабля и увидел в облаках впереди ныряющую вниз и взмывающую вверх темную тень. Холдраг летел впереди, и Эмсель был уверен, что он так и будет лететь до тех пор, пока они не достигнут цели, какой бы она ни была.

Он стремглав бросился вперед, чтобы укрепить разболтавшийся на ветру кливер.

— Что там сказал Эфрайон? — спросил он себя. — Помни о легендах, услышанных в детстве... В них может заключаться больше правды, чем мы могли себе представить...

Фандорец еще поразмышлял над этой фразой, а потом взялся проверять такелаж на наветренной стороне.

— Все в порядке, — сказал он. — Пожалуй, ничего не случится, если я перекушу.

Спускаясь по ступенькам в каюту, он думал о войне и о молодой женщине, которая пожертвовала своей свободой ради его безопасности. Он теперь многим людям был обязан жизнью. С сожалением и печалью Эмсель осознавал, что счастливое время его одиночества, опытов в мастерской и огороде, изобретений и исследований безвозвратно ушло. Он всегда считал себя человеком, который никого не беспокоит и которого никто не трогает. Но потом он подружился с Йоганом...

Он покачал головой. Ничего не выйдет хорошего из того, что он постоянно возвращается к этой мысли.

Эмсель открыл дверь каюты и обнаружил, что маленькое пространство устроено гениально, используется все возможное место. Деревянные шкафчики были везде, и их ручки из полированного металла и кварца блестели, как звезды на небе. Четыре гамака были подвешены от стены к стене в противоположном конце каюты. За ними был ряд маленьких стеклянных иллюминаторов.

Эмсель открыл первый шкафчик и отпрыгнул в ужасе, а затем рассмеялся, осознав, что нечто пушистое — это всего лишь одеяла для команды.

Он открыл затем и второй, и третий шкафчики, но нашел только веревки и материал для ремонта парусов. Однако, открыв последний шкафчик, он наконец-то счастливо улыбнулся. На полке, завернутые в белую кисею, лежали двенадцать буханок хлеба.

Эмсель съел самую маленькую, он долго не ел и жутко ослаб после всего того, что с ним произошло. Он не мог определить, из чего испечен легкий сладковатый хлеб, и решил, что это какой-то специальный хлеб для всадников, чтобы они могли подкрепиться в долгом пути.

Эмсель прислушался к постоянному гулу ветра. Ветер не стихал ни на секунду, и гул его тянул все ту же ноту. Он вспомнил, как смотрел с плато рядом с домом на облака, безостановочно несущиеся по небу. Не те ли же ветры дуют над облаками? Какой удобный способ путешествовать, если, конечно, существуют такие же потоки, идущие в других направлениях.

Закончив с хлебом, он понял, что сейчас заснет.

— Нет, — сказал он, — я не должен спать!

Путешественник взял одеяло с полки, завернулся в него и, вернувшись на обдуваемую холодными ветрами палубу, сел на маленький выступ на носу и сонно уставился в туман. Он снова видел над холодной водой черный силуэт распростертых, мерно движущихся крыльев. Корабль вошел в плотное серое облако. В конце концов завывания ветра и ритмичные взмахи крыльев холдрага вдалеке начали усыплять, и Эмсель больше не мог сопротивляться сну.

Эмсель проснулся словно от удара. Корабль сильно накренился и быстро терял высоту.

— Что я за дурак! — воскликнул Эмсель и, подпрыгнув, бросился к снастям, чтобы схватить лотлинь, хлещущий по складкам парусов.

Пока он этим занимался, одеяло упало с его плеч.

— Потом подберу, — пробормотал он, но через миг понял, что ужасно холодно. Он подобрал меховое одеяло и выглянул за борт. Внизу по-прежнему не было ничего, кроме моря. Но вдалеке что-то темнело среди волн. Он посмотрел на север, и ему показалось на миг, что он видит полосу берега.

Эмсель снова занялся лотлинем. Он не мог сообразить, сколько он проспал, час ли, день ли. Тусклый серый свет оставался все таким же.

— А мой приятель все еще летит впереди, — сказал он, когда корабль вынырнул из облака.

Корабль начал раскачиваться из-за того, что боковой ветер стал сильнее северного, который тянул корабль вперед. Эмсель подбежал к сложной системе снастей на корме.

Из небольшого опыта плавания в заливе Эмсель знал, что ему придется использовать воздушные потоки для того, чтобы держать курс и сохранять равновесие корабля.

Держа в руках снасти основного паруса, Эмсель задрал голову и подставил лицо ветру.

Теперь оба потока были уравновешены, и курс выровнялся.

Он аккуратно подтянул паруса. Хитрость заключалась в том, чтобы, управляя самым большим парусом, ослабить действие восточного ветра. Таким образом, это должно было изменить воздействие на парус и северного ветра, который дул в корму.

— Это было давно, — сказал Эмсель, — но я все помню. Вот этот парус подойдет.

Он с силой потянул большой парус с наветренной стороны.

Корабль нырнул вниз, рванулся вверх и наконец продолжил движение на север. Эмсель облегченно вздохнул. Эфрайон был прав, он мог управлять воздушным кораблем!

Прошло много времени, а он все еще летел на север. Сквозь густые облака он больше ничего не видел внизу. Он думал, что летит уже не над морем.

Эмсель чувствовал себя безумно одиноким и маленьким. Теперь ему, Эмселью-отшельнику, не хватало спутника, человека, с которым он мог бы поговорить. Это было очень странное ощущение. Он никогда не знал одиночества. И все же было время, когда маленький мальчик принес в его жизнь радость и смех. Эмсель прислушивался к звукам, окружающим его, к песне парусов, свисту ледяного ветра и далекому хлопанию крыльев холдрага. Что он помнил о драконах?

Он никогда не обращал особого внимания на рассказы о них. В конце концов, драконы считались вымыслом, а его больше интересовала наука. В детстве он, конечно, читал самые известные истории о драконах, в которых они выступали в роли благородных созданий, дружелюбно настроенных по отношению к людям, живущих в сияющих пещерах на гигантских утесах. В этих историях дети южных земель бывали вознаграждены за добрые дела тем, что их брали в долгие путешествия на спине дракона. Он помнил старинные картинки, где дети радостно прижимались к рогам на голове дракона, летящего над южным морем.

Когда он вырос, он меньше встречался с легендами. Читая заметки о дальних странах, он иногда наткнулся на описания драконов и ссылки на них. Сейчас, глядя назад, он понимал, что эти описания были удивительно похожи друг на друга. Он-то приписывал это общему корню легенд и сказок — югу, но теперь он думал, что объяснение этому постоянству может быть на самом деле гораздо более захватывающим.

Легенды других стран были подробнее, чем те сказки, которые рассказывали детям в Фандоре. Он помнил, как один бундурский автор писал страницы и страницы об одних только сияющих пещерах, одно название которых было прекрасно, как блеск луны. Еще он встречал небольшой поэтический отрывок о сокровищах драконов, о легендарных камнях, в которых скрыты тайны этих созданий.

Во всех историях и сказках драконы выглядели одинаково. У них было четыре лапы, глаза темно-синего цвета, прекрасные крылья и дар выдыхать пламя. Эмсель сравнил это описание с холдрагом, у которого было только две лапы, глаза были ярко-желтые, и он ничем не показывал, что может дохнуть огнем.

Несмотря на то, что Эмсель был только рад отсутствию именно этого таланта у чудовища, это его и озадачивало. Если холдраг, как сказал Эфраيون, был «дальним родственником» дракона, почему же он тогда не дышал огнем? Может быть, на самом деле у него не было причин показать себя во всей красе. Эмсель подумал, что хорошо было бы и дальше обойтись без демонстрации этого умения, как бы ему ни хотелось узнать правду. Все-таки иногда научный интерес может привести к весьма печальным последствиям.

— Холдраг или дракон, куда ты ведешь меня? В сияющие пещеры? В забытые земли? Правду ли говорят о тебе легенды?

Через несколько часов он об этом узнал.

Он довольно долго летел в облаке, которое тоже несло ветром, но затем оно рассеялось. В свете заходящего солнца фандорец увидел впереди берег, какого еще никогда не видел.

Затем он снова попал в облако, а когда выбрался из него, смог рассмотреть землю, лежащую под ним.

Это была промозглая унылая земля, край скалистых уступов и острых, как иглы, горных пиков, земля, казавшаяся олицетворением одиночества и отчаяния. Это была земля тьмы, где человеческая жизнь была невозможна. Там извивалась река, берега которой были

покрыты горбами застывшей черной лавы. За ними были истерзанные погодой остроугольные груды камней, как будто случайно разбросанных как попало. Камни были черные, коричневатые или цвета железной руды, и ветер дул между ними со свистом, от которого Эмселю стало больно, и он закрыл уши руками. За скалами высились горы, рядом с которыми казались маленькими самые высокие пики Симбалии. Горы, в основном покрытые льдом, потому что для снега они были слишком отвесны, тянулись гордыми цепочками за рекой до самого горизонта. Вдали, на севере, Эмсель увидел широкую блестящую белую стену.

— Это не то, чего я ожидал, — сказал Эмсель, — но я ведь и не знал, как это должно быть.

Ему, конечно, хотелось знать, куда холдраг ведет его. На этих острых, как клыки, пиках корабль разобьется вдребезги.

Как будто услышав эти мысли, чудовище начало забираться к востоку. Эмсель повернул рычаг управления и последовал за ним. В то же время он ослабил напор газа из топки, вынудив корабль опуститься и вырваться из мощного воздушного потока. Холдраг теперь летел медленнее, и Эмсель совсем не хотел его обгонять.

Они продолжали двигаться на север. Эмсель держал руки на рычагах. Пейзаж оставался прежним до тех пор, пока вдали не показался одинокий высокий пик из черного базальта. Его основание было укрыто венком тумана, который, как предположил фандорец, исходил от горячих источников. Это была земля вулканов. Вершина пика скрывалась в облаках. Холдраг направился прямо к пику, и Эмсель понял, что это-то и было его целью. Приближаясь, Эмсель заметил некое движение в тумане. Корабль проплыл через тепловатые испарения, и синдрилиские камни в топке заблестели ярче, когда воздух наполнился влагой. Затем туман вдруг рассеялся, и Эмсель увидел внизу то, о чем не говорилось ни в одной легенде.

Огромная гора была продырявлена входами в пещеры, и в каждой лежал, свернувшись на камне, холдраг. Когда корабль приблизился, до путешественника донеслось шипение, как из гнезда змей, и трудно было понять, откуда эти звуки, то ли шипят горячие источники, то ли сотни холдрагов, чьи глаза, казалось, неотрывно следят за ним. Эмселю показалось, что он сходит с ума. Отвратительные твари скорчились на выступах скал, терзая зубами останки диких зверей, другие медленно кружились в воздухе с пронзительными, отчаянными криками.

Эмсель никогда еще не видел ничего более ужасного, даже в кошмарном сне. Он содрогнулся при мысли о том, каково оказаться в их логове, но запретил себе об этом думать.

Шипение стало громче. Холдраги один за одним подняли головы и вытянули шеи, словно переговариваясь без слов. Затем сотни крыльев раскрылись, и тускло-серые тела поднялись гигантским роем над утесом.

Эмсель закричал. Они были вокруг него, над ним, убийственно громко крича, словно подражая дикому свисту ветра. Фандорец в ужасе смотрел, как они кружат над кораблем. Когда туман поднялся над вершиной пика, он увидел еще одного холдрага, вдвое больше этих, сидящего на самой вершине. Его желтые глаза смотрели прямо на Эмсея.

Эмсель смотрел в эти глаза, парализованный страхом. Этот холдраг, черный, как сама скала, был непохож на других не только размером. Он, казалось, наблюдает за чужаком и наблюдает осмысленно, он явно наделен разумом, которого не хватало остальным. Можно было предположить, что черный холдраг их вожак. Эмсель услышал, как вожак закричал, и те, что кружили вокруг его корабля, немедленно ответили, эхом повторив его крик. Их когти все приближались к парусам корабля, и Эмсель, не выдержав, заплакал.

Холдраги перестали кричать, как только их вожак взмыл в воздух. Его крылья были длиннее и темнее, чем у его собратьев, и как только он приблизился, остальные холдраги убралась обратно в свои лежбища.

Эмсель бросился к рычагам управления, так как потоки воздуха от их крыльев раскачали корабль. Он хотел развернуть корабль в обратном направлении, но паруса попали в ловушку теплых восходящих потоков от источников внизу.

Эмсель посмотрел вверх. Небо казалось пустым, но вдруг раздался тихий свист. Затем сверху, скрытый до времени из виду парусами, на него напал огромный холдраг. Когти легко вонзились в полости парусов, и газ резко вырвался наружу.

Корабль падал. Эмсель закричал. Холдраг снова кинулся и разорвал еще один парус. Эмсель схватился за обрывок, его бросило вперед, на борт, потом потянуло обратно, едва не расшибло об мачту. Корабль падал, кружась по спирали, и обрывок паруса, за который держался Эмсель, оторвался. Путешественник падал, все еще держась за парус, в туман. Он вдруг почувствовал жар на своей коже и подумал, что если угодит в источник, сварится заживо.

Он кинул взгляд вниз и увидел скалу с зазубренными краями, выступающую из тумана. Он попытался дернуться в сторону, но вдруг по его спине прошел поток холодного воздуха. Черная тень нависла в тумане над ним. Через миг огромные когти зацепили за его жилетку.

Эмсель снова закричал, а желтые глаза холдрага внимательно посмотрели на него сквозь кружащийся туман.

ГЛАВА 27

Король Эфрайон осторожно ступил на ветхий, местами начинающий разрушаться подвесной мост.

Старик крепко взялся за веревочные перила и начал переход. В кармане его официального платья лежала записка, в которой объяснялось то, что он рассказал Керии, и вкратце говорилось об инструкциях, которые он дал фандорцу Эмселю. Зная обо всем этом, Ясвентр сможет быстро разрешить конфликт с фандорцами.

Старик шел медленно, зная, что резкое движение может разрушить хрупкую поверхность древнего сооружения. Он решил идти этим путем, потому что надеялся здесь никого не встретить. Он не мог позволить, чтобы кто-нибудь видел, как он покидает центр Надлесья в одиночку. Он должен передать записку старому другу, который, не вызвав подозрений, доставит ее Ясвентру.

Эфрайон остановился отдохнуть минутку на середине моста. Внизу бежала, вытекая из леса, река. Старый король услышал какой-то шум, поднял голову и с ужасом увидел двоих детей, бегущих прямо к мосту. Он помахал своей палочкой, надеясь, что они увидят, но они продолжали нестись вперед. Они играли в войну, оба потрясали деревянными мечами, второй громко кричал, преследуя первого.

— Я убью тебя, фандорец! — кричал мальчик.

Какие ужасные слова! Нужно положить конец этой войне. Эфрайон напрягся, увидев, как первый ребенок легко перепрыгнул через дыру в мосту. Мост закачался под их весом.

— Потихе! — закричал старый король, но они не обратили на него внимания и скоро умчались.

Эфрайон покачал головой и продолжил путь, осторожно ступая с доски на доску, пока не добрался до твердой земли. Там он опять немного отдохнул и направился через арку к едва заметной тропке, которая должна была привести его снова на главную дорогу, но уже далеко от стражников Эвирайи.

— Король Эфрайон, — раздался вдруг голос позади, — король Эфрайон! Вам помочь?

Эфрайон вздохнул. Ему нужно было как-то отвязаться от всех, кто бы там ни был. Он обернулся и узнал высокого караульного из нижних уровней дворца.

— Нет, — ответил он, — у меня все в порядке.

Караульный подошел к нему, широко улыбаясь.

— Я уверен, что смогу вам помочь. Вам лучше бы здесь в одиночку не ходить. Шпиона еще не нашли!

— Я просто гуляю, — сказал Эфрайон.

— Тогда, может быть, вы окажете мне честь прогуляться вместе с вами?

Эфрайон покачал головой:

— Благодарю, но я предпочел бы гулять один.

— Не думаю, что мне стоит оставлять вас одного, — настаивал караульный, который теперь стоял рядом с королем.

— Да как ты смеешь нарушать мой покой!

Караульный продолжал улыбаться, но в глазах его Эфрайон видел угрозу. Этот человек не просто так заботился о старом монархе, он был одним из людей Эвирайи.

— Скоро соберется Семья, — сказал он, — принцесса просит вас присутствовать. Что мне сказать ей, король Эфрайон? Я уже давно за вами иду, не зная, когда к вам обратиться. Я никак не ожидал, что вы зайдете так далеко от дворца.

Что он имел в виду, Эфрайон прекрасно понял. Караульный не мог не сознавать, что старый король отправился по важному делу. Если Эфрайон не явится на встречу, Эвирайя заподозрит заговор в пользу Ясветра.

Эфрайон сердито посмотрел на этого типа. Ничтожный стражник, который хочет выслужиться, не смеет угрожать королю! Пусть принцесса что хочет, то и подозревает! Он больше сорока лет правил Симбалией и в отсутствии Ясветра будет продолжать.

— В таком случае, молодой человек, вы можете в самом деле мне помочь, — сказал он. — Возвращайтесь к принцессе и сообщите ей, что собрание Семьи нужно отложить до моего возвращения.

— Вы не пойдете со мной, король Эфрайон? — спросил стражник по-прежнему издевательски почтительным тоном.

— Нет, не пойду, — ответил Эфрайон, — у меня есть другие заботы. Пожалуйста, возвращайтесь без меня.

В глазах караульного мелькнуло беспокойство. Он этого не ожидал.

— Вы отказываетесь подчиниться приказу почетного монарха? — поинтересовался Эфрайон. — Чего вы ждете?

Ошарашенный стражник кивнул и направился обратно во дворец. Эфрайон вздохнул. Эвирайя становится с каждым часом все более дерзкой. Доклад стражника будет совсем не в его пользу, но у него нет выбора. Ясветра нужно немедленно предупредить.

В лесистых холмах Камеранской равнины было темно. Свет луны не проникал через

листву. Несколько маленьких, аккуратно прикрытых со всех сторон костров горели здесь и там, вокруг них сгрудились остатки фандорской армии, люди забылись тяжелым сном.

Лэгоу стоял в темноте на краю одной из полян. Перед его мысленным взором был родной город, лица жены, сына и дочери. Обычно в это время года дела шли в гору, людям нужно было чинить телеги и инструмент, а продажа весеннего урожая вдохновила бы многих на заказ новой мебели. Вместо того чтобы ладить колесо или полировать стул, он был здесь лицом к лицу с драконами и солдатами врага во тьме ночи. Лэгоу посмотрел вокруг, на людей, завернувшихся в одеяла. Он многих хорошо знал и был в ужасе от того, какими усталыми и оборванными они стали, особенно по сравнению с ночью пира в Тамберли. Казалось, это было так давно! А когда еще это безумие закончится! Но он не терял надежды, что мир близок.

Не один колесных дел мастер не спал. Дэйон сидел рядом со стонущим и бессвязно бормочущим во сне Тенньелом. Боль для него была бесконечной цепочкой кошмаров. Сын Йондалрана смотрел на угольки догорающего костра. Он не знал, чего ожидать от врагов, но думал о том, что их ждет ужасная, сверхъестественная судьба. Разве не появился дракон? Правда, чудовище не напало на них, но его появление и без того было зловещим. Быть может, симбалийцы играют с ними? Дэйон покачал головой и встряхнул запястьем, в тишине громко зашуршали сухие стручки.

Молодой человек смотрел на потухающие угли. До него донесся едва слышный хруст ветки, он поднял голову и увидел Пеннела, смотрящего на Тенньела.

— Он плохо спит, — сказал старейшина из Тамберли.

— А кто из нас спит хорошо? — ответил Дэйон.

Пеннел посмотрел на звезды, едва видные сквозь просветы в густой листве.

— Здесь мы, по крайней мере, в безопасности от воздушных кораблей и от дракона, — сказал он.

— Или в ловушке.

— Ты думаешь, это симбалийцы призвали дракона на наши головы?

— Похоже на то.

— Я вот думаю, — сказал Пеннел, — на этой войне происходит много такого, чего не ожидал твой отец. Он почти ничего не говорил о драконе с тех пор, как тот улетел к лесу.

— Откуда ж он тогда появился, как ты думаешь?

Пеннел покачал головой.

— Я не знаю. Думается мне, что был только один человек, который мог бы пролить хоть какой-то свет на все происходящее, — сказал он, грустно смотря на Тенньела.

— Ты об Эмселе-отшельнике? — спросил Дэйон. — Разве он не был предателем?

— Я жалею о том, что мы его не выслушали, — вздохнул Пеннел, — мы многого не понимаем. Может быть, симбалийцы — это еще не самое худшее.

Пеннел пошел прочь от угасающего костра, оставив Дэйона наедине с мыслями о человеке, которого он знал только со слов других.

— Эмсея обвиняли в смерти моего брата, — прошептал он, — а я, похоже, никогда не узнаю, правда ли это, ведь тело отшельника погребено под руинами его сгоревшего дома.

Ясвтр получил известия после наступления темноты. Он держал свиток пергамента так, чтобы на него падал свет полной луны, висящей в просвете между лесом и равниной. Рядом с ним стоял хмурый генерал Вора, пытавшийся прочесть записку через плечо короля. Король был высок, и генерал ничего не видел.

— Ну что там? — отчаявшись увидеть, спросил генерал.

— Принцесса нашла доказательства измены, — ответил Ясвтр, — она стремится изгнать меня из дворца.

— Невозможно! — воскликнул Вора. — Ты все время был здесь! О какой измене может идти речь?

— Кажется, Эвирайя вменяет в вину Керии связь с давно потерянным фандорским

шпионом.

— Бред!

Ясвегт покачал головой:

— Это серьезное обвинение. Как пишет Эфрайон, Керия привела шпиона во дворец на виду у Эвирайи и барона Толчина.

— Райанка с ума сошла?

Вора протянул руку, и Ясвегт повернул свиток так, чтобы генерал мог прочесть.

— Как он пишет, — сказал король, — леди Керия действовала в интересах Симбалии. Шпион утверждает, что фандорцы напали, чтобы отомстить за гибель ребенка, убитого способом, очень похожим на тот, с девочкой из Северного Предела. Эвирайя нашла способ использовать встречу шпиона с Керией как доказательство сговора между мной и фандорцами. В результате король Эфрайон подозревает, что Эвирайя заставит Семью голосовать по вопросу о моем отрешении от власти.

— У нее ничего не выйдет. Никто не посмеет замахнуться на твою власть! Не вся Семья проголосует против тебя! А без единогласного решения эта встреча ничего не будет значить.

Ясвегт скатал свиток и убрал его в футляр.

— Кто заступится за меня? Вряд ли Кайерт.

— Король Эфрайон тебя всегда поддержит.

— Да, но он выбрал меня своим преемником. Он может меня защищать или, наоборот, призывать к смещению, но он не может голосовать по этому делу.

— Тогда баронесса! Ты всегда ею восхищался, да и она не так глупа, чтобы поверить в измышления Эвирайи.

— Алора и Толчин видели, как Керия вела шпиона во дворец. Смогут ли они отмахнуться от этого свидетельства? Сделать так будет равносильно измене.

Вора кивнул, осознав наконец. Гиброн и Эссель поддержат дочь, как и другие министры, которые только выиграют от того, что Эвирайя станет королевой вместо рудокопа.

— Должен же быть какой-то способ доказать твою невиновность, — сказал генерал.

— За сколько времени можно добраться до южных равнин?

— Что?! Ты же не думаешь бежать!

— Нет, генерал, но я должен воспользоваться тем, о чем рассказал мне король Эфрайон. Керия сбежала от Эвирайи, чтобы отправиться в путь по указанию Эфрайона. Она ищет драгоценный камень под названием Жемчужина Дракона, который может быть спрятан в поселении райан, в котором она жила в детстве. В нем содержится свидетельство о делах драконов, и он может объяснить причину их нападения на нас. Я должен найти Керию и Жемчужину! Самое важное сейчас — узнать правду о драконах! Они так же непостижимы на этой войне, как действия фандорцев, но куда опаснее.

— Ты не можешь покинуть армию!

— Я ничего такого не сделаю, Вора. На юге я смогу собрать войска, направленные туда. Когда наши люди объединятся, фандорцы побегут к берегу, как древесные медвежата от огня.

— Мне это не нравится, — пробормотал Вора. — Принцесса может все что угодно натворить в твоё отсутствие.

— Возможно, — ответил Ясвегт, — но мы точно знаем, что она сделает, если я останусь. — Он грустно улыбнулся. — Любой, кого признают виновным в измене, немедленно окажется в тюрьме. Что тебе кажется худшим — пропавший герой или монарх в цепях?

Вора ничего не ответил.

Ясвегт вскочил в седло, поднял руку и присвистнул. Ястреб спустился и устроился на его плече. Король развернул коня и незаметно исчез в лесных сумерках в направлении Валианских равнин.

Керия мчалась быстро, вряд ли когда-либо лошадь леди Тенор испытывала такое. Райанке не нравилось так обращаться с лошадью, но она не могла терять времени. Она не могла медлить.

Вечерело. Небо разъяснилось. Справа от нее солнце было уже за горизонтом, и облака окрасились красновато-коричневым и оранжево-янтарным. Воздух был свеж и чист, земля плодородна, но у Керии не было времени замечать эту красоту, что она непременно сделала бы несколько лет назад.

Если она действительно видела Жемчужину Дракона в своем лагере, когда была ребенком, значит, ее ревностно охраняют. Если это такое сокровище, будет нелегко убедить райан отдать его.

Она, конечно, была приемной дочерью Зурки, главы племени кибиток Ша, но она все-таки была найденышем, подобранным и выращенным женщиной из кибиток Ша. Она всегда чувствовала, что другие райане относятся к ней иначе, чем к своим, но надеялась, что тайна ее происхождения на этот раз не станет препятствием. С другой стороны, Керия знала, что дочь Зурки, Балия, никогда не принимала ее за настоящего члена племени, а племя прислушивалось к словам Балии.

Молодая женщина мчалась вперед по невысоким холмам к Валианским равнинам, туда, где в это время года должен стоять лагерь. Недалеко от перекрестка двух дорог она заметила пепел и присыпанный землею мусор, который указывал на то, что недавно здесь была стоянка. Это мог быть караван, сопровождаемый половиной симбалийской армии. На миг ее соблазнила мысль повернуть и пуститься за ними, сказать им, что они нужны для защиты Надлесья от захватчиков. Она легко могла бы обогнать их на их медленном и окольном пути домой, но слишком мало оставалось времени для поиска Жемчужины.

Было уже совсем поздно, когда она приблизилась к кибиткам, стоявшим полукругом. Керия почувствовала дымок костров, на которых готовился ужин, и противную вонь гигантских козлов, которых запрягали в кибитки. Когда она направила свою задыхающуюся лошадь внутрь полукруга, из-под фургона с недовольным ворчанием вылезли собаки. Керия спрыгнула на землю и тихо заговорила с ними, и, хотя прошло много лет с тех пор, как они слышали ее голос, они начали лизать ее руки, когда она переступила через оглоблю.

Уставшую, вспотевшую лошадь нужно было немедленно растереть. В таборе было темно. Керия подумала, что лагерь должен уже спать. Но вдруг тень отделилась от колеса. Она испуганно дернулась, но затем поняла, что это Боблан, немой карлик, слуга ее матери. Он подошел к ней с улыбкой.

— Это я, Боблан, — сказала Керия, — *табушка* ... я вернулась. Присмотри за моей лошадью, пожалуйста, я должна поговорить с матерью.

Карлик кивнул и исчез в темноте. Керия направилась к кибиткам и услышала, как знакомый голос окликает ее по имени.

Она обернулась и увидела женщину, вышедшую на лунный свет. Она была ровесницей Керии, ее волосы падали черными волнами на спину до пояса и она носила юбку длиной до лодыжек, украшенную побрякушками и цепочками. Юбка шуршала, когда она шагала.

— Балия, — тихо поприветствовала ее Керия, — здравствуй, сестра.

— Не называй меня так, — сказала женщина, чье лицо в лунном свете казалось еще холоднее слов, — мы не сестры.

— Не по крови, — ответила Керия, — но я всегда любила тебя, как сестру.

Балия скрестила руки на груди. В глазах Балии она больше не была райанкой, потому что покинула их. Керию это печалило, но не удивляло. Она хотела было сказать что-то в свою защиту, но передумала. У нее не было времени на старую вражду и соперничество. Она уже ясно высказала свои чувства.

— Я приехала за Жемчужиной, — сказала она, — она срочно нужна королю Эфрайону.

Глаза Балии расширились при упоминании Жемчужины, но она сделала вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Странно, что ты мчишься сюда по приказу из Надлесья, Керия, но ни во что не ставишь людей, которых, как ты утверждаешь, любишь.

Молодую райанку озадачили эти слова, но не успела она ответить, как Балия заговорила снова:

— Я теперь глава лагеря, мать больна и лежит у себя в кибитке.

— Я не знала.

— Разумеется, — бросила Балия, закрутив цепочку вокруг пальца, — ты была слишком занята своим любовником. Король, конечно, неплохая партия, но для кибиток Ша это не имеет значения. Уходи. Тебе здесь не рады. У нас нет того, что ты ищешь.

— Ты лжешь, — спокойно сказала Керия. — Не забывай, что у меня есть видение. Я знаю, что Жемчужина здесь, и я должна ее забрать. Фандора объявила войну Симбалии, и Жемчужина может помочь нам в сражении. Позволь мне увидеться с матерью. Она поймет, насколько это важно.

Балия бросила на нее злой взгляд:

— Я королева здесь, и я не потерплю приказов и оскорблений от любовницы рудокопа!

Она шагнула к Керии, вытянув руки:

— Прочь! Или я заставлю тебя уйти!

От удивления Керия не могла пошевелиться, она не понимала раньше, как глубока была ревность ее сестры. Балия толкнула ее в грудь, и тут Керия разозлилась. Не было времени на мелкие раздоры! Она видела, как в глубине лагеря зажигаются огни, пока она тихо боролась с Балией. Пытаясь вырваться из цепкой хватки сестры, Керия заметила, как мимо промчался Боблан. Он постучал в дверь другой кибитки, которая немедленно открылась, и на поляну лег луч желтого света от масляной лампы. Сестры подняли головы и увидели, что на них смотрит пожилая женщина.

— Мама, — прошептала Керия и бросилась бегом вверх по ступенькам, чтобы обнять женщину.

Часом позже, когда первые лучи рассвета сделали звезды бледными, Керия закончила свой рассказ о начавшейся войне и о том, как Эфрайон послал ее на поиски Жемчужины.

— Я должна знать, существует ли она, — сказала она Зурке.

Зурка и другие люди из лагеря не обсуждали ее рассказ, только глубоко задумались. Балия смотрела на приемную сестру, которой не терпелось заговорить, но обычай требовал сначала дожждаться слов старших.

Наконец старшие заговорили, тихо и спокойно они обсудили рассказанное им. Керия потрясла головой, чтобы держать глаза открытыми. Несмотря на все волнения, ей хотелось спать. Она очень устала в пути.

В конце концов Зурка произнесла:

— Все, что я скажу, это только мысли старухи. Я больше не несу ответственности за лагерь. Решение должна принять Балия. — Она помедлила, а потом продолжила: — Ты действительно видела Жемчужину в детстве, Керия. Это был не сон. Те из нас, у кого есть дар видения, пытались проникнуть в ее тайну. Она немного открылась нам, но не совсем. Драконы на самом деле раньше существовали, но что с ними стало, я не знаю.

Зурка медленно поднялась и пошла к своей кибитке. Керия с беспокойством смотрела, как она забирается вверх по разошедшимся деревянным ступенькам. Когда Зурка появилась снова, ей показалось, что мать взяла с неба луну и осторожно несет ее в руках. Керия смотрела на сияющую сферу, которую Зурка принесла, и села на свое место. Она была именно такая, какой Керия запомнила ее из своего сна, — гладкая, сияющая опаловым светом сфера, в которой были облака, чуть подкрашенные всеми цветами радуги. Они перекачивались и менялись местами, зачаровывая. Керия, глядя на камень, казалось, слышала отдаленный звон, будто ветер раскачивал колокольчики. Восторг захватил ее, и она забыла об усталости. Она с трудом оторвала взгляд от камня и посмотрела на Балию. Вражда в ее глазах сразу вернула Керию на землю, как будто ее облили холодной водой.

— Мы знаем, что у Керии особый дар, — сказала Зурка, — он у нее был с детства.

Может быть, она лучше всех нас подходит, чтобы разгадать тайны Жемчужины.

— Доверим ли мы такое сокровище женщине, которая отказалась от своего наследия? — сказала Балия. — Что если она возьмет его и снова исчезнет на годы? Я не позволю! Если она думает, что преуспеет там, где все мы потерпели неудачу, пусть пытается помочь Симбалии здесь и сейчас. Мое слово: Жемчужина не покинет племя кибиток Ша, пока Керия не докажет, что она достойна сокровища!

Керия посмотрела на лица других. Они все одобрительно закивали. Она снова посмотрела на Балию. Сестра знала, что она устала, она хотела увидеть, как у Керии ничего не получится, хотела увидеть ее униженной. Тогда ей не придется отказываться по своей воле.

— Я прошу прощения, — сказала Зурка, — но Балия права, что требует этого. Жемчужина была с нами долгие годы, у нас есть право узнать, что за тайны в ней скрыты, до того, как мы отдадим ее.

Керия посмотрела на Жемчужину. Она провела в седле весь день и полночи. Она была вымотана до предела, а теперь ей предстояло испытание, какого еще никогда не было в ее жизни.

Был полдень, когда солнце наконец вырвалось из облаков над Надлесьем. В особняке Кайерта и Эвирайя царила суматоха: собрание Семьи было созвано, и Эвирайя готовилась к своей роли. Король Эфрайон, она знала, тоже придет и будет, несомненно, защищать Ясвेत्रа.

Постучав длинными ногтями по двери гардеробной, Эвирайя обеспокоенно позвала Мезора, который был снаружи.

— Мое платье! — выкрикнула она. — Где мое платье?

— Уже идут, принцесса. Портниха уже идет.

— У нас нет времени! Спустись и принеси сам!

— Оно сейчас будет, — спокойно ответил Мезор, — пожалуйста, подождите.

— Подождать! Как я могу ждать, когда...

Принцесса услышала, как распахнулась дверь спальни.

— Это она? — нетерпеливо спросила Эвирайя.

Советник повернулся и застыл с открытым ртом при виде того, кто стоял в дверях.

— Принцесса, — прошептал Мезор, — выходите.

— Я не одета! Это портниха? Пусть передаст мне платье!

Эвирайя просунула руку в щель приоткрытой двери и тотчас же услышала голос мужа.

— Кайерт! — воскликнула она, распахнула дверь и выбежала, одетая только в корсет и нижнюю юбку. Золотистые локоны закрывали хрупкие плечи.

Мезор сразу же вышел, а Эвирайя встала как вкопанная, смотря на мужа.

Его мундир был изорван и покрыт грязью. Сначала принцесса испугалась, что он ранен, но потом поняла, что с ним вроде бы все в порядке, по крайней мере он цел.

— Что случилось? — в ужасе спросила она.

Кайерт пересек комнату и сел на край постели, оставив на простынях пятна грязи и крови.

— Талена убили, — сказал он, — случайной стрелой легкомысленного северянина.

Эвирайя была оглушена. На миг она подумала, что это всецело ее вина, и груз этой ответственности был больше, чем она могла вынести. До сих пор война была для нее лишь событием, которое помогло ей в заговоре против Ясвेत्रа. Она задрожала.

Если б не ее интриги, войны могло бы не быть и Тален был бы жив. И все же в то же время, когда эти мысли мучили ее, часть ее сознания, та, которая была ей неподвластна, начала взвешивать обстоятельства, чтобы использовать эту трагедию и извлечь как можно больше пользы. Кайерт теперь поддержит ее обвинения против Ясвेत्रа. Она почти сердилась на себя за бессердечие, но знала, что не сможет остановить ход своих мыслей. Война шла вне зависимости от того, ее ли это была вина, и конечно же, это не была полностью ее вина, просто Ясвेत्र не подходил для роли монарха. Что бы она сама ни

натворила, в это она верила свято.

Она поняла, что Кайерт ей что-то говорит, но слышала его голос как будто издалека.

— Ясветра необходимо сместить, — сказал он, — он не знает, как командовать армией. Такого, как с Таленом, больше не должно случиться.

Принц растянулся на шелковой простыне, и Эвирайя заметила слезы в его злых серых глазах.

Она подошла к нему, удивляясь про себя тому, что не чувствует никакого удовлетворения от его решения.

— Успокойся, дорогой, — прошептала она, — сегодня вечером будет собрание королевской семьи, после которого Ясветр перестанет править Симбалией.

Если Кайерт и слышал ее слова, он этого не показал. Его глаза были закрыты. Эвирайя осторожно стянула с него сапоги, чуть нахмурившись оттого, что пришлось испачкать руки. Когда она села на край постели рядом с мужем и начала расстегивать пуговицы его рубашки, он поднял руку и погладил ее по спине. Принцесса замерла и посмотрела на него. Ее лицо в этот момент было лицом совсем другой Эвирайи, женщины, в которой вряд ли бы кто узнал принцессу. Любовь, спрятанная обычно глубоко в ее сердце, закованная в цепи честолубия, была свободна. В этот момент интриги и заговоры были совершенно забыты. В этот момент.

ГЛАВА 28

Эмселья разбудили шум хлопающих крыльев и странные, неразличимые запахи. Он закашлялся, поморгал глазами и сонно уставился в туман.

Каким-то образом он остался жив и был благодарен за это судьбе. Он посмотрел вокруг и понял, что лежит на влажном и теплом камне. Эмсель осторожно встал и шагнул вперед. И сразу вспомнил, как он здесь оказался!

Его принес черный холдраг. Он находился во влажной и темной пещере глубиной около пятидесяти футов, голые стены которой тянулись к отверстию неправильной формы, в котором клубился туман. На полу были разбросаны скелеты козлов и других обитателей гор. Эмсель вытер пот со лба и щек, затем, вдохнув влажный воздух, шагнул вперед и выглянул из-за края отверстия.

Внизу были изъеденные пещерами утесы, где селились холдраги. Утес не был слишком отвесным, но спуститься вниз не отважился бы и самый бесстрашный исследователь. Холдраг, несомненно, увидит его. Эмсель поднял голову. Сквозь завесу тумана он увидел над собой вершину пика. Судя по расположению, пещера, в которой он находился, должна принадлежать самому крупному черному холдрагу.

Эмсель вздохнул и снова посмотрел вниз. Там были плоские каменные плиты, между ними вилась речка. Сквозь облака пара, поднимающиеся от горячих источников, он разглядел разбросанные по земле обломки воздушного корабля.

Похоже, у него самого появился шанс стать легендой. Легенда будет о дураке, который нашел холдрагов, но потерял корабль и не смог убраться восвояси.

Эмсель вздрогнул, когда один из холдрагов пролетел мимо, и снова посмотрел на обломки корабля. Двое или трое чудовищ кружили над ними в поисках пищи. Пока фандорец смотрел, два холдрага поднялись в воздух с обломком мачты, зажатым в когтях. Они взлетели высоко над ним, почти к вершине пика, а затем с криком бросили мачту вниз. Она рухнула, едва не задев третьего холдрага, который улетал с куском борта в зубах.

Эмсель беспокойно провел рукой по сумке на плече. Хлеб, который он заранее туда положил, все еще был там. Он не хотел есть, но знал, что ему потребуются силы. Он отломил кусочек и съел. Завывания ветра, шипение и вид чудовищ внизу заставили его почувствовать себя пленником этих земель из кошмарного сна.

Туман чуть рассеялся, и примерно в ста ярдах от разбитого корпуса корабля Эмсель заметил огонь. Большой лоскут паруса обмотался вокруг валуна и горел, над ним поднималась стена дыма. Эмсель смотрел на темно-синий дым и вдруг подумал, что за

завесой его скрывается что-то еще. Затем он ахнул, увидев вдруг за стеной дыма яркие желтые глаза. Крылья черного холдрага взметали воздух вокруг костра. Он кружил над пламенем, разглядывая огонь.

Эмсель вспомнил свое ощущение разумности холдрага, когда он впервые приблизился к кораблю. В этих желтых глазах светился разум, не человеческий, конечно, но тем не менее способный на размышления, оценку ситуаций и решения. Может быть, с ним можно договориться?

Надежда была слаба. Увидев Мраклинга над огнем, холдраги заверещали. Для них огонь был символом драконов, высшей расы, которой они подчинялись до того, как над их скалами подул ледяной ветер. Они не только уважали огонь — они боялись его. Они бы ни за что не приблизились к валуну, пока парус горел. Мраклинг был другим. Он знал огонь драконов ближе, чем другие могли себе представить. Он больше не боялся огня. Он отнесся к горящему парусу с осторожностью и держался от него подальше, но только потому, что не хотел злить остальных. Для него огонь был доказательством тайной силы людей. Мудрость закона драконов предстала перед ним со всей четкостью. Люди были опасны. Холдраги были слабы, из-за холода их число все уменьшалось. Драконы больше не стояли между ними и землями людей. Равновесие было потеряно. Холдраги оказались уязвимы для человеческих облачных кораблей. Чтобы защитить себя, им придется напасть на людей.

Мраклинг с криком взмыл ввысь. Он вернется к человеку, которого оставил в своей пещере. Он узнает, как они пользуются тайной пламени, затем он решит, как лучше атаковать. Холдраги отправятся на охоту и будут есть вдоволь, чтобы набраться сил для борьбы и долгого путешествия на юг.

Эмсель смотрел, как Мраклинг приближается к нему. Ему было не из чего выбирать. Или он попробует понять гиганта, что весьма привлекательно для ученого или для полного дурака, или — бежать в темный туннель позади. И то и другое могло оказаться смертельно опасным. Холдраг был быстр, и можно было предположить, что его желтые глаза куда лучше видят в темноте, чем глаза Эмселя.

Эмсель решил спрятаться и подождать. В конце концов, если холдраг хотел им пообедать, он давно бы его съел. Должна была быть причина, по которой он его здесь оставил.

Пленник едва успел скорчиться за большим камнем, когда услышал хлопанье крыльев.

Черное тело холдрага заслонило собой свет в проеме пещеры. Во внезапной тьме Эмсель услышал шипение и звук скольжения гигантского тела по гладкой поверхности камня. Затем раздался оглушительный высокий крик, и ноздри пленника наполнила резкая вонь. Это был запах холдрага. Эмсель закрыл уши ладонями и попытался вжаться насколько возможно в камень. Но его все равно нашли. Чудовище было над ним, и желтые глаза заглядывали за камень, к которому прижался фандорец. Эмсель закричал, но его голос утонул в крике холдрага. Мраклинг сделал резкое движение, и Эмсель почувствовал, как коготь с его руку толщиной снова рвет его жилетку.

Затем, не успев понять, что происходит, Эмсель обнаружил, что летит. Он подумал было, что сейчас ударится о потолок, но вдруг коготь опустился, и Эмсель увидел прямо перед собой ухмыляющуюся пасть холдрага.

Мраклинг наклонил голову набок и пристально рассматривал человека. Мысль о том, что тысяча таких мелких существ была опаснее холода, вызвала в нем крик гнева. Его собратьев не постигнет судьба драконов!

Болтаясь перед пастью холдрага, Эмсель отчаянно завопил:

— Пощади! Я пришел издалека! Я хочу говорить с тобой о том, что касается всех нас!

Мраклинг поднял человека выше. Его тонкое щебетанье эхом отдавалось в пещере. Мраклинг не понимал почему, но что-то заставляло его думать, что такое маленькое существо не может выдыхать пламя. Люди владели секретом огня, но не носили его в себе. Законом драконов можно пренебречь, если холдраги нападут быстро и не позволят людям сбиться в кучки для защиты. Если в них нет огня, то по одиночке они не опасны.

Что касается этого человека, он сослужил свою службу. Больше ничего не узнать, разглядывая его. Люди будут наказаны за свою жестокость. Скоро холдраги будут жить в теплых южных землях. Мраклинг открыл пасть.

Эмсель в панике искал хоть что-нибудь, что можно было бы использовать для защиты. Инстинктивно он сунул руку в сумку, но все, что там было, это горстка стручков из его сада.

Холдраг издал высокий визжащий звук и опустил Эмсея ниже.

Эмсель схватил стручки и зажал в руке, и как только он почувствовал, как хватка чудовища ослабла на его жилетке, он бросил свое нелепое оружие в длинные острые зубы и понял, что падает вслед. Через миг он знал, что уже ничего не почувствует.

Этого мига не настало. Нечто вроде взрыва вдруг выбросило его с потоком вонючего воздуха из пасти чудовища. К счастью, Эмсель успел перевернуться в воздухе и, приземлившись на пол пещеры, откатился в сторону. Он увидел, как голова холдрага дико дергается из стороны в сторону. Затем еще один взрыв прокатился по пещере.

Холдраг чихал!

Эмсель потер ушибленную во время падения руку и быстро встал на ноги. Холдраг все еще тряс головой и пытался когтем дотянуться до пасти, выковырять оттуда злодейские стручки. Он снова задрал голову и закричал так, что у фандорца едва не лопнули барабанные

перепонки. Эмсель быстро огляделся в поисках пути к бегству. Нужно было бежать, пока чудовище не опомнилось. Большие камни закрывали пещеру с обеих сторон, поэтому Эмсель бросился в единственно возможном направлении — между широко расставленными лапами чудовища, пригнув голову, чтобы не задеть гладкое брюхо. Холдраг снова закричал от ярости, и Эмсель увидел огромный хвост, летящий на него. Он подпрыгнул и пропустил хвост под собой. Чудовище, все еще продолжая чихать, бросилось за ним в погоню.

Эмсель добежал до отверстия в пещере и понял, что бежать дальше некуда. Сотня холдрагов была внизу и позади, а разозленный Мраклинг уже почти совсем рядом. Эмсель обернулся на миг и увидел в тумане черный коготь. Выбора у него не было. Он прыгнул.

Утес падал отвесно около пятидесяти футов, а затем становился более пологим. Камень был влажным от сырости, и Эмсель понял, что скользит вниз с головокружительной скоростью. Туман ненадолго его спрячет, но холдраг может появиться в любой момент.

Поверхность скалы становилась все грубее, замедляя его спуск и больно рая. Эмсель раскинул руки и ноги, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, и наконец остановился на самом краю выступа, за которым начинался другой отвесный спуск. Его руки саднили от боли, но ему некогда было об этом думать, сверху он видел черную тень приближающегося холдрага. Эмсель перегнулся через край выступа, не зная, что там внизу, и отпустил руки. Он упал на несколько футов вниз и попал на широкий выступ. В этот раз ему удалось сохранить равновесие. Выступ тянулся вдоль горы, опускаясь вниз. Эмсель стал осторожно спускаться, немного хромя, перепрыгивая через провалы. Он прошел мимо входа в еще одну пещеру, и его почти удушила вонь. Эмсель едва успел отпрыгнуть, когда удивленная его появлением тварь вытянула шею, миновал ее и снова продолжил спуск.

Раздался громкий крик, и его ударил внезапно налетевший порыв ветра. Эмсель вцепился изо всех сил в скалу. Черный холдраг пронесся мимо, почти касаясь крылом скалы. Эмсель понимал, что размах крыльев холдрага не дает ему приблизиться к скале настолько, чтобы схватить его когтем, но ветер, поднятый им, вполне мог сбросить его со скалы. Впереди Эмсель заметил узкую расщелину, похожую на трубу, там, где осколок камня откололся от тела горы. Он добрался до этой щели как раз тогда, когда холдраг появился снова. Упершись ногами в одну стенку и спиной в другую, Эмсель начал спускаться по расщелине. Базальт был гладкий и влажный, и удержаться было трудно, но зато его одежда не рвалась и он больше не страдал от новых царапин и синяков. Под ногами он вдруг почувствовал твердую поверхность. Он добрался до места, где завал камней перекрывал расщелину. Оттуда было относительно легко спуститься по каменистому склону. Эмсель побежал, подпрыгивая и спотыкаясь, раздирая ладони о скалы. Туман укрыл его от черного холдрага и от других, чьи вопли он слышал, но он знал, что пройдет совсем немного времени до тех пор, как они найдут его.

Беглец всмотрелся в скалы впереди. Под рядами пещер были узкие ущелья, слишком узкие даже для самого маленького холдрага, но вполне доступные для человека. Он бросился вперед, но услышал звук крыльев. Холдраг приближался!

Эмсель одним прыжком оказался в узкой трещине в скале и посмотрел наружу. Над ним разразился настоящий ураган, поднятый гигантскими крыльями. Если обозленный до предела холдраг найдет его... Если только найдет... Когти проскрипели по скале над щелью, Эмсель пригнулся. Впереди щель была слишком узкой, чтобы бежать, но если идти боком, по ней можно было пробраться. Эмсель пошел вперед. Вскоре щель чуть расширилась, и он смог бежать. Еще чуть-чуть, совсем немного, и он окажется в спасительной расщелине. Он видел, как холдраг кружит в небе над ним. Он поспешил вперед под прикрытием нависающей скалы. Через несколько минут он, задыхаясь от бега, влетел в ту приглянувшуюся ему издавна расщелину.

— Здесь они меня не найдут! — выкрикнул он с облегчением, — здесь не найдут!

Он посмотрел сквозь узкую щель в скалах.

— Я в безопасности!

Он подумал о том, как простой стручок из Фандоры подействовал на легендарное

чудовище.

— Я спасен! — снова выкрикнул он и присел на камень немного отдохнуть.

Затем он вспомнил, что с наступлением темноты станет невыносимо холодно.

Ночь наступила через несколько часов. Можно было предположить, что холдраги отлично видят в темноте, но Эмсель был убежден, что большинство из них прекратили поиски. Чистое темное небо убедило его в том, что за ним больше нет погони. Ему было холодно, но он пытался согреться тем, что бежал через расщелину как можно быстрее. Путешественник проголодался, но его сумка была уже пуста. К тому же он обнаружил, что и все стручки исчезли, когда искал остатки хлеба.

— Если я смогу добраться до реки, — сказал он, — там, может быть, найду какие-нибудь растения.

Расщелина вскоре закончилась, и Эмсель оказался перед выходом на широкую равнину. На западе он увидел берег реки, на котором росли несколько кустиков, трава и даже парочка молоденьких деревьев, покрытых тонким слоем инея. Эмсель снова посмотрел на небо и вздохнул. Нужно было что-то поесть, хотя бы даже траву пожевать. Он медленно направился прочь от расщелины к берегу реки. В пятидесяти футах впереди Эмсель вдруг увидел нечто похожее на пушистого зверя, притаившегося в темноте. Эмсель застыл на месте и только тогда понял, что это вовсе не зверь, а просто меховое одеяло, упавшее с палубы его собственного корабля.

— Как удачно! — воскликнул Эмсель, подобрав одеяло и закутавшись в него. Когда он добрался до реки, он увидел, как что-то медленно плывет по воде вдоль берега. Это был кусок дерева, покрытый голубой тканью. Нет, не тканью — обрывком паруса. Эмсель вытащил обломок из ледяной воды. Его, похоже, снесло на юг, в сторону от остальных обломков. Кусок был около фута в ширину и чуть больше роста Эмсея в длину. Обрывок паруса был изорван так, что Эмсель понял: он вряд ли найдет ему лучшее применение, чем дополнительное укрытие от холода. Затем ему пришло в голову, что обломок корпуса корабля можно использовать, взяв за основу для плота. Теперь он понял, как использует парус. Собрав несколько растений и вырвав молодые деревца, он сможет скрепить парус и кусок дерева.

— Придется рискнуть, — прошептал он. — Слишком холодно для дальних пеших походов.

Следующие три часа Эмсель провел, собирая древесину и строя плот. Когда он закончил, в небе светила полная луна. Вскоре он столкнул крошечное суденышко в воду и отправился в путь.

Он посмотрел на высокие скалы на обоих берегах реки.

— Я буду искать сияющие пещеры, — сказал он. — Холдраги вскорости могут снова взяться за поиски. Если то, что они сделали с Йоганом, пример того, что ждет нас всех, я должен, должен выяснить правду о драконах!

Эмсель уже был убежден, что в гибели мальчика повинны холдраги, но все еще не мог понять, почему погибли дети Фандоры и Симбалии. Эмсель размышлял об ужасах, увиденных на севере, и о войне, за которую чувствовал себя ответственным.

Тихие всхлипывания раздались в одиноком каньоне. На севере облака скрыли луну, и, хотя Эмсель и не знал об этом, огромные крылья продолжали поиск.

В полночь известие было послано на Камеранскую равнину.

Собрание королевской семьи было недолгим. Заверения почетного короля Эфрайона в беспочвенности обвинений, выдвинутых Эвирайей, были признаны необоснованными. Старый король не мог разгласить того, что произошло между ним и фандорцем, так как это бросило бы тень подозрений на Ясветра. Также он не мог открыть и того, с какой задачей он послал Керию в Валианские равнины. Он все еще надеялся, что она вернется в Надлесье со свидетельством, которое раскроет тайну нападения холдрага.

Принцесса выступила с речью и говорила убежденно и сдержанно, ее выступление

было запоминающимся, и Мезор много бы отдал за возможность ее послушать. Она получила неожиданную поддержку мужа и министров, которые в более спокойные времена дали бы рудокопу шанс, но сейчас были слишком взволнованы и разгневаны потерями, которые уже понесла страна в этой войне.

Баронессу Алору новости о потерях тоже заставили изменить мнение. Смерть Талена — это было уже слишком. Баронесса горячо принимала и даже поддерживала стремление Ясветра к реформам. Но это он привел легкомысленных, неуправляемых северян в армию. Алора призвала к отстранению Ясветра на время военных действий, но она бы хотела отложить вопрос о его полном свержении на потом. Толчин ее призыв поддержал, уважая желания жены, но это их предложение было решительно отвергнуто.

Гиброн и Эссель говорили последними, и это они высказались за то, чтобы Ясветр покинул дворец по обвинению в измене и несоответствии нуждам страны в военное время.

Семья и министры проголосовали единодушно.

Несмотря на протест почетного короля Эфрайона, Эвирайя должна была получить корону Симбалии.

Дорога, по которой Ясветр отправился на юг, сильно пострадала от весенних дождей и в некоторых местах была полностью затоплена. Ясветр остановил коня около одного из таких мест, низкого овражка, где вода совсем размыва дорогу. Король посмотрел на лес. Солнце было над горизонтом. Его ястреб улетел вперед, на разведку. Птица вернулась бы, если бы впереди поджидали опасные звери, но ястреб не понимал, что разлив тоже может задержать всадника. Ясветр свистнул, резкий звук разрезал тишину. Ответа не было. Птица, похоже, улетела далеко. Ясветр развернул коня и въехал в чащу. Конь с легкостью шел по лесу. Его тренировали и для сражений, и для охоты, много раз Ясветр охотился в этих лесах на оленя и дикого вепря. Это было опасной забавой, но бесстрашный конь еще ни разу не подвел хозяина. Ясветр улыбнулся воспоминаниям.

Отдыхая в седле, он ненадолго забыл о привычной осторожности в лесу. Он впервые почувствовал, что опасность рядом, когда его конь вдруг заржал, предупреждая его, когда вышел на небольшую поляну. Темная завеса леса вдруг расступилась, и гигантский медведь с громким рыком вывалился из чащи. В этот самый момент Ясветр отчетливо увидел тело

мертвого медвежонка, убитого стрелой охотника. Медведица была в горе и ярости. Она снова зарычала и бросилась на всадника.

Конь прыгнул вперед, ему нужно было пространство для маневра. Ноги Ясветра напряглись, чтобы удержаться в седле, когда конь сделал огромный прыжок через зверюгу, которая слишком поздно вздыбилась, чтобы цапнуть его когтистой лапой. Она быстро развернулась и снова бросилась в атаку.

Ясветру едва хватило времени вытащить меч из ножен.

— В сторону! — крикнул он, и послушный конь отпрыгнул. Ясветр низко наклонился, когда медведица пробегала мимо, пытаясь обрезать ей подколенные сухожилия, но удар был недостаточно точным. В ярости от боли, раненая медведица встала на задние лапы, опираясь на небольшое деревце, которое согнулось под ее тяжестью. Конь Ясветра встал на дыбы и ударил зверя передними копытами. Медведица ответила мощным ударом лапы, и конь отпрыгнул, но недостаточно быстро, чтобы избежать четырех неглубоких, но длинных царапин на боку.

Ясветр снова ударил мечом, жалея о том, что у него нет обычного для охоты длинного копья. Его удар ни к чему хорошему не привел, медведица выбила меч из руки, и рука онемела от боли. Теперь он был безоружен. Никто не мог отвлечь зверя, как это делали на охоте. Ему оставалось только одно. Он спешился, стянул плащ с плеч и побежал в сторону, крича и размахивая плащом.

Теперь у медведицы были две цели. Она помедлила, но потом все же кинулась на танцующего человека и в ярости набросилась на дергающуюся вещь, которая мелькала у нее перед глазами. Позади конь заржал и снова ударил копытами. Медведица повернулась и занесла лапу для удара, она была близко и могла с легкостью разорвать благородного скакуна одним ударом. Ясветр в ужасе ахнул, но не успел он ничего сделать, как пернатый смерч над головой медведицы отвлек ее. Ястреб вернулся! Крича, вытянув когти и клюв, он сделал круг над головой зверя, затем взмыл ввысь, недоступный ее когтям.

Медведица развернулась, в полной растерянности от того, что появился третий нападающий, да и к тому же невидимый. Ястреб снова нырнул вниз, острыми когтями вцепился в ее морду, а Ясветр тем временем быстро добежал до того края поляны, где упал его меч, и подобрал его.

— Ко мне! — воскликнул он, и конь помчался к нему, на миг замедлил бег, чтобы хозяин взлетел в седло и галопом поскакал обратно в лес. Ястреб издал боевой клич и последовал за ними, оставив медведицу в ярости рычать на пустой поляне. Они услышали шум и треск ломающихся веток, но медведице было не пробраться между деревьями с такой скоростью, и они скоро ушли от погони.

Вскоре король снова выехал на дорогу, уже за затопленным участком. Ясветр позволил коню замедлить бег и отпил из фляжки. Рука болела, но не была сломана. Ему очень повезло. Он остановил коня, спешился и собрал травы для того, чтобы приложить к ранам на боку коня. Пока он этим занимался, ястреб сидел на луке седла с видом победителя. Ясветр улыбнулся. Эти двое животных рисковали своими жизнями, чтобы спасти его. Он знал, что должен сделать не меньше для Симбалии.

Его ждало длинное путешествие, но его больше ничто не остановит. Он знал о лагерях райан, Керия говорила ему о кибитках Ша; он найдет их, он найдет Керию еще до восхода солнца. Какое бы свидетельство ни отправил ее искать король Эфрайон, они привезут его в Надлесье.

Ясветр знал, что Симбалия поддержит его, если только он узнает правду о войне и о драконе.

Король смотрел на дорогу, тянущуюся в Валианские равнины. Войска с юга будут возвращаться через Восточный перевал. Если он сможет сначала найти Керию, а потом встретить караван, он вернется в Надлесье через день.

Его не остановила ни медведица, ни принцесса. Как бы там ни вышло, он вернется с тем, что поможет выиграть войну. Он снова сел в седло и с ястребом на плече поскакал по

темной дороге.

Твил грустно сидел на камне на краю поляны, которую занимало ополчение с севера. Он молча смотрел на луну, когда подошел Виллен.

— Вора по-прежнему отказывается скомандовать наступления на холмы, — сказал он. — По его словам выходит, что симбалийская армия уже победила!

Твил не ответил.

— Они ничего не делают, — продолжал Виллен. — Вообще ничего! Испугались дракона, ага, и Вора тоже. Ясветр куда-то отправился по секретному делу, а без него они и шагу не сделают. Думаешь, атака будет? Ха, да крестьяне засели в холмах и прячутся. Мы бы их обратно в лодки за час загнали!

Твил молчал.

Виллен нахмурился:

— Вора нам вообще не доверяет!

— Он прав, — проворчал Твил, — не фандорец убил Талена.

— Ты не виноват, — сказал Виллен, — это так вышло.

Твил покачал головой:

— Что с того? Не поправишь. Я хуже, чем дурак.

— Так ты собрался сидеть здесь и ныть? — Виллен почесал щеку, начинающую зарастать щетиной. — Ты охотник из Северного Предела, Твил. Ты не можешь просто сидеть здесь!

— А что мне делать?! — заорал Твил.

Виллен столкнул его с камня.

— Не забывай, зачем мы вообще сюда пришли! — закричал он в ответ. — Фандорцы убили нашу девочку!

— Мы ничего не можем сделать, пока здесь командует генерал Вора.

Виллен бросил быстрый взгляд на генерала и кавалеристов, расположившихся на другом конце поляны.

— Вора все твердит, что мы не часть армии. Почему мы должны ему подчиняться? Я говорю, давай поднимем наших, проберемся в холмы и выкурим этих детоубийц оттуда!

— А как насчет дракона?

— Да наплевать. Мы же охотники! Посмотрим, как он полетит, когда мы его начнем стрелами! Давай, Твил! Вот тебе шанс показать Воре, что ты можешь попасть куда надо!

Твил быстро поднялся и сердито посмотрел на Виллена, который под его взглядом покраснел.

— Ну прости, друг. Я иногда сначала говорю, а потом думаю... Я тебе не враг, Твил, — сказал он, показывая рукой на холмы, — а вон они враги.

Твил резко выдохнул и кивнул.

Вдвоем они быстро подняли ополчение и беззвучно скользнули во тьму. Охотники медленно двигались по большим оврагам и распадкам, которые вели в Камеранскую равнину. Они прятались за деревьями, камнями и кустами. Виллен знал, что фандорские часовые наблюдают с холмов. Он сказал остальным не спешить. Иногда у них уходило не меньше часа на то, чтобы пересечь десять футов открытого пространства. В распадках, где сгущалась тьма, они прошли по невидимым в темноте сухим листьям, издав не больше шума, чем ветер. Они двигались медленно и уверенно, сжимая кольцо вокруг холмов. Виллен знал — у них будет только один шанс напасть неожиданно. Он собирался сделать все, чтобы фандорцы отправились обратно на побережье.

ГЛАВА 29

Всю ночь Эмсель двигался на юг. Иногда он всерьез опасался за свою жизнь, потому что его кое-как сделанный плот подсакивал на мелких порогах и с головокружительной

скоростью пронеслся в узких местах. Эмсель в таких случаях сжимал в руках хрупкие травинки и веточки, связывающие его плот, и только надеялся, что он не разобьется о камни. Путешественника била крупная дрожь, несмотря на меховое одеяло, но его сердце согревал лучик надежды на то, что где-то живут драконы. Если холдраги на самом деле собирались напасть на Фандору и Симбалию, только такое большое существо, как дракон, могло бы их остановить.

Беспокойство Эмселя усилилось, когда он понял, что начинается ураган. Резко подул холодный ветер, сверху упали крупинки мокрого снега. При свете полной луны Эмсель увидел, как собираются в небе темные тучи.

К счастью, настоящий ураган прошел стороной. К рассвету небо было серое, но дождь так и не пошел. Вдали среди гор Эмсель видел вспышки молний. Он плыл мимо берегов, некоторые поразили его своей красотой, но все же этот холодный каньон был слишком мрачен. Окружающий пейзаж был черно-белым, за исключением бледно-зеленого цвета редкой растительности на берегах реки да коричнево-красного — скал и утесов.

Несмотря на опасность, Эмсель немного подремал, он был измотан, и все тело болело от синяков и ссадин. Но как только он проваливался из чуткой полудремы в настоящий сон, тотчас же перед его мысленным взором появлялся холдраг, и он в ужасе открывал глаза, чтобы прислушаться к свисту ветра.

Мраклинг вел свои легионы через ледник на восток. Они будут охотиться на все, что осталось живого на этой стороне гор, они будут готовиться к битве. Люди хитры, и то, что они такие маленькие, еще ничего не значит, их сила не в росте. Призрак дракона мучил предводителя холдрагов. Теперь его приказ прямо нарушал закон древних, и он еще никогда не заходил так далеко. Он вновь и вновь повторял себе, что драконов больше нет, а его братья погибнут, если он их не спасет.

Одиноким разведчик был послан на юг. Он будет следить за небом, высматривая заоблачные корабли людей, и приглядит, чтобы тот человек, который сбежал, если найдется, не добрался бы до юга.

Мраклинг застонал, когда ветер обжег его крылья холодом. Холдраги больше не станут терпеть этот холод, жить в этих пустынных землях. Люди решились нарушить то, что было свято, и, сделав так, они сами навлекли на себя беду.

Эмсель думал о том, сколько времени прошло в Симбалии. Он, конечно же, не знал ничего о том, что там происходит, но если чудеса дворца были примером изобретательности симбалийцев, тогда фандорцам победы не видать. Он говорил себе, что если Йондалран сдастся, то король Эфрайон проследит за тем, чтобы фандорцам в плену не пришлось слишком туго.

Путешественник посмотрел на сверкающую белую стену, в которую упирался каньон. Большие глыбы льда таяли на ее вершине и обрушивались с грохотом на камни внизу. Лед и снег тянулись на мили на вершинах утесов. Тусклый свет бросал мрачные тени на стены снега. Иногда Эмселю казалось, что облака движутся прямо внутри этой стены. Впереди, прямо по курсу, он видел огромную массу льда, и внутри нее, казалось, лежало нечто темное неправильной формы. Заинтригованный, Эмсель потянулся за очками и вспомнил, что их больше нет.

Он вытянул длинную жердь из перекладин плота и оттолкнулся ею от дна. Течение в этом месте замедлилось, и было нетрудно подвести плот к берегу. Он хотел, проплывая мимо, лучше рассмотреть скалы. Бросив быстрый взгляд на небо в поисках холдрагов, он увидел, что оно чисто, и продвинул плот вперед.

— Думаю, — прошептал он, — самое время поискать чего-нибудь съедобного на берегу.

Усталый путник хотел есть и спать и, когда подталкивал плот к берегу, решил, что пройдет несколько сотен футов по берегу и, если не найдет еды, повернет обратно. Он

надеялся найти какие-нибудь съедобные растения и в то же время присмотреться к загадочному предмету во льду.

Фандорец надежно закрепил плот и взобрался по обледенелому берегу. Потом он направился на восток, не теряя из виду ледяную стену впереди. Через несколько минут его взору предстало зрелище, достойное самых фантастических легенд.

В лед, покрывающий скалу, вмерзло крылатое создание, казалось, застывшее в полете. И несмотря на то что он не мог точно разглядеть его черт, Эмсель был уверен, что если это и был холдраг, то самый большой, какого он когда-либо видел.

Он приблизился, забыв напрочь о том, что хотел оставаться ближе к плоту, и, разглядев существо поближе, понял, что это был вовсе не холдраг.

— Четыре лапы, два огромных крыла, — прошептал он. — Это дракон!

Эмсель подпрыгнул.

— Дракон! Это дракон!

Значит, легенды не лгали! Драконы существуют! По крайней мере существовали, ведь этот наверняка замерз сотни лет тому назад. И все же это вселяло надежду. Он хотел бы разделить с кем-нибудь свою радость, но в каньоне было пусто и тихо, только плеск реки позади и свист ветра наверху отдавались в ушах фандорца. Эмсель снова почувствовал отчаянное желание услышать человеческий голос.

Затем звук хлопающих крыльев напомнил Эмселю в том, что он недолго будет продолжать наблюдения в одиночестве. Он забыл то, о чем следовало помнить в первую очередь.

Холдраг, паривший в небе, увидел его и резко нырнул. Эмсель бросился бежать, уронив меховое одеяло на снег. Он был примерно в трехстах футах от края обрыва, на скользком пологом склоне скалы. Он скользил и бежал чудовищно медленно. Дважды он оступался, падал и катился несколько футов. Крупинки снега ослепили его, и над головой гроыхнул гром. Гроза все-таки начиналась. Эмсель зарылся сапогом в тающий снег и начал карабкаться вверх по склону. Сквозь раскаты грома он слышал вопль холдрага. Он повернулся и увидел, что чудовище совсем близко.

И начался танец смерти. Эмсель помнил, как камни выскальзывали из-под его пальцев и цеплялись за одежду, когда он пытался взобраться по склону. Он не поворачивал головы, чтобы посмотреть, как близко был холдраг, он заставил себя сосредоточиться на подъеме. Он едва успел перебраться за гребень у основания скалы, когда холдраг отлетел, чтобы не удариться о скалу. Затем с оглушительным воплем чудовище снова ринулось в атаку, и Эмсель слышал яростное шипение, когда холдраг понял, что ему не забраться в ту расщелину, в которой спрятался Эмсель.

Задышавшись, путешественник смотрел, как гигантские когти царапают камень, выковыривая кусок скалы. Хлопанье кожаных крыльев эхом раскатывалось по расщелине.

Чудовище заглянуло в щель. Эмселя едва не вытошнило от вони. Он втиснулся глубже в блестящий туннель. Через несколько минут хлопанье крыльев стихло. Эмсель повернулся и увидел холдрага, удаляющегося от скалы. Его пугала мысль о том, что одно из чудовищ специально приставлено следить за ним, но теперь он был в безопасности, по крайней мере от холдрага.

Теперь он осмотрел пещеру. Расщелина была высокой, достаточно широкой и расширялась, углубляясь в туннель. Очевидно, отверстие когда-то было шире, но сползшая земля его перекрыла. Отдышавшись и встав на ноги, Эмсель заметил, что стены пещеры светились. Они казались ему тепловатыми, а на ощупь были гладкими. Сначала он совершенно не мог понять, с чего бы это, а потом сообразил, что стены покрыты каким-то лишайником. Эмсель отковырял несколько кусочков от стены. Они несколько мгновений светились в его руках, а потом погасли, став пепельно-серыми. Эмсель машинально положил их в сумку, но только сделав это, сообразил, куда же он попал, и обрадовался, как ребенок!

— Стены светятся, — задышавшись от восторга, сказал он, — и это пещера!

Он с нежностью потрогал лишайник.

— Сверкающие пещеры!

Согласно легендам именно здесь жили драконы. Он видел одного, вмерзшего в лед снаружи. Но, может быть, другие все еще жили здесь!

Эмсель бегом припустил внутрь пещеры, но тут же подумал о другом. Если дракон во льду был так близко к пещерам, как вышло, что его настигла такая ужасная смерть?

У Эмселя не было ответа. Усталый и встревоженный, он все же продолжал спускаться в пещеру.

Святящийся лишайник покрывал все вокруг, и в зависимости от толщины его слоя свет был различным, от бежевого до солнечно-оранжевого и желтого. Эмсель шел под арками, мимо наростов льда и выступов скалы. Хотя ветер иногда и проскальзывал в туннели, в целом было достаточно тепло.

— Неплохое место для дома, — сказал он вслух, — только вот одиноко здесь.

Сказав это, он сам удивился. Почему-то именно здесь уединение не казалось ему привлекательным.

Помня о том, что случилось с ним в прошлый раз, когда он попал в подземелье, Эмсель старался запоминать повороты. Вслед за большим туннелем, где он оказался сначала, последовал следующий, еще больший, по дну которого тек ручей, несомненно являясь притоком той реки, по которой путник сюда попал. Туннель шел вниз. Эмсель добрался до развилки. Выбрав путь, которым шел, плавно понижаясь влево, он оказался в еще большей пещере. Спускаясь, он заметил, как ручеек исчез в маленьком туннеле справа.

— Похоже, я куда-то пришел, — сказал он.

Миновав туннель, в котором исчез ручей, Эмсель понял, что оказался на краю обрыва. Шум ручья затих, и Эмсель осознал, что пещера наполнена другим звуком, медленным регулярным движением воздуха, как вдох и выдох. Этого не могло быть. Что могло за один вдох поглощать столько воздуха, как человек — за десять? Затем он вдруг понял, что это могло быть, что это должно было быть.

Долгие поиски пришли к концу. Эмсель подошел к краю обрыва. Осторожно выглянув, он увидел гигантское подземное помещение, освещенное светящимся мхом. Внизу чуть подрагивали сложенные вдоль гигантского тела два легендарных крыла.

Дракон спал на сером каменном полу.

Вора смотрел, как корабль Кайерта приземляется в свете утренней зари. Рядом с принцем был стражник из дворца. Вора догадывался, что солдат принес недобрые вести для Ясвेत्रа. Кайерт и стражник подошли, и солдат, не говоря ни слова, протянул генералу свернутый свиток.

Вора посмотрел на восковую печать и нахмурился — оттиск королевских гербов говорил о том, что это указ королевской семьи. Он развернул свиток, прочитал и в ужасе поднял голову. Эвирайя завтра станет королевой! Кайерт послан, чтобы взять на себя командование армией.

— Прошу прощения, — сказал Кайерт, — но это сделано для блага Симбалии.

— Это для блага Эвирайи! — выкрикнул Вора. — Она всех вас в свои сети затянула! Я отказываюсь иметь с этим дело, — продолжал он более тихим голосом. — Ясвेत्र правит Симбалией, а не ваша жена.

На лице принца не дрогнул ни один мускул.

— Где Ясвेत्र? — спросил он. — У меня есть бумаги на его арест.

Вора ухмыльнулся:

— Бумаги! Еще бумаги! Она его не достанет, Кайерт. Ясвेत्र отправился на юг, чтобы привести войска, ушедшие с караваном.

— Что?! Он бросил армию? Оставил вас за себя?

— Да! А что ему оставалось, когда ваша жена расставляет ему ловушки на каждом шагу, — сказал Вора и отвернулся, всем своим видом показывая презрение.

Кайерт посмотрел на него с неменьшим презрением.

— Настоящий монарх никогда не покинул бы армию, — сказал он.

— А настоящий всадник ветра никогда бы не воспользовался женским коварством, чтобы взять в руки армию! — Вора смотрел на Кайерта так, словно готов был кинуться в драку.

— Хватит, — прошептал Кайерт, — мы больше не будем спорить на глазах у людей. Я предлагаю объединить усилия в борьбе за благо Симбалии.

— Никогда!

— Я теперь командующий армией, Вора. С вашей стороны будет глупо бросить все на произвол судьбы.

— Я владею ситуацией.

— Мой брат был убит!

Эти слова больно ранили генерала, он тоже чувствовал свою ответственность за случившееся. Он отвернулся.

— Это вина северянина, — сказал он тихо, — а не солдата.

— Северян набрал в ополчение Ясвентр, как всегда стремясь сделать все по-своему!

Вора не смотрел на Кайерта.

— Я согласен, это была ошибка...

— Где они? — спросил Кайерт. — Я хочу видеть того, кто это сделал.

Генерал поднял голову:

— Они на поляне за этими деревьями. Ждут приказаний.

Кайерт покачал головой.

— Эта поляна пуста. Я видел, когда приземлялся.

— Вы ошибаетесь, Кайерт. Я сам их туда отправил.

Вора послал гонца за Твиллом, но женщина вернулась через несколько минут одна.

— Северное ополчение свернуло лагерь, — сказала она, — кажется, никто не знает, куда они отправились.

Барон Толчин напевал себе под нос любимую песенку, шагая по тропинке к особняку Эвирайи. Он с удивлением увидел часовых у входа, посмотрел на окно спальни и заметил покрасневшее лицо генерала Гиброна внутри. Генерал говорил с леди Эссель.

— Все кончено наконец, — сказал он, — завтра Эвирайя будет по всей форме провозглашена королевой. Кайерт уже отправился взять командование армией. Фандорцев скоро прогонят обратно на побережье.

Барон кивнул. Хотя он еще чувствовал себя не совсем в своей тарелке, отказав Эфрайону, он все же не жалел об этом, потому что жизни слишком многих людей были поставлены на кон. Он нашупал диадему в потайном кармане камзола. Все это было тяжелым испытанием. Он не хотел, чтобы рудокопа посадили в тюрьму, но знал, что Эвирайя не простит его.

Толчин прошел мимо стражи и вошел в особняк, над которым парили два корабля, которые Кайерт оставил для защиты от драконов.

Мезор, хотя и не играл роли в самом собрании, видел в его исходе результат своей долгой работы для Эвирайи. Это он превратил ее ничтожные интриги в политическую игру. Это его честолюбие привело принцессу на трон. Когда Эвирайя станет королевой, его позиция и его безопасность будут гарантированы.

Мезор послал гонцов разнести весть купцам и чиновникам о том, что грядут перемены и что принцесса не забудет ни старых друзей, ни старых врагов. Кто-то не обратил внимания на завуалированную угрозу, но от многих из тех, кто раньше презрительно посмеивался над ним, пришел ответ с заверениями в том, что теперь-то они разглядели в советнике принцессы бесценные качества, которых почему-то не видели раньше.

Мезор знал, что если он не станет терять времени, то сможет сколотить неплохое состояние. И даже если Семья столкнет Эвирайю с трона.

Вскоре его новый статус был подтвержден. Через несколько минут после полуночи новости о грядущей коронации Эвирайи огласили по всему Надлесью. Ясвент больше не был монархом!

Рассвет пришел и ушел. Встающее солнце превратило росу в полосы тумана, придав степям бесплотную призрачность. Керия сидела перед остывшим костром, уставившись на сияющую сферу. Она сидела так уже много часов, сосредоточившись на Жемчужине, но то, что она увидела, уже давно было известно райанам. Люди кибиток, которые сначала с интересом за ней наблюдали, вернулись постепенно к своим утренним заботам. Только Зурка и Балия ждали, старуха напряженно смотрела на приемную дочь. Даже Балия, которая не скрывая ждала провала Керии, хотела бы узнать, что еще скрывает в себе Жемчужина.

Керия устала, как никогда. Она не чувствовала своего тела, забыла о том, как затекли мышцы от долгой скачки и сосредоточенного напряжения, в котором она пробыла долгие часы.

То, что могли видеть и другие райане, она открыла достаточно легко, и нежно катящиеся облака внутри сферы, казалось, готовы были расступиться. Она и люди, собравшиеся вокруг, увидели в сфере зеленую, прекрасную землю. Медленно, как будто на гигантских крыльях, она летела в голубизне безоблачного неба, над реками и старыми горными грядами, вершины пиков которых были покрыты снегом, а склоны поросли лесом. Несмотря на то, что видение было размыто и нечетко, ясно было, что земля эта полна жизни. Керия почувствовала, что земля приближается, что она видит некие большие, немного размытые фигуры на равнинах рядом с реками. У некоторых были четыре лапы, у других две. Несмотря на разный размер, у всех были крылья. Внутри этой сцены Керия ощутила глубокий мир и покой. Существа наслаждались солнцем, окунались в горячие источники и охотились в лесу. Это был древний рай, ощущение веков, которые прошли, становилось все сильнее по мере того как таяли призрачные картины. Драконы процветали, а существ с двумя лапами становилось больше, но драконы продолжали властвовать на земле. В ощущениях Керии зазвучала нота тревоги, более того, Керия почувствовала страх. Над землей драконов появились облака, и Керия напрягла мысленное зрение, пытаясь разглядеть, что было за ними. Затем радужный туман скрыл все, и Жемчужина замолчала. Керия не могла заглянуть дальше. История внутри Жемчужины оставалась загадкой, историей без

конца, оборвавшейся посередине, так же как это случалось с другими райанами до нее.

Теперь Керия почувствовала усталость, которая мешала ей сосредоточиться. Она вспомнила о боли, о голоде и о том, что ее глаза закрываются, она хочет спать. Она пыталась выбросить мысли об этом из головы, зная, что если она сейчас сдастся, ей придется вернуться в Надлесье без Жемчужины. Она не должна была спать. Она знала теперь точно, что ответ на загадку нападения драконов можно найти в Жемчужине. Ее усталость, однако, не проходила, и хотя она боролась с собой, ее мысли становились все более разрозненными и хаотичными, и постепенно Керию одолел сон.

Зурка подхватила ее, когда она стала наклоняться в ее сторону. Балия продолжала смотреть на камень. Туман внутри сферы рассеялся, но цвет был не тем, каким он был, когда Зурка вынесла ее из своей кибитки. Жемчужина, похоже, продолжала работать.

Зурка приложила пальцы к шее своей дочери и прислушалась к ее ровному дыханию. Цвет начал возвращаться к щекам молодой женщины.

— Она отдыхает, — сказала Зурка, — она больше ничего не сможет узнать.

— Стой! — ахнула Балия. — Ты посмотри на камень!

Когда ее сводная сестра заговорила, лицо Керии исказилось, как будто ей снился кошмар. Ее пальцы, лежащие в ладони Зурки, похолодели, и мурашки пошли по руке.

— Камень, мама! Посмотри на камень!

Зурка посмотрела.

Сначала она увидела дрожащую белую пелену, как будто весь цвет исчез из облаков внутри сферы. Затем она поняла, что смотрит в метель, кружащуюся внутри. Она смотрела, а вокруг собирался народ, чтобы узнать, что происходит. Жемчужина, казалось, вместила весь мир.

Затем они снова увидели равнину и землю драконов, но теперь эта земля была покрыта снегом. Снег собирался в сугробы и сходил с гор лавинами, в которых гибли драконы. Люди видели, как мирно журчащие ручьи покрывались коркой льда. Пока они смотрели, сцены жестокой зимы продолжались, и смысл их оставался неясен. Ледники двигались медленно, но неумолимо по равнине, голубой лед срезал деревья, оставляя горы голыми.

Драконы появились снова. Но теперь с ними были одиночество и страх. Легендарные существа жили теперь в пещерах, и их становилось все меньше. Когда холод усилился, некоторые начали покидать эту землю, поначалу небольшими группами, а потом множество их отправилось на восток и на запад. И все это было похоже на агонию. Жемчужина стала тускнеть. Райане заглянули в темноту и увидели то, что осталось от драконов, — кости и высохшие остатки кожаных крыльев, раскиданные по полу пещер. Эти трупы, эти отвратительные останки прекрасных существ были и большими и маленькими. Люди смотрели, и эта сцена становилась все ближе и ближе, и всех охватило щемящее чувство тоски.

Керия застонала и выпрямилась. Она видела, как туман снова заполнил сферу и его сияние потускнело. Она попыталась встать, и Зурка помогла ей.

— Драконы погибли, — потрясенно сказала она.

Зурка нежно погладила руку своей дочери и прошептала:

— Керия, ты увидела больше любого из нас. Тебе нужно отдохнуть.

— Я должна принести ее в Надлесье, — ответила Керия. — Есть многое, что мы видели, но не понимаем. Я должна показать Жемчужину Эфрайону. Я должна доказать...

— Ты получишь ее, — сказал другой, более глубокий голос. Все глаза повернулись к вставшей Балии. В ее словах не было гнева, но все, кто знал историю двух сестер, понимали, что она чувствует. Триумф Керии снова напоминал о том, что Балия уступает ей. Если бы Керия осталась в кибитках Ша, это она была бы главой племени. Ее все любили и выделяли, даже Зурка.

— У тебя есть право забрать ее, — сказала Балия, — она нужна Симбалии. Ты доказала, что достойна ее. Я больше не возражаю.

Балия пошла прочь от собравшихся в круг райан. Керия освободилась из объятий Зурки

и бросилась за сестрой, хотя едва стояла на ногах. Балия обернулась и подхватила ее.

— Не сердись на меня, — прошептала Керия.

— Сердиться? — спросила Балия. — Я не сержусь на тебя. Ты почти ничего не растеряла из своих умений, пока тебя здесь не было. И я это вижу не хуже других. Мне нечего больше сказать.

— Ты завидуешь мне, Балия. Не отрицай.

На лице Балии мелькнула злость, но она не стала спорить.

— Ты красивая, — тихо продолжала Керия, — гораздо красивее меня. Ты осталась в кибитках Ша, а я нет. Ты заботилась о маме, а я о себе. У тебя нет причин завидовать мне, Балия. Мой талант — это дар. Я не заслужила его так, как ты заслужила уважение твоих людей. Я пришла, чтобы положить конец войне и помочь Ясветру. Сделав это, я, возможно, докажу свою невиновность людям Надлесья. Я пришла не для того, чтобы соревноваться с тобой, Балия. Разве не можем мы быть сестрами?

Балия смотрела на молодую женщину, усталую и бледную, с падающими на лицо спутанными прядями. Балия знала, что Керия права, и знала, что лагерю может пригодиться друг в Надлесье, друг преданный и умный.

— Мы всегда были сестрами, — нежно сказала Балия и помахала рукой Зурке: — Мама, постели Керии! Она сейчас в обморок упадет, — прошептала она, почувствовав тяжесть сестры на своих руках.

Керии снились драконы, когда стук копыт наполнил лагерь. Вокруг поднялось много шума и суеты, пока незнакомец спешил и задавал вопросы. Потом райане тихо смотрели, как он шел к кибитке Зурки.

Шум разбудил Керию, и она увидела свет луны через окошко кибитки.

— Балия? — прошептала она. — Это ты?

Дверь фургона открылась, и Керия услышала мужской голос, всматриваясь в фигуру вошедшего в тусклом свете.

— Любимая, — сказал Ясветр, — нам пора ехать.

Керия заметила шрамы и изорванный плащ, но не успела она задать вопрос, как он приложил палец к губам.

— Эвирайя получила одобрение Семьи. Нужно немедленно возвращаться. У тебя все получилось?

Прижавшись к нему, она кивнула:

— Да, я нашла Жемчужину. Если то, что я увидела, правда, драконы угрожают нам сами по себе. Они не в союзе с фандорцами. Их немного, и я чувствую, что они боятся.

Ясветр слушал ее внимательно, перебирая пальцами ее темные волосы.

— Мы должны покончить с войной, — сказал он, — и посмотреть в лицо настоящей опасности. Эфрайон рассказал мне о том, что стоит за атакой фандорцев. Если драконы убили детей в обеих наших странах, нам нужно вместе найти способ остановить их!

Керия удивленно на него посмотрела:

— Как мы можем объединить усилия с фандорцами? Мы с ними воюем!

— Именно поэтому я отправился на юг. Я должен вернуться с той частью армии, которая осталась там, и разбить фандорцев. Потом будет время убедить их в нашей правоте.

— Они не подчинятся, — сказала Керия. — Страна, потерпевшая поражение в войне, вряд ли захочет объединять усилия с победителями.

— Общий враг помирит нас, — ответил Ясвентр. — С драконами не шутят. Ты должна помочь мне, Керия. Мне необходимо вернуть себе титул и власть над армией до того, как Эвирайю коронуют.

Керия набросила на себя полу его плаща.

— Она не станет королевой, — прошептала она, — до тех пор, пока Эфрайон живет во дворце.

Ясвентр оставил коня пастись на опушке за лагерем, Керия прощалась с Зуркой и Балией. Она так и не отдохнула, но знала, что времени нельзя терять. Остальные жители табора разошлись, кроме Боблана, который смотрел, как Зурка передает Керии Жемчужину.

— Когда я увидела, что ты вернулась, я знала, что приехала за ней, — прошептала старая женщина. — Я молюсь о том, чтобы то, что ты нашла, действительно помогло покончить с войной.

— Я тоже надеюсь на это, — ответила Керия. — Я очень благодарна судьбе за то, что она привела меня снова сюда, к вам обеим.

Ее мать улыбнулась. В этот миг в небе над их головами пронзительно закричал ястреб. Балия увидела хищную птицу, описывающую круги, и Ясвентра, приближающегося верхом. Керия взглянула вокруг. Как здесь было мирно, как ей не хотелось уезжать, возвращаться в мир войны и интриг. Она любила леса и степи, но больше всего она любила Ясвентра.

— Прощайте, — прошептала она матери и сестре, вскочила в седло и последовала за своим королем на юг встречать войска.

Виллен смотрел сквозь заросли подлеска на большую поляну, на которой раскинулся лагерь фандорцев. Около пятидесяти человек спали, сидели около небольших костров, беспокойно ходили взад и вперед или точили косы и кирки, которые служили им оружием.

Виллен посмотрел и тихо, так же как появился, исчез в зарослях. Он немного отошел от лагеря, вытянул губы и искусно прокричал голосом ночной птицы.

Через миг рядом появилась еще одна тень. Затем еще и еще. Тайно собравшиеся говорили, но голоса их звучали не громче, чем шорох падающих листьев. Они обсуждали, кто сколько фандорцев видел.

Виллен выслушал, затем тихо сказал:

— Их больше, чем мы думали. На нашей стороне внезапность, но нас слишком мало, чтобы окружить их.

— Может, теперь, когда мы здесь, генерал Вора согласится послать солдат из Надлесья поддержать нашу атаку, — предположил Твил.

Виллен кивнул:

— Возвращайся к нему, Твил. Скажи, что мы выступаем на рассвете и чтобы его войска стояли вокруг холмов, готовые присоединиться к нам.

Твил кивнул, встал и, казалось, растворился в воздухе, так незаметно он ушел.

Легкий туман поднимался от земли в холодные предрассветные часы, добавляя зловещей жути укрытым тенью холмам, когда Тэмарк и Дэйон подошли к маленькой поляне, где со всеми возможными удобствами были устроены раненые. Оба рыбака немного понимали в медицине, но для этих раненых мало что могли сделать. Они сложили сломанные кости, промыли раны и дали раненым вина, чтобы им легче спалось.

— Ждать еще тяжелее, чем сражаться, — сказал Тэмарк, положив руку на горячий лоб ополченца. — Симбалийцы что-то затаились, хотелось бы знать, что они затевают.

— Ничего хорошего, это уж точно, — ответил Дэйон. Он присел на корточки рядом с Тенньелом. Молодой старейшина был очень бледен. Когда Дэйон осматривал повязку на его плече, Тенньел вдруг открыл глаза и взглянул на Дэйона. Дэйон ахнул, он не ожидал, что Тенньел так быстро придет в сознание.

Но глаза молодого человека снова закрылись. Дэйон улыбнулся.

— Он выздоровеет, — сказал он.

— Да, — ответил Тэмарк, — только останется калекой.

Дэйон не ответил. Они отвернулись от раненых. Дэйону казалось, что темная масса деревьев надвигается на него. Тэмарк прав, ожидание было хуже всего. Тишина предрассветного часа и туман создавали очень неприятное ощущение.

Уже собираясь покинуть поляну, Дэйон ощутил, как тяжелая рука Тэмарка легла на его плечо.

— Смотри! — прошептал старейшина рыбаков.

Дэйон посмотрел и с холодком, пробежавшим по спине, заметил темную тень среди деревьев, быстродвигающуюся в их направлении.

Луна зашла, но рассвет еще не озарил неба. Твил не заботился о том, что фандорские часовые могут его заметить, когда бежал через равнину в сторону симбалийского лагеря. Однако остановил его именно симбалийский часовой и не позволил пройти даже после того, как Твил объяснил, что он из северного ополчения. Вместо этого его, несмотря на все его протесты, привели в лагерь под конвоем. Затем Твил увидел корабль принца Кайерта за цепочкой обозов. Его сердце забилося в груди, как пойманная в ловушку птичка. Его поймали. Полог палатки Воры откинулся, и принц Кайерт, а за ним и генерал вышли наружу, в круг света от факелов.

Несколько солдат, не спавших в столь ранний час, с любопытством остановились, чтобы посмотреть, но, услышав резкий приказ Кайерта, разошлись по сторонам. Кайерт стоял перед Твилем с невозмутимым лицом, скрестив руки на груди. Твил, вспомнив хватку

этих рук на своем горле, закашлялся, но тем не менее храбро объяснил, зачем пришел. Он нашел именно те слова, которые следовало сказать.

— Виллен из Северного Предела начинает атаку на силы противника.

Генерал Вора в ужасе прикрыл глаза, и Твил только сейчас заметил, что за несколько дней генерал постарел.

Желваки на скулах Кайерта напряглись, и Твил не понимал, от гнева или от волнения.

Чтобы продолжить, он собрал в кулак всю свою волю.

— Он просит генерала Вору отдать приказ войскам Надлесья окружить внешнюю сторону холмов. На рассвете мы атакуем. С помощью армии нам удастся выгнать фандорцев обратно на берег.

Кайерт посмотрел на Твила и тихо сказал:

— Нет.

— Нет?! — воскликнул генерал. — Мы не можем оставить их там одних!

Кайерт отвел глаза и резко выдохнул, как будто сожалел, но, когда он заговорил, его голос был спокоен и уверен.

— Мы не можем позволить себе понести еще большие потери в бессмысленной попытке, — сказал он. — Если северяне готовы глупо рисковать своими жизнями, чтобы прослыть героями, мне жаль, но это свершившийся факт. В Симбалии так не поступают.

Кайерт посмотрел на Вору, потом на Твила.

— Я отказываюсь посылать солдат на смерть. У меня есть свой план, и я его исполню.

— Вы отказываетесь помочь нам? — закричал Твил, забыв о гневном принце в своей вспышке ярости. — Мы не можем одни разбить всю фандорскую армию! Отказываясь нам помочь, вы нас...

— Мы что, — тихо спросил Кайерт, — убиваем вас? Вам убийство знакомо, не правда ли?

Твил попытался подавить свой гнев:

— Я пытался спасти жизнь вашего брата, принц Кайерт.

— Мне жаль, что у тебя не получилось, — сказал Кайерт, поворачиваясь к нему спиной. Щелчком пальцев принц подозвал двух всадников ветра. Они подошли и отдали честь.

— Отвезите этого северянина в Надлесье. Он задержан до моего возвращения, — сказал Кайерт.

Всадники схватили Твила под руки. Он тщетно попытался бороться.

— Генерал, — закричал он, — не слушайте его! Вы должны послать войска на помощь Виллену! Вы должны послать войска!

Скоро небольшой воздушный корабль поднялся над лесом и полетел на восток, к Надлесью.

Дэйон быстро отступил, его рука потянулась к рукояти меча, висевшего на поясе, но когда темная фигура шагнула в тусклый свет поляны, он понял, что знает этого человека. Правда, это не принесло облегчения. Человек был одет во все черное, с черной повязкой на глазу. Это был разъезжий. Дэйон часто видел его, он держался особняком. Он был выше большинства фандорцев, и со стороны часто казалось, будто он наблюдает за ними свысока.

Теперь Дэйону показалось, что лицо разъезжего выражает беспокойство.

— Поднимайте людей, — сказал разъезжий.

— Почему? — спросил Тэмарк.

Разъезжий нахмурился:

— Не сомневайся во мне, старейшина. У меня большой опыт по части того, чтобы вовремя почувствовать опасность. Это моя работа.

Дэйон кивнул.

— Я тоже чувствую, Тэмарк. Что-то поджидает нас там.

Разъезжий бросил на него суровый взгляд:

— Собери хотя бы нескольких человек и приведи сюда! Быть беде еще до рассвета!

Дэйон помедлил и, только дождавшись кивка Тэмарка, повернулся и побежал мимо полянки, где они устроили раненых, вниз по склону к лагерю. Несколько человек вскочили на ноги, увидев его бегущим. Старейшины спали у костра. Среди них был и Йондалран. Дэйон помедлил, увидев, как даже во сне было напряжено лицо отца. Нужно ли будить его? Он решил, что не стоит. Отцу нужен отдых.

Он повернулся к ополченцам.

— Идемте со мной, — сказал он, — поднимайте другие отряды. Мне нужно по десятку человек от каждого города. Двигайтесь потише!

Ополченцы взяли за оружие и тихо отступили в тень.

Виллен не отрывал глаз от восточного горизонта, который начинал светлеть — только намеком на рассвет, который послужит сигналом к атаке. Он уже был здесь больше часа, практически не двигаясь, только иногда чуть шевеля мышцами или почесываясь. Его мужчины и женщины рассредоточились так, что полностью окружили фандорцев. С помощью армии Воры вторжению будет положен конец. Они выгонят их обратно на побережье.

Виллен сжимал в руке радужные осколки ракушек, найденные рядом с телом девочки. Он снова взглянул на них, убрал в сумку на плече и сжал в руке нож. Он думал об изорванном, окровавленном платье. О девочке, которая не была его дочерью, но могла бы быть.

Вдруг тишину нарушил шум, производить который могли только люди, пробирающиеся через подлесок. Это не могли быть его ополченцы — они бы не стали шуметь, как стадо напуганных оленей! Затем до его слуха донеслись крики. Что это могло быть?

Через миг он понял.

Небо над восточным горизонтом уже начало светлеть, когда люди собрались.

— Везде вокруг нас солдаты врага, — сказал разъезжий, — я бродил в лесу и услышал, как они перекрикиваются лесными птицами. Мы должны напасть на них первыми, чтобы они упали в самими же выкопанную яму. Их не может быть много.

Фандорцы быстро разделились на четыре отряда. Их вели Дэйон, Тэмарк, разъезжий и еще один старейшина. Они пошли по лесу в четырех направлениях. Долго идти не пришлось. Через несколько минут Дэйон разглядел силуэт на дереве. В тот же миг что-то просвистело в воздухе, человек закричал, и Дэйон увидел, что стрела торчала из его груди. Вокруг закричали, другие группы тоже натолкнулись на спрятавшихся врагов. Ожиданию, которое так тревожило Дэйона и Тэмарка, пришел конец.

Старейшины Лэгоу не было на поляне, когда Дэйон отдавал приказ. Он стоял один в лесу, все еще думая о доме. Затем он услышал, как началась атака. Крики и звуки борьбы сначала вдалеке, затем все ближе и ближе накатывались со всех сторон. Снова началось. Лэгоу помчался обратно на поляну. Он увидел, что другие старейшины уже проснулись, и Йондалран вскочил на ноги.

— Они вошли в холмы! — закричал Лэгоу.

— Невозможно! — выкрикнул Йондалран, — у нас часовые стоят!

— Дэйон что-то заподозрил, он взял людей, чтобы выяснить, — сказал кто-то из старейшин.

Йондалран поднял меч раненой рукой, поморщившись от боли.

— За мной! — закричал он и бегом бросился по направлению к звукам схватки. За ним побежали остальные. Лэгоу тоже побежал, не совсем понимая, что он делает. Он просто надеялся, что на этот раз все закончится.

Сражение в холмах было коротким, но яростным. Северяне, хотевшие ошеломить фандорцев, потеряли самое большое преимущество, когда на них самих неожиданно напали.

Рассвет тоже помог фандорцам, в свете утра они увидели, насколько превосходят своих противников.

Разъезжий знал, что сражение нужно выиграть до того, как к врагам подойдет подкрепление. Он бился, но бился с сожалением. Он-то надеялся, что обе стороны учли уроки первого сражения. Теперь было ясно, что нет.

Йондалран и другие пробежали через лес и вышли на Дэйона и его отряд, бьющихся с северянами на большой поляне.

— Окружить их! — приказал Йондалран.

Виллен видел, как Йондалран отдает приказы, и хотя северянину претила мысль сражаться с человеком, который ему в отцы годился, этот человек командовал.

Йондалран едва успел заметить и отбить удар. Виллен, потеряв равновесие, споткнулся и упал. Он откатился в кусты и затаился там. Битва шла плохо, он это понимал. Где армия Воры? Они уже должны были войти в лес и разметать остатки фандорского сопротивления. Что у них там произошло?

Скоро стало понятно, что помощь не придет. Северяне обратились в бегство.

— Мы их разбили! — закричал Йондалран.

Лэгоу скорчился за деревом, наблюдая за сражением. Он больше не будет иметь ничего общего с этим! Если ему удастся живым выбраться из этих холмов, он покинет поле боя, бросит эту войну и попробует хоть как-нибудь вернуться домой, к жене и детям. Пусть воюют без него, пока их всех не убьют или не возьмут в плен. Останется он или уйдет, не важно, хватит болтать о патриотизме, это просто здравый смысл.

Он побежал по краю поляны, стараясь держаться в тени, подальше от сражения. Впереди было открытое пространство между камнями и густым подлеском. Он найдет дорогу обратно к лодкам и как-нибудь пересечет опасный залив Баломар.

Лэгоу добрался до арки, образованной двумя валунами. За ней тянулась узкая тропинка между камнями. Здесь он не слышал звуков сражения. Он помедлил и оглянулся.

Фандорцы начинали теснить симбалийцев. Лэгоу увидел Дэйона, которого сражение отделило от остальных. Вооруженный мечом северянин наседа, а юноша отбивался суковатой дубиной. Пока Лэгоу смотрел, северянин перерубил дубину. И в тот же миг Дэйон споткнулся о камень и упал, раскинувшись на влажной земле. Симбалиец замахнулся мечом, чтобы нанести последний удар...

— Нет!!! — закричал Лэгоу.

Он бросился вперед и прыгнул на врага. Удивленный внезапной помехой, тот развернулся и не глядя ударил. Лэгоу почувствовал, как клинок скользнул между ребер, почувствовал холод, от которого, казалось, онемело все тело. Старейшина упал вперед, вырвав меч из руки симбалийца. Дэйон вскочил на ноги, поднял обломки дубины и ударил симбалийца по голове.

Потом он встал на колени рядом с Лэгоу и приподнял голову старика. Лэгоу открыл глаза и посмотрел на Дэйона. У него было лицо как у ребенка, которого ни за что обидели. Он вдохнул, как будто пытаясь что-то сказать. Дэйон наклонился ближе, чтобы расслышать.

Лэгоу не прошептал последних слов. Его глаза закрылись.

Дэйон положил его на траву, у него на глазах блестели слезы.

— Я знаю, — сказал он старику, — я знаю, что этому нужно положить конец.

Молодой человек осмотрелся. Сражение на поляне почти закончилось. Йондалран сидел на бревне, тяжело дыша, в каких-то сорока футах от него.

Отец, — закричал Дэйон, — старейшина Лэгоу убит!

— Нет, — выкрикнул Йондалран, — этого не может быть! Он не сражался!

Старик встал с бревна и бросился к сыну. Подбегая, он увидел тело колесных дел мастера в траве.

— Нет, — повторил он тихо, — не может быть.

Дэйон сжимал руку мертвого старейшины.

— Он спас мне жизнь, отец. Мы отбили атаку симбалийцев. Мы должны сейчас же отступить, пока они не вернулись! Ты должен отдать приказ об отступлении!

Йондалран бросил на него сердитый взгляд:

— Не приказывать отцу!

Затем он вдруг замолчал. Дэйон отступил в сторону. Отец не сводил глаз с Лэгоу.

— Он всегда спорил со мной, — прошептал Йондалран, — но мне будет не хватать его голоса.

Он снова обратился к Дэйону заплаканное лицо.

— Нет у меня чувства победы, — сказал он. — Мы защитили честь Фандоры, но пролилось больше крови, чем я когда-либо мог себе представить. Если бы не Лэгоу, я мог бы и тебя потерять.

Оборона холма давно вытеснила из его головы мысли о том, зачем они сюда пришли, но воспоминания о Йогане нахлынули теперь, как слезы, бегущие по щекам. Он вспомнил смеющегося, жизнерадостного мальчика, сидящего верхом на быке, когда они возвращались с пахоты, старательно рубящего дрова маленьким топориком, который Йондалран ему сделал, играющего с друзьями на Толденарских холмах рядом с фермой.

Старик попытался вызвать в себе ту безумную ярость, которая вела его с тех пор, как он впервые увидел тело сына, и понял, что не может. Ее больше не осталось в нем, остались только усталость и тоска. Пора было заканчивать с войной. Он поднял голову и посмотрел на старшего сына.

— Мы отступаем.

ГЛАВА 30

— Он спит, — прошептал Эмсель, выглядывая из-за уступа скалы, — он даже не знает о том, что я здесь.

Путешественник молча рассматривал дракона, легендарное существо из сказок, который спал, положив голову на лалы и сложив два огромных серых крыла вдоль тела. Он был действительно достоин легенд. Лап у него было четыре, а не две, как у холдрага, и хотя размером он был в два раза больше хищной твари, дракон производил впечатление изящества и ловкости, той стремительности, которую ожидаешь от существа гораздо меньшего размера.

Эмсель понимал, что прежде драконов не боялись, а почитали, но он также понимал, что дни эти прошли. Дракон, казалось, был невысказанно стар. Кожа на крыльях была морщинистой и кое-где покрыта мелкими трещинами, а кустики шерсти на морде были снежно-белыми. Эмсель прислушался к затрудненному дыханию существа, и ему стало необъяснимо грустно, каждый вздох дракона наполнял сердце путешественника печалью.

Затем Эмсель заметил цепь и ужаснулся. Металлическое кольцо обвивало переднюю лапу дракона, а цепь тянулась от него к кольцу в столбе, вырезанном в форме многоуровневого здания с террасами.

Эмсель присвистнул от удивления. Судя по размерам сооружения, оно было сделано человеческими руками. Он с беспокойством огляделся, размышляя, почему легендарное существо заковано в цепи. Через стены пещеры бежали арочные проходы, а вниз вели каменные широкие ступени. Во всей пещере стены были покрыты слоем светящегося мха. Только вокруг самого дракона камень, казалось, был голым. Похоже, дракон просто слизал мох в поисках пищи.

— Вряд ли он мне чем-то поможет, — пробормотал Эмсель. — Интересно, где остальные?

Он пошел дальше по краю уступа, но смотря на дракона, а не под ноги. В конце концов он споткнулся, по счастью, не упал, но маленький камешек сорвался вниз из-под его ноги и покатился по склону.

Эмсель остановился, забыв, как дышать. Камешек глухо ударился о покрытый мхом

камень, но звук этот разнесся по всей пещере, умноженный в сотни раз акустикой высоких стен. Дыхание дракона изменилось. Затем эхом по пещере прокатилось глубокое фырканье. Эмсель осторожно выглянул через край уступа.

Темно-синий глаз смотрел прямо на него. Дракон проснулся!

Эмсель увидел, как существо подняло голову.

— Я был на волосок от того, чтобы быть сожранным холдрагом, — прошептал изобретатель, — а теперь я разбудил умирающего от голода дракона!

Дракон поднял голову еще выше и зарычал. Звук этот показался Эмселю таким, словно открылись двери в саму историю. Испугавшись, Эмсель попытался спрятаться за скалу. Рев повторялся снова и снова, эхом раскатываясь по пещере. Эмсель зажал уши. Как может такое дряхлое существо так громко орать?

Затем Эмселю показалось, что он расслышал некий повторяющийся мотив в этом рычании. Он сделал осторожный шаг к краю уступа. Выглянув, он увидел, как натянулась тяжелая цепь, но звон ее потерялся в драконьем реве. Существо не могло дотянуться до него, но продолжало медленно и ритмично реветь. На миг Эмселю показалось, что это... Нет, не может быть! Это были слова!

— Я... чую... человеческий... дух!

Эмсель прислушался. Несомненно — слова!

— Чую... человеческий... дух!

Эмсель в изумлении уставился на дракона. Он говорил на языке, похожем на южное наречие!

— Он что-то говорит о человеке, — прошептал Эмсель. — Скажи еще раз, я, может быть, пойму...

Эмсель шагнул ближе к краю уступа и храбро выглянул. Дракон немедленно вытянул шею в его сторону и снова заревел.

Эмселя обдало жаром его горячего дыхания, и он с удивлением подумал о том, что запах вовсе не неприятен, хотя достаточно силен.

— Ты вернулся! — раздалось слова, эхом отразившиеся от стен пещеры.

— Вернулся? — пробормотал Эмсель. — Я здесь никогда не был.

Он посмотрел на дракона и повторил свои слова громко.

— Я здесь никогда не был! — выкрикнул он. — Я из Фандоры!

Дракон помолчал, а потом вытянул шею как только мог ближе к уступу, на котором стоял Эмсель.

— Медленнее! — проревел он. — Ты пищишь! Медленнее говори!

Эмсель снова прокричал свои слова. Так у него скоро никакого голоса не будет, весь сядет. Затем, когда эхо его слов растаяло в пещере, Эмсель добавил:

— Я пришел за помощью от земель Фандоры и Симбалии!

Дракон посмотрел на него и медленно, торжественно повторил названия.

— Да, так! — закричал Эмсель. — Правильно! Фандора и Симбалия!

Дракон медленно опустил голову.

— Я никогда не слышал о таких землях, — проревел он.

— На эти страны напали холдраги!

Дракон снова поднял голову:

— Холдраги?

— Да! — закричал в ответ Эмсель.

— Спускайся, — сказал дракон.

Эмсель испуганно моргнул. Дракон хотел, чтобы он спустился на пол пещеры.

— Иди сюда! — прорычал дракон. — Люди давно построили ступеньки.

Эмсель заметил лестницу давно, но пока не спешил спускаться. Он посмотрел на длинные желтоватые зубы дракона. Если он будет в пределах досягаемости, дракон его немедленно съест. Стоит ли рисковать? Он был убежден, что нападения холдрагов на Фандору и Симбалию только начались, и за смертью Йогана последуют другие. Если холдраги собираются напасть на людей, потребуется помощь такого большого существа, как дракон, чтобы их остановить от продвижения на юг. Неважно, опасно это или нет, он должен найти способ уговорить дракона помочь. Невзирая на опасность, ему необходимо узнать правду и покончить с войной.

Если он будет держаться на расстоянии, дракону не удастся его схватить.

Осторожно, не забывая об опасности, Эмсель начал спуск.

Когда он достиг нижнего уровня пещеры, дракон, казалось, опять уснул. Эмсель осторожно ступил на нежный мох, покрывающий камни. Ему казалось, что он стоит на луне, так светилась поверхность под его ногами. И этот мягкий свет его успокоил.

Теперь он мог рассмотреть дракона. Он сощурился при виде кольца, которым была окована лапа легендарного зверя. Металл заржавел от крови. Эмсель был в ужасе. Если легенды говорили правду, а он уже был уверен, что по крайней мере большинство из них было правдиво, тогда почему такое благородное существо оказалось в цепях?

Теперь он был полон решимости выяснить все. Подходя к дракону, он прикинул примерно длину его шеи и когтей. Он подошел к существу на ближайшее, с его точки зрения, безопасное расстояние.

— Привет, — сказал Эмсель.

Рога на голове дракона, казалось, дрогнули, но он не открыл глаза.

— Привет! — повторил Эмсель громче.

Дракон медленно поднял голову и приподнял одно веко. Эмсель увидел в его темно-синих, цвета ночного неба глазах отражение себя, как в зеркале.

— Иди сюда, — позвал дракон низким, рокочущим голосом, который Эмсель не только слышал, но и чувствовал всем телом. Дракон постучал когтем по покрытому лишайником камню.

Эмсель медлил. Даже закованная лапа слишком напоминала ему когти холдрага.

Дракон вздохнул.

— Иди сюда, — повторил он чуть тише, — я тебя не трону. Будет проще говорить, когда ты рядом.

Эмсель перевел дух. Если он подойдет ближе, он будет в пределах досягаемости когтей дракона. Если не подойдет, дракон может разозлиться. «Помни о легендах, услышанных в

детстве», — сказал ему Эфрайон. Он снова глубоко вздохнул. Он решил довериться существу. Драконы в легендах помогали людям. Может быть, и этот поможет.

— Холдраги напали на наших людей, — сказал он, подходя ближе, старательно выговаривая каждое слова, глубоким низким голосом. — Нам нужна твоя помощь, дракон.

— Не называй меня драконом. Это человеческое слово.

— Я не знаю твоего имени, — вежливо сказал Эмсель.

Теперь он стоял в пределах досягаемости его когтей. Дракон фыркнул:

— У нас нет имен. Это людской обычай.

— Больше чем обычай, — ответил Эмсель. — Нас так много, что должен существовать способ отличать одного от другого.

— Значит, люди процветают?

— Да. В одной Фандоре нас тысячи, а наша страна маленькая по сравнению с югом.

— Юг, — резко сказал дракон, — там живут люди.

— Не только там, — сказал Эмсель, — есть еще Фандора и Симбалия.

— Значит, ты не с юга?

Эмсель покачал головой. Кажется, дракон не слышал того, что он говорил раньше.

— Я Эмсель из Фандоры.

— Эмсель, — сказал дракон, втянув носом воздух. — Странное имя для человека. Твое имя должно быть холодным и больно жалящим, как мороз. Должен ли я называть тебя Эмседем?

— Это мое имя, — ответил фандорец.

— Я тебя вообще никак называть не буду, — ответил дракон.

Эмсель увидел в глазах дракона сопротивление, но также там было и одиночество, такое глубокое, какого он сам никогда не знал. Эмсель вдруг понял, что сочувствует зверю. Дракон был стар, и ему было больно. Эмсель хотел помочь ему, облегчить его страдания, но знал, что прежде всего нужно думать о безопасности Фандоры и Симбалии. Он должен был найти других драконов! Он с сочувствием посмотрел на благородное существо и сказал:

— Не важно, как меня зовут, но ты должен выслушать меня, узнать, что произошло!

Дракон опустил веки:

— Люди мало что могут сказать мне теперь, и нет ничего такого, что человек может заставить меня сделать.

— Нет! — отчаянно закричал Эмсель. — Послушай меня! Холдраги напали на нас! Драконы должны остановить их, пока не погибли сотни людей!

Дракон немного приподнял голову и вдохнул сладковатый аромат пещеры.

— Я веками правил своей расой и теми, которые без пламени, — сказал он. — Они никогда не осмелятся нарушить мой закон.

— Они уже нарушили! — выкрикнул Эмсель, только потом осознав, что дракон сказал.

Это старое больное существо было правителем драконов? Он должен был убедить его помочь!

Дракон вдруг поднял голову и проревел:

— Маленькие существа робкие, и огня у них нет. Они не осмелятся полететь в земли, где живут люди!

Эмсель покачал головой:

— Они убили наших детей. Холдраги напали на Фандору и на Симбалию. Они и на меня напали!

Дракон посмотрел на Эмсею.

— Они ни за что не нападут, — сказал он.

Эмсель показал дракону дыру в своей жилетке, сделанную когтем холдрага.

— Видишь? — закричал он. — Они уже напали! Ты должен помочь нам предотвратить дальнейшие нападения!

Дракон не ответил. Он рассматривал Эмсею, постукивая лапой по полу. Потом вздохнул и опустил голову, так что его глаза оказались на одной высоте с глазами Эмсею.

— Какое право есть у человека что бы то ни было требовать от меня? Люди убивали! Люди предали нас! Человек — подходящий товарищ холоду и ветру.

Эмсея, однако, было трудно сбить с цели. Он шагнул ближе к огромной голове дракона и заговорил громко, делая паузы между каждым словом:

— Я рисковал жизнью, добираясь сюда! Если ты не собираешься мне помогать, я желаю говорить с другими драконами. Скажи мне, где найти их.

Дракон молчал. Затем он тихо выдохнул:

— Других нет. Я последний.

Печаль наполнила его голос. Эмсель ахнул.

— Этого не может быть! — воскликнул он. — Этого просто не может быть!

Дракон закрыл глаза, словно пытаясь избавиться от человека и от боли, которую он ему принес. Через миг, когда он их открыл, Эмсель все еще стоял перед ним.

— Уходи, — сказал дракон, — я хочу остаться один.

— Ты не можешь быть последним! — сказал Эмсель. — Легенды говорят о целом племени драконов — гордых существ, живущих в прекрасной земле сверкающих пещер и лесов. Что с ними случилось?

Раздался грохочущий звук, как сход лавины. Шея дракона поднялась над головой Эмсея, и существо проревело:

— Их больше нет! Они убиты морозом! Убиты людьми!

Рев эхом прокатился по пещере. Эмсель видел муку в глазах дракона и понимал, что он говорит правду. Это был последний дракон, и каким-то образом человечество было в этом виновато. Он вздрогнул и посмотрел на цепь. О многом, похоже, молчали легенды.

Дракон снова опустил голову.

— Холод убил, а человек предал, — простонал он.

Его глаза, казалось, смотрели куда-то в неведомую даль и были полны печали. Посмотрев на Эмсея, он заговорил об истории замерзших земель снаружи пещер:

— Давным-давно здесь было тепло. Мы жили здесь мирно и спокойно. Прошли века, и подули холодные ветры. Мы стали понемногу перемещаться на юг, оставляя свою родину. Когда мороз пошел за нами по пятам, нам пришлось жить в этих сверкающих пещерах. Холдраги, как вы их называете, больше не жили с нами. Они были крепче нас и остались в холодных землях на севере. Время проходило медленно, но холодные ветры не отступали. Скоро наши маленькие не могли вылупляться из яиц даже в землях к югу от пещер.

Дракон говорил, натягивая цепь.

— Те, кто правил до меня, послали разведчиков в земли на юге, за морем, чтобы они посмотрели, можно ли там жить. Они нашли там теплые земли с лесами и озерами, и только на самых высоких горных вершинах лежал снег.

— Похоже на Симбалию, — сказал Эмсель. — Это земля прямо на юге от вас.

Рогатая старая голова кивнула:

— Мы остались там, но ненадолго, поскольку скоро стало слишком жарко, чтобы мы могли там выжить.

— Времена года, — сказал Эмсель. — Стало жарко, потому что сменилось время года.

— Мы знали только, что нам больше нельзя там оставаться. Закон установили для холдрагов, чтобы защитить их от продвижения на юг. Многие из нас вернулись в эти пещеры, а разведчики полетели дальше на юг, чтобы искать помощи у существ, которые называли себя людьми. Мы знали, что люди во многих землях выживали, и надеялись узнать у них секрет, как победить холод. На юге люди были дружелюбны, — продолжал дракон, — но они не знали, как бороться с холодом. Наши разведчики оставались там, надеясь что-нибудь разузнать, какой-нибудь секрет, который поможет нам выжить.

— Не было никаких секретов, — сказал Эмсель. — Люди отличаются от драконов так же, как север отличается от юга. Вы можете выжить там, где не можем мы, как змей морской может жить только под водой.

— Мы тогда этого не знали. Мы были испуганы. Все меньше и меньше вылуплялось

маленьких. Мы привели людей в эти пещеры, чтобы они научили нас защищаться от холода.

Эмсель подумал о том, что это ведь вполне могло получиться. Люди вполне могли бы научить драконов, как удерживать тепло в пещерах, используя отопление и закрывая входы и отверстия. Он не знал, были ли такие попытки, но очевидно, что ничего не получилось. Драконы не выжили.

— Мы послали разведчиков в другие земли. На восток и на запад, искать место, которое могло бы стать нашим домом, но не многие вернулись. Люди оставались в наших пещерах, изучая нас. Мы все еще надеялись, что найдется способ остановить холод, но прошли века, а нас становилось все меньше. Другие люди приходили с юга, собираясь помочь нам, но никто не помог. Последних разведчиков послали на запад. Я стал главой тех, кто еще остался, и в мое время перестали рождаться маленькие. Многие из нас погибли от холода. Это было время, когда люди обманули нас.

— Обманули?

— Люди разузнали о наших тайнах. Они узнали о драгоценных камнях, которые передавались из поколения в поколение. Их было восемь — восемь камней, каждый из головы тех восьми драконов — правителей эпох.

— Ты из девятой эпохи драконов? — спросил Эмсель.

— Я последний! — проревел дракон. — Я последний из моего народа. Я предал свой народ людям.

Эмсель внимательно посмотрел на дракона:

— Ты сказал, что люди вас предали.

Дракон коротко глубоко вдохнул:

— Мы были испуганы, у нас не хватало пищи, а то, чем люди с нами поделились, почти закончилось. Они снова говорили о своих планах помочь нам выжить. Если бы они могли увидеть камни, в которых была сокрыта история и тайны нашего прошлого, они говорили, что они смогут увидеть там что-нибудь, что поможет победить холодный ветер.

Дракон заскрежетал зубами.

— Это было запрещено, запрещено законом древним, как ранние эпохи, когда мы жили на севере. В отчаянии я разрешил людям изучить наши камни, сам отдав им тайны нашего прошлого. Я надеялся только помочь тем из нас, кто еще оставался в живых. Но люди обманули меня. Они использовали камни, чтобы узнать наши слабые стороны, и заперли меня в этой ловушке. Я не мог спастись.

Дракон посмотрел на цепь вокруг своей лапы.

— Они ушли и взяли с собой наши камни. Нашу драгоценность, наше наследие, все было потеряно, и я был предан. То, что содержится в этих камнях, не предназначено для людей, и если люди использовали их, они могли принести вред. Я говорил об этом, и все же они не обратили внимания на мои предостережения.

Эмсель посмотрел на темный, проржавевший металл цепи.

— Почему другие драконы не помогли тебе вырваться?

— Они пытались, — ответил дракон, — но капкан не открылся. Они боролись. Они искали пищу, они искали место, где могли бы вылупляться маленькие. Очень мало драконов осталось в пещерах. Когда и они ушли, я остался один. Почти век прошел с тех пор, как люди покинули пещеры, а другие так и не вернулись. Я не должен был доверять людям. Они заботились только о себе.

— Нет! — воскликнул Эмсель. — Разве некоторые люди не пытались вам помочь?

— Люди предали нас, — повторил дракон, — люди крадут и люди лгут.

— Люди мечтают! — закричал Эмсель. — Люди, которые думают только о богатстве, может быть, и украли ваши камни, но не все люди такие. Я думаю только о том, как покончить с войной в наших землях.

— Люди убивают, — сказал дракон. — Мы узнали, что такое война на юге. Она убивает, как холод.

Эмсель помолчал. Он думал о том, как старейшины сожгли его лесной домик. И все же

он не потерял надежду.

— Разве драконам не приходилось использовать свое пламя, чтобы выжить? Чтобы сражаться за другие земли?

— Нет! — пророкотал дракон. — Мы никогда не убивали огнем. Он использовался только во имя справедливости.

— Разве не было драконов, которые обманывали или нарушали законы предшественников?

— Немногие, — сказал дракон, — и они были наказаны. Были времена, когда некоторые хотели породниться с холдрагами, но они были наказаны. Детей у них не было.

Эмсель подумал о черном холдраге, который гнался за ним в ущелье. Судя по его размерам и уму, он вполне мог быть плодом такого союза. Интересно, возможно ли такое? В любом случае, дракон снова подтвердил свою власть над холдрагами. Он должен был использовать это!

— Люди все погибнут, — закричал он дракону, — если холдрагов не остановить! Они уже убили, они уж нарушили закон! Ты будешь смотреть, как мы гибнем подобно твоему народу?

Опустив голову, дракон с грустью посмотрел на Эмселя:

— Люди сами виноваты в том, что предали нас.

Эмсель сердито покачал головой:

— Это ты будешь виноват, если холдраги нападут на наши страны. Они там все погибнут от летней жары. Тогда, старик, ты предашь не только драконов, но и холдрагов. Вот какое наследие нам оставят драконы?!

— Оставь меня, — сказал дракон, — я больше страдал, чем ты.

— Я тоже страдал! — выкрикнул Эмсель. — Я смотрел, как мои люди идут на войну из-за того, что сделал холдраг, и я этого до сих пор не понимаю. Если ты отвечаешь за этих существ, ты должен остановить их!

— Мой народ погиб, — сказал дракон, — я один. Я больше ни за кого не отвечаю.

— Нет, отвечаешь! Ты все еще живешь в этом мире, и холдраги все еще уважают твои слова!

Дракон закрыл голову лапой:

— Оставь меня в покое! Я хочу остаться один!

— Это не покой! — закричал Эмсель. — Ты не можешь жить один! Если есть другие живые существа, надо с ними считаться!

Эти слова прозвучали странно для самого Эмселя, но он за последние несколько недель хорошо прочувствовал их значение.

— Ты должен помочь нам, — настаивал фандорец, — ты должен помочь как людям, так и холдрагам.

Эмсель посмотрел в глаза дракона:

— Если ты, последний из драконов, такой благородный, такой уважаемый, такой мудрый, не сможешь, на что еще надеяться людям?

Дракон поднял голову и заревел прямо в лицо Эмселю.

— Я больше не могу выносить человеческий запах! Вон отсюда! Оставь меня в покое!

Сила воздуха, который он выдыхал, заставила Эмселя отшатнуться назад, но он устоял на ногах и сам закричал на дракона:

— Я тоже хотел остаться один! Но мир меня все равно нашел! Мы не можем избавиться от него! Мне кажется, что в этом мире нет надежды, пока мы не слушаем друг друга! Я рисковал жизнью, чтобы добраться до тебя. Пожалуйста, помоги мне... помоги тем людям, которые не предавали тебя!

Дракон вздохнул:

— Я больше не могу летать, и огонь больше не горит во мне.

— У тебя есть крылья, — ответил Эмсель, — и жар, который я чувствую здесь, это не только твоя кровь.

— Я закован в цепи.

Эмсель улыбнулся:

— Я найду способ освободить тебя.

— Я веками пытался освободиться. Нет способа снять это, — сказал дракон, потянув за цепь.

— Если я сниму это, — сказал Эмсель, — ты поможешь мне?

Дракон промолчал, но Эмсель увидел, что в его глазах появилось какое-то новое выражение. В темно-синих глазах была надежда, веками жившая надежда.

Эмсель быстро подошел к задней лапе дракона. Если капкан закрыли люди, он найдет способ открыть его.

Капкан был огромным, таким большим, что Эмсель мог бы стоять в нем, если бы там не было лапы дракона. Дракон смотрел на него, а изобретатель нашел большое отверстие в раме замка. Оно было размером с его кулак, но, несомненно, это была замочная скважина.

Он шагнул ближе и просунул руку в отверстие. Он нащупал несколько рычажков, которые составляли замковый механизм. Ему не много приходилось читать о замках, но однажды он купил у купца шкатулку с хитрым запором. Он тогда хорошо изучил механизм, и теперь, похоже, пришло время применить эти знания.

Эмсель нажал на ближайший к нему рычаг и смог в конце концов поднять его на подходящую высоту. Затем он проделал то же самое с другими рычагами.

Работа заняла много времени, потому что самые дальние рычаги поддавались труднее всего. Из всех сил он вытянул руку насколько смог далеко, чтобы дотянуться до последнего рычага. Он прищемил палец, когда рычаг освободился, и едва успел выдернуть руку из замка.

Дракон смотрел на него, и на его морде появилось выражение, которое Эмсель не мог растолковать иначе, как улыбку.

— Двинь лапой.

Огромная лапа согнулась, капкан немного продержался, а потом упал, раскрывшись с громким щелчком. Эмсель стряхнул ржавчину с ладоней и гордо улыбнулся.

— Теперь, — сказал он, — я думаю, мы нанесем визит холдрагам.

— Вон там, — радостно воскликнула Эвирайя. — мы подвинем этот ржавый сундук, и я поставлю здесь свой туалетный столик!

Мезор неодобрительно покачал головой.

— Этот сундук — драгоценная древность времен короля Эмбалона, а ваш туалетный столик все равно туда не влезет. Из-за него будет не подойти к окну, принцесса.

Эвирайя резко обернулась и смерила своего советника сердитым взглядом:

— Королева! Ты должен называть меня королевой!

Мезор улыбнулся:

— Как пожелаете, моя королева. Однако коронация только завтра.

— Это лишь формальность!

— Возможно, но пока коронация не состоится, ваша власть ограничена. Семья не должна думать, что вы слишком самоуверенны и заносчивы.

Эвирайя его уже не слушала. Она радостно исследовала личные покои Ясветра, открывала все шкафы и дверцы, бормоча что-то себе под нос о перепланировке и не забывая высматривать дополнительные доказательства измены.

Какая жизнь начнется! Она крепко возьмет бразды правления в свои руки. Она пошлет послания на юг и в Бундуру и пригласит всех расширить торговлю. Она отправится с Кайертом на воздушном корабле в далекие земли. Выцветшие знамена на улицах сменят новые, яркие материи, и улицы Симбалии станут произведением искусства! Дети будут любить свою изящную, грациозную королеву, а Кайерт будет их героем. Даже Эфрайон будет уважать ее, а она будет спрашивать его совета в не очень важных государственных делах.

Эвирайя подошла к единственному окну комнаты и выглянула во двор. Она будет гулять по этим газонам. Здесь, в этом дворце, она родит ребенка, дочь, которой она передаст свою корону.

— Жаль, что Кайерта сейчас нет, — сказала она, поворачиваясь к Мезору. — Но ведь он вернется к коронации?

Мезор кивнул:

— Если маневры принца против врага будут успешными, у вас будут все причины ожидать его появления.

— Ты что-то скрываешь от меня? — спросила, внезапно заволновавшись, Эвирайя. — Что-то, о чем я не знаю?

— Конечно нет, — ответил советник, — разве могу я знать что-то, о чем не знаете вы?

— Не смей отвечать мне вопросами! — сказала принцесса. — Если что-то знаешь, рассказывай!

— Моя королева, не волнуйтесь!

Эвирайя не обратила внимания на королевский титул, которым он ее наградил, и продолжала настаивать:

— Ты надеешься на высокий пост в правительстве, не так ли? Можешь быть уверен, что твое место будет на конюшне, если ты сейчас же не расскажешь мне!

Мезора это заявление, кажется, всерьез напугало.

— Я кое о чем волнуюсь, — сказал он. — Я говорю о драконе. Если Кайерт решит использовать в сражении корабли, он может снова напасть.

Эвирайя облегченно улыбнулась.

— Один дракон! — презрительно бросила она. — Воздушные корабли сильнее, чем любой одинокий дракон! Если тебя так волнует только это, уверяю тебя, волноваться не о чем. Рудокон бросил армию, чтобы сбежать вместе с райанкой. Кайерт отвечает за нашу безопасность. Драконы или нет, но фандорцев мы выгоним.

— Да, — ответил Мезор, — я уверен, что вы правы, не о чем волноваться.

Эвирайя высокомерно улыбнулась.

— Ничего, ты всегда будешь рассказывать мне о том, что тебя волнует, — сказала она, — это моя обязанность обо всем подумать. Я теперь твоя королева, Мезор. Завтрашняя церемония не более чем формальность, разве нет?

— Конечно, — поспешил ответить советник.

— Не забывай об этом. Мне нужно заняться приглашениями.

Мезор смотрел, как она шла к двери. Он знал, как пристально наблюдает за королевой Семья. Титул ее был в безопасности, но вот их поддержка далеко не надежна. Если Кайерт скоро не вернется, они еще могут изменить свое мнение.

Нужно позаботиться том, чтобы у него на всякий случай была наготове самая быстрая лошадь в королевстве.

Несколько часов спустя в темноте своих покоев отдыхал король Эфрайон. Он не слышал шагов в коридоре, но через несколько минут проходящий мимо стражник постучал, чтобы сказать, что к нему посетители.

Седовласый старик велел стражнику передать, что он ждет барона и баронессу. Он зажег небольшую лампу у двери, и, когда барон и баронесса вошли, он заметил, что они взволнованы. Несмотря на то, что в комнате была приятная прохлада, Алора непрерывно обмахивалась веером, а Толчин притворился, что с интересом разглядывает старинную мебель в комнате. Эфрайон знал, что они пришли не для того, чтобы соблюсти этикет.

— Вы, кажется, чем-то обеспокоены, — сказал старый король. — Думаете о вашей будущей королеве?

Барон покачал головой:

— Мы пришли, чтобы объяснить свои действия.

— Не стоит объяснять мне, почему вы проголосовали именно так, — сказал

Эфрайон, — на собрании вы объяснились ясно.

Алора была расстроена:

— Я голосовала не за Эвирайю, а за то, чтобы остановить войну. Ясветр не подходил для того, чтобы с этим справиться.

— Но и Эвирайя не подходит, — сказал Эфрайон.

— Конечно, — ответил Толчин, — но мы все знаем, что руководить армией будет Кайерт. Она согласилась на это еще до того, как началось собрание.

Алора кивнула:

— Кайерт выставит фандорских крестьян из нашей страны с помощью воздушных кораблей. Больше не будет нужды в сражениях.

Эфрайон посмотрел на них и жестом поманил за собой в другую комнату в его покоях. Он подошел к столу из палисандрового дерева, над которым горела одна большая свеча. В ее тусклом свете Эфрайон развернул свиток с изображением холдрага.

— Ни людям, ни воздушным кораблям не удалось победить его, — сказал он, — почему вы думаете, что Кайерт сможет?

Толчин рассмотрел рисунок.

— Он ужасает, я согласен, но даже дракон не может противостоять флоту!

Алора взяла свиток из рук мужа и поднесла к свету.

— Это не похоже на дракона, — тихо сказала она, — но я никогда не видела живого дракона, как ты, Эфрайон.

— Я тоже никогда не видел дракона, — ответил старый король. — Существо, напавшее на дворец, было холдрагом.

— Холдрагом?

— Создание, уступающее дракону в уме, но родственное ему. Я тут покопался в старых южных легендах, Толчин, и я уверен, что именно холдраги явились причиной войны.

— Невозможно! — воскликнул Толчин. — Фандорцы вторглись в Симбалию и притащили с собой чудовище!

Эфрайон забрал рисунок у Алоры и снова показал его барону.

— Толчин, — сурово сказал старик, — это чудовище похоже на существо, которым могут помыкать крестьяне и рыбаки?

— Нет, — признал барон, — но что у него могут быть за причины нападать на нас?

— Я не знаю, — ответил Эфрайон, — но я послал леди Керию узнать.

— Райанку?! — воскликнул Толчин. — Ты послал предательницу с задачей помочь нам? Ты и Ясветра куда-нибудь послал?

Эфрайон подошел к обтянутому бархатом дивану.

— Керия не предательница, — сказал он, не обратив внимания на упоминание о Ясветре. — Я послал ее на поиски, и приближается время, когда эти поиски должны завершиться.

Алора была взволнована, она многого не знала.

— Что именно ты отправил искать Керию? — спросила она.

Эфрайон сел на диван. Пришло время рассказать о том, что он предпринял. Керии потребуется помощь Семьи, если Эвирайя получит власть. Он высоко ценил барона и баронессу и решил рискнуть и открыть тайны, чтобы убедить Толчина и Алору помочь.

На собрании Семьи он не мог сделать этого, ведь Эвирайя немедленно послала бы стражу по следам Керии. Если Керия добралась до лагеря райан и нашла сокровище, она, должно быть, уже возвращается. Эфрайон должен был обеспечить ей безопасное возвращение. Для этого ему нужна была помощь Семьи. Ясветр говорил ему, как уважает Алору, и она всегда имела некоторое влияние на своего супруга. У старого короля не было времени на колебания, да и к тому же он уже все обдумал в те часы после собрания.

— Я беспокоюсь не об Эвирайе, а о Симбалии, — сказал Эфрайон. — Холдраги никогда еще не летали в наши земли, но я боюсь, что тот, которого мы видели, может быть только одним из многих.

— Ты имеешь в виду, что это вторжение холдрагов? — спросил Толчин.

— Я не знаю, — ответил Эфрайон, — но нам нужно защищаться.

Отдаленные звуки сражения донеслись через Камеранскую равнину до лагеря симбалийской армии с первыми лучами рассвета. Вора и Кайерт стояли рядом, вглядываясь в холмы.

— Принц Кайерт, — настойчиво сказал генерал, — мы не можем просто оставить этих северных безумцев там!

— А что мне делать? — резко ответил Кайерт. — Я, думаю, наслаждаюсь, глядя, как они там погибают?! Но они действовали вопреки приказу. Я не пошлю на смерть людей только для того, чтобы спасти их!

Вора нахмурился:

— Может, нам бы и улыбнулась удача, если бы мы сейчас подошли на помощь. В этих лесах долго не прокормиться. Фандорцы уже устали и голодны. Мы достаточно выжидали.

— Нет, — ответил принц, — пока не придет войско с юга, мы не будем рисковать. Я приказал всадникам ветра двигаться на равнину. Флот, объединившись, выставит фандорцев назад к морю.

До того как Вора успел ответить, в лесу позади них раздался отдаленный грохот. Караульные бросились на крики солдат.

— Лэтан! — позвал Вора. — Поезжай туда и узнай, в чем дело!

Адъютант, стоявший неподалеку, бросился к своей лошади и вскочил в седло.

Некоторое время Кайерт продолжал смотреть на запад, не обращая внимания на шум.

— Я не вижу северян в этом тумане, — сказал он, — возможно, они отступают.

Вора тоже посмотрел в туман, но ничего не ответил. Он вдруг понял, что это был за звук. Он надеялся, он мечтал, что этот миг придет. Теперь, когда Кайерт стоял рядом с ним, ничего не зная, генерал понял, что этот миг настал.

Ясвег вернулся!

— Ясвег идет! — Крик этот раздался в рядах верного королю отряда, стоявшего рядом с палаткой Воры, и принц услышал его. Повернувшись лицом к Воре, Кайерт отрывисто бросил:

— Ты знал! Ты в сговоре с Ясвегом против Семьи!

— Не будь глупцом! — ответил Вора. — Я защищал Ясвега перед Эвирайей.

— Защищать изменника — это уже измена! Я могу тебя арестовать за...

Кайерт внезапно поднял голову и посмотрел вверх. Птицы взмыли пестрым облаком из листвы. Затем в небе над симбалийским лагерем появился торжествующе кричащий ястреб. Его крик эхом повторили дюжины труб.

— Он привел их! — сказал Вора. — Он нашел недостающую часть армии!

Из леса вышла широкая процессия. Ряд за рядом ехали всадники в блестящих доспехах. Боевые кони, украшенные богатыми попонами, гордо вступали на поляну. За первой волной кавалерии шли арбалетчики, некоторые сидели на лошадях по двое, чтобы не тратить время на пеший марш. Денщики и обозчики получили приказ выпрягать лошадей и ехать на них.

Солдаты и офицеры продолжали прибывать, яркими волнами выступая из глубин леса. Окруженные войском защитники Камеранской равнины встретили их приветственным кличем в честь рудокопа и его женщины, которые ехали в авангарде. Генерал Вора отошел от принца и поспешил навстречу Ясвегу и Керии. Он заметил черный мешок у седла райанки, в котором покоилось что-то круглое. Он с волнением подумал о том, не нашли ли они Жемчужину Дракона.

Приближаясь к ним, Вора воскликнул:

— Беда, Ясвег! Командующий теперь Кайерт!

К удивлению Воры, Ясвег ответил спокойным тоном:

— Займись теми, кто прибыл с нами. Они были в седле целый день без еды и отдыха. А я поговорю с Кайертом.

Он быстро миновал генерала и поехал по направлению к принцу. Керия устало следовала позади, кивнув Воре, когда он прошел мимо, направляясь к капитану прибывшей части армии. Ясветр спешил и подошел к принцу.

— Я привел войска, — сказал он, — а Керия нашла свидетельство истинной роли, сыгранной драконом и фандорским шпионом в этой истории. Я должен объяснить тебе.

Кайерт бросил на него взгляд, полный с трудом сдерживаемого гнева.

— Ты арестован, — сказал принц, — за предательство симбалийской армии и поддержку шпиона.

Он замкнул руку в перчатке вокруг запястья Ясветра.

— Если б только Тален был жив и мог видеть тебя сейчас, — сказал он, едва сдерживая чувства.

Ясветр резко выдернул руку.

— Я вернулся с теми солдатами, которых нам не хватало для того, чтобы выдворить фандорцев! — сказал он. — У тебя нет никакого права...

— У меня есть все права, чтобы арестовать тебя! — повысил голос принц. — Ты покинул армию!

Принц повернулся к стражнику и приказал:

— Взять его!

Ясветр отступил на шаг.

— Ты не арестуешь меня, — предупредил он, — я все еще король Симбалии!

— Ты больше не король, — мрачно произнес Кайерт. — Королева — Эвирайя.

Стражник стоял рядом, не зная, что делать.

— Значит, Семья проголосовала, — сказал Ясветр. — Эвирайя быстро действует, когда речь идет о ее планах. Ее уже короновали?

— Это произойдет сегодня после полудня, но это только формальность. Эвирайя уже королева.

— Странно, ты теперь такое малое значение придаешь традициям нашей земли, Кайерт? До тех пор, пока Рубин не наденут на голову Эвирайи, король я. Это симбалийский закон.

— Не говори мне о законах, Ясветр. Ты с тех самых пор, как вошел во дворец, только и делал, что боролся с традициями, с законами, с Семей. От лица королевской семьи Симбалии я требую, чтобы ты сдался!

Ясветр схватился за рукоять меча.

— Кайерт, мы всегда уважали друг друга, не вынуждай меня применять силу.

— Тогда отправляйся с миром под стражей, Ясветр. Я ручаюсь за твою безопасность, так же как и за безопасность райанской предательницы.

Ясветр улыбнулся.

— Я привез доказательство невиновности Керии! Это нужно срочно доставить королю Эфрайону. У нас нет времени, Кайерт. Глупо продолжать этот спор. Мы должны использовать полную силу нашей армии, чтобы закончить войну.

Кайерт покачал головой. Керия подошла и остановилась неподалеку.

— Войска не будут нашей первой линией атаки, — сказал принц. — Я приказал всем всадникам ветра прибыть в равнину из Надлесья.

— Это безумие! Ты не можешь напасть на них, используя только воздушные корабли! Ты видел, что случилось!

— В этот раз будет много кораблей! — выкрикнул Кайерт. — Мы ошиблись, атакая малым числом! Флот выгонит фандорцев на равнину. На земле нас преследовали неудачи. Корабли не подведут!

— Нет, они подведут! — ответил Ясветр. — В этих холмах слишком густой лес, и у нас больше нет преимущества неожиданности! Твои всадники не могут стрелять, не видя врага!

— Обсуждение закрыто! — сказал Кайерт, резко взмахнув рукой. — Флот вот-вот прибудет, и война будет окончена.

— Фандорцы собьют твои корабли! Послушай меня, Кайерт. Настоящая опасность — это драконы. Фандорцы — это обычный враг. Мы выставим их из Симбалии, для этого нам хватит и пехоты! Ты должен меня выслушать! Есть вещи, о которых тебе еще не говорили.

— Молчать! — сказал Кайерт, вынимая из ножен меч. — Ты арестован!

— Дурак! — закричал Ясвстр, тоже обнажив клинок.

На миг на поляне повисла удивленная тишина, за которой последовал взволнованный шепоток, который расползся по толпе. Те, кто видел, что происходило, рассказывали тем, кто не видел.

Над лагерем разнесся звук скрежета мечей. Мужчины и женщины забрались на деревья, чтобы лучше видеть поединок между королем и принцем. Двое сначала бились осторожно, пробуя сильные и слабые стороны друг друга. Ясвстр знал, что поединок нужно побыстрее заканчивать, но Кайерт владел мечом почти так же искусно, как он сам. Он также знал, что Кайерт не намеревался сдавать командование армией человеку, которого искренне считал предателем.

Принц нанес удар, который рассек бы Ясвстра пополам, если бы он не парировал его. Кайерт видел удивление и гнев на лице Ясвстра и слышал шепот зрителей вокруг.

Ясвстр отразил еще один его удар, но шагнул назад. Становилось ясно, что речь шла уже о большем, чем честь. Принц, казалось, готов был убить, и все же Ясвстр не мог себе позволить сражаться, да и не хотел этого.

Он увидел ярость в глазах всадника ветра, пригнулся, пропуская меч принца над головой, и моментально с размаху ударил принца мечом плашмя. Удар пришелся по ребрам, на миг заставив его задохнуться. Теперь он заставил Кайерта отступить. Он знал, что ему нужно скорее кончать поединок. Он всю ночь провел в седле и падал от усталости.

Противники скрестили клинки и взглянули друг другу в глаза.

— Ты сам напросился! — прошипел Кайерт.

Ясвстр не ответил. Вместо этого он напрягся и изо всех сил оттолкнул от себя принца, в то же время подняв свой меч и выбив оружие из руки Кайерта. Принц посмотрел на упавший меч, словно раздумывая о том, как его поднять и возобновить схватку. Ясвстр наступил на меч ногой.

— Хватит, — тихо сказал он, — это не та битва, которую мы должны вести.

— Ты не будешь командовать, — тяжело дыша, сказал принц.

— Хочешь ты этого или нет, но тебе придется выслушать некоторые вещи, о которых я узнал, — проговорил Ясвстр сквозь зубы. Он глубоко вздохнул и продолжил шепотом: — Тебя многое удивит.

И он рассказал Кайерту то, о чем услышал от Керии, пока они скакали обратно из Валианских равнин. О том, как фандорец по имени Эмсель добрался до Симбалии, чтобы попытаться остановить войну, о том, как Эвирая посадила его в подземелье, не сказав об этом королю, и многое другое.

— Ты обвиняешь меня в том, что я недостаточно прозорлив, — сказал Ясвстр. — Согласен. Но и ты заблуждаешься.

Кайерт некоторое время молчал, затем низким, напряженным голосом он сказал:

— Однажды она хотела показать мне этого пленника, чтобы привлечь меня на свою сторону. Он к тому времени сбежал.

Принц неуверенно посмотрел на Ясвстра.

— Я не прошу признать мою правоту, — сказал Ясвстр, — просто помоги мне закончить войну. Это сейчас самое главное.

На лагерь вдруг легла тень, и Керия ахнула, посмотрев вверх. Над восточным краем леса появилась первая линия флота. Паруса были наполнены газом и дрожали на ветру, флот начал снижаться над лагерем.

Ясвстр посмотрел на принца.

— Я могу сам разобраться с этим, Кайерт, или мы можем положить конец этой нелепости вместе.

Кайерт медленно кивнул.

— Ты доказал, что дорожишь своей честью. У тебя будет шанс доказать свою храбрость. Больше мы сейчас ничего решать не будем.

Ясвент улыбнулся и протянул руку принцу:

— За бескровную победу.

Кайерт пожал руку короля.

— Я буду командовать маневрами кораблей с борта, — сказал он. — Ты, несомненно, захочешь сам повести войска, чтобы прибыть в холмы вслед за нами.

— Я призову Вору, — сказал Ясвент, — мы вместе составим план.

Он посмотрел на восток, туда, где сгустился лес.

— Где северяне? — спросил он. — Они могут нам пригодиться.

Кайерт скривил лицо:

— Не знаю. Они самовольно атаковали холмы.

ГЛАВА 31

Две тени плыли по стенам туннеля, покрытым мерцающим лишайником, и большая из этих теней полностью поглощала меньшую. Звук шагов человека тонул в шорохе и скрежете когтей по каменному полу.

Последний дракон двигался медленно, тяжело ступая. Эмсель вел его по той же дороге, по которой он сюда пришел. Дракону, правда, пришлось показать ему, как туда попасть из нижней части пещеры.

Туннель, хотя и был довольно широким, извивался и поворачивал в подземелье, и временами его высоты едва хватало крылатому гиганту. Иногда массивные наросты льда откалывались от стен и потолка, задетые плечами и крыльями легендарного существа, и падали с оглушительным грохотом. В таких случаях Эмсель прятался под брюхом дракона, чтобы его не зашибло.

— Мы почти пришли, — сказал Эмсель, увидев знакомый поворот там, где камень был розово-желтым, — но щель, через которую я сюда проник, для тебя слишком мала.

— Да уж, — проворчал дракон, — много входов было перекрыто льдом и камнями давным-давно. Нам и раньше бывало трудно выбраться из пещер.

Подойдя к отверстию, Эмсель заметил, что камни полностью завалили его. Дракон это тоже заметил и издал короткое ворчание.

— Подожди, — сказал Эмсель и подбежал ближе, чтобы попытаться оттолкнуть недавно упавшие камни.

— Они еще не слежались, — сказал он, — ты можешь попытаться их сдвинуть.

Дракон смерил фандорца сердитым взглядом.

— Я устал, — сказал он с глубоким чувством собственного достоинства, — я ничего не хочу двигать.

— Придется! — ответил Эмсель. — Это единственный выход, который я знаю.

Дракон с шумом втянул носом пыльный воздух.

— Ты вообще не знаешь, что такое терпение! — сказал он. — Люди вечно хотят действовать с той же скоростью, с какой говорят!

Эмсель нахмурился.

— Это все очень интересно, — закричал он, — но ты согласился помочь нам! Ты должен поверить, что я больше тебя разбираюсь в сути дела! Я видел холдрагов.

Это заявление дракона, похоже, рассердило, он заревел.

— Я правил холдрагами сотню лет! Они меня слушают!

— Они не будут слушать, если мы к ним не доберемся вовремя, — ответил Эмсель и нетерпеливо посмотрел на дракона.

Синие глаза дракона расширились.

— Ну хорошо. Отойди, — сказал он, — укройся за мной!

Изобретатель не заставил себя уговаривать.

Последний дракон уперся рогатой головой в камень и надавил. Сначала раздался тихий шорох, затем нарастающий рокот движущихся камней. Эмсель почти что слышал, как движутся мускулы древнего существа под морщинистой кожей, и ощущал, как царапают камень когти дракона. Затем камни покатались с оглушительным грохотом. Эмсель выглянул из-под лап дракона и увидел лавину камней. Крошечный осколок все же оцарапал его лицо, и густое серое облако пыли запорошило глаза и заставило чихать.

— Ну да, он говорит, что стар и слаб, — пробормотал Эмсель, — а что было, когда он молодой был?

Эмсель поспешил к новому выходу из пещеры, достаточно большому, чтобы через него могло выбраться такое большое существо. Когда он добрался до края, его товарищ сказал:

— Я надеюсь, ты удовлетворен, но теперь я так устал, что могу только отдыхать.

Сказав это, дракон опустил голову на каменный пол. Вздохнув, крошечный путешественник выглянул в дыру и удивился тому, что небо потемнело. Должно быть, он пробыл в пещерах дольше, чем думал. С другой стороны, это и хорошо — похоже, снаружи шел дождь. Темные облака затянули небо, и холодная морось сыпалась с неба, скрывая из виду реку. Эмсель поежился на холодном ветру.

— Я не могу лететь, — заявил дракон, — я должен поесть и отдохнуть.

Эмсель посмотрел на него и кивнул:

— На берегу есть немного мерзлой травы. Мне руками до нее не докопаться. Но ты сможешь выкопать ее когтем.

Дракон простонал:

— Как бы я хотел больше никогда не прикасаться к снегу!

— Я тоже, — ответил Эмсель, стуча зубами, — но мне кажется, у нас нет выбора.

Дракон, прищурив глаза, рассматривал далекий берег. Затем, издав резкий рык, он выгнул шею и произнес:

— Нет, я должен поесть!

Эмсель шагнул в сторону, и дракон, постанывая, вышел из пещеры. Эмсель с улыбкой смотрел, как он движется по крутому склону, наполовину развернув крылья для равновесия. Вытянув длинную шею, несмотря на холод, он шел к реке. Эмсель не мог знать, о чем дракон думает, но ему казалось, что он должен быть счастлив, счастлив быть живым и нужным — пусть даже человеку. Он верил, что дракон сдержит слово. Еще он был голоден, очень устал и безумно замерз! Он не понимал раньше, как много тепла исходило от тела легендарного зверя. Оставшись один, путешественник примерзал к полу пещеры!

Эмсель снова направился в глубь пещеры, чтобы спрятаться там в уютной нише между двумя покрытыми светящимся лишайником валунами. Он положил голову на мох, и хотя понимал, что должен бодрствовать на тот случай, если появится холдраг, он все же уснул.

Постукивание по камню разбудило его через некоторое время. Дракон вернулся и стоял теперь перед Эмселем, казалось, с любопытством его рассматривая.

— Ты что-нибудь нашел? — спросил Эмсель и увидел пучки бледно-зеленой травы, застрявшие между когтей гиганта. — Ты нашел! Ты не возражаешь, если я возьму то, что у тебя там застряло, себе?

Дракон осторожно поднял лапу, и Эмсель вытащил траву и принялся ее жевать.

— Стало холоднее, — сказал дракон, — я не могу лететь.

Эмсель упрямо покачал головой:

— Если я выдержал полет на север, ты тоже сможешь.

— Люди не летают, — удивился дракон.

Эмсель улыбнулся.

— У людей есть корабли, которые плывут по воздуху, как лодки по океану. Именно таким образом я попал к пещерам холдрагов.

— У людей нет крыльев.

— А у тебя есть, — ответил изобретатель.

Эмсель знал, что теперь ему нужно быть очень настойчивым. Дракон явно не торопился покидать пещеру. Эмсель зашагал к выходу.

— Ты куда? — спросил дракон.

— На север, — ответил фандорец, — я лечу с тобой на север. Мы больше не можем ждать!

Фандорец упрямо продолжал идти и с облегчением услышал за спиной шаги дракона. Добравшись до края, Эмсель выглянул и увидел, что небо по-прежнему темное, но дождь прекратился. Он повернулся к дракону и просто сказал:

— Нам пора.

Дракон смерил человека взглядом, гордо поднял голову и с тоской заревел:

— Ты, ничтожное, слабое существо! Ты что, не понимаешь? Я не летал лет сто! Я устал, я стар.

— У тебя есть крылья, — твердо стоял на своем Эмсель, — ты можешь летать, если захочешь!

Он пошел по ледяному склону. После дождя лед был очень скользким. Дракон смотрел на него бездонными синими глазами, а ветер дул изо всех сил. Эмсель шел по склону, дрожащий, но не сдающийся.

Он обернулся и снова закричал:

— Ты должен лететь!

Затем он посмотрел на утес, нависающий над пещерой. Там виднелись знакомые очертания вмерзшего в лед дракона.

И тут он сообразил, как убедить дракона лететь.

— Посмотри назад! Обернись! — закричал он. — Там еще дракон!

Эмсель смотрел, как последний дракон изгибает шею, чтобы взглянуть в небо позади. Делая это, он инстинктивно расправил крылья. Затем он снова повернулся к Эмселю, не увидев другого дракона.

— Не смей! — проревел он. — Я больше не позволю человеку обманывать меня!

— Посмотри на лед! — закричал Эмсель. — Там дракон!

Последний дракон снова обернулся, и в этот раз он разглядел другого дракона, покоящегося во льду. Он издал долгий, полный тоски и боли стон, который эхом разнесся по пещерам, перекрыв даже завывания ветра.

Восхитительные крылья вдруг расправились полностью, сложились и снова расправились. Последний дракон гордо вытянул шею, и гигантское тело поднялось в воздух, к вершине утеса. Медленно, но уверенно дракон поднялся в небо.

Эмсель восхищенно смотрел на красоту летящего существа.

— Он достоин всех легенд, — прошептал фандорец. Он жалел, что показал дракону то, что принесло ему столько боли, но знал, что было бы только хуже, если б он не сделал этого.

Эмселю было трудно представить себе, что это существо — последнее из своего народа, и единственный дракон, которого он мог увидеть, был тот, вмерзший в лед.

— Где-то должны быть другие, — сказал он вслух, — они слишком прекрасны для того, чтобы исчезнуть совсем.

Он смотрел, как дракон парит над ледяной глыбой. Он знал, что это существо однажды было правителем драконов и холдрагов, а значит, он был уверен, холдраги подчинятся его приказу, как только узнают о том, что он жив.

Эмсель поежился на холодном ветру, ожидая, когда дракон вернется.

— Йоган, — прошептал он, — я сдержу слово.

ГЛАВА 32

В пустынных горных ущельях, где выжили, несмотря на холод, некоторые дикие животные, охотились холдраги. Мраклинг привел их в эти места, чтобы они поохотились и наелись, зная, что им понадобится много сил для долгого перелета и битвы, которая их ждет

впереди. Пока они ели, он говорил. Он вновь говорил о том, что драконы погибли и никогда не вернуться. Закон драконов больше не подходил холдрагам. На карту поставлена их жизнь. Люди вот-вот истребят их. Мраклинг с криком сделал круг над своим войском. Его резкий высокий вопль соперничал по силе с завыванием ветра.

Холдраги взвыли от злости и страха, а Мраклинг посмотрел на них с одобрением. Вся их сила, вся ярость нужна будет в битве. Каждая встреча с людьми убеждала его в том, что рассказы Хранительницы и его разведчиков были правдой. Люди смертельно опасны, люди могли напасть в любой момент, как будто тайны огня и света, которыми они завладели, им было мало! Мраклинг вспомнил о человечешке, которого он поймал, и о том, как тот убежал. Его нежную пасть еще жгло от тех ядовитых семян. Люди маленькие, но по уму могут сравниться с драконами. Если один человек мог сбежать из их пещер, тогда тысяча легко может их захватить. Людей нужно уничтожить раньше.

Мраклинг уверял себя в том, что он прав, тысячу раз прав, но в глубине его сердца горела мысль о том, что на самом деле он должен крепить закон драконов, вместо того чтобы его нарушать. Он не знал почему. Драконы погибли. Старый порядок пришел к концу. Холдрагам был необходим вождь, а он, рожденный от дракона и холдрага, подходил как нельзя лучше для этой роли. Не могло быть сомнений в том, что самой судьбой ему было уготовано защищать их. Он владел тайной драконов и выносливостью холдрага. Он не мог оставить других на произвол судьбы. Мраклинг снова громко закричал, надменный и одинокий под звездами, и посмотрел, как внизу продолжается охота и пир.

Перед рассветом пришла гроза, и сильный ветер с мокрым снегом сделали вылет опасным. Мраклинг сдерживал ярость, хотя это было нелегко, он боялся, что неистовство, которое он вселил в своих братьев, растеряется. Но этого не произошло, холдраги шипели от ярости и нетерпения. Ветер и дождь продолжались весь день. В конце концов тучи начали расступаться и садящееся солнце окрасило облака алым цветом. Мраклинг расправил крылья и взмыл в пылающее небо. Холдраги последний раз вернуться в свои пещеры. Затем они выступят в долгий поход на юг, в земли людей, теплые земли, которые скоро станут их новой родиной.

Отступление фандорцев должно было пройти в два этапа. Первыми покинуть холмы должны были раненые и те, кто утратил волю. Их вели старейшины Тэмарк и Пеннел. Ополчение из Кейп Бейджа должно было пойти с ними для прикрытия, а также для того, чтобы подготовить лодки на берегу к срочному отплытию.

— Мы будем стоять до вечера, — сказал Йондалран, — затем пойдем за ними как можно быстрее. Симбалийцы теперь знают, что мы сильны и храбры. Они не посмеют напасть на нас при свете дня.

Тэмарк мрачно покачал головой.

— Не забывай об их драконе! Он может напасть в любую минуту!

Йондалран встряхнул рукой, и на запястье зашелестел браслет.

— Мы их один раз прогнали, сможем и еще!

Тэмарк кивнул и с помощью Дэйона начал собирать ополчение своего города.

Те, кто остался, расположились в холмах тремя группами, командовали которыми Дэйон, разъезжий и сам Йондалран. Они будут удерживать холмы, пока смогут, чтобы дать возможность людям Тэмарка достигнуть берега. Они надеялись на то, что симбалийцам вновь не удастся проникнуть под покров леса. К ночи они смогут отступить.

Йондалран увидел, как кое-кто озадаченно смотрит на лес. Затем он расслышал то, что слышали они, — низкий рокот, похожий на гром летней грозы. Он посмотрел вверх. То небо, что просматривалось сквозь листву, было покрыто невинными бегущими облачками. Шум все усиливался, постепенно приближаясь. Старик не видел равнины из своего укрытия, поэтому он послал молодого человека на разведку, прошептал:

— Быстро вон на тот дуб, и расскажи, что видишь!

Молодой ополченец влез на дерево, снизу его не было видно, но через миг они

услышали его голос.

— Старейшина Йондалран, — закричал он, — это симбалийские войска! Далеко, но их сотни, а над ними корабли! Их столько... мы такого в страшном сне не видали!

Йондалран вскочил на ноги.

— Невозможно! — закричал он. — Мы уже не раз отбивали их атаки! Откуда у меня силы?

Другие ополченцы тоже вылезли из укрытий, чтобы увидеть, что приближалось к ним.

— По местам! — закричал старик. — Они не должны увидеть вас раньше времени!

Некоторые его не послушались и поднялись из-за камней и кустов, чтобы бросить взгляд на неумолимо приближающуюся армию.

— Сидеть, — приказал Йондалран, — укрываться, пока они вас не заметят!

Разъезжий поймал двух перепуганных солдат и затащил обратно в укрытие, но в тот же миг услышал приглушенный стук копыт по траве у основания холма. Симбалийцы будут здесь с минуты на минуту.

Утро уходило, а продвижение отступающей армии на берег было медленным. Большинство раненых могли идти, но, как Теннел, были слишком слабы и не могли идти подолгу без остановок на отдых. Тех, кто идти не мог, несли на наскоро связанных из веток и веревок носилках.

— У Тэмарка весь день уйдет на то, чтобы добраться до лодок, — сказал Дэйон отцу.

Йондалран задумчиво смотрел в сторону лагеря симбалийцев на другом конце равнины. Разглядеть что-то отчетливо не представлялось возможным из-за деревьев и тумана, поднимающегося от земли. Старик стоял, тяжело опираясь на посох, в нем кипела ярость. Многих они уже потеряли, и он чувствовал за это свою ответственность. Что он скажет жене Лэгоу? Что он скажет другим? Он покачал головой. Тяжелую цену им пришлось заплатить за безопасность Фандоры.

Дэйон молча стоял рядом с отцом. Тэмарк ушел с час назад. Он думал о том, сколько им предстоит здесь продержаться.

— Разъезжий говорит, что все готово, отец. Я говорил с ополчением из Боргена. Они хотят выступить. Они боятся, что погода испортится и будет трудно отступать.

Йондалран кивнул и снова посмотрел на равнину. Вдруг он замер, уставившись в одну точку.

— Что, отец?

Йондалран вытянул руку.

— Вон! Над деревьями!

— Это дождевая туча.

— И в самом деле туча, — напряженно сказал Йондалран.

Дэйон присмотрелся и ахнул. То, что сначала показалось ему темно-серой тучей, набухающей над верхушками деревьев, теперь разбивалось на части, раскалывалось на отдельные фрагменты — немыслимое число воздушных кораблей. Он видел, как солнечные лучи устремились сквозь паруса и отразились от украшенных драгоценными камнями форштевней, а мачты кораблей выстроились лесом над деревьями.

— К бою! — закричал Йондалран. — Поднимай людей! Мы будем защищать холмы!

В рядах симбалийцев шли последние приготовления к атаке. Войска выстраивались в сомкнутые плечом к плечу ряды, выпелы развевались на пиках, их держали гордо и высоко. Лучники и пехота стояли на флангах, а центр состоял из рядов закованных в доспехи рыцарей. Симбалийская армия, снова в полном составе, готовилась в решающей битве.

На опушке леса стояли Ясвентр и Керия. Это был последний миг, когда они могли побыть одни перед атакой, и звуки последних приготовлений заставляли их обоих думать об опасности. Ясвентра могли убить в сражении, сразить фандорским мечом, а Керию считали предательницей, ее безопасность зависела от того, успеет ли она добраться до Эфрайона до коронации Эвирайи.

— Я знаю, что ты вернешься, — сказала она Ясветру, — мы слишком много пережили вместе, чтобы сейчас потерять друг друга. Сердце говорит мне, что ты должен вернуться.

Ясветр обнял ее за плечи:

— Ты мне дороже жизни, но я беспокоюсь, Керия.

— Я знаю, — ответила она, — но я понимаю, что нужно сделать. Каждый миг идет на пользу Эвирайе, приближает ее к Рубину. Как бы это ни было опасно, я должна мчаться обратно во дворец с Жемчужиной!

— Нет, — сказал Ясветр, — это слишком опасно. Люди Эвирайи все еще прочесывают лес, они ищут тебя. Они не замедлят взять тебя в плен, даже зная о том, что я вернулся.

Керия высвободилась из его объятий.

— Я должна добраться до Эфрайона! — воскликнула она. — Я не боюсь их!

Ясветр снова притянул ее к себе.

— У тебя с собой секрет слишком ценный, чтобы его потерять, любовь моя. Мы должны позаботиться о его безопасности. Ты должна дожидаться, пока я смогу покинуть равнину. Лэтан может укрыть тебя в лесу. Мы вернемся в Надлесье вместе!

— Нет, — настаивала Керия, — у нас нет времени! Эвирайю вот-вот коронуют!

— Нам благоразумнее вернуться вместе, Керия! Если меня не будет там, даже Жемчужины будет мало, чтобы остановить коронацию Эвирайи. Драгоценный камень расскажет только о драконах. Я должен быть там, чтобы обелить свое имя. Эвирайя найдет, как использовать Жемчужину против нас, если мы не вернемся вместе. Подожди, моя дорогая, эта война скоро закончится.

— Я не хочу ждать, — тихо ответила Керия.

— Я прикажу задержать тебя, если ты попытаешься уехать! — сказал Ясветр. — Я не отдам тебя Эвирайе!

Керия видела любовь в его темных глазах, и на краткий миг война, интриги Семьи и угроза Эвирайи — все перестало существовать для них. Ясветр обнял ее, и они потерялись в прикосновениях рук и тел, в глубине их взаимной любви. Когда Ясветр наконец поднял глаза и взглянул на ожидающую армию, он почувствовал, как будто меч прошел сквозь его сердце. Он услышал шум войска, идущего в бой, дребезжание ножен, похрапывание и поступь боевых лошадей и железный шелест кольчуг.

Король заставил себя отпустить любимую и повернулся лицом к войску.

— Мы вернемся, — прошептал он, — мы вернемся в Надлесье вместе!

Он быстрым шагом направился к своей палатке и появился оттуда через несколько минут в легкой кольчуге и кожаных штанах. Керия смотрела, как он идет вдоль рядов, слышала раскаты криков «ура!», когда он легко вскочил в седло. Ястреб опустился с неба на его вытянутую руку и устроился на плече, вцепившись когтями в звенья кольчуги. Керия смотрела, и глаза ее застилали слезы.

Кайерт отрегулировал давление газа в парусах и вывел корабль вперед за линию тех, кто ждал его приказа. Он был там, где ему полагалось, в своей стихии, где шуршали паруса, и ветер нежно обнимал его, и палуба покачивалась, но ничто не приносило обычной радости. Без Талена, с которым можно было разделить радость полета, ощущение полета никогда уже не будет прежним.

Он отдаленно слышал, как горны трубят начало атаки. Он поднял флаги, которые разнесли его приказ наполнять паруса. Флот начал медленно двигаться вперед. Принц Кайерт, сжав рычаги управления, смотрел на холмы.

Ясвентр выехал вперед и поднял руку. Ему претила мысль подавать сигнал к кровопролитию, но он знал, что это его долг. Он приказал солдатам по возможности гнать фандорцев к берегу или брать в плен. То, что ему рассказала Керия на пути из Валианских равнин, окончательно убедило его в том, что причиной войны стало трагическое недоразумение. Он знал, что с войной нужно покончить быстро и желательно без кровопролития, насколько это возможно. Была другая угроза Симбалии, гораздо более опасная. Он резко опустил руку.

— За Симбалию! — выкрикнул он.

Объединенные силы Надлесья двинулись вслед за своим королем на Камеранскую равнину.

Воздушная армада заслонила собой солнце, и это оказалось слишком для фандорцев. Они побежали, побросав свое нелепое оружие.

— Держать ряды! — закричал что было сил Йондалран, но тщетно.

Его люди уже не обращали на него внимания. Они бежали от того, что казалось им верной смертью. Одни подумали, что симбалийцы наконец выпустили на волю свою знаменитую магию. Другие подумали, что небо потемнело от слетевшегося на их головы множества драконов. Йондалран беспомощно озирался, видя, как беспорядочно бежит его армия и никто уже не слушает ничьих приказов. Краем глаза он заметил приближающихся к нему всадников в кольчугах и услышал гроыхание оружия и крики солдат в подлеске. Симбалиец на коне перепрыгнул через кусты прямо перед ним. Всадник поднял меч, но Йондалран опередил его, клинок звонко ударился о доспехи и сбил противника с лошади. До того как симбалиец успел прийти в себя, Йондалран повернулся и пустился бежать вверх по холму, откуда он смог бы лучше видеть, что происходит.

Ряды были смяты. Единая волна симбалийских солдат шла через холмы, гоня перед собой фандорцев. Пока он смотрел, вторая линия фандорской обороны дрогнула и сломалась. Вдруг в сотне ярдов впереди старик увидел, как Дэйона обезоружили два симбалийца и, не церемонясь, взвалили на круп лошади.

— Нет! — закричал Йондалран, его глаза затмила черная ярость. Он побежал вниз по холму, подняв меч. В кустах раздался треск, Йондалран повернулся с мечом наготове и увидел симбалийскую женщину в кольчуге на гнедом коне. Йондалран остановился как вкопанный. Если они так сражаются, если они используют женщин как солдат, значит, у них совсем нет гордости! Но он не сдастся, пока Дэйон еще дышит.

Конь под женщиной встал на дыбы, словно хотел растоптать фандорца копытами, и Йондалрану пришлось отпрыгнуть и спрятаться за большой камень.

— Сдавайся, — закричала всадница, — война окончена! Вы проиграли! Сдавайся, если хочешь жить!

Она обнажила меч, и конь снова встал на дыбы.

Йондалран увернулся от копыт, но споткнулся в маленькой ямке и упал навзничь.

— Идиот! — прокричала всадница и, повернув коня, отправилась искать другого противника.

Йондалран не мог снести такого позорного поражения. Он выдернул ногу из ямки и бросился за симбалийкой.

— Убийца кровожадная! — закричал он. — А ну посмотри на меня!

Конь взбрыкнул, услышав его крик позади, и попал задним копытом в голову старика, смяв его шлем и свалив на землю.

— Вот идиот! — снова прокричала женщина и помчалась прочь в поисках фандорских командующих, не подозревая, кого именно оставила лежать без сознания на земле.

Разъезжий сражался один, прикрывая отряд юнцов, спрятавшихся в кустах. Улучив минуту передышки, он огляделся и заметил за деревьями высокого симбалийского всадника, одетого в черное с серебром, окруженного соратниками. Все они были не похожи на простых солдат. За ними несли развевающиеся на пиках вымпелы. Разъезжий решил, что должен во что бы то ни стало добраться до этих важных господ, до того как прольется еще больше крови. Он видел издали, как Дэйон попал в плен, и хотя он не знал ничего о судьбе Йондалрана, он понимал, что дальнейшее сопротивление будет бесполезно. Нужно было организовать сдачу, и он, более похожий на воина, чем остальные фандорцы, возможно, сможет сойти за старейшину. Об отступлении больше не было речи, холм был захвачен симбалийскими войсками, и, выжидая, они бы ничего не выиграли.

Разъезжий начал осторожно пробираться к тем деревьям, под которыми стоял всадник в черном. Приблизившись, он смог рассмотреть поближе нескольких людей. Мужчина и женщина, очевидно телохранители, стояли на страже. Рядом были еще трое всадников. Высокий всадник в черном говорил с бородатым толстяком вдвое старше его.

Будет трудно. Разъезжий вздохнул. Если он подойдет слишком быстро, они убьют его, если будет подбираться осторожно, его могут поймать.

Он продолжал движение, проскользнув между парой симбалийских солдат на краю кустарника. Он слышал позади, как его товарищей берут в плен, и вдруг подумал, что фандорцы, похоже, чаще попадали в плен, чем были убиты.

Это было ему на руку. Симбалийцы явно стремились закончить войну как можно быстрее. Он продолжал идти вперед, осторожно выбирая, куда ступать, чтобы ни одна веточка не хрустнула под его сапогом.

Всего в нескольких ярдах от ближайшего телохранителя он обнажил меч и спрятался за деревом.

— Сим, — выкрикнул он на южном диалекте, надеясь сбить с толку стражу, — защищайся!

Телохранитель бросился на его голос, но в тот же миг разъезжий выступил вперед и оказался на поляне. К тому времени, как стража его увидела, он уже бежал прямо к высокому всаднику в черном.

Его увидел мужчина-телохранитель и спешился, но и черный всадник вытащил из ножен меч.

— Нет! — закричал разъезжий, но тут же услышал за спиной шаги второго телохранителя. Видно, ему придется сражаться с двумя.

Темный всадник был молод, но у него было такое выражение лица, что разъезжий ожидал от него только ярости. Разъезжий медленно поднял меч, желая только говорить.

— Сдавайся! — выкрикнул темный всадник, затем в небе что-то потемнело, и разъезжий увидел ястреба, падающего прямо на него.

Он свернул в сторону, чтобы избежать когтей хищной птицы, но его поджидал телохранитель. Ястреб рванул его куртку и снова взмыл.

— Сдавайся! — снова сказал темный молодой всадник, и разъезжий почувствовал укол в спину.

— Я пришел с миром, — сказал разъезжий и положил меч на траву. Телохранитель немедленно его поднял.

— Тогда ты найдешь его, — сказал всадник в черном с серебром, опуская меч в ножны, — я Ясветр, король Симбалии.

— Ясветр, — сказал разъезжий, — я уже слышал твое имя.

Король внимательно смотрел на разъезжего. Он был слишком высок для фандорца, да и

говорил с южным акцентом.

— Ты не с запада, — заключил король.

— Я южанин, но сейчас я говорю от имени Фандоры. Мы пришли искать возмездия за убитого фандорского ребенка.

— Я знаю, почему вы напали, — ответил Ясведр, — но Симбалия не несет за это ответственности. Ребенок погиб и у нас. Мы думаем, что в ответе за это драконы.

Разъезжий скривился:

— Мне наплевать на драконов и на воздушные корабли. Исходя из того, что я видел, наши старейшины попали в плен или перебиты. Кровапролитие должно быть остановлено. Мы хотим только вернуться в Фандору.

Ясведр покачал головой:

— Это Фандора вторглась в Симбалию. Есть опасность, с которой мы должны бороться вместе.

— Вместе? — скептически переспросил разъезжий.

Ясведр отвернулся и помахал рукой тучному бородачу.

— Вора! — позвал он. — Иди сюда!

Ясведр снова посмотрел на разъезжего. Он казался королю человеком разумным. Вора сможет выработать вместе с ним план быстрой сдачи. Он посмотрел на равнину. Каждый миг приближал тот час, когда Эвирайя станет королевой, и королю не терпелось отправиться в путь.

Им с Керией нужно было ехать, пока еще не слишком поздно. Путь через Надлесье будет быстрым, но опасным, люди Эвирайи наверняка знают о его возвращении и будут их поджидать.

Воздушная армада под командованием принца Кайерта подошла к холмам, намереваясь оказать поддержку наземным силам, но солдаты и так неплохо справлялись. С борта флагмана принц увидел, как достаточно большая группа фандорцев покидает холмы с западной стороны, медленно спускаясь через луга к пологому берегу. Принц быстро поднял несколько флагов, и флот ответил на его приказ. Десять кораблей остались на месте, чтобы в случае необходимости помочь войскам, а остальные пустились в преследование отступающих фандорцев.

Отступающие фандорцы увидели темную массу килей зависших над ними кораблей и силуэты всадников, целящихся в них из арбалетов. У фандорцев даже не было шанса бежать, большинство отступающих были либо ранены, либо несли раненых товарищей. Ни одна стрела не покинула тетиву.

Тэмарк с тоской посмотрел на далекую полосу берега, где стояли лодки. Он знал, что теперь уже нет никаких шансов до них добраться. Они слишком поздно начали отступление.

Несколько кораблей снизилось, следуя за флагманом. Принц спустился по веревочной лестнице и подошел к Тэмарку, который уже признался всадникам, что именно он командует этим отрядом. Тэмарк взглянул на принца, подумав о том, что сам он хотя и уступал симбалийцу в росте, все же был гораздо крепче худого бледного человека. Но он был его пленником.

— Властью, данной мне как командиру всадников ветра и принцу Симбалии, я требую сложить оружие, — жестко сказал принц. — Вы можете считать себя пленниками, и вы будете...

— Мы не хотим воевать, — прервал его Тэмарк, — мы сдаемся! Я только прошу позаботиться о раненых.

— Это будет сделано, — резко сказал принц, раздраженный тем, что его прервали. — Вы полетите со мной в Надлесье.

Тэмарк посмотрел на парящий над землей корабль за спиной принца и постарался не показать того волнения, которое внезапно охватило его. Это просто лодка. И все же ему с трудом удавалось сохранить хладнокровие, когда он взбирался по лестнице вслед за принцем и увидел, как быстро удаляется земля.

То время, которое Керия провела в ожидании в глубине леса, показались ей самыми долгими в ее жизни. С каждым часом она все больше была уверена в том, что Ясветр ранен или погиб в битве. Лэтан, наблюдающий за тем, как молодая женщина ходит туда-сюда по опушке, хотел бы сделать хоть что-нибудь, чтобы ее успокоить, но знал, что только появление любимого сможет ее утешить.

Вдруг Керия резко подняла голову.

— Слышишь? — шепотом спросила она. — Ты это слышал?

— Что слышал, миледи?

Керия не ответила. Она внимательно прислушивалась, и улыбка осветила ее лицо, как луч солнца, пробившийся сквозь тучи.

— Это ястреб! — воскликнула она.

Теперь и Лэтан услышал этот звук и вместе с ним топот копыт приближающегося коня. Через миг Ясветр появился на виду. Он уже снял доспехи. Они оба, Керия и Лэтан, радостно закричали, когда знакомая фигура спешила. Король обнял любимую только на миг, затем отстранился и сказал:

— Пора в путь! Жемчужина у тебя?

— В седельной сумке, — ответила Керия.

Ясветр кивнул:

— Тогда в путь! Вора сказал, что даст нам эскорт из восьмерых кавалеристов.

Король вскочил в седло, потом Керия и Лэтан. Мгновение, и гнедой жеребец уже мчался, позаимствованная у леди Тенор кобыла следовала за ним. Лэтан пришпорил лошадь, чтобы успеть за ними, но тщетно. Через несколько минут они были уже далеко.

— Как в ту ночь у Главы дракона, — прошептал Лэтан.

Он успокоил себя тем, что даже на одном из лучших скакунов Надлесья вряд ли смог бы угнаться за Ясветром и Керией.

С края пустовавшей взлетной площадки дворца король Эфрайон смотрел на лес в старую подзорную трубу.

— Ничего, — сказал он, — никаких признаков возвращения Керии.

За его спиной ждал барон Толчин.

— Значит, мы должны продолжать! — сказал он. — Коронация должна состояться. Будет несправедливо откладывать церемонию еще дальше. Даже если Керия вернется с доказательством своей невиновности, король Ясветр все еще отсутствует. Мы не можем вновь утвердить монарха, который фактически отрекся от престола и бежал из армии!

— Я не поверю в это ни на минуту!

— А я также не верю, что фандорскому шпиону удалось в одиночку сбежать из дворца. Но на какие-то вещи мы должны закрыть глаза, если хотим поддержать порядок в Симбалии. Я не думаю, что Кайерт стал бы клеветать на Ясветра. Прошу прощения, король Эфрайон, но я убежден, что Ясветр либо трус, либо предатель.

Эфрайон молчал, но было очевидно, что его вера в Ясветра не пошатнулась. Он не знал, что сделал рудокоп, но какие бы планы ни были у Ясветра, Эфрайон был убежден, что он действовал только в интересах Симбалии.

— У Кайерта есть план, — сказал Толчин, посмотрев вниз на пустынный заброшенный двор. — Он созвал весь флот на атаку на холмы. До наступления темноты фандорцы будут изгнаны.

Эфрайон покачал головой:

— Настоящая опасность останется.

Толчин кивнул.

— Кайерт и с этими существами, которых ты называешь холдрагами, разберется. Всадники придумают, как устроить им ловушку.

— И ты в это веришь после того, что я рассказал вам с Алорой?

Толчин снова кивнул:

— Они огромны, но не разумны. Да и сколько их, по-твоему, Эфрайон? Прошло столько лет, а мы больше ни одного не видели.

Эфрайон снова поднял подзорную трубу к глазам и посмотрел на дорогу, извивающуюся по Надлесью.

— Я не знаю, сколько их, — сказал он, — и откуда они, Толчин. Я послал Керию выяснить именно это.

Он не упоминал Эмсея и задачу, которую возложил на фандорца, это точно разозлило бы барона и вернуло бы его сомнения.

Барон с беспокойством обернулся на дверь за ними.

— Райанке явно не удалось выполнить задание. Я должен идти и присоединиться к Алоре в подготовке к коронации. Не волнуйся, король Эфрайон. Мы не спустим глаз с Эвирайи.

Барон положил руку на плечо старика, потом повернулся и пошел прочь от взлетной площадки. Эфрайон вздохнул. Барон слишком нервничал, но была доля правды в том, что он говорил. Если Керия и вернется до того, как начнется церемония, все равно ничто не помешает им короновать Эвирайю. Только Ясветру это по силам. Ясно, что они поддержат переход трона к Эвирайе, что бы ни говорила Керия. Правда о холдрагах поможет быстро закончить войну, но Ясветру нужно быть там, чтобы выиграть битву за дворец, который так недолго ему принадлежал.

Эфрайон сжал в руке трубу. Он не знал, куда отправился Ясветр, у него не было никакой уверенности в том, что молодой монарх вообще вернется, но он еще надеялся.

— Я провожу больше времени в воздухе, чем на земле, — с беспокойством сказал себе Эмсель, глядя на безрадостный пейзаж внизу. Он скорчился в маленькой выемке прямо за головой дракона, защищенный от ветра выступающим щитком его панциря. Жар, исходящий от тела дракона, немного согревал путешественника. Он крепко держался за рога, которыми кончался зубчатый край. Эмсель не мог бы сказать, что ему было неудобно, но время от времени он чувствовал, что порыв ветра вот-вот подхватит его и унесет прямо на белое одеяло снега.

Последний дракон предложил Эмсею лететь у него в пасти, но Эмсель от такого предложения вежливо отказался. Не столько потому, что там было неудобно, ведь рот дракона был не меньше каюты воздушного корабля, а его нёбо мягким, как пуховый матрас, хотя и несколько влажным, а дыхание — сладким, потому что он был травоядным. Но перед мысленным взором Эмсея все еще стояла картина, как он болтался прямо перед шипящей пастью холдрага, и он решил, что лучше посидит сверху, на шее.

Возвращение в земли холдрагов заняло гораздо меньше времени, чем побег оттуда. Дракон полетел на север другой дорогой, над снежными пиками, далеко от реки и от каньона. Эмсель заметил некоторые признаки жизни, несколько северных оленей или горных козлов, прячущихся под укрытием редких деревьев, но больше ничего, кроме снега. Бесконечная полоса льда действовала на него удручающе, хотя и смотрелась вполне подходящим местом для таких драматических событий, как последние дни легендарной расы. В тусклом свете северного солнца собственный дом Эмсея казался ему чудовищно далеким. Чувство неимоверного одиночества охватило его, и он в который раз подивился тому, что это происходит с ним. Он более всего хотел бы иметь друга, товарища, с которым он мог бы поделиться своими размышлениями. Он был благодарен судьбе за компанию дракона и за разговоры, которые они вели. Эмсель уже начал воспринимать своего гигантского союзника скорее как «он», чем «оно».

Несмотря на то, что они летели быстро, Эмсель с сожалением сознавал, как много времени они потеряли. И когда дракон заявил, что хочет пить, он не мог не возражать — спуск к водопою занял бы много лишнего времени.

— Мы уже скоро прибудем, — прокричал он, — там есть вода! Ты не можешь

потерпеть?

— Нет! — проревел дракон, — я больше не могу ждать. У меня горло пересохло.

Он вдруг резко снизился на несколько сотен футов, и Эмсель почувствовал себя так, словно его желудок остался там, в облаках.

— Осторожнее! — закричал он. — Это для меня внове!

— Ты разве не хотел, чтобы я поторопился?

После вопроса последовал грохот — звук, который можно было вполне принять за смех. Дракон спустился к водоему.

— Это озеро, — воскликнул Эмсель, — и, кажется, даже не замерзшее!

Фандорец заметил тающий снег, отложения кремния по берегам и решил, что в озере должен быть хотя бы один горячий источник. Дракон спланировал еще ниже, сделал круг и приземлился у воды. Эмсель почувствовал, как длинная шея нагнулась вперед, и попросил, чтобы дракон дал и ему тоже возможность напиться. Дракон согласился и подождал, пока Эмсель, склонившись, зачерпывал воду ладошкой и пил. Вода была ледяная и хорошо освежала, но у нее был горьковатый привкус. Эмсель побрызгал немного на лицо и увидел, как спокойная поверхность озера идет крупной рябью, когда дракон пьет. Скоро они будут на севере, несмотря ни на что, какие бы препятствия ни вставали на их пути. Холдраги не доберутся до Симбалии и Фандоры. Эмсель нахмурился. Он выяснил истинную причину гибели Йогана, но он все еще не знал, почему это произошло. Дети погибли в Фандоре и в Симбалии. Только дети. Что-то стояло за этим, что-то, чего он еще не понимал.

Путешественник размышлял об этом, когда вдруг увидел, как по воде в нескольких ярдах от них идут пузырьки.

— Нам лучше поторопиться, — прошептал он. — Если здесь есть горячий источник, могут быть и гейзеры.

Но до того как он успел отступить, рядом с ним в озере как будто раздался взрыв. Эмсель бегом бросился назад по снегу, но на бегу увидел огромную голову, окруженную дергающимися усиками, летящую прямо на него. Шансов на спасение, казалось, не было. Пасть с огромными клыками раскрылась прямо над ним, затем раздался свистящий звук, и огромное крыло ударило чудовище по шее. Один из усиков хлестнул Эмселя как кнут. Когда голова пронеслась мимо, он закричал от боли и спрятался между валунами. Чудовище

вылезло из озера, чтобы встретить нападение дракона, двигаясь вперед с помощью гигантских плавников. Поднятая им волна окатила Эмсея с ног до головы и сбила с ног. Фандорец захлебнулся и упал.

Кашляя и отплевываясь, он поднял голову. Он узнал существо из озера. Он видел изображения таких тварей в книгах. Это был морской змей. Сейчас эти чудовища стали редки, но в древности они были грозой побережья. Эмсель на миг погрузился в размышление о том, как морское чудовище могло попасть в озеро, но потом решил, что там должен быть подземный туннель, ведущий к морю.

Морской змей был около пятидесяти футов длиной, Эмсель видел, как кольца его хвоста выползают из воды. Беззвучно, как в кошмарном сне, змей обмотал собой шею дракона, пытаясь его задушить. Дракон вырвался из хватки змея и сомкнул челюсти на его чешуйчатом длинном теле. Змей извивался и бил по земле хвостом, вырываясь, дракон упал на левое крыло. Эмсель спрятался за валун, чтобы борющиеся чудовища не придавили его. Высунувшись, он увидел, что дракон собрался с силами, встал и потихоньку потащил змея из воды. Еще Эмсель увидел красные струйки крови, текущей из шеи змея. Дракон встряхнул морскую тварь, и Эмсель услышал громкий хруст. Еще одна волна окатила путешественника, когда огромное тело змея в конвульсиях взбило воду озера в пену. Эмсель смотрел, как дракон медленно встал и отошел от мертвого чудовища. Он посмотрел на свое левое крыло и пару раз взмахнул им. Эмсель видел, что движение причиняет дракону боль.

— Ты ранен? — спросил он.

— Да, — ответил дракон, — но я могу лететь. Иди сюда быстрее, пока раненое крыло не стало жестким. Скоро ночь.

Дракон опустил голову, чтобы Эмсель мог на нее взобраться. Путешественник подошел, потирая плечо. Там, где водяная тварь задела его усиком, появилось большое красное пятно. Он устроился на шее дракона, и тот снова взмыл в воздух. Дракон летел неуверенно, стараясь беречь левое крыло, и не так быстро, как раньше. И несмотря на это, очевидно было, что намерения его не изменились.

— Он поможет мне, несмотря ни на что, — прошептал Эмсель, — легенды о храбрости драконов правдивы.

Неожиданно ему в голову пришел вопрос. Он наклонился к уху дракона и закричал:

— По легендам, драконы могут выдыхать пламя. Да и понятно, что у тебя внутри огонь, судя по жару от твоего тела. Почему ты не использовал его против змея?

Он приложил ухо к голове дракона и сквозь свист ветра услышал вибрирующий ответ.

— Это правда, — проревел дракон, — огонь хоть и слабый, но еще горит во мне. Только у драконов есть этот дар, не у холдрагов, это одна из причин, почему они нам подчиняются. Но огонь драконов нельзя использовать как попало и никогда ради убийства. Мы всегда держались этого. Со мной огню придет конец. И я не позволю себе нарушить древнего правила.

Эмсель больше не задавал вопросов. В ответе дракона прозвучал укор, как будто Эмсель поинтересовался чем-то, во что ему не следовало совать свой нос. Он больше об этом не заговаривал. И все же это его беспокоило. Если последний дракон отказывается использовать пламя, как он собирается встретиться лицом к лицу со всеми холдрагами, особенно теперь, с больным крылом?

Эмсель уговаривал себя, что дракон сможет, он справится. Он сделает это, потому что должен. Несмотря на боль, несмотря на опасность. Эмсель вдруг подумал о том, что это, в сущности, было тем же самым, что делал он. Сначала он думал, что это обстоятельства заставили его, но это ведь было не совсем правдой. Он все это сделал лишь потому, что чувствовал, что должен. Его совесть не допустила бы ничего другого. Храбрость ему всегда казалась чем-то таким, что живет лишь в книгах, легендах и песнях, и Эмсель никогда не думал, что он храбр. Но теперь он с удивлением понимал, что, возможно, так и есть.

Мысль о том, чтобы встретиться с холдрагами, приводила фандорца в ужас, но он хотел спасти Фандору и Симбалию, несмотря ни на что. Если только он сможет предотвратить их

нападения! Ему через многое пришлось пройти, и он доведет это дело до конца, даже если его ждет смерть. Совесть не позволила бы ему сделать меньше.

Затем Эмселю показалось, что последний дракон, словно прочитав его мысли, увеличил скорость, как будто его крылья забили быстрее. Гигантский дракон и крошечный человек, равные по храбрости, летели вместе на север в ледяные земли холдрагов.

К третьему часу пополудни приготовления к коронации были завершены. Согласно симбалийским законам, такое событие должно было происходить на возвышении Берона, там, где не так давно чествовали принца Кайерта. Все утро вдоль Королевской аллеи развешивали флаги, и масляные фитильки в оправе из драгоценных камней теперь бросали разноцветные блики в тени деревьев. Сама сцена была отполирована до тепло-коричневого цвета. Жители Надлесья уже начали собираться вдоль аллеи. Многие ожидали, что коронация, которая должна состояться сегодня, будет знаком перемен и, главное, конца войны, но были и другие, те, кто оставались верны Ясветру. Они еще лелеяли надежду, как бы ни ничтожна она была, что он еще успеет вернуться и предотвратить захват власти.

Горняки были рассержены. Их героя выгнали из дворца, не дав сказать свое слово. Леди Грейдон прислала отряд на воздушном корабле для участия в церемонии, но сама не явилась, своим отсутствием показывая неодобрение всего Северного Предела. Только в самом сердце Надлесья царила атмосфера полной поддержки Эвирайи. Королевская семья и окружение были счастливы, что наконец-то снова возьмут власть в свои руки. Многие купцы тоже поддерживали перемены, ведь времена, когда монарх вмешивался в их дела, скоро должны были закончиться.

Все население замерло в ожидании. Они были против близких перемен, другие не знали, что и думать, но всем было понятно, что Семья приняла решение. Ясветр больше не будет монархом. Королевой будет Эвирайя.

К глубокому разочарованию Эфрайона, ничего не было слышно ни от леди Керии, ни от Ясветра. Старый король снова и снова думал о мужественном фандорце, которого он послал на север. Пока ничто не предвещало его возвращения.

Эфрайон медленно вышел из своих покоев. Несмотря на то, что он продолжал надеяться, триумф Эвирайи сделал свое дело. Старик очень устал.

В небольшой серебряной шкатулке Эфрайон нес с собой Рубин, по симбалийской традиции именно он должен был возложить его на голову нового монарха. Даже если ему этого вовсе не хотелось.

Эвирайя больше не могла ждать. Она с чрезвычайным волнением следила за последними приготовлениями для процессии, которая должна была прошествовать по Королевской аллее на возвышение Верона. Несмотря на то, что из-за военных действий в Надлесье осталось немного народу, принцесса была уверена, что большинство оставшихся должно прийти на церемонию. Время текло так медленно, что это сводило с ума. Но наконец-то настала вторая половина дня — время начинать процессию.

Сидя в своей гостиной у окна, Эвирайя говорила с Мезором, пока маникюрша полировала и покрывала лаком ее длинные ногти.

— Где Кайерт? — с беспокойством спросила принцесса. — Где мой муж? Почему он не приехал?

Советник улыбнулся, пытаясь ее утешить:

— Вы забываете, что идет война. Принц Кайерт не может уехать, когда пожелает.

Эвирайя скривила лицо:

— Это самый важный день в моей жизни!

Мезор кивнул:

— Это так, но, к сожалению, важнее разбить фандорцев, чем увидеть, как на вашу голову возложат Рубин. Фандорцы, как нам докладывают, все еще стоят в холмах, принцесса.

— Они дураки, — сказала Эвирайя, оглядывая, не без восхищения, свою сложную

прическу в зеркале. — Я видела одного фандорца. Нам не о чем волноваться. Они никогда не доберутся до Надлесья, они не опасны.

— Вы забываете о Талене, — ответил Мезор, — он вряд ли разделит бы ваше мнение.

Эти слова больно задела Эвирайю, и она сердито отвернулась от зеркала.

— Это не моя вина! — воскликнула она.

Мезор ответил как только мог спокойно:

— Никто не обвиняет вас, принцесса, но вы должны понять, почему ваш муж сейчас не с вами. Он защищает Симбалию, но он еще и мстит за смерть брата.

Мезор с беспокойством посмотрел на Эвирайю.

— Я понимаю, — ответила она. — Не думаешь ли ты, что тяжесть этой потери меня никак не задела?

— Нет, принцесса, но вы...

— Королева! — закричала Эвирайя, вырвав руку у маникюрши и выставив палец в сторону советника. — Ты должен называть меня королевой!

В этот миг открылась дверь и вошел гонец.

— У меня новости о возвращении короля Ясветра, — сказал он. — Король пришел на равнину с войсками, вернувшимися с юга.

— Вернулся? — переспросила побледневшая Эвирайя. — Кто распространяет такие дикие слухи?

— Это не слухи! Я сам видел его! Он отправился с армией в атаку на захватчиков!

— Этого не может быть!

Эвирайя так резко вскочила, что столик, за которым работала маникюрша, перевернулся. Она схватилась за подоконник, чтобы не упасть.

— Ясветр бросил армию! Командует Кайерт! — кричала она.

— Больше нет, — ответил гонец, — я сам видел.

Эвирайя несколько раз глубоко вздохнула, на миг Мезору показалось, что она сейчас упадет в обморок, но она взяла себя в руки, жестом отпустила маникюршу и тихим голосом заговорила с гонцом:

— Кто-нибудь еще из Семьи об этом знает? Король Эфрайон знает?

— Кажется, нет, — ответил гонец. — Я уехал, как только Ясветр появился, и мчался изо всех сил, чтобы принести вам эту весть.

Эвирайя вложила в его ладонь несколько монет.

— Исчезни до конца коронации, — сказала она, — и никому не говори о том, что ты видел.

Гонец кивнул и удалился.

Эвирайя медленно повернулась и посмотрела на Мезора.

— Почему ты не предвидел этого? — спросила она.

Мезор развел руками:

— Как я мог? Вы слышали, что он сказал: он первым принес вести в Надлесье.

Эвирайя принялась расхаживать по комнате.

— Ясветр король до тех пор, пока Рубин не на моей голове. Если он вернется до этого, он может бросить вызов решению Семьи! Нам нужно торопиться, Мезор! Мы не можем ждать! Нужно немедленно начинать процессию!

— Не надо тревожиться! — ответил советник. — Разве не вы говорили мне, что коронация не более чем формальность? Не о чем волноваться. Вы уже королева.

Эвирайя поддала ногой миску, в которой маникюрша отмачивала ее пальцы, и та со звоном покатилась по полу.

— Дурак! — закричала она. — Ты всему веришь, что тебе говорят?!

Мезор проглотил приготовленные слова, отчаянно ища способ заставить Эвирайю не паниковать. Если она сейчас поторопится, Семья немедленно заподозрит неладное.

— По закону, — сказал он, — вы должны прибыть туда последней! Вы не можете отправляться сейчас, принцесса! Что скажет Семья, если вы прибудете туда раньше всех?

— Идиот! Ты что, не слышал? Ясветр вернулся! Какое мне дело сейчас до соблюдения протокола?!

Она повернулась и вышла из комнаты в облаке развевающегося шелка и духов. Мезор вздохнул и встал, чтобы последовать за ней, но задержался на минуту у окна. Он видел кареты Семьи, ожидающие своих седоков, и людей, которые уже стояли вдоль аллеи. Он знал, что народная любовь — штука переменчивая. Народ переметнулся на сторону Эвирайи, но, если Ясветру посчастливится разбить фандорцев, люди с такой же легкостью снова его поддержат. Если принцесса не будет слишком уж торопиться, ее волнение никому не покажется необычным.

Советник сидел вместе с принцессой в ее черной карете, которая двигалась с заметной поспешностью по Королевской аллее.

— Это все Эфрайон, — пробормотала Эвирайя, — это он выискивал способы отложить коронацию, чтобы Ясветр успел вернуться.

Она с беспокойством смотрела в окно, не забывая при этом грациозно махать рукой людям. Многим показалось странным, что карета принцессы движется впереди дворян, которые уступали ей в знатности, но посудачить об этом было приятнее, чем снова и снова обсуждать суровые военные новости.

Эвирайя вцепилась в сиденье. Крики поддержки и ободрения снаружи ее немного ободряли, но она в любой момент ожидала увидеть черного коня, летящего по дороге навстречу, и черноволосого всадника на нем.

Остальная часть процессии выехала чуть позже. В большой белой карете ехали барон Толчин и баронесса Алора, которые вернулись из квартала купцов, чтобы сопровождать короля Эфрайона на церемонию. Старый король молчал, это было необычно, и барон принял это как укор за то, что он поддерживал Эвирайю.

— У нас нет выбора, — сказал он, пытаясь помириться со старым монархом. — Ни у кого из Семьи нет такой поддержки в народе, как у Эвирайи. Я буду рад, когда мы коронуем ее, Эфрайон. Затем мы будем поступать так, как считаем должным, и расправимся с драконами.

Эфрайон не ответил. Он, казалось, глубоко задумался. Он открыл серебряную шкатулку, лежащую на коленях, и посмотрел на Рубин, покоящийся на шелковой подушке. Никогда камень не будет на голове Эвирайи так же хорош, как у Ясветра. Ее прическа слишком высока для того, чтобы Эфрайон мог надеть диадему, поэтому дворцовые ювелиры удлиннили цепочку, чтобы он мог надеть камень ей на шею.

Эфрайон закрыл шкатулку и вздохнул. Как бы она его ни носила, все будет плохо. В этом он был уверен.

Когда процессия прибыла, они обнаружили, что Эвирайя уже на месте и в нетерпении притопывает ножкой по блестящей поверхности сцены. Люди, пришедшие пораньше, чтобы занять хорошие места, смотрели на нее в немом изумлении, а то и с раздражением, поскольку подобное поведение было совсем несообразно традициям. Хор, который должен был петь во время церемонии, неуверенно начал петь, когда принцесса прибыла, но смолк, когда стало ясно, что она одна. Второпях принцесса забыла, что коронация не может начаться без короля Эфрайона.

В конце концов большая белая карета почетного монарха появилась перед возвышением. Хор снова затянул мелодию без слов, которая как нельзя более подходила событию.

Люди, собравшиеся на поляне, почтительно замерли в тишине, когда по ступеням поднялся король Эфрайон, а за ним Семья и избранные члены окружения. Эвирайя, не дыша, смотрела на Эфрайона. Его лицо было неподвижно, и на нее он совсем не смотрел, но при этом выглядел так, словно сегодняшние обязанности были ему в тягость.

Леди Тенор, которая должна была провозгласить начало церемонии, заняла свое место на сцене. Много шума наделали наряды Семьи. Выслушивая комплименты, передаваемые

шепотом от Алоры и Гиброна, Эвирайя думала, что сойдет с ума, переживая все эти разговоры. Не выдержав, она прошептала леди Тенор:

— Начинайте же! Пора!

Леди Тенор смерила принцессу уничтожающим взглядом.

— С этим нельзя торопиться! — презрительно ответила она. — Вам стоит прочувствовать этот момент, юная леди. Терпение — одно из основных достоинств королевы. Это редкое событие, когда Рубин надевают на принцессу.

— Этого вообще не случится, если вы еще немного промедлите, — процедила Эвирайя сквозь зубы.

Почетный генерал Гиброн и леди Эссель, крайне удивленные неподобающим поведением дочери, посмотрели на нее с укором. Эвирайя кивнула им и улыбнулась так, словно внезапно вспомнила о том, где и с кем говорит. Она посмотрела на небо.

— Кайерт, почему тебя нет здесь, чтобы поддержать меня? — беззвучно, одними губами, произнесла она.

В конце концов вся Семья заняла свои места на возвышении. Хор эффектно завершил пение. В наступившей тишине леди Тенор сказала:

— Да будет известно народу Симбалии, что по решению, принятому на совещании королевской семьи, король Ясветр как предатель Симбалии объявляется низложенным.

Эвирайя прикрыла глаза, чтобы насладиться этими словами всем сердцем. Наконец-то! Ясно, что Эфрайон не знает о возвращении рудокопа. Формальная часть коронации не затянется. Рубин будет ее!

Леди Тенор продолжала:

— Согласно законам Симбалии, отстранение от власти становится окончательным по назначении нового монарха, — она посмотрела на Эфрайона, и он выступил вперед, держа в руках маленькую серебряную шкатулку, в которой лежал Рубин. Эвирайя посмотрела на него, но взгляд Эфрайона был отрешенным, как будто он видел перед собой что-то совсем другое. В этот момент ей стало его жалко. Он боролся против нее, но он проиграл.

Леди Тенор тем временем сказала:

— Если у кого-нибудь есть причина возражать против назначения Эвирайи, дочери Гиброна и Эссель, кандидатом в монархи, мы готовы выслушать этого человека.

Эвирайя забыла дышать. Повисла напряженная тишина. Это был самый долгий миг в ее жизни. Она была практически уверена, что Ясветр умудрился каким-то образом незамеченным проникнуть в толпу на поляне и сейчас заговорит. Но, к ее радости, никаких выкриков не раздалось. Леди Тенор продолжала ждать ответа.

Эвирайя прошептала:

— Продолжайте!

Леди Тенор раздраженно шагнула назад, и Эвирайя осталась один на один со старым королем. Она дрожала от нетерпения. Через миг это свершится!

Эфрайон открыл шкатулку и вынул Рубин на цепочке. Он по-прежнему не смотрел на Эвирайю, не желая видеть выражение триумфа в ее глазах. Он попытался заговорить, сказать те слова, которых от него ждут, до того как наденет цепочку на ее шею, но несправедливость всего происходящего была так велика, что он не мог. Две сверкающие слезы покатались по его морщинистым щекам.

Шепот пробежал по толпе, церемония приостановилась.

— Эфрайон, — тихо, но напряженно произнесла принцесса, — ты должен говорить.

Наконец старый король прошептал:

— По согласию королевской семьи... — но его голос задрожал. Он не мог вынести того, что ему придется объявить о низложении Ясветра.

Эвирайя яростно смотрела на него. Старик нарочно затягивал церемонию!

— Продолжай, — сердито прошипела она, — ты должен закончить!

Их взгляды встретились на миг, а затем Эфрайон вдруг посмотрел мимо нее, на поляну позади толпы.

— Продолжай! — прошипела Эвирайя, но теперь задержка привлекла внимание Семьи. Эфрайон опустил руки, по-прежнему держа Рубин. В этот миг раздался пронзительный крик, и кто-то подумал, что сама Эвирайя от нетерпения его издала. Затем крик повторился, эхом разнесся над поляной. Люди в толпе в изумлении переглядывались, но старый король заметил блеск узнавания в глазах Эвирайи.

— Да, — прошептал он тихо, так тихо, что только принцесса могла услышать, — ястреб.

— Нет!

Эвирайя посмотрела вверх. На ее лице застыло выражение ужаса. Над толпой парил, описывая круг за кругом, ястреб. Он кружил, покрикивая, а Эфрайон улыбался.

— Ясветр! — с радостью воскликнул он. — Ясветр вернулся!

Семья смотрела на поляну с подозрением, в то время как толпа единым движением повернулась на звук шуршащих кустов.

— Нет, — закричала Эвирайя, — не верьте этому трюку! Он только хочет задержать мою коронацию!

Ее отец немедленно подошел к ней, чтобы поддержать.

— Продолжай церемонию, король Эфрайон, — угрожающе сказал генерал Гиброн, — ты достаточно долго препятствовал нам.

Эфрайон не шевельнулся. Из лесу на поляну выехали восемь всадников, первый из них нес черное с серебром знамя.

— Смотрите! — воскликнул Эфрайон. — Он едет!

Раздались радостные возгласы. Вороной конь выехал на поляну вслед за всадниками. Верхом, одетый в черное с серебром, ехал король Ясветр.

— Он вернулся! — снова воскликнул Эфрайон, а затем широко улыбнулся, увидев женскую фигуру в алом плаще на лошади леди Тенор, которая следовала за монархом.

Эвирайя с криком неконтролируемого гнева протянула руку и вырвала Рубин из рук старого короля. Но пока она расстегивала цепочку, чтобы надеть ее на шею, ястреб подлетел и хлопнул крыльями у нее перед лицом. Эвирайя отшатнулась, едва не упав на руки отцу, крича от страха и инстинктивно прижимая к себе Рубин. Цепочка вырвалась из ее рук, когда ястреб подхватил ее когтем и взмыл в небо с Рубином. Драгоценный камень раскачивался, сверкая на солнце. Взяв себя в руки и отступив от отца, Эвирайя повернулась к своим телохранителям и закричала:

— Взять его! Взять рудокопа и райанку! Они изменники!

Всадники въехали в толпу, чтобы расчистить путь Ясветру и Керии. Стража направилась к ним, но Эфрайон приказал им остановиться. Власть ли в голосе предыдущего монарха или истерика Эвирайи заставили их медлить, но они не пошли дальше.

Этого не могло быть. Напряжение было слишком велико. Это был кошмарный сон! Принцесса на миг прикрыла глаза, но, когда она снова их открыла, Ясветр и Керия по-прежнему были здесь. Эвирайя в бессильной ярости смотрела, как Ясветр спешил к возвышению.

Она не будет побеждена! Эвирайя в панике осмотрелась. Должен был быть способ поймать Ясветра в ловушку, остановить его! Она посмотрела в небо, надеясь увидеть корабль Кайерта. Но там не было ничего, кроме ястреба. А впереди больше и больше людей криками приветствовали Ясветра.

Эвирайя смотрела, как рудокоп взял черный мешок у райанки и шагнул ближе к возвышению. Он поднял руку, и ястреб на нее опустился. Цепочка с Рубином теперь была зажата в его клюве.

Принцесса в отчаянии закричала:

— Ясветр предатель! Он бросил армию в разгар сражения! Он снова хочет нас обмануть!

Эти слова в толпе отклика не нашли, и Эвирайя в отчаянии повернулась за поддержкой к Семье. Онемевшие от такого поворота событий, члены Семьи не были готовы прийти ей на

помощь. Только родители молча встали рядом с ней. Принцесса в недоумении смотрела на мешок. Что у него там? Что такого нашла райанка, сбежав из Надлесья? Ничего не зная, принцесса тем не менее продолжала кричать:

— Ясветр опять хочет обмануть нас с помощью райанки!

Ясветр смотрел на нее, но выражение его лица было невозможно прочесть. Теперь он был уверен в победе. Он посмотрел на Эфрайона, стоящего рядом с генералом Гиброном. На лице старика ясно читалась гордость.

Ясветр перевел взгляд на Эвирайю.

— Мы с вашим мужем покончили с войной, — сказал он. — Теперь о том, в чем вы обвиняете меня. Я не бросил армию, я отправился на юг, чтобы привести ту часть армии, которая сопровождала торговый караван. Соединив ее с войском из Надлесья, мы провели одну-единственную атаку на фандорцев. С помощью воздушных кораблей мы изгнали захватчиков из наших земель!

Радостные возгласы раздались в толпе. Ясветр вернулся с миром!

Эвирайя не могла в это поверить. Рудокон сражался бок о бок с всадниками ветра? Этого не могло быть, если только Кайерт не...

— Нет!!! — закричала она. — Не слушайте его! Это обман! Он только хочет сохранить свой титул!

Это обвинение было встречено свистками и улюлюканьем толпы. Эвирайя почувствовала ужас. Ее охрана ее покинула, Семья не выказывала стремления поддержать, и теперь она боялась, что и Кайерт бросил ее.

— Я взываю к справедливости! — жалко завершала она. — Арестуйте Ясветра!

Ясветр смотрел на нее.

— Справедливость восторжествует, когда леди Керию перестанут считать предательницей! — сказал он. — Она не бежала из Надлесья, чтобы предать нас, — ее послал король Эфрайон и поручил найти это!

Ясветр вынул сияющий драгоценный камень из мешка и поднял его на вытянутой руке высоко над головой. За его спиной толпа в изумлении ахнула.

— Это Жемчужина Дракона, — сказал король, — драгоценный камень из легенд! С его помощью мы сможем узнать тайну драконов — причину их нападения на Симбалию!

Он посмотрел на Эвирайю:

— Это вы предательница, принцесса! Это вы обманули доверие народа своими интригами и ложью! Это вы прятали фандорского шпиона в подземельях под Надлесьем! Не отрицайте этого!

— Это все ложь, — выкрикнула Эвирайя, — заговор его и райанки! У тебя нет ничего, кроме блестящего камня!

Пока принцесса кричала, Керия сосредоточилась на Жемчужине, которая тотчас же ответила движением внутри. Разноцветные облака в центре сферы рассеялись, а затем темнота превратилась в миниатюрный ландшафт из серых скал и черных пиков.

— Смотрите, — закричала леди Тенор, — посмотрите на камень!

Снова возгласы и крики наполнили поляну. Картинку внутри камня могли разглядеть стоящие рядом. Возбужденный шепот быстро пробежал по рядам. То, что показывала сфера, в самом деле было забытой землей драконов. Эфрайон молчал, пораженный этим чудом. Керия сделала именно то, что требовалось!

— Драконы атаковали фандорцев, — продолжал Ясветр, — затем фандорцы напали на нас, думая, что это наша вина! Настоящая угроза и для нас, и для них — это драконы!

Керия слишком устала для того, чтобы и дальше поддерживать картинку в сфере, она тяжело вздохнула, и картинку заслонили радужные облака. То, что ей удалось вызвать сейчас, отличалось от того, что она видела в кибитках Ша. Она снова попытается найти эту картинку после того, как поговорит с Эфрайоном.

Ясветр шагнул вперед, Керия последовала за ним, ястреб теперь сидел на его плече, толпа затихла. Затем медленно, сознавая, что люди, стоящие за спиной, на его стороне, Ясветр поднялся по ступенькам на сцену.

— Мы не можем вместе править Симбалией, — сказал он, приближаясь к Эвирайе. — Всем ясно, чьи действия были изменой стране. Признайте вину с честью, Эвирайя, или вас ждет позор.

— Никогда! — Принцесса кинула взгляд, полный ярости, на Ясветра и Эфрайона, который подошел, чтобы взять из рук молодого короля ястреба и Рубин.

— Значит, я должен отдать приказ о вашем аресте!

Он повернулся к страже.

— Возьмите ее!

Эфрайон не протестовал, но до того, как стража успела схватить принцессу, она разглядела маленькое темное облако, летящее по небу.

— Кайерт! — закричала она. — Мой муж возвращается! Он присмотрит за тем, чтобы все было по справедливости! Не смейте меня трогать! Принц Кайерт объяснит всем, какую угрозу вы все представляете для Симбаллии!

Когда корабль начал приземляться над поляной, те, кто стоял внизу, увидели, что, кроме принца, на борту был маленький лысый человек в оборванной одежде, который не мог быть не кем иным, кроме как фандорцем.

Немногие заметили худощавого молодого человека, одетого как казначей, который незаметно проскользнул через толпу на поляне.

С борта корабля сбросили веревочную лестницу, и принц быстро спустился, оставив фандорца на борту с двумя всадниками ветра. Как только Кайерт ступил на сцену, Эвирайя бросилась к нему.

— Кайерт! — воскликнула она. — Ты должен рассказать людям о том, что сделал Ясветр, о том, как он бросил армию! Скажи Семье, что Ясветр предатель!

Кайерт с минуту молча смотрел на жену. Его мундир был изорван и облеплен грязью, почти так же, как тогда, когда он первый раз вернулся с войны. Он не выглядел сейчас рассерженным, на его лице застыло выражение спокойной решимости.

Ясветр и Керия с волнением ждали его слов. Слову Кайерта народ поверит, его имя было символом чести, и поддержка тех, кто до сих пор оставался верен Эвирайе, зависела от его слов.

Ясветр знал, что слова, сказанные им принцу, возымели действие, но не знал, до какой степени. Никто еще не пытался заставить Кайерта сомневаться в том, что править страной должно королевской семье. Теперь ему предстояло сделать выбор между своими убеждениями и истиной.

Эвирайя осторожно шагнула вперед, чтобы обнять мужа, и в этот миг Ясветр понял, каким будет ответ Кайерта.

Принц отстранился от объятий жены, вместо этого сжав рукой в перчатке ее тонкие пальцы. Длинные ногти врезались в его рубашку.

— Эвирайя, — сказал он тихим, ровным голосом, — Ясветр рассказал мне о том, как ты скрывала фандорского шпиона.

— Он не знает всей правды! — закричала она.

Принц сильнее сжал ее хрупкую руку.

— Ясветр рассказал мне о твоих действиях по отношению к леди Керии, женщине, которой я не доверяю, но которая тем не менее достойна справедливого отношения.

Лицо Эвирайи стало пунцово-красным.

— Обвинения против нее были выдвинуты как положено, ты сам видел!

— Эвирайя, — сказал Кайерт, и теперь его голос звучал достаточно громко для того, чтобы все собравшиеся на поляне могли его услышать, — ты знаешь, что я не доверяю Ясветру и не одобряю всего того, что он сделал в противоречие традициям Надлесья!

Эвирайя улыбнулась:

— Конечно, Кайерт. Мы всегда по этому поводу были полностью согласны.

— Значит, ты должна понимать, что если я на его стороне, значит, доказательства его правоты должны быть более чем убедительны.

Эвирайя не ответила.

Кайерт продолжал, и в этот раз, впервые на памяти Семьи, его чувства ясно были видны за его словами.

— Эвирайя, ты устроила заговор против короля и министра. Ты подстегнула войну, преследуя собственные интересы! Ты лгала и плела интриги и подвергала опасности жизни других людей только для того, чтобы занять трон.

Он холодно посмотрел на жену и сказал:

— Эвирайя, сдайся и забудь о своих претензиях на дворец. Ты обесчестила себя и Симбалию. Ты недостойна Семьи.

Эвирайя застонала, как раненая, и, пошатываясь, шагнула прочь от Кайерта. Он, однако, еще не отпустил ее руку, и, когда она дернулась прочь, три длинных тонких ногтя сломались в его руке. Она заплакала.

— Кайерт, — простонала она, — муж мой, почему ты делаешь это со мной?

— Ты сама виновата, — ответил он, — ты раба своего честолюбия.

Принц посмотрел, как она стояла, поддерживаемая родителями, бесстыдно рыдая на глазах у народа.

Ясветр шагнул вперед и принял поддержку принца выражением благодарности.

Принц нахмурился.

— Ты остаешься наследником Эфрайона, — учтиво сказал он. — Я надеюсь, ты покажешь больше уважения к законам Симбалии, чем раньше.

Ясветр кивнул Эфрайону, и старый король подошел с Рубином.

— Подождите, — сказал Кайерт, — моя жена уже достаточно опозорена.

Вместе с Гиброном и Эссель он свел покорную Эвирайю вниз по ступенькам. Ясветр и Керия смотрели, как Эвирайю ведут через толпу к большой черной карете, стоящей неподалеку от возвышения. Вдруг принцесса остановилась и повернулась к ним. На ее лице горели гнев и гордыня:

— Я все знаю о твоём прошлом, Ясветр! Я знаю, какие тайны там сокрыты и какую угрозу ты несешь Симбалии! Придет время, когда народ возопит о твоём свержении! Время придет, Ясветр, и я вернусь с триумфом!

Керия и Эфрайон удивленно переглянулись. Принцесса села в карету с родителями. Лошади сразу взяли быстрый галоп и унесли принцессу от ее разбитых надежд назад в Надлесье.

Ее слова были не больше, чем детской угрозой, но странным образом задели Ясветра. Он посмотрел на корабль, зависший над поляной, в то время как Кайерт вернулся к возвышению и отдал приказ привести пленного фандорца.

Пока веревочная лестница опускалась, Ясветр смотрел на Семью, а они на него. Толчин, Алора, леди Тенор, другие дворяне сейчас понимали, почему Ясветр был народным героем. Он никогда не сдавался.

Король снова повернулся лицом к народу.

— Нам предстоит долгий и опасный путь, — сказал он, — но в Симбалии снова будет мир. Мы защитим наши берега от возможного нападения драконов!

Когда фандорец поднялся на сцену, голоса Семьи заглушил шум криков толпы.

Эфрайон улыбнулся, защелкивая цепочку с Рубином на шее Ясветра.

— Тебе не уйти от этого камня, — сказал он с улыбкой.

Раздались приветствия толпы. Ясветр обнял Эфрайона и Керию.

— Нам нужно переговорить с фандорцами, — тихо сказал он, — пора начинать готовиться, чем скорее, тем лучше.

Эфрайон коротко посоветовался со словно заколдованным Тэмарком.

Ясветр повернулся и посмотрел на Кайерта. Принц стоял неподалеку, не спуская глаз с аллеи, по которой увезли его жену. Ясветр был уверен, что видел в его глазах слезы, но Кайерт резко повернулся прочь и направился к своему кораблю.

— О капитуляции говорите с фандорцем, — бросил он на ходу.

Через миг корабль уже медленно двигался прочь от возвышения в сторону Надлесья.

— Куда он? — спросила Керия.

— Думаю, что он хочет побыть один, — прошептал Ясветр, — а затем, возможно, поговорить с Эвирайей с глазу на глаз.

Воздушный корабль исчез из виду, и Ясветр повернулся к толпе:

— Возвращайтесь домой! Мужчины и женщины скоро вернутся с поля боя!

Пока толпа медленно расходилась, король смотрел на женщину, стоявшую рядом с ним.

— Керия, — сказал он, — кажется, рудокоп снова стал монархом.

Керия улыбнулась.

— Не было и мига, когда ты им не был, — ответила она.

Затем на глазах у всех Ясветр обнял ее и поцеловал.

ГЛАВА 33

Было далеко за полночь, но обитатели дворца не спали, окна светились в темноте, как крошечные звезды. Правители Симбалии готовились встретиться лицом к лицу с реальной опасностью.

На восьмом уровне дворца, в своих покоях старый король беседовал с Керией, пытаясь понять истинную природу того, что она увидела в Жемчужине. Под ними, в личных покоях генерала Вору старейшина Тэмарк из Фандоры, три опытных капитана симбалийского торгового флота и барон Толчин изучали старинные карты Северного моря.

Еще ниже, в глубине подземных туннелей дворца два человека шли по извивающемуся коридору к старой двери, тускло освещенной факелами в железных скобах в стене. Это были Ясветр и Кайерт.

— Я ценю твое понимание, — сказал Ясветр, — и вовсе не хочу все только осложнять для тебя.

— Ты и не мог бы, — ответил Кайерт, оправляя свою синюю куртку.

Ясветр вздохнул:

— Я тоже скорблю по Талену. Я бы хотел, чтобы этого не произошло.

Кайерт напрягся.

— Твои слова его не воскресят, — резко сказал он, — лучше не будем говорить об этом. С преступником, виновным в убийстве моего брата, мы будем разбираться позже, когда наступит порядок.

— Убийстве?! — спросил Ясвтр. — Ты продолжаешь думать...

Кайерт резко махнул рукой:

— Мой брат был убит северянином по имени Твил. Я сам видел это.

— И я видел! — возразил король. — Это был несчастный случай! Лучник пытался спасти Талена!

— Ты видел с земли. Я был рядом.

Ясвтр побагровел:

— Кайерт, тебе мало того, как уже пострадали северяне?! Многие погибли во время боя в холмах! Только час назад я отправил Лэтана помочь тому человеку, который впервые принес нам весть о погибшем ребенке.

— Приятель Твила, я полагаю.

— Его имя Виллен. Он охотник, верный леди Грейдон. Он добывал пропитание и запасы для раненых северян, оставшихся на Камеранской равнине.

— Им вообще нечего было делать на этой войне!

Ясвтр посмотрел на принца и увидел человека, сраженного горечью потери брата. Не имело смысла спорить с Кайертом об этом сейчас. Позже он разберется с этим и присмотрит за тем, чтобы северяне были в безопасности.

— Мы должны поговорить с фандорцами о драконах, — сказал король, когда они подошли к концу туннеля. Ясвтр помахал рукой стражнику. Тот, узнав короля, улыбнулся, вскочил и вынул из кармана ключ. Под взглядами принца и короля он отпер дверь.

Дверь открылась с громким скрипом. За ней тянулся длинный с низким потолком туннель, постепенно сужающийся в темноту. Он был пробит в корне дерева давным-давно. По обеим сторонам туннеля тянулись ряды маленьких закругленных деревянных дверей. В далеком прошлом Симбалии это место было дворцовой тюрьмой, жутким пристанищем для шпионов и врагов королевской семьи. Не так давно здесь разместились винный погреб и несколько кладовок. Здесь, в тихом коридоре, покрытом слоем пыли, обычно было пусто.

Кайерт шагнул внутрь. На полу отпечатались свежие следы симбалийских солдат и пленных фандорцев.

— Пойдем, — сказал Ясвтр, — я приказал разместить здесь предводителей фандорской армии поодиночке.

— Как ты разобрался, кто из них вожаки? — спросил Кайерт. — Они ни формы не носят, ни знаков отличия.

— Некоторые сами назвались, других описал нам Тэмарк, тот человек, которого ты привез.

— Варварское имя, но я признаю, что он достоин уважения. Он здесь?

Ясвтр покачал головой:

— Нет, беседует сейчас с бароном Толчином.

— Толчин! — фыркнул Кайерт. — Ты совсем сошел с ума, Ясвтр? Что может стоять за тем, чтобы сводить барона с фандорцем?

— Он опытный моряк. Нам его опыт пригодится, ты и сам скоро поймешь.

Кайерт покачал головой:

— Может быть, мне не стоило приходить. Мы слишком во многом не сходимся во мнении, Ясвтр. У тебя талант искать ответы в самой необычной для симбалийских традиций манере.

Ясвтр на миг улыбнулся и помахал рукой стражнику в конце туннеля. В коридоре было темно и пахло плесенью, и он хотел побыстрее присоединиться к Эфрайону и Керии. Но сперва, это непременно, он должен заручиться доверием фандорцев. То, что он задумал,

было более рискованно и непривычно, чем Кайерт мог предположить.

Звук шагов в коридоре разбудил Йондалрана, и он сразу почувствовал, как саднит рана на голове. Голова у него кружилась, но он выпрямился и осмотрелся. Память о бое тотчас же вернулась к нему. Слабый свет пробивался сквозь щели деревянной двери. Он был в тюрьме!

С трудом встав на ноги, старик подошел к стене и прижал искривленные работой ладони к двери. Убийцы симы взяли Дэйона в плен! В груди его билась ярость. Он не потеряет еще одного сына! До последнего своего вздоха он будет биться за его жизнь!

Он попытался заглянуть в щель и заметил в коридоре, освещенном факелом, двух мужчин. Один был одет в синий мундир, а у второго на голове была цветастая шляпа. Поодаль стоял еще один человек, явно охранник. Он открыл дверь в еще одну камеру и исчез внутри. Двое ждали.

— Я требую, чтобы меня освободили! — выкрикнул Йондалран. — Я хочу видеть сына!

Человек в шляпе повернулся к нему и резко крикнул:

— Тише! Мы скоро будем у вас!

— Освободите меня! — снова закричал Йондалран. — Я не буду ждать!

Человек в шляпе не обратил на него внимания.

Йондалран сел на пол в камере. Он ничего не мог сделать. Они, конечно, забрали его оружие, но оставили «волшебный» браслет. Ясно, что он-таки оказался бесполезным, как они и думали.

Он надеялся на то, что Дэйон жив. Сидя на сырой соломе, он думал о других, о погибшем Лэгоу, о раненом молодом старейшине Тенньеле, о Тэмарке, который должен был доставить раненых обратно к лодкам. Попал ли он тоже в плен к симам?

Его раздумья прервал звук шагов. Ключ повернулся в замке. Йондалран с трудом поднялся на ноги. Он так далеко зашел, никакой сим не остановит его, он найдет сына! Потом, когда дверь распахнулась, он чуть не задохнулся от радости. Там, в коридоре, стояли Дэйон и разъезжий.

— Отец, — воскликнул молодой человек, — ты жив!

С нескрываемым облегчением Дэйон обнял отца и крепко прижал к себе.

— Я боялся, что тебя убили в бою!

Глаза старика увлажнились. Он увидел, как двое симбалийцев вошли в камеру, но отвернулся от них.

— Я тоже боялся, — прошептал он. Через плечо сына он бросил злой взгляд на симбалийцев. — Как я мог знать, какую подлость использовали против тебя симы!

— Подлость нам не свойственна, — жестко ответил Кайерт, — и тем более не мы напали на вашу страну.

— Нет, — выкрикнул Йондалран, шагнув вперед, чтобы закрыть собой сына, — но зато вы убили моего ребенка!

Ясвег прервал спор, положив руку на плечо старика.

— Вы Йондалран из Фандоры. Я много слышал о вас от других.

— Именно! — ответил Йондалран, скинув руку симбалийца со своего плеча. — Я старейшина города Тамберли, командующий фандорской армией! И вы будете обращаться с нами с должным уважением!

Ясвег улыбнулся манерам старика и сказал:

— Меня зовут Ясвег, я король Симбалии. Уверяю вас, что мы уважаем вас и ваших людей. Ваш старейшина Тэмарк рассказал нам о причинах вашего вторжения. Я сочувствую вашему положению и понимаю чувства, которые повели вас в бой, но и мы сами испытали то же самое.

— Тэмарк? Вы говорили с Тэмарком?

— Он теперь помогает нам, как, я надеюсь, будете и вы, и другие.

— Никогда! — сказал Йондалран. — Я никогда не стану помогать тем, кто ответствен за гибель моего сына! И Тэмарк не будет.

— Мы не убивали вашего ребенка, Йондалран. Если то, о чем мы узнали, правда, на него напал дракон!

— Дракон? Где доказательства, что там был дракон?

— Они есть, — сурово ответил Ясветр. — Я приказал привезти вас всех во дворец, чтобы найти способ общими силами встретиться лицом к лицу с драконами и победить!

Услышав эти слова, принц сердито отвернулся.

— Не вижу необходимости ублажать этих бандитов! — прошептал Кайерт на ухо королю. — Какую бы опасность ни представляли драконы, мы сможем сами с ними справиться!

Йондалран его расслышал.

— Бандиты? — проревел он. — Это не фандорцы убивают беззащитных детей!

Ясветр вздохнул. Они будут так пререкаться часами, если он их сейчас не остановит.

— Стража, — выкрикнул он, — выпустите остальных и приведите их сюда!

Стражник кивнул и направился к следующей камере.

Ясветр смотрел на Йондалрана и Дэйона.

— Послушайте меня, фандорцы. Вы видели, что дракон может сделать с человеком. Мы узнали, что они доживают свой век. Те, которые напали на Фандору и Симбалию, последние, они пытаются выжить! Я не знаю, сколько их еще, но немного.

Король снова посмотрел на Кайерта, но не смог определить по выражению лица его реакцию на эти слова.

— Ваших людей разместили в лагере неподалеку от тех холмов, где вас захватили. Если вас убедит то, что вы скоро увидите, уговорите их присоединиться к нашим войскам, и пусть они займутся поисками драконов!

Дэйон посмотрел на симбалийского короля. Идти на бой с драконами? Ему мало уже пролитой крови? Только безумец решится бросить вызов существам такого размера и силы! И все же, если симбалийцы правы и на Йогана напал дракон, разве могут они сделать что-то меньшее, чем убедиться в том, что он не нападет снова? Разве это не было единственной причиной начала войны?

Дэйон печально смотрел на отца. Если симбалийцы не убивают детей, если они не вынашивали планов захвата фандорских земель, тогда вся война была бессмысленна. А он ведь именно так и думал с самого начала. Не стоило им сюда идти.

Кайерт молча ждал, но начинал терять терпение. В конце концов он повернулся к Ясветру и сказал:

— Эти люди — наши пленники! Нам не нужно просить их о помощи! У нас есть право требовать!

Йондалран посмотрел на всадника ветра и закричал:

— Вы ничего не будете требовать! Вам никак не удастся заставить стать союзниками убийц наших детей.

— Не спорьте, — сказал Ясветр, — не нужно никого принуждать, принц Кайерт. Нам нужны добровольцы. Если фандорцы не хотят защитить своих детей от чудовищ, мы сами справимся.

Йондалран скривился:

— Ты смеешь называть нас трусами?

— Нет, — ответил король, — но я не вижу причин вашего отказа, если только фандорцы не боятся драконов.

— Любой дурак знает, что драконов надо бояться, — ответил Йондалран, — а мы к тому же не желаем ввязываться в еще один долгий и бесполезный поход. Мои люди устали. Докажи мне, что есть причина подозревать, что моего сына убил дракон, и, говорю тебе, цель Симбалии станет нашей целью, нравится тебе это или нет!

Ясветр едва сдержал улыбку.

— Сегодня утром соберется совет, — сказал он, — вы и другие старейшины приглашены.

Он снова посмотрел на Йондалрана. Старик составит отличную компанию ворчуну Гиброну.

Затем король повернулся к принцу Кайерту.

— Пойдем, — сказал он, — обсудим это все снаружи.

Он отдал приказ страже позволить фандорцам свободно перемещаться внутри подземелья.

Вернувшись во внешний туннель, Кайерт продолжил критиковать планы Ясветра.

— Это пахнет твоей привычкой делать все наперекор обычаям. Зачем тебе вообще понадобились фандорцы?

— Не спеши осуждать, — ответил Ясветр, — ты разве не помнишь, что случилось во время битвы? Дракон полетел на фандорцев, но потом повернулся, как будто чего-то испугался. Мы решили, что дракон на их стороне. Теперь мы знаем, что это не так.

— Да, — неохотно ответил Кайерт, — но почему он отступил? Фандорцы не умеют сражаться, как они могли отпугнуть дракона, даже меча не подняв?

Ясветр напряженно улыбнулся:

— Я не знаю, Кайерт. И все же стоит потерпеть их присутствие, чтобы узнать.

Кайерт задумчиво кивнул.

— Мне это не нравится, — сказал он, — но, я думаю, ты можешь быть прав.

Последний дракон летел медленно, оберегая раненое крыло, и уже стемнело, когда они с Эмселем наконец добрались до широкой реки на границе земель холдрагов. Ледяной ветер сквозь порванную одежду пробирал изобретателя до костей. Он устал и замерз. Уже много раз путешественник пугался, что воздушные потоки сдуют его с головы дракона, но держался крепко и молился.

Наконец он заметил впереди силуэт одинокого пика, выделяющийся на фоне одинокой луны.

— Нам туда! — закричал он. — Под этим пиком пещеры холдрагов!

Дракон медленно спустился, его крылья были гордо подняты к небу.

— Я не вижу их, — проревел он, — я не вижу ни одного!

— Подожди! — выкрикнул Эмсель. — Давай еще ближе к горе! Они там живут.

Дракон продолжал лететь на север над рекой, хлопая широкими крыльями в надвигающемся тумане.

— Здесь теплее, — сказал он, — сюда еще не добрался лед.

— Это все горячие источники, — ответил Эмсель, — под горой течет кипящая вода.

Эмсель с учащенно бьющимся сердцем вглядывался в туман. Он ожидал в любой момент увидеть, как холдраги выныривают из тумана, как летучие мыши. И все же он ничего не видел, кроме кружащихся клочьев тумана. Эмсель снова посмотрел на пик, и его охватил страх.

Что если холдраги улетели? Что если они уже отправились в Симбалию или Фандору?

— Мы должны спуститься к пещерам! — закричал он сквозь завывания ветра.

Дракон опустился ниже, когда они приблизились к серым скалам.

— Они придут на звук моего голоса, — сказал он, — если хоть кто-нибудь остался!

Дракон слегка качнул массивной головой, и это напомнило Эмселю о том, как легко он может упасть.

— Если это человеческие проделки... — проворчал дракон.

— Какие проделки! — возмутился Эмсель. — Я боюсь! Они, кажется, исчезли!

Дракон опустил шею к темным пещерам и заревел. Этот звук едва не сверг Эмселя с его насеста, и когда эхо затихло на ветру, из темноты раздался приглушенный крик.

Это был визг холдрага!

За ним последовали еще вопли, еще и еще. Сначала Эмсель подумал, что это было эхом первого крика, но затем он увидел трех холдрагов, взлетающих из темноты. При виде их у него мурашки по спине пробежали, напомнив о недавно пережитом страхе.

Последний дракон смотрел, как холдраги в ужасе мечутся рядом с пещерой. Когда туман на миг рассеялся, он снова заревел, глубоко и печально, как будто долетел отзвук других эпох. Холдраги увидели дракона. Визжа, они отступили назад, в то время как он медленно спустился к ним из тумана. Они метались какое-то время рядом с вершиной пика, а затем кинулись вниз, к пещерам, визжа и завывая в страхе.

Расслабленное планирование дракона сменилось резким нырком, когда он пошел в погоню за ними. Эмсель вцепился в шею дракона что было сил. В экстазе погони старый зверь, похоже, забыл, что Эмсель все еще сидел у него на голове!

— Потихше, — закричал Эмсель, — ты убьешь меня!

Его слова унес ветер. Он закрыл глаза, когда дракон нырнул к самому краю пещер, и обеими руками обвил его рог. Еще секунда, и они будут на выступе снаружи пещеры.

Дракон приземлился и громко заревел в отверстие пещеры, в которой спрятались холдраги. В ответ раздалось лишь эхо его голоса.

— Они боятся, — сказал последний дракон, — они нарушили закон и страшатся.

Эмсель осторожно выглянул из-за рогов дракона и посмотрел в темноту. Он ничего не видел в темноте пещеры.

Дракон шагнул вперед, царапая когтями влажный камень. От вони внутри пещеры Эмселя чуть не стошнило. Затем он услышал еще один крик изнутри. Эмсель закрыл глаза. Он не мог вынести мысли о новой драке. Свое последнее столкновение с холдрагом запомнит на всю жизнь. Хватит с него. И все же теперь дракон был его единственной защитой от чудовищ и от холода. Если он собирался идти в глубь пещеры, Эмсель понимал, что ему тоже придется туда отправиться.

Последний дракон медленно шел по туннелю. Эхо его шагов отражалось от стен. Эмсель прислушался. Ему показалось, что он слышит еще один звук: тяжелое прерывистое дыхание, как у раненого зверя. Он старательно всматривался в темноту со своего высокого места, но разглядеть ничего не смог.

Затем, когда дракон свернул за угол, Эмселю показалось, что он видит темную фигуру на полу пещеры.

Она двигалась.

Дракон шагнул ближе. На полу лежал холдраг! Он тихо заскулил от страха. Эмсель прищурился и увидел порванное крыло существа, беспомощно распластанное на камне. Холдраг был тяжело ранен. Эмсель не представлял себе, как это могло случиться, но ясно

было, что он не сможет причинить им вреда.

Дракон обратился к существу низким грохочущим рыком, спокойным по тону, но властным. Холдраг коротко взвизгнул в ответ. Потом дракон заревел так, что Эмселю пришлось закрыть уши руками от боли, так этот рык перекатывался в пещере.

Холдраг спрятал голову под обрывком крыла. Дракон снова рыкнул на него, а потом заговорил с Эмседем.

— Все так, как ты думал, — сказал он, — они ушли.

— Нет! — закричал Эмсель.

Дракон снова посмотрел на жалкое существо, распростертое на полу.

— Их увел холдраг, который больше остальных, увел, чтобы захватить земли на юге.

— Это тот, который напал на меня!

— Он улетел, — проворчал дракон. — Те, которых мы видели, единственные, кто остался. Они старые и испуганы. Остальные ушли с ним.

— Значит, нам надо торопиться! — сказал Эмсель. — Мы должны остановить их до того, как они долетят до моря!

— Они пытаются спастись от холода, — проревел дракон, — как мы когда-то. Они не понимают смысла закона, который нарушают. Они не знают, что на юге скоро станет слишком жарко для того, чтобы они могли выжить!

— Мы должны остановить их! — выкрикнул Эмсель.

Последний дракон медленно отвернулся от раненого холдрага и направился к выходу из пещеры.

— Если нам нужно их остановить, я должен отдохнуть. Я должен поспать.

— Спать?! — закричал Эмсель. — Нет времени спать! Нам нужно лететь на юг!

— Не смей мне приказывать, — сказал дракон. — Я сам решу, когда нам отправляться в путь. Мы еще успеем остановить их до того, как потеплеет.

— Ты о холдрагах думаешь! А я о людях! Я тебя сюда привел, чтобы мы остановили убийства! У нас мало времени!

Дракон на минуту задумался, затем раздраженно мотнул головой, едва не сбросив Эмседа.

— Я должен отдохнуть, — повторил он, — я не смогу помочь ни людям, ни холдрагам, если я не отдохну.

Он опустил голову на камень.

К удивлению дракона, Эмсель шагнул вперед, наступил ногой на клочок шерсти над левой бровью дракона и прыгнул на пол.

— Если ты их не остановишь, я это сделаю! — выкрикнул он.

Дракон смотрел на него.

— Ты не можешь уйти! Для тебя слишком холодно!

Эмсель посмотрел через плечо. Гигант был явно раздражен, но в его голосе мелькнуло беспокойство.

Эмсель надеялся, что дракон не обманет его надежд, что он не позволит ему погибнуть от холода. Он повернулся к зверю спиной и зашагал вниз по туннелю к выходу из пещеры.

— Я ухожу! — выкрикнул он, не оборачиваясь. — Если ты не собираешься мне помогать, я сам найду способ остановить холдрагов!

Отважный путешественник подождал, пока к нему эхом вернулись его слова. Дракон не издал ни звука. Эмсель повернулся. Это не могло кончиться сейчас! Сейчас, после того, что он уже пережил в этой борьбе.

Он повернулся и пошел назад, к дракону. Через несколько минут они снова стояли лицом к лицу.

Гигант медленно поднял голову, когда Эмсель подошел, затем оттянул ее назад, казалось, в полном изумлении.

— Есть легенды, — начал кричать Эмсель, — истории, которые рассказывают детям в моей стране, о том, какие драконы сильные и храбрые. Никто их не видел, но все думают,

что это правда. Грустно, что теперь дети узнают только о холдрагах, а еще печальнее то, что холдраги их всех убьют!

Эмсель заглянул в большие синие глаза дракона.

— Ты чувствуешь вину за гибель драконов, — продолжал кричать он, — как ты можешь отдыхать, зная, что люди Фандоры и Симбалии погибли оттого, что ты отказался действовать вовремя?

Дракон смотрел на него молча и задумчиво. Наконец низкий раскатистый звук вышел из его горла.

— Люди вечно хотят действовать так же быстро, как говорят, — проворчал он, — ты сердит и нетерпелив, но ты храбрец.

Дракон вдруг поднялся и башней возвысился над изобретателем.

— Ты не такой, как те люди, которые предали нас, — продолжил он, — ты доказал, что достоин моей помощи.

Эмсель молча кивнул.

— Нам пора, — сказал он, — нам действительно пора в путь!

— Я не уверен, что у меня хватит сил противостоять им всем, — сказал дракон, — но все силы, что у меня есть, я положу на то, чтобы остановить их.

Гигант опустил голову так, чтобы крошечный пассажир мог туда забраться. Эмсель крепко вцепился в рог.

Пусть им встретятся сотни холдрагов. Пусть шансы слишком неравны — старый и раненый дракон против полчища взбешенных холдрагов. И все же, если легенды не лгали, эти твари должны уважать дракона и бояться его.

Пока дракон выходил из пещеры, тяжело ступая по сырому камню, Эмсель снова размышлял о гигантском холдраге, который на него напал. Он почему-то не мог себе представить, что это чудище с легкостью подчинится одному только слову дракона. Оно казалось совсем не таким, как дракон, но в то же время странно на него похожим.

Эмсель взглянул на полоску неба в отверстии пещеры. Они с драконом остановят холдрагов или погибнут. Это был его долг, его ответственность перед теми, кто помогал ему, теми, кто был в опасности, — двумя странами, которые ввязались в войну. Это был его долг перед маленьким мальчиком, чье улыбающееся лицо он никогда больше не увидит и никогда не сможет забыть.

Принцесса сидела одна в небольшой гостиной, молча переживая свою беду и жалея себя, когда раздался стук в окно. Эвирайя не сразу обратила внимание, но когда наконец подняла голову, то увидела знакомое лицо своего бывшего помощника.

— Принцесса, — прошептал он, — я с очень важными новостями! Ясвентр планирует объединить нашу армию с армией фандорцев для вторжения в земли драконов! Сейчас он встречается с Семей и вашим мужем!

Эвирайя позволила ему закончить, хотя уже знала обо всем от других, и приветливо ответила:

— Мезор, как хорошо с твоей стороны соблюдать мои интересы.

Мезор смиренно улыбнулся:

— Можно мне войти, моя госпожа? Я прошу прощения за несколько необычный подход, но я не в фаворе сейчас...

— Как и я, — ответила Эвирайя, — как ты непременно уже знал бы, если бы остался у возвышения достаточно долго, чтобы все увидеть!

Мезор покраснел:

— Я... я прошу прощения, принцесса. Уверен, что вы понимаете, что моя верность вам несколько не...

Эвирайя встала и подошла к окну. Ее длинные локоны были распущены по плечам, и от этого она выглядела совсем молодой.

— Ах, Мезор, — сказала она медовым голосом, — как могла бы я подумать, что ты

неверен мне после всего, что ты для меня сделал?

На лице ее советника легко читалось выражение облегчения.

— Благодарю вас, госпожа, — сказал он. Потом вздохнул и добавил: — Я надеялся, что вы это поймете, принцесса, и я надеюсь, что и еще кое-что, что я хочу сказать, вы тоже встретите с тем же пониманием...

— Что-то еще?

По его лицу скользнула нервная улыбка.

— Как казначей я много работал над тем, чтобы обеспечить финансовую поддержку вашим планам свержения Ясветра, но... — советник густо покраснел, но продолжил: — Принцесса, я рассчитывал на вашу поддержку в моих делах с купцами. К несчастью, возвращение Ясветра заставило меня оставить некоторые, скажем так, обязательства невыполненными...

Он вздохнул и добавил:

— В купеческих кварталах многие желают мне зла.

Эвирайя покачала головой:

— Мезор, Мезор, ты меня удивляешь. После всех тех советов, что ты дал мне, как мог ты сам так попасть в беду, что не можешь найти...

— Нет, — простонал казначей, — я по уши в долгах.

— Что же сделают купцы, если найдут тебя? — поддразнила его Эвирайя. — Не думаешь же ты, что тебе грозит серьезная опасность?

Мезор содрогнулся:

— Вы не знаете этих купцов и банкиров! Меня растопчут, как древесного мишку, попавшего под карету! Принцесса, вы должны помочь мне бежать! Я ведь даже не могу пойти в купеческий квартал, чтобы купить лошадь!

Эвирайя посмотрела на него, как ему показалось, с сочувствием.

— Ну что ж, — сказала она, — боюсь, это все, что я могу сделать для столь верного человека...

— О, благодарю вас, принцесса! — воскликнул ее советник, приложив руки к груди. — Я докажу, что достоин вашего доверия!

— Подожди здесь, я вызову карету, — ответила она и отвернулась от окна.

Выйдя из комнаты, принцесса поспешила в холл особняка, где сидел кучер ее мужа.

— Кучер, иди сюда, — позвала она.

Мужчина встал со стула и подошел к ней.

— В саду стоит человек в форме казначея, — сказала она, — ты узнаешь его, он сюда часто приходил. Ты должен отвезти его в самый центр квартала купцов.

— Да, моя госпожа.

— Он будет протестовать, — добавила Эвирайя, — но ты не должен его слушать. Ты понял?

Возница кивнул и быстрым шагом вышел. Эвирайя вернулась к окну гостиной, где ждал Мезор.

— Сейчас тебя встретит возница Кайерта, он отвезет тебя...

— Возница принца Кайерта? — спросил Мезор. — А принц не рассердится?

— Не волнуйся, — сказала Эвирайя, — я с этим разберусь.

Мезор благодарно кивнул.

— Возможно, пройдет много времени до того, как я смогу отблагодарить вас, принцесса, но, уверяю вас, я непременно это сделаю.

— Не стоит, Мезор. Мне достаточно знать, что я это сделала.

Эвирайя услышала шум колес подъезжающей кареты и попрощалась с советником. Мезор скоро узнает, что значит предать ее. Когда-нибудь они все узнают — Ясветр, райанка, все те, кто сговорился против нее. Когда-нибудь они с Кайертом еще будут жить во дворце.

Эвирайя медленно вышла из комнаты и направилась вверх по лестнице в спальню, все еще погруженная в мечты о мести и будущем триумфе.

Яркое полуденное солнце стремилось сквозь листву деревьев, окружающих дворец, но в зале для собраний в самом дворце царил полумрак, нарушаемый только светом шести горящих факелов. Собрание уже началось.

Во главе длинного стола сидел король Ясветр, рядом с ним принц Кайерт, барон Толчин и баронесса Алора. По левую руку от Алоры стояли четверо фандорцев, с беспокойством наблюдающих за происходящим. Они все были поражены тем, что увидели во дворце. Они никогда не видели подобной красоты и изящества, и теперь память об этом великолепии всегда будет с ними. Тэмарк не ожидал увидеть ничего подобного. Разъезжий почувствовал укол тоски по родине, по прекрасным городам далеко на юге. Дэйон, хотя и утомленный изобилием, не увидел ничего, что подтверждало бы слова отца о том, что дворец построен при помощи магии. Еще он совсем не понимал, как могут воевать люди, живущие в такой красоте.

Йондалран не сводил взгляда с Ясветра. Несмотря на чудовищную усталость, его гордость не была сломлена. Фандорец все еще относился к Симбалии с подозрением и недоверием.

— Берегись, сын, — прошептал он Дэйону, — будь начеку. Мне не нравится, что эта встреча проходит в темноте.

Старик затем прислушался к словам Ясветра, когда молодой монарх обратился к тридцати представителям народа Симбалии и самой Семьи.

— Советники Надлесья, — сказал Ясветр, охватывая взглядом полутемный зал, — мы собрались здесь, чтобы обсудить одну из самых больших опасностей, когда-либо грозивших этой земле. Я узнал много с тех пор, как прекратилось вооруженное противостояние. Дракон, которого мы видели в Надлесье, не был ни миражом, ни орудием фандорцев. Это существо известно в легендах как холдраг — и он один из последних. Этих существ немного, но они представляют угрозу так для Симбалии, так и для Фандоры. Принц Кайерт, как и я, уверен в том, что нужно предотвратить нападение этих существ на наши берега! — Король посмотрел на фандорцев. — Нам понадобится как можно больше людей, чтобы начать поход против них. Эти благородные старейшины Фандоры решат сегодня, присоединятся ли их войска к нам в этом опасном походе. Я уверен, что они потребуют, как и многие из вас, доказательств угрозы.

Он посмотрел на дверь в одной из стен зала.

— Вот доказательство! — сказал он. — Я видел этих потерянных созданий в сердце легендарной драгоценности, Жемчужины Дракона, которую принесла нам леди Керия, та, которую одно время подозревали в измене.

Тусклый свет вплыл в зал, и через небольшую дверь появились Керия и монарх

Эфрайон. Старик был закутан в серый плащ, а молодая женщина — в простое синее платье. Все смотрели, как Эфрайон и райанка приближаются к Ясветру. Молодой монарх отступил в сторону, позволяя им выйти на середину зала, чтобы все собравшиеся могли их видеть. Эфрайон кивнул и начал рассказ о своих попытках выяснить правду о холдрагах и о героическом путешествии Керии в поисках Жемчужины Дракона. Затем он повторил слова Ясветра о том, что необходимо объединить усилия Фандоры и Симбалии в походе на север. Керия шагнула вперед и вынула Жемчужину из складок плаща.

Симбалийские советники смотрели в изумлении на светящуюся в темноте сферу.

— Это колдовство, — прошептал Йондалран, — я не буду в этом участвовать!

Он сердито посмотрел на дверь. Разъезжий схватил его руку.

— Подожди, — сказал он, — я слышал об этих камнях в южных легендах. Никакое это не колдовство.

Йондалран что-то проворчал себе под нос, но остался на месте. Керия взяла сферу в руки.

— Я попробую разбудить картины, находящиеся внутри, — сказала она. — Жемчужина не совсем подвластна мне, но я постараюсь показать вам все, что смогу.

Женщина сосредоточилась на камне, и понемногу туман внутри начал двигаться.

Люди ахнули, когда радужные облака внутри Жемчужины померкли от ярко-красных и синих до пастельных тонов. Затем бледные тона совсем иссякли, и в сердце Жемчужины появилось изображение серого камня. Казалось, что Жемчужина растет, в то время как резкие уступы скал становились видны.

— Это земля, откуда приходят холдраги, — объяснил монарх Эфрайон.

Внутри Жемчужины скалы приближались, как будто они смотрели вниз глазами холдрага. Три пары крыльев рассекли серое небо и исчезли в пещере. Тэмарк содрогнулся, увидев холдрага, лежащего рядом с черным камнем, его крылья казались сломанными. Он вспомнил о скелете морского червя, который они выловили неводом у берега в Кейп Бейдже. Он тогда хотел сделать что-то важное для Фандоры, стать частью ее истории, как стал его дед. Он не мог представить себе, что ему предстоит такое — помогать наступлению на далекие земли холдрагов.

Что сказал бы Лэгоу, будь он жив? Он так яростно восставал против войны, решение сражаться с драконами уж точно показалось бы ему безумием. Или нет? Смог бы кто-нибудь сейчас отрицать то, что их детей убили эти существа? Он сам видел холдрага. Внутри сферы снова закружился туман и изображение поблекло. Тэмарк посмотрел на Эфрайона. Седовласый старик наверняка повидал много опасностей на своем веку, но даже в страшном сне он не видел такого.

Молодая женщина, держащая в руках сферу, открыла глаза, и Тэмарк отвернулся, когда Ясветр бросился к ней.

Эфрайон посмотрел на остальных фандорцев.

— Наша армия пойдет на север, присоединитесь вы к нам или нет, — твердо сказал он, — но, если вам не безразлична судьба ваших детей, вы должны пойти с нами.

Тэмарк тяжело вздохнул. Эти слова не понравятся Йондалрану. Как он и ожидал, старейшина из Тамберли сердито шагнул вперед.

— Не смейте указывать нам, что делать, чтобы защитить наших детей! — выкрикнул он. — Мы ради них начали эту войну!

Зал оживился, собравшиеся высокопоставленные симбалийцы сразу зашумели, обвиняя Йондалрана в дерзости. Эфрайон смотрел на старейшину фандорцев. Он вспомнил рассказ Эмсея о том, как Йондалран обвинил его в шпионаже. Пожалуй, не будет ничего хорошего, если он скажет сейчас об изобретателе. Йондалрана надо успокоить, чтобы получить его поддержку.

— Вы правы, — сказал Эфрайон мягко, к изумлению аристократов и Йондалрана, — у нас нет права указывать вам, как именно защищать своих людей. Вы проделали долгий путь, чтобы защитить свою землю, делайте так, как вам подскажет сердце.

Эфрайон смотрел на Йондалрана и ждал его отклика. Старейшина искал ссоры, а сейчас он не знал, что сказать.

— Отец, — прошептал Дэйон, — мы должны пойти с ними! Понятно же, что это холдраги напали на Йогана! Я тоже не мечтаю о новом походе, но если то, что показывает нам Жемчужина, правда, мы сможем их победить!

Йондалран посмотрел на сына. Они пришли сюда в поисках управы на убийц Йогана. Но ведь так и было. Он не понимал этого колдовского камня с картинками внутри, но то, что он показывал, было понятно. Холдраги были отчаявшимися существами, но как бы они ни были велики размером, их было немного, и их можно было победить с помощью большой армии.

Йондалран посмотрел на симбалийцев, сидящих в зале. Они собирались уничтожить его людей, выгнать их обратно на побережье с помощью воздушных кораблей. И все же сейчас они хотели объединить усилия с фандорцами. Он не понимал этих людей и эту страну, с их городами в деревьях и женщинами на поле боя, но он не мог вернуться в Фандору, когда родина оставалась в опасности.

Будет еще одна, последняя битва, которую они должны выиграть, еще один поход, который он должен вынести в память о Йогане. После этого детям Фандоры уже ничего не будет угрожать.

Йондалран решительно посмотрел на Ясветра и Эфрайона.

— Мы пойдем на север вместе, — сказал он. Затем он посмотрел на Дэйона. В его глазах светилась любовь.

Через час, когда все, кроме самых важных чиновников, покинули зал, началась подготовка к походу на север.

Принц Кайерт по-прежнему относился к королю с неодобрением. Несмотря на то, что охотно согласился идти в поход, он был настороже. Его задачу не нужно было объяснять. Под командованием принца всадники ветра доставят симбалийцев и фандорцев с Камеранской равнины и Надлесья к берегу на западе от Северного Предела, туда, где стоял в гавани симбалийский торговый флот. С ним в команде будут Тэмарк и разъезжий, которые проследят за содействием фандорской армии. Тэмарк знал, что будет нелегко заставить фандорцев подняться на борт воздушных кораблей, но он это сделает. Он надеялся, что другие старейшины, такие как Пеннел и молодой Тенньел из Боргена, помогут ему в этом.

Барон Толчин и баронесса Алора получили задание обеспечить пополнение запасов из богатых складов купцов и торговцев Надлесья. Необходима была провизия для двух армий. Война уже заметно истощила запасы многих купцов, но все же Алора была уверена, что найти удастся все необходимое. Люди горячо поддерживали поход против драконов, хотя многим не нравилось участие фандорцев. Однако для тех, кто видел холдрага, было ясно, что нужно как можно больше людей, чтобы осуществить дерзкий план Ясветра.

Среди запасов, которые потребовал Ясветр, было масло и крепкие канаты. Масло нашли в бочках позади конюшен и в туннелях дворца, но поиски канатов продолжались, пока палаточный мастер из Северного Предела не выставил свой запас на продажу. Запасы на кораблях пополнили, истратив две тысячи туков.

Йондалран и Дэйон должны были отвечать за командование фандорским войском по прибытии на место. Генерал Вора и Ясветр будут командовать передвижением симбалийской армии.

Монарх Эфрайон, обрадованный возвращением Ясветра и Керии, но все еще обеспокоенный отсутствием Эмселя, должен был принять на себя управление делами Симбалии в отсутствие короля.

Несколько часов спустя Ясветр, Керия, Йондалран, Дэйон и небольшая команда летели на север, высоко над Надлесьем, на борту дворцового корабля. Йондалран стоял у поручня на носу, пряча страх перед полетом под маской гнева.

— Вам, кажется, не очень нравится полет, — тихо сказал незаметно подошедший король Симбалии.

Йондалран скривился:

— Мне ничто не доставит удовольствия, пока мои люди не вернутся с миром домой!

— Вы, кажется, боитесь этого корабля больше, чем драконов, Йондалран!

Фандорец сложил руки на груди.

— Я не боюсь! — сказал он. — Я беспокоюсь за своих людей!

Он повернулся к королю спиной и посмотрел в безоблачное голубое небо.

К его неудовольствию, Ясвег не покинул место у штурвала. Йондалран раздраженно посмотрел на браслет из стручков, который он так давно обмотал вокруг своего запястья по совету старой ведьмы из Алаканских топей.

— Не нужен он мне, — пробормотал он, — дураком я был, что носил его.

— Что это? — спросил Ясвег.

Йондалран бросил на него сердитый взгляд, но все же ответил:

— Браслет. Предполагалось, что эта вещица поможет победить вас.

Старик сорвал амулет и пренебрежительно на него посмотрел.

— Ерунда бесполезная.

Он хотел было уже выбросить браслет за борт, но король остановил его.

— Не смей меня трогать! — выкрикнул старик, но молодой король вытянул браслет из пальцев старика.

— Одну минутку, — сказал Ясвег и жестом подозвал Керию. Ее красный плащ развевался на ветру, когда она шла по палубе.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Ясвег, протягивая браслет фандорца женщине.

— Да ничего это! — выкрикнул Йондалран.

Керия поставила мешок с Жемчужиной Дракона на палубу у своих ног, взяла в руки браслет и покатала на ладони стручки.

— Ведьма сказала нам, что они защитят нас от неожиданного врага, — сказал Йондалран. — Ясно, что ничего не вышло. Ваши солдаты убили многих, кто их носил.

Керия медленно подняла браслет к лицу и понюхала стручки.

— Это яд, — сказала Керия быстро и чихнула. Она вдохнула свежий воздух и только после этого продолжила: — Это очень сильный яд. Такой, как используется, чтобы избавиться от летучих мышей или...

— Яд? — Ясвег уставился на старика. — Ведьма сказала вам, что это защитит вас от неожиданного врага? Мы были не единственным вашим противником, Йондалран.

Йондалран недоверчиво сморщился:

— Драконы?

— Холдраги! — воскликнула Керия. — Возможно, стручки действуют на холдрагов!

Ясвег снова взял браслет в руки.

— Яд против драконов, — прошептал он. — Это объясняет, почему чудовище не стало трогать вас во время битвы. Многие из ваших людей их носят?

Йондалран кивнул, и Ясвег отдал ему браслет.

— Если мои предосторожности окажутся недостаточными, — сказал он, — они еще могут нам пригодиться.

Холдраги летели вслед за Мраклингом на юг, черной тучей на затянутом облаками небе. Когда они приблизились к Северному морю, огромный холдраг опустился к покрытым льдом утесам, на которых еще лежали алые отсветы закатного солнца. Здесь они отдохнут, а затем начнут последний перелет к землям людей.

Мраклинг влетел в отверстие пещеры в скале, остальные последовали за ним, крича от голода и отчаяния.

Они пролетели вместе через пустынные туннели, но затем вдруг раздался вопль ужаса тех, кто оказался глубже всех в пещере. В темноте они увидели цепочку гигантских костей, лежащих на полу пещеры. Это был скелет дракона.

Холдраги хотели снова взлететь. Испуганные увиденным, многие боялись покидать пещеры, но Мраклинг успокоил их. Он сказал, что костей не стоит бояться. Они были лишь доказательством, как и то существо, вмерзшее в лед на скалах, того, что драконы в самом деле погибли и теперь закон, запрещающий холдрагам летать на юг, больше не стоил того, чтобы его выполнять. Холдраги понемногу успокоились. Они сложили крылья и устроились спать перед перелетом на юг.

Мраклинг подлетел к выходу из пещеры и уселся на покрытом льдом камне. Кроме приглушенного грохота айсбергов, разбивающихся о скалы, да свиста ветра, ничего не было слышно. Мраклинг размышлял. Они должны будут напасть быстро, люди слишком опасны, чтобы давать им время нанести удар. Он и его армия пролетят над землей, разрушая все и убивая людей. Огромный черный холдраг слушал нестройное дыхание своих собратьев в пещере и знал, что они победят.

Пришло их время. Больше не было драконов, чтобы остановить их.

Мраклинг расправил крылья и почувствовал ярость, так долго сдерживаемую ярость. Скоро они наконец освободятся от холода.

ГЛАВА 34

К утру флот был готов к отплытию. В походе они могли рассчитывать только на древние карты, так как суда редко заходили в северные части моря Драконов. Считалось, что причиной тому были морские змеи, хотя сейчас они редко встречались, но и ветры в этих водах дули не самые гостеприимные.

В качестве меры предосторожности Ясвент приказал только самым большим судам симбалийского флота выходить в поход.

Перелет с Камеранской равнины прошел не просто. Многие фандорцы боялись воздушного путешествия, другие были полны дерзкого бахвальства, пытаясь доказать людям Воры, что и они храбрецы. Старейшинам Тэмарку, Пеннелу и разъезжему стоило немалых усилий сдерживать своих ополченцев. К тому же всадники ветра не выказывали никакого уважения к неотесанным грубиянам фермерам и рыбакам и терпели их только из необходимости.

По приказу Кайерта всадники ветра старались держать две армии отдельно и как можно дальше друг от друга: фандорцев — на маленьких кораблях, а симбалийскую армию — на больших. Дополнительные корабли доставили солдат из Надлесья к отрядам, уже стоящим на берегу.

Неизбежная сутолока и неразбериха позволили Виллену и горстке других проникнуть незамеченными на один из кораблей с фандорцами. Виллен понимал, что, если он собирался спасти Твила и выяснить в конце концов, почему погибла маленькая Киа, ему придется найти способ оказаться на борту корабля, летящего на север. Охотник был полон решимости участвовать в битве с драконами.

Когда последние подразделения симбалийцев и фандорцев были отправлены на север, принц Кайерт вернулся в Надлесье, чтобы сопроводить фандорского старейшину Тэмарка на корабль Ясвентра. Принц невольно восхищался стойкостью, упорством и властью, с какими рыбак уверенно распоряжался своими людьми. Кайерт знал, насколько тяжело должно было быть пожилому, бесконечно уставшему человеку организовать отправку двух больших кораблей с ранеными фандорскими солдатами обратно через залив.

На борту этих кораблей были Тенньел и разъезжий, чьей задачей было поддерживать порядок среди испуганных и больных людей. Травы симбалийских лекарей сломили лихорадку Тенньела, и он уже деятельно участвовал в организации перехода. На миг патриотизм молодого старейшины снова разгорелся, и он захотел присоединиться к основным силам симбалийского флота. Затем, поймав на себе не самый добрый взгляд разъезжего, он быстро одумался.

Война оказалась не такой, какой он себе представлял, да и его собственная судьба тоже.

Он посмотрел в сторону Фандоры. Они хотели защитить свою родину. Теперь он вернется, чтобы принести трагические вести о погибших в родной город Борген и рассказать людям о решении Йондалрана участвовать в походе на север.

На палубе возвращающегося домой корабля стояли Юрген и Стеф, оба выздоравливающие от ран.

— Что-то мне ничего непонятно, — сказал Юрген. — Сначала мы с ними деремся, а теперь им помогаем!

— Мне так больше нравится, — улыбнулся Стеф, — и я снова хочу оказаться дома, в Кейп Бейдже.

С прибытием старейшины Тэмарка и генерала Вора на борт корабля Ясветра флот немедленно снялся с якоря. Было решено, что два корабля пойдут во главе армады — тот, на котором были Ясветр, Вора, Керия, Йондалран, Дэйон и Тэмарк, и второй — с бывалым морскими торговцами. В случае атаки они разделят флот на две меньшие группы для защиты.

Громкий сигнал боцманской дудки возвестил отправление в путь от симбалийского берега, с которого раздались громкие приветствия. Фандорцы с беспокойством оглядывались, высматривая своих старейшин на борту королевского корабля. Многие до сих пор не могли поверить в то, что они идут в этот поход вместе с симбалийцами. Ведь еще несколько дней назад они сражались!

Еще больше разговоров, чем симбалийское волшебство, вызывали холдраги. Весть о браслетах быстро распространилась по армии Вора, и фандорцы обнаружили, что симбалийские солдаты не прочь подружиться с теми, с кем сражались в холмах.

Кайерт смотрел с борта своего корабля, как отправляется в путь армада. Мысль о сражении людей и холдрагов ему не нравилась, но он знал, что выбора нет. Он тоже понимал, что Симбалию нужно защищать.

Принц подтянул паруса на корабле. Он должен убедиться в том, что всадники ветра готовы к любому, самому неожиданному появлению холдрагов.

Он держал курс на юг, снова и снова вспоминая брата.

ГЛАВА 35

На море Драконов опустились вечерние сумерки. Флот, около двадцати судов, шел в форме клина при легком волнении. Под грот-мачтой флагмана в маленькой каюте совещание. Генерал Вора, старейшина Йондалран, старейшина Тэмарк, Дэйон и два капитана симбалийского флота склонились над незамысловатой картой, нарисованной монархом Эфрайоном собственноручно.

На ней схематично, основываясь на легендах, была нанесена береговая линия незнакомой земли на севере. Согласно книгам, большая река со скалистыми берегами впадала с южной стороны в море Драконов. По приказу Ясветра симбалийские навигаторы собирались найти реку и по ней подобраться к землям холдрагов.

— Чем быстрее мы ее найдем, тем скорее мои люди вернутся домой, — сказал Йондалран.

Вора нахмурился:

— Имейте терпение! Мы не можем слепо рваться вперед! Там могут поджидать чудовища!

— Пусть! Значит, мы сразимся с ними и победим! — выкрикнул Йондалран. — Разве не поэтому Ясветр хотел, чтобы мы присоединились к вашему флоту? Мы сильны тем, что нас много! А чудовищ мало осталось. Мы легко с ними справимся.

— Да, — устало ответил Вора, — но люди, как наши, так и ваши, очень устали. К тому же они уже дерутся из-за этих проклятых браслетов! Мы должны встретиться с чудовищами на наших условиях, Йондалран. Будет глупо подвергать войска ненужному риску.

Дэйон слушал эту перепалку и улыбался. Теперь его отец настаивал на сражении с холдрагами с тем же упорством, с каким призывал идти войной на Симбалию! Он не изменился. Но, может быть, это и к лучшему. В этом мире нужны люди с сильной волей. Пусть другие отвечают за то, чтобы эту волю направлять в нужное русло. Когда речь шла о вторжении в Симбалию, не нашлось тех, кто мог бы отца вразумить, но в этот раз Дэйон сам собирался проследить за тем, чтобы отец прислушался к тому, что говорит симбалийский генерал.

— Женщина по имени Керия видела холдрагов в Жемчужине, — прервал их разговор Дэйон, — возможно, она разузнает больше о том, где они прячутся.

Йондалран бросил сердитый взгляд на сына:

— Нет времени на такие глупости! Фандору нужно защищать. Мы должны найти чудовищ прямо сейчас и обеспечить безопасность нашей земли!

Старик повернулся ко всем спиной и вышел из каюты.

— Твой отец когда-нибудь слушает других? — поинтересовался генерал Вора.

— Он потерял сына, — ответил Дэйон, — и проиграл войну. Чего еще вы от него ждете?

Вора кивнул:

— Я понимаю, но мне придется его уговорить.

— Это будет нелегко.

Тэмарк, стоящий рядом с Дэйоном, печально улыбнулся.

— Боюсь, проще с холдрагом договориться.

Они с Ворой обменялись понимающими взглядами, а затем вернулись к работе по прокладыванию курса.

Ясветр стоял рядом с Керией на капитанском мостике флагмана, морской бриз нежно играл складками их плащей. Райанка прижалась к плечу молодого короля. Над морем стелился туман, и сколько они ни вглядывались вдаль, мало что удавалось разглядеть. Густые облака сверху держали в плену луну. Туман клубился и над палубой. Над верхушками мачт кружился ястреб, но и был виден едва-едва.

Ясветр и Керия смотрели на бегущие облака. Было тихо, словно в бескрайнем, как вечность, море остановилось время. Сменились только приглушенное похлопывание парусов корабля да мерные шлепки волн о корпус. На носу небольшой группкой сидели фандорцы, ожидая возвращения Йондалрана. Один из них, молодой человек, одетый во все черное, играл грустную мелодию на гобое.

— Они боятся, — тихо сказала Керия, прислушиваясь к музыке, которая неслась с носа корабля, — они так далеко от дома.

— Как и все, — прошептал Ясветр, — но мы должны идти вперед. Мы не затем остановили Эвирайю, чтобы спасовать перед холдрагами. Нужно защитить Симбалию!

— Да, любимый, но как сделать, чтобы отношения между нашими солдатами и фандорцами стали хоть чуть-чуть теплее? Многие чувствуют, что война так и не завершилась!

Ясветр сжал руками деревянный поручень.

— Для некоторых она действительно не закончилась, — сказал он, — но им придется хуже, чем тем, кто пострадал на войне, если они не прекратят свои глупости. Холдраги дикие, свирепые чудовища. Мы должны объединить наши усилия в борьбе с ними.

Керия вдруг пристально посмотрела в открытое море.

— Ясветр, — сказала она, — посмотри туда. Вон туда, где ветер рассеивает облака.

Король всмотрелся в туман и увидел какую-то темную массу в небе, движущуюся на восток. Чуть выше ее другая туча мчалась на запад.

— Я никогда не видел ничего подобного, даже в своих путешествиях, — произнес Ясветр. — Как могут облака двигаться в двух противоположных направлениях одновременно?

Керия кивнула и посмотрела на него. Затем она вдруг повествовала холод и гнев, те же

самые чувства, что она испытала, когда холдраг впервые появился около дворца. Только в этот раз сильнее, гораздо сильнее. Она вцепилась в рукав Ясветра.

— Что? — мрачно спросил Ясветр, но, не закончив вопроса, он уже знал ответ. В просвете между облаками он видел дрожащий круг луны. На фоне ее серебристой поверхности что-то двигалось, мерно опускаясь и поднимаясь, взмах за взмахом, крыло за крылом... Затем появилось еще одно, и еще. Черная, чудовищная, невероятная туча летела на фоне луны.

— Этого не может быть! — воскликнула Керия. — То, что мы видели в Жемчужине...

— Забудь о камне! — закричал Ясветр. — На самом деле есть только то, что мы видим!

Он повернулся к главной палубе, и в то же время раздался отдаленный крик — вопль кровожадной ярости из тьмы.

— Холдраги приближаются! — закричал Ясветр. — Приготовиться к защите! Все на палубу! Все наверх!

Керия смотрела на облака и чувствовала, как холодает ветер. Как они могли так ошибиться, так неверно расценить то, что видели в Жемчужине?

Она содрогнулась. Крылатая орда в небе была невероятно велика, казалось, что она заслонила собой все звезды.

Молодая женщина повернулась к Ясветру и тихо сказала:

— Любимый, я не знала...

— Ты не могла знать. Но теперь пора действовать!

Ясветр быстро шагнул к краю капитанского мостика и начал выкрикивать приказы тем фандорцам и симбалийцам, что выскакивали на палубу из нижних кают. Скрученные в кольца веревки и канаты сейчас должны были пойти в ход.

— Принести бочонки с маслом с кормы! — выкрикнул Ясветр, а затем приказал Керии вызвать генерала Вору и Йондалрана из каюты под мостиком. У короля был план, но ему нужна будет полная поддержка и мужество обеих армий, чтобы осуществить его.

Керия поспешила вниз, не зная, что фандорский старейшина уже покинул каюту.

Ясветр заметил его через несколько минут, когда старик шел с кормы, пробираясь через толпу. Он позвал его, но старейшина заговорил первым.

— Демоны! — яростно кричал старик, приближаясь к Ясветру. — Эти демоны убили моего ребенка! Что это за безумие, Ясветр? Ты не можешь победить их, используя веревки и масло! Призови лучников! Их нужно сбивать!

— Их слишком много, — ответил Ясветр, спокойно смотря в глаза старику, освещенному светом факела, — первым делом мы должны защитить корабли! Поднимайте своих людей, тех, у кого есть браслеты, Йондалран. Они должны влезть на мачты, чтобы отпугивать тварей от парусов. Пусть берется за дело ваш сын и столько людей из моей команды, сколько понадобится.

Йондалран смерил короля сердитым взглядом.

— У тебя нет прав отдавать мне приказы, сим! Я старейшина Фандоры!

Ясветр наклонился и схватил упрямого фермера за воротник.

— Мне наплевать на все ваши титулы, будь они неладны! Эти твари нас всех убьют, если мы сейчас же не примем меры! У меня есть причины использовать веревки и масло! Ваше дело — яд от драконов!

Йондалран, скривившись, вырвался из хватки короля.

— Мы об этом попозже поговорим! — сказал он. — Мои люди помогут.

Когда Йондалран покинул мостик, чтобы найти Дэйона и возложить на него задачу добыть драконий яд, король дважды пронзительно свистнул, и с неба спустился ястреб.

— Стража, — закричал Ясветр, — принести мне перо и пергамент! Нужно доставить сообщение на остальные корабли!

Мраклинг закричал от ярости, увидев крошечные суда внизу. Люди пришли, как он и говорил свои собратьям, чтобы убить холдрагов.

Вой позади подтвердил то, что и они заметили людей. Мраклинг знал, что холдраги принимали его за своего полноправного вождя. Они готовы подчиняться его приказам, они разрушат корабли ничтожных людишек, которые вторглись в их земли.

Мраклинг опустил шею и начал спуск к кораблям людей. Пока он летел, крошечные огоньки зажглись на кораблях. Мраклинг завывал. Люди собирались испугать их огнем, люди боялись. Он должен был использовать драгоценный огонь против них.

Мраклинг криком предупредил своих крылатых братьев позади. Тот человек, что добрался до их пещер, тоже обладал секретом огня, но это был другой огонь, не тот, что у драконов. Он загорался быстро и так же быстро исчезал. Эти огни внизу были маленькими, и они тоже скоро погаснут. Холдраги окружают эти корабли, криком и хлопаньем крыльев поднимая волны, приводя в ужас людей. Они будут кружить над кораблями до тех пор, пока огни не погаснут. Затем нападут.

Ястреб отнес сообщение короля на корабли, ближайшие к флагману, капитанам было приказано использовать яд фандорцев для защиты парусов и снастей. Многие фандорцы запротестовали, боясь, что если они отдадут браслеты, то непременно погибнут, но под угрозой применения силы все же расстались с драгоценными талисманами.

На флагмане симбалийские матросы быстро привязали браслеты к мачтам и парусам. Король надеялся, что это отпугнет холдрагов от нападения на паруса и сами корабли. Солдаты, как симбалийские, так и фандорские, стояли с длинными жердями наготове, на концах которых были привязаны фандорские стручки. Их будут использовать, если холдраги подлетят близко к палубам.

Ясвстр выкрикивал приказы посреди царящего вокруг хаоса. Когда крылатая орда приблизилась, некоторые люди в панике бросились обратно в трюмы кораблей, однако большинство мужественно стояли на постах по обеим бортам кораблей, вооруженные жердями, луками со стрелами, копьями и даже мечами. Рядом с грот-мачтой шесть человек, включая Виллена из Северного Предела, не узанного в общем смятении, сражались с огромными шестами, к которым были привязаны опущенные на воду рядом с кораблем промасленные канаты. В нескольких местах канаты крепились к длинным тонким жердям, которые придавали жесткость всей конструкции в начинающем волноваться море.

— Быстрее! — командовал Вора, и приказ был повторен капитанами, наблюдающими

за такими же группами на других кораблях. По плану Ясветра, канаты связывали в кольцо, прежде чем кинуть за борт. Виллен и другие были заняты тем, что отталкивали это кольцо на безопасное расстояние от корпуса корабля.

Северянин бросил быстрый взгляд на луну. Скоро холдраги будут здесь. Он содрогнулся. Он был охотником больше двадцати лет, но еще никогда не был так испуган. Небо было заполнено тварями, и их вопли заглушали все остальные звуки. Он подумал об убитой девочке и о том ужасе, который она увидела. Он будет сражаться с чудовищами, сражаться до конца.

Предводители прикладывали все силы к тому, чтобы подавить панику на палубах. Тэмарк и Дэйон успокаивали насмерть перепуганных фандорцев, которые держали жерди со стручками на концах, пока Керия пыталась вселить мужество в испуганных солдат на нижней палубе.

Ясветр и Йондалран стояли у штурвала. Фандорец смотрел на холдрагов, ветер поднимался, но они все равно слышали шум сильных крыльев в высоте.

— Отдавай приказ! — выкрикнул Йондалран. — Они уже рядом!

Ясветр покачал головой.

— Канат еще слишком близко к кораблю! Если мы его сейчас подожжем, вспыхнет корпус!

Йондалран сердито посмотрел на Ясветра.

— Твои люди едва шевелятся, как пьяницы! Надо действовать!

Ясветр отвернулся от фандорца и выкрикнул капитану на палубе:

— Готовьте жерди с ядом! Холдраги уже близко!

Затем он услышал пронзительный визг, когда первая тварь, крупнее, чем все остальные, устремилась с неба вниз.

Мраклинг быстро направился к сияющему в лунном свете парусу. Он разорвет его когтями, подавая своим братьям сигнал к атаке. Они пойдут за ним. Они жаждут мести за то, что разрушили люди. Немного времени понадобится на то, чтобы разрушить все суда и утопить людей вместе с их жалкими суденышками. Мраклинг видел, как маленькие существа носятся в панике по палубам и выставляют наружу свои когти. Он будет там через миг.

Затем Мраклинг вдруг закричал от боли. В его нос ударил запах, та самая вонь, которая

помогла человеку сбежать из его пещеры. Мраклинг почувствовал, как его ноздри горят от ядовитого запаха, и, взыв, поднялся выше, чтобы созвать остальных холдрагов. Он пронесся вокруг них, шипением отдавая приказ. Холдраги смотрели, как он возвращается, визжа от страха. Они спустятся все вместе, крыльями отмахиваясь от ядовитого запаха. Они утопят людей вместе с их жалкими лодками.

Ясвег с облегчением смотрел, как гигантское существо взлетает вверх.

— Запах ваших стручков его отпугнул, по крайней мере пока, — сказал он Йондалрану, — но я боюсь, они снова атакуют в любой момент.

Фандорец с беспокойством вглядывался вверх. Волны теперь безжалостно раскачивали корабль. Если еще и холдраги будут размахивать крыльями, судно перевернется. Вдруг старик с ужасом увидел двух чудовищ, одно черное, а другое серое, отделившихся от остальных и быстро летящих к кормовой части корабля.

Ясвег тоже заметил это и выкрикнул генералу, отдавая приказ поджечь наконец веревочное кольцо вокруг корабля.

Пока он бежал с носа, трое лучников выстрелили в снижающихся холдрагов, но их стрелы отлетели от чешуи, не причинив им вреда. Еще трое натянули тетивы луков и положили на них стрелы с зажженными наконечниками. Оставляя в темноте оранжевый след, стрелы описали дугу над водой и ударились о канат, который удерживали на безопасном расстоянии от корпуса судна при помощи жердей. Кольцо огня окружило корабль.

Команда разразилась радостными криками. Это сработало!

Над языками пламени два холдрага вдруг резко повернули, визжа и хлопая крыльями в панике. Они полетели обратно к черной крылатой массе.

— Похоже, испугались, — сказал Ясвег.

— Да, — ответил Йондалран, — но надолго ли? Как только огонь погаснет, они снова нападут.

Как будто в ответ вдали сверкнула вспышка света, затем еще и еще, когда другие корабли один за другим зажигали промасленные канаты, окружавшие их.

Ясвег смотрел, как пламя встает над волнами. Рыжие отсветы плясали на животах парящих сверху холдрагов. Затем он снова посмотрел на палубу и увидел, что к нему спешит Керия.

Мраклинг изумленно описывал круг за кругом. Люди подожгли море! Они были хитрее, чем он ожидал. Могло ли быть, что закон драконов потому и появился на свет? Неужели эти крошечные существа слишком коварны и слишком опасны, чтобы бросить им вызов?

Мраклинг попытался успокоить дрожащих от страха холдрагов, в то же время не показав им собственный испуг. Теперь они уже не могли повернуть назад. Если люди используют пламя в войне против них, значит, он тоже воспользуется тайной, горячей внутри него. В серебряном свете луны он широко расправил крылья. Остальные теперь узнают тайну его наследия, тайну, которую он никогда не решался открыть.

Кружа рядом с холдрагами, Мраклинг готовился к последнему снижению. Он смотрел на огни на воде, но не видел еще одно существо, медленно летящее к ним с севера.

— Смотри! — воскликнул Эмсель. — Над морем!

Дракон устало вгляделся в облака. В темноте он заметил серое облако крыльев.

— Это холдраги, — закричал Эмсель, — мы нашли их, мы наконец-то нашли их!

Дракон издал сердитое ворчание, наблюдая, как холдраги кружат в воздухе над далекими мерцающими в тумане огоньками.

— Я ничего не вижу в этом тумане, — сказал Эмсель, — что это за огни?

— Я вижу не лучше, чем ты, — проревел дракон.

— Значит, нужно приблизиться! — сказал упорный путешественник. — Холдраги кружили над моим кораблем, что они там сейчас нашли?

— Я не знаю, — ответил дракон, — но ты своего добился, мы добрались до них вовремя.

Он замедлил движения крыльев.

— Нет, — закричал Эмсель, — я не успокоюсь, пока они не полетят на юг! Ты должен лететь вперед!

— Терпение! Тебе опять его не хватает! — проворчал дракон и гордо вытянул шею. — Холдраги подчинятся мне. Пусть я ранен, но я их правитель.

Эмсель крепко прижался к рогу дракона, когда тот заревел. Звук был таким, что мог с легкостью разогнать облака. Эмсель обеспокоенно выглянул. Темный круг крыльев вдалеке, как ему показалось, раскололся на части при звуке голоса дракона. Хотя холдраги были еще очень далеко, Эмсель услышал визгливый крик.

— Они тебя заметили! — закричал Эмсель. — Они летят сюда!

Эмсель и дракон смотрели, как черное облако крылатых существ летело им навстречу. Первый из летящих казался больше остальных, и Эмсель ахнул, когда свет луны высветил огромное тело того самого чудовища, которое напало на него в горах. Затем дракон снова заревел и резко пошел на снижение.

— Ты куда? — закричал Эмсель, но дракон, не обратив внимания, вошел в облако с ужасающей скоростью. Эмсель держался изо всех сил.

Через несколько мгновений фандорец понял, куда дракон направлялся. Два десятка кораблей покачивались на волнах в бурном море, окруженные кольцами пламени.

Людям на борту флагмана приближающийся дракон показался просто еще одним холдрагом. Только Керия узнала легендарное существо.

— Это дракон! — закричала она, стоя на мостике с Ясветром и фандорскими старейшинами. — Дракон летит!

Остальные, потрясенные, уставились на небо. Когда крылатый гигант приблизился, стало ясно, что это существо не такое, как те, которые нападали на людей. Он был огромным, гораздо большим, чем даже тот черный холдраг, который первым снизился над кораблем. У него было четыре лапы, а не две, и...

Ясветр смотрел на него, не веря своим глазам.

— Йондалран, — прошептал он, — мне изменяют глаза или там человек, верхом на драконе?

Йондалран смотрел, как дракон расправил во всю ширь свои невероятные крылья, чтобы замедлить снижение над кольцом пламени. Волны внизу зарокотали, и веревочное кольцо погасло.

Дракон плавно и быстро спланировал к палубе. Издалека доносились вопли холдрагов, но Йондалран не мог решить, гнев или страх слышался в их крике.

Одним быстрым движением дракон наклонил голову к грот-мачте, и крошечная фигурка слетела с его головы позади рога! Человек свалился, а дракон развернулся, поднял голову и взмыл в небо.

Эмсель беспомощно закричал. Ударившись о мягкие, надувшиеся ветром паруса, он съехал вниз, пытаясь зацепиться по ходу за снасти. Внизу крошечного фандорца поймали Виллен и еще пара симбалийцев. Ясветр и Йондалран побежали туда, а Керия первая выкрикнула его имя.

— Эмсель! — воскликнула она. — Ты жив!

Йондалран услышал эти слова и на секунду всерьез подумал, что сходит с ума.

— Эмсель? — проревел он. — Эмсель из Фандоры? Затем он увидел белый пух волос, торчащий откуда-то между двух высоченных симбалийских солдат.

— С дороги! — закричал старик.

Он ворвался в кольцо людей и увидел, как Виллен помогает встать на ноги тому самому отшельнику и изобретателю, которого обвинили в смерти Йогана!

— Ты! — воскликнул Йондалран. — Ты же сгорел!

Эмсель увидел старейшину и, хотя был оглушен падением и у него кружилась голова,

закричал:

— Я знаю, кто убил Йогана!

— Этого не может быть! — кричал Йондалран, не слушая отшельника. — Этот человек был заперт в горящем доме! Он не может быть здесь!

До того как Эмсель успел ответить, Керия подбежала и радостно его обняла.

— Он здесь и он герой! — сказала она. — Он герой для нас всех. Он привел дракона, чтобы сразить холдрагов!

Эмсель неловко улыбнулся.

— Похоже, война кончилась, — сказал он.

— Да, — ответил Ясветр, — но началась другая.

Он посмотрел вверх, в небо. В бледном свете луны, окруженные облаками, там летели навстречу друг другу два гигантских существа. Облако холдрагов парило в высоте позади них. На глазах у симбалийцев и фандорцев последний дракон приблизился к черному холдрагу.

Мраклинг закричал от гнева. Дракон был жив — дракон, не испугавшийся человеческого огня! Он прилетел в темноте; Мраклинг не понимал, как и откуда он взялся, но он знал, что придется с ним сразиться. Только так холдраги смогут продолжить путь на юг. Если дракон выиграет схватку, холдрагам придется подчиниться ему и его закону и погибнуть, как погибли предки этого дракона.

Испуганные холдраги парили над ним, молча смотря, как приближается дракон.

Мраклинг зашипел. Он знал, как велика для холдрагов власть дракона. Он тоже ощущал эти чувства, потому что кровь дракона текла в его жилах. В другое время он бы сам подчинился дракону, но не сейчас. Время драконов прошло!

Последний дракон летел прямо на Мраклинга. В соответствии с древним кодексом поединка он должен был сделать круг вокруг противника перед нападением. Он не хотел драться, но черная тварь кричала о битве. Последний дракон с ревом пролетел сквозь облака, показывая испуганным холдрагам сверху, что бросает вызов их вожаку.

Они закричали, когда он пронесся мимо.

Последний дракон увидел гигантского холдрага, мчащегося на него. Значит, он не считал нужным делать круг. Черный гигант вытянул когти, он нападал.

Последний дракон был стар и ранен. Он не мог свернуть достаточно быстро, чтобы избежать удара когтей Мраклинга, которые расцарапали его бок. Вид крови вызвал новый взрыв воплей из стаи холдрагов сверху. С кораблей все видели, как на фоне полной луны два гиганта сблизились. Последний дракон вдруг резко снизился, Эмсель ахнул, но дракон выровнялся, сильно хлопая крыльями, и снова взмыл, чтобы встретиться с Мраклингом. Ясведр смотрел на ожившую легенду. Пламя вокруг кораблей погасло в волнах, и несколько бочонков с маслом упали в воду во время суматохи. Если холдраги снова нападут, люди будут беззащитны.

Мраклинг ринулся вперед, зная, что не может дать дракону шанс победить. Он пронесся мимо, цепляя когтями на кончиках крыльев шею дракона, но дракон увернулся, и когти Мраклинга царапнули лишь холодный воздух.

Последний дракон знал, что это существо отличается от остальных холдрагов. Кроме цвета и размера, были еще ум, целеустремленность и решимость достичь цели. Человек был прав, эта тварь решила захватить юг!

Мраклинг развернулся, взмыл вверх и попытался пронзить дракона своими рогами. Дракон с яростным ревом резко принял в сторону и избежал удара. Он был разъярен наглостью холдрага. Он был стар, он устал, но он был драконом, одним из тех, кто веками оберегал холдрагов! Его должны были уважать. Он взмыл вслед за наглой тварью. Они не нарушат закон.

Мраклинг не ждал. Когда дракон поднимался, он резко нырнул вниз и резанул зубами раненое крыло дракона.

Дракон взвыл от боли, когда порвалась перепонка, но в тот же миг дернул хвостом вверх, к удивлению разъяренного холдрага. Затем, сложив крылья, последний дракон ринулся вниз, чтобы выиграть несколько мгновений передышки.

Мраклинг принял это за страх. С торжествующим криком, который привел в ужас людей на кораблях внизу, он погнался за противником. Но и здесь его ждал сюрприз. Старый дракон не думал сдаваться. Он поднялся, чтобы встретить врага.

Легендарные чудовища столкнулись в воздухе со звуком, подобным грому. Они яростно хлопали крыльями, поднимая внизу белые гребешки на волнах. Мраклинг прижался к дракону, пытаясь перегрызть ему горло, но дракон удерживал его на расстоянии острыми когтями и хвостом. Они падали, и глаза Мраклинга встретили взгляд дракона. В этих спокойных глазах не было паники, вместо этого он увидел решимость, которую не сломила бы сотня таких атак. Еще он увидел печаль.

В этот миг Мраклинг понял, что ничто уже, кроме его самой большой тайны, не поможет ему победить. Дракон не сдастся. Он все еще верен бессмысленным древним законам. Дракон должен погибнуть. Это он, Мраклинг, обладал силой, чтобы править в эпоху рассвета новой эры — эры холдрагов в теплых землях юга!

Мраклинг вырвался из хватки дракона, взмыл высоко над морем и завыл в экстазе от того, как тепло, которое он так долго прятал, растет в нем. Все так, как должно быть, в этом он уверен. Его огонь осветит братьям путь к новой жизни — жизни, которую они бы никогда не увидели, если бы не решились нарушить закон.

Последний дракон посмотрел вверх и увидел изогнутое тело холдрага на фоне луны. Он видел, как тварь напряглась, и услышал рев — рев дракона, не холдрага.

Только тогда последний дракон заподозрил правду, скрытую за яростью холдрага. Времени почти не оставалось. Яркий белый сноп пламени вырвался из пасти Мраклинга и понесся с ужасающей скоростью к дракону. Старый дракон резко свернул, пламя задело только кончик его крыла Мраклинг испуганно заверещал. Он промахнулся!

На кораблях люди сначала подумали, что это звезда упала с неба. Все на борту флагамена закрыли глаза от блестящего следа пламени в небе. Огонь наконец поблек, успев осветить корабль искрами белого света.

Затем океан взорвался! В момент вода покрылась слоем огня. Пламя, извергнутое Мраклингом, подожгло масло, вытекшее из бочонков, попавших в воду.

— Стоять на постах! — отдал приказ команде Ясветр. — Мы должны оставаться подальше от огня!

Эмсель смотрел, как фандорцы и симбалийцы вместе бежали по палубе. К счастью, течения отделили масло от флота и непосредственная угроза судам ушла.

Эмсель быстро посмотрел вверх, но свет и дым закрывали видимость.

— Слушай! — прошептала Керия.

Издав с верха раздавались дикие крики холдрагов. Йондалран скривился, смотря на то, как Дэйон подходит к Эмселю.

— Что это? — спросил молодой человек.

Эмсель нахмурился.

— Холдраги, — уверенно сказал он, — они рассержены или испуганы!

Когда ветер разогнал облака, Эмсель увидел темные крылья дракона на фоне луны.

Мраклинг растерянно кружился в небе. Он использовал пламя, но промахнулся. Он раскрыл свою тайну, свое главное оружие, но дракон все еще был жив! Этого не могло быть! Ему судьбой было предназначено убить дракона, это он должен был спасти холдрагов. Мраклинг знал, что теперь все потеряно. В одном яростном порыве он нарушил один из древнейших законов драконов, и ничего не вышло. Его ярость обернулась ужасом, и он увидел дракона, летящего к нему.

Ему не нужно было видеть гнев в глазах дракона, чтобы знать, чего ожидать от противника сейчас. Он использовал пламя, чтобы убить. Он не мог сделать ничего хуже. Теперь дракон рискнет жизнью, чтобы наказать его.

Мраклинг круто свернул от дракона, отчаянно хлопая крыльями в густом дыму, поднимающемся снизу. Он был ослеплен дымом. Что-то больно ударило его по хвосту. Он закричал от боли, начал падать, но успел восстановить равновесие. Ветер разорвал пелену дыма, и он снова смог видеть. Впереди, вокруг — везде были холдраги! В их глазах, горящих в дыму, как угли, он увидел растерянность и ярость. Он убедил их в том, что драконы давно погибли. Он повел их на юг. Теперь дракон вернулся, а он попытался напасть на него с огнем! Холдраги ничего не понимали, но они знали, что пока дракон жив, они будут верны ему любой ценой.

Мраклинг издал последний отчаянный вопль, он никогда в жизни не кричал так страшно. Его братья не понимали, что он сделал для них. Дюжина могучих хвостов рассекала облака, и Мраклинг почувствовал, как его крылья разрывают удары. Он падал, а его собратья кричали. Внизу он видел горящее море, готовое принять его в свои объятия. Его собственные собратья столкнули его туда. Нет, они не были его братьями. Они никогда ими не были. Он всегда был один, сам по себе.

Теперь придет конец одиночеству.

Мраклинг унес эту мысль с собой в языки огня.

Услышав крик Ясветра, все подняли головы, чтобы увидеть огромного холдрага, беспомощно падающего из облаков. Ястреб, сидящий на плече короля, закричал, когда гигант полетел вниз. На миг Мраклинг был отчетливо виден, затем он рухнул в воду. От этого удара искры огня и брызги воды разлетелись во все стороны, едва не задев корабль. Горячее масло попало на палубу, но пламя было немедленно потушено.

Команды всех кораблей смотрели, как Мраклинг ударился о поверхность воды, подняв фонтан огненных брызг, и вытянул охваченную пламенем шею. Из его горла вырвался последний крик, который поверг всех в ужас, крик, полный раскаяния. Затем огонь поглотил его. Тело холдрага ушло на дно, и горящее море сомкнулось над ним.

Фандорцы и симбалийцы стояли у поручня на борту флагмана, остолбеневшие от увиденного. Они смотрели, а корабль отдалялся все дальше и дальше от озера пламени. Они все смотрели, но Мраклинг больше не появлялся.

Высоко над кораблями последний дракон медленно кружил над холдрагами. Он гордо рычал, крылатая орда была покорна ему, они сплотились против темного существа, чьи

планы привели бы их к гибели.

Он рассказал холдрагам о смысле закона драконов, запрещающего им продвигаться на юг. Жара погубит их, это люди могут выжить там, где не могли холдраги. Холдраги заверещали от грусти, когда последний дракон рассказал им о судьбе, постигшей его племя. Он знал, что они напуганы. Холод убивал их. И все же они ничего не добились бы, напав на людей.

Последний дракон снова проревел. Он будет искать безопасный дом для них, место, где не так холодно. Он сказал им, что найдет такое место. Все возможно, если они не потеряют надежду.

С тех пор, как вернулся, он видел истинное мужество. Он не потребует меньшего от себя самого. Холдраги парили в лунном свете, внизу угасал огонь.

Последний дракон приказал им возвращаться в горы, пообещав скоро присоединиться к ним. Затем вперед вылетела Хранительница и рассказала дракону о том, как нападала на людей.

Последний дракон слушал, широкие крылья его хлопали на ветру. Он спросил у нее, почему она нападала на людей. Хранительница ответила и вернулась в темную серую массу.

Затем холдраги повернули на север, домой.

— Смотрите, — воскликнул Эмсель, — дракон возвращается!

Из дыма и облаков появился последний дракон. Кровь засохла на его шкуре там, где его задела когти Мраклинга, и заметно было, что и крылья его тоже пострадали. И все же он сел на воду так изящно, что качка почти не увеличилась.

Эмсель смотрел, как дракон снижался, с мостика флагмана, где он стоял с Керией, Ясветром, Тэмарком, Ворой и Йондалраном. Несмотря на все его заверения, многие члены команды дернулись назад при приближении дракона. По приказу Ясветра несколько храбрецов забрались на мачты, чтобы снять драконий яд с мачт. Ястреб взмыл на бизань-мачту.

Когда дракон выгнул шею перед носом корабля, Керия подумала о Жемчужине в своем мешке, по праву принадлежащей драконам. Пришла пора вернуть ее хозяину.

Далеко позади нее в тени парусов грот-мачты еще один человек сжимал в руках мешок. Это был Виллен из Северного Предела. Он перебирал пальцами радужные ракушки в своем мешке. Он теперь знал, что это холдраги убили маленькую Киа, но по-прежнему не знал почему. Еще один ребенок погиб в Фандоре. Это не могло быть совпадением. Он был уверен в этом. Возможно, дракон даст ответ на этот вопрос. Он должен был узнать.

Затем, к вящему изумлению всех, кроме Эмселя, дракон раскрыл пасть и заговорил!

— Холдраги улетели, — сказал он, — они были испуганы, и их заставили нападать. Они не вернутся.

Эмсель улыбнулся. Он рассказал Ясветру и Йондалрану о своей встрече с Эфрайоном и о том, что поручил ему старый король. Ясветр слушал внимательно, как фандорец рассказывал о холоде, сковавшем земли драконов, и как гигантский холдраг напал на него. И все же это не смягчило гнева Йондалрана.

— Почему погиб Йоган? — завопил он. — Почему холдраги убили моего сына?

Эмсель не знал. Ему самому было все еще больно думать о Йогане, несмотря на все то, что он сделал для спасения Фандоры и Симбалии от нападения холдрагов. Эмсель знал, что, возможно, это последний шанс узнать, как все было. Он шагнул вперед и начал кричать дракону, медленно и четко, как тот любил.

— Эти люди правят людьми, — сказал Эмсель, жестом показывая на старейшин и симбалийцев, стоящих за его спиной. — Они благодарны тебе за то, что ты сделал, но они задают вопрос, на который я не знаю ответа.

— Да, — проревел дракон, — есть вопрос об убийстве не рожденных малышей холдрагов.

— Малышей холдрагов? — удивленно переспросил изобретатель. — Это детей в Фандоре и Симбалии убили!

— Согласно тому, что сказала Хранительница малышей, — проворчал дракон, — их гнезда были разрушены людьми на северном побережье.

Когда дракон говорил, Виллен тихо проскользнул ближе к тем рядам, что стояли между ним и мостиком. В конце концов он оказался достаточно близко, чтобы видеть морду легендарного существа.

— Это ребенка из Северного Предела убили! — выкрикнул он. — Она ничего не разрушала! У нее в руке были только ракушки из моря!

Виллен перебросил свой мешок через поручень мостика и высыпал его содержимое к ногам Эмсея. Все смотрели, как фандорец поднял это и встряхнул в руке.

Эмсель быстро осмотрел окрашенные во все цвета радуги осколки.

— Это не ракушки, — сказал изобретатель, поднимая их так, чтобы дракон мог разглядеть.

Существо приблизилось, Йондалран вытянул шею, чтобы лучше видеть, за ним Ясвтр и Керия. За ними Виллен пробрался на мостик, залитый серебряным светом.

— Это похоже на осколки скорлупы! — продолжал Эмсель. Он спросил у дракона, прав ли он.

Дракон проревел, узнав их, и рассказал о том, что узнал от холдрагов.

— Значит, вот почему они напали на Йогана! — сказал Эмсель. — Холдраги напали на него, желая отомстить за убийство своих еще не рожденных малышей!

С огромной печалью Эмсель подумал о том, что мальчик не погиб бы, если бы не взял Крыло. В тот день Йоган стал легкой добычей для холдрага. Хранительница малышей видела разбитые яйца, узнала, что драгоценные малыши не родятся. Она напала, желая отомстить. Она убила детей в Фандоре и Симбалии в отместку за своих детей.

— Она ничего не знала о наших странах, — печально завершил Эмсель, — не знала и того, что яйца, скорее всего, были разрушены невинными детьми, когда они играли.

Изобретатель посмотрел на Виллена:

— Такое возможно?

Северянин кивнул.

— Да, есть дети, которые играют на северных берегах. Киа, может быть, нашла следы их проделок, когда бродила там одна. Она сама ни за что бы такого не сделала.

Плечи старика Йондалрана задрожали, он рыдал. Он узнал правду о трагедии слишком поздно, чтобы ее предотвратить. Дэйон и Эмсель тоже не сдержали слез. Изобретатель был уверен, что, если бы Йоган не взял в тот день Крыло, он мог бы остаться в живых.

Дракон не знал слез, но он с сочувствием посмотрел на своего маленького друга.

— Ты спас много людей, — пророкотал дракон, — моя потеря куда больше. Но мы не должны отчаиваться.

Эмсель не ответил. Он смотрел в ночь за спиной дракона. Он вдруг почувствовал, что его ноша спадает с плеч, осознал, что его путешествие завершено. Он знал, что боль уляжется не скоро. Затем вдруг усталый путешественник почувствовал, как тяжелая ладонь легла на его плечо. Эмсель повернулся и понял, что ладонь эта принадлежала Йондалрану.

— Я обвинял тебя в убийстве, — напряженно сказал старик, — но я больше не виню тебя. Ты рисковал жизнью, чтобы узнать правду.

Дэйон гордо стоял позади отца. Старику трудно далось это признание, но он его сделал. Исцеление начнется.

Ясвтр и Керия вышли вперед, чтобы поговорить с драконом.

— Возможно, не все яйца разбиты, — сказал король, — может быть, наши войска поищут на берегу?

— Холдраги откладывали яйца на вашем берегу потому, что в их землях стало слишком холодно, чтобы они могли там вылупиться. Вряд ли еще остались целые, — ворчливо ответил дракон.

— Разве не стоит посмотреть? — спросила Керия. — Вас и так мало, хотя, признаться, не так мало, как мы думали!

Дракон устало на нее посмотрел.

— Мне сейчас тяжело лететь, — сказал он, — но ты права. Я должен убедиться в том, что холдраги не ошиблись.

Последний дракон расправил израненные крылья и медленно поднялся из воды.

— Я вернусь, — проревел он, направляясь к симбалийскому берегу.

Команда смотрела, как дракон исчез в ночи.

— Если б мы только знали обо всем этом раньше, — сказал Ясветр Керии, — войны бы не было.

— Да, — кивнула Керия, — если бы мы все знали правду, дитя северян было бы живо! На побережье полно места для гнезд холдрагов!

— Да уж, — сказал Тэмарк, стоявший позади, — не было никаких причин, чтобы это все случилось. Это нам урок. Мы должны говорить друг с другом, чтобы больше никогда не произошло такого безумия.

Эмсель надеялся, что теперь так и будет. В другой раз люди двух стран будут говорить, вместо того чтобы сражаться. Мир полон чудес и загадок, он слишком прекрасен, чтобы его уничтожать. Люди должны учесть уроки войны. Это было бы лучшим знаком уважения к памяти Йогана.

Задумавшись, Эмсель поймал себя на том, что, размышляя о людях, он использует слово «мы» вместо «я». До этого все остальные всегда были «они», Эмсель никогда не думал о себе как о человеке, принадлежащем обществу. Впервые в жизни он думал о себе как о части целого, думал о себе как о фандорце. Раньше он тоже думал о людях, но ощущал себя отдельно от них. Теперь он думал, что он принадлежит не только Фандоре, он ощущал себя частью Симбалии тоже, и даже больше! Он был частью человечества. Пройдет еще время, пока он это окончательно поймет. Он хотел понять. А пока было достаточно просто ощущать в себе это новое чувство — чувство общности. Он улыбнулся. Он очень устал. Он хотел бы вернуться в свой лесной домик, чтобы отдохнуть, но домик сгорел. Ему придется найти другое место для жилья, возможно, поближе к людям.

Эмсель посмотрел на фандорцев и симбалийцев, разговаривающих друг с другом. Надежда возвращалась.

Прошло много времени, пока последний дракон вернулся. Он снова устроился на воде рядом с кораблем. В пасти он аккуратно нес одно радужное яйцо. Он положил его на мостик, и все сгрудились вокруг.

— В нем трещина, — сказал дракон, — но детеныш еще, может быть, жив.

Люди на палубе расступились, когда дракон наклонил голову над яйцом. Он выдохнул теплое желтое пламя, которое прошло по яйцу, легко играя на его боках, и исчезло. Все молча ждали.

Яйцо дрогнуло. Раздался треск, и изломанная трещина, разрастаясь, пробежала по поверхности. Затем яйцо раскололось на две половинки, а внутри сидел маленький холдраг размером не больше пони. Он моргал на свету, как соенок. Его крылья, мокрые и блестяще-серые, раскрылись, и он ими неуклюже захлопал, чтобы просушить. Затем малыш поднял голову, посмотрел на дракона и издал звук: нечто среднее между кваканьем и чириканьем.

Люди рассмеялись. Сначала сдержанно и неуверенно, почти виновато, как будто те, кто смеялся, чувствовали себя неловко, смеясь так скоро после того, как произошла такая трагедия. И все же, глядя на новорожденного холдрага, который пытался понять, как стоять на лапах, они не могли не смеяться. Это был здоровый смех, который дарил надежду. Холдраг поднял голову и посмотрел на людей с удивительно человеческим укором в глазах. Он снова захлопал крыльями, с нарастающей уверенностью и скоростью, но он еще не был готов лететь.

— Нужно отнести его к матери, — сказал дракон, — мне пора.

Керия с беспокойством взглянула вниз и вытащила из мешка Жемчужину.

— Подожди! — сказала она. — Согласно тому, что мы узнали, это принадлежит

драконам. Я хочу вернуть это тебе.

Дракон заревел при виде давно потерянной Жемчужины. Пока он ее рассматривал, сфера засветилась ярко-белым светом.

Шепот пробежал по мостику. Даже маленький холдраг поднял голову, чтобы увидеть Жемчужину. Яркий белый свет внутри камня поблек и уступил место пастельному, мягкому, как облако. Затем огромное существо, похожее на дракона, появилось внутри. Оно было изящное, у него были широкие прекрасные крылья, но оно было иное и размером больше того дракона, что смотрел на него.

— Что это? — спросил Эмсель.

Дракон молча зачарованно смотрел.

— Я не знаю, — проревел он наконец, но в его голосе была надежда.

Ясве́тр улыбнулся:

— Похоже, что Эра Драконов еще не завершена.

— В Жемчужине сокрыта память всех восьми эпох драконов, — сказала Керия, в то время как дракон пристально рассматривал тартинку в сфере. — Мы не можем знать, сколько лет этой сцене.

Дракон услышал эти слова, он уже привык к человеческой речи.

— Нет! — проревел он. — Я выучил все, что находилось в камнях, до того, как их забрали люди. Этого там не было!

Эмсель смотрел на сцену в камне. Хотя он видел немного в затянутом облаками небе, существо, находящееся там, казалось здоровым, оно быстро и ловко летело по яркому небу.

— Если он жив, — восторженно сказал Эмсель, — значит, может быть, есть и другие!

Дракон посмотрел на Эмселя, и фандорцу показалось, что на старой, морщинистой морде расцвела улыбка.

— Я должен его найти, — сказал дракон, — холдраги больше не могут жить на севере. Я буду рад путешествовать в твоей компании, Эмсель из Фандоры. У тебя быстрый ум и верное сердце.

Эмсель сначала удивился тому, что последний дракон назвал его по имени, и только потом осознал, что именно дракон сказал.

Полететь с драконом в путешествие в поисках существа из Жемчужины? Да возможно ли это? Но ему показалось, он понял, почему дракону пришла такая мысль. Последний дракон был одинок и устал, он просто не хотел отправляться в такой путь один.

Эмсель посмотрел на остальных и увидел, что Керия улыбается. Это были его друзья, хотя это слово было для него странным. Будет трудно покинуть их. Но разве он мог отказаться от такого путешествия? Ему предлагали исследовать целый мир!

Последний дракон тоже был его другом. Эмсель знал о том, как одинок старый дракон, он знал то, как тот печалится о судьбе холдрагов. Разве можно отказать другу?

— Я должен сначала вернуться в Фандору, — сказал Эмсель, — мне нужно отдохнуть.

— Как скажешь, — сказал дракон, — мой долг пока вернуть этого ребенка в обиталище холдрагов. Им нужно рассказать о наших планах. Пусть камень останется у тебя, пока я не вернусь.

Керия положила Жемчужину Дракона обратно в мешок, когда картинка внутри угасла. Затем она отдала мешок Эмселю.

— Для тебя всегда есть место в Симбалии, — сказал Ясветр, — если ты захочешь вернуться.

Эмсель широко улыбнулся:

— Я хотел бы когда-нибудь повидать ваш лес как гость, а не как пленник!

Симбалийцы на мостике рассмеялись, а Тэмарк выкрикнул:

— Да, хорошо было бы рассмотреть ваши чудеса в мирное время!

Затем на виду у всех собравшихся на мостике дракон вытащил маленького из разбитой скорлупы и полетел на север.

Эмсель смотрел на спокойную голубую воду и думал о прошедших приключениях и тех, что впереди. Он отправился в путь, чтобы найти причину смерти Йогана и чтобы остановить войну, и никогда даже не мечтал о том, чтобы побывать в дальних странах, сразиться со злой принцессой и черным крылатым чудовищем и даже подружиться с драконом. И все же с ним произошло все это, и даже больше. Эмсель улыбнулся. Он верил, всем сердцем верил в счастливые дни впереди. Ведь кто может сказать, где кончается мечта и начинается жизнь?